

ЮЛИЯ ЭФФ

Люмерийские хроники:
ТАЙНА ИРМИНСУЛЯ

Для того чтобы вымолить для своих детей сильную магию, сирра Илария совершает болезненный ритуал — молитву скорбящей простолюдинки под священным Ирминсулем, что растёт в провинции Лабасс страны под названием Люмерия (страна света).

Молитва услышана, и двое детей — 19-летний Антуан и 18-летняя Мариэль — в начале праздничных зимних недель получают дары со знамением. Но Илария не знает, что душа её дочери захвачена шархалом (виердским тёмным духом). И для того, чтобы изгнать этот дух и исполнить предопределение, Владычица выжигает часть испорченной души и вкладывает в тело Мариэль душу её сверстницы — Марии, живущей в столице другого мира.

Люмерия — мифическая страна, создана много веков назад Белой Владычицей и её последователями — первыми магами-основателями. В их числе Чёрный некромант, который помогает главной героине и не только ей осуществить волю Владычицы, план которой настолько сложен, что о нём никто не догадывается.

Исторический пролог

Странная судьба, одним она даёт то, что их страшит, а у других отнимает то, что им дорого.

«Консуэло», Жорж Санд

Большой снег в этом году пришёл слишком рано. Даже Лабасская пророчица Потинья, у которой на каждый случай было своё правильное объяснение, поначалу пришла в замешательство.

Собравшись с мыслями, а точнее, со всеми домыслами в округе, она предрекла младенцам и новобранцам этого года сильнейший дар. Лабассцы в застольных семейных беседах выражали надежду о воскрешении былой славы своей родины или, как минимум, провинции. На чудо от Белой Владычицы надеялись все: от вечного скептика герцога де Трасси до самой нищей крестьянки Лабасса, ожидающей дитя.

Спешно осмотрели магические гнёзда, в чистоте ли они. Гнёздами здесь прозвали священные места, ибо получившие дар подобны птенцам, обретшим умение летать. В Лабасской провинции было два таких гнезда: местный водопад Волчье логово и раскидистый ясень Ирминсуль. Последняя святыня носила имя своего родителя — королевского ясеня, растущего в саду светоносного короля Роланда III, да хранит его дар Белая Владычица!

По преданию, в Лабасс саженец королевского Ирминсуля был привезён лет пятьсот назад сиром Алтувием Трасси, успешно посажен и взращен. За вклад в белую магию Люмерии сир Алтувий Трасси получил от короля титул герцога, приставку «де» к имени и солидное годовое обеспечение до конца своих дней. Отстроил самый великолепный замок в округе, а также выкупил несколько прилегающих разорившихся имений рядом, чем существенно расширил площадь своего маленького королевства. И по сей день в главной зале замка де Трасси на почётном месте красуется огромный портрет сира Алтувия, сажающего стройный Ирминсуль.

Не исключено, что первый герцог де Трасси испытывал некоторую досаду, ибо кому не хочется иметь всё, когда в его руках находится многое? Ведь и водопад, и ясень не находились во владении сира Алтувия, а располагались в северной части Лабасса. Водопад территориально принадлежал графству Делоне, получившему имя от реки — Лонии. Её серебристый поток появлялся из горной расщелины, прятал собой имеющееся скале волчье логово и, напиваясь подземными водами, впадал полноценной речушкой в предгорное пресное озеро на восточной границе графства.

К слову, пещера, которую скрывал водопад Волчье Логово, и именем которой была названа святыня, некогда служила жильём для древних хранителей — серебристых волков, «аргириусов» на старо-люмерийском. Пустовала она так долго, что уже никто и не мог вспомнить, два или три века в Лабассе не видели аргириусов. На этот счёт есть своя легенда, но мы к ней вернёмся много позже.

Как мы уже сказали, вторым местом средоточия местной магии был ясень Ирминсуль, который рос вблизи леса, принадлежавшего роду де Венетт.

В своё время предусмотрительный сир Алтувий пожелал присовокупить графства де Венетт и Делоне к своему солидному пирогу, но соседи не нуждались в золоте, а даже если

бы это и было так, то продать бесценную вещь мог только глупец. Тогда, чтобы узаконить своё право на беспрепятственный проезд к святыням, сир Алтувий предложил соседям Контратат — вечный договор между семействами-соседями.

Де Венетты и Делоне мыслили здраво: Контратат не только в будущем исключал вражду, открытую, по крайней мере, но и подавал надежду на возможные браки между потомками де Трасси и чадами других семейств триумvirата. А следовательно, любой из трёх, подписывавших Контратат кровью и магией, надеялся, что, если не ему, так какому-нибудь внуку или внучке перепадёт честь объединить два дома.

Тем не менее, шли века, но ни один из потомков Алтувия не женился и не вышел замуж ни за Делоне, ни за де Венетт, хотя слуги в часы своего вечернего безделья за столом да кружкой пива порой поют песни или пересказывают непосвящённым историю несчастной любви молодого Трасси и прекрасной Делоне, которым родители не дали благословения. Впрочем, в зависимости от кухни, на которой рассказываются эти байки, жених и невеста иногда меняются: то жених был из де Венеттов, то невеста — из дома де Трасси.

За гордость ли, за лукавство ли — местная магия лишила три семейства благословения большим потомством. Если у сира Алтувия пятьсот лет назад было четыре прекрасных дочери и три сына, впоследствии крона родового дерева заметно поредела: у магов триумvirата рождалось не больше двух детей.

Таким образом, больше половины комнат во всех трёх Лабасских замках пустовала, а протапливалась и отмывалась от пыли лишь перед редким приездом большого количества гостей. Однако замок де Трасси, в отличие от своих соседей, выглядел солиднее на всех этажах, так как приёмы устраивались здесь чаще, а порой и королевская семья появлялась, чтобы отдохнуть от столичной суеты и напиться местной магией.

Итак, у нынешних именитых соседей с потомством дела обстояли следующим образом. Герцог де Трасси был благословлён двумя дочерьми: младшей Лионэль на момент начала нашей истории было не более трёх лет; старшей Люсиль, ослепительной красавице, исполнилось восемнадцать. Её основной дар порталыщицы проявил себя в столице, под королевским Ирминсулем, когда юной сирре минуло всего тринадцать лет. Это было очень рано по меркам Люмерии, ведь обычно сильная магия приходит много позже.

Надо сказать, что большинство особ королевской крови владели этим даром, поэтому де Трасси имели очевидный повод для гордости и надежды на будущее своей дочери. А пока родители ждали, когда ей исполнится девятнадцатилетие, чтобы отправить в королевскую Академию, и приехали в Лабасс, видимо, для спокойного ожидания и наблюдения за даром старшей дочери.

В семействе Делоне единственный сын Арман двадцати лет был нежно любим своим родителями. Дар у него открылся поздно, в прошлом году вскоре после завершения набора в Академию, поэтому мальчика не зачислили на обучение, а в этом году, наконец, родители планировали отправить Армана в столицу.

И, наконец, мы повернём к замку де Венеттов, где, несмотря на темноту ранних сумерек, госпожа Илария в своей спальне одевалась без привлечения к процессу чужой помощи, если не считать неумелых рук супруга, господина Рафэля де Венетта.

Оба их чада — погодок девятнадцатилетнего Антуана и восемнадцатилетнюю Мариэль — Владычица до сих пор не осчастливила аристократической магией. Отсутствие ярких магсил неописуемо беспокоило господ, так как в роду де Венеттов часто рождались лумеры (лишённые дара). Оттого пророчество Потиньи подарило надежду де Венеттам, а сегодня

был особенный день, в народе прозванный Откровением Белой Владычицы, когда можно было с наибольшей точностью узнать будущее или вымолить у хозяйки снегопада милость.

Глава 1. Обряд госпожи Иларии

Одни сказки читают, а другие в них живут.

«Неуловимый Хабба Хэн», Макс Фрай

— Дорогая, преклоняюсь перед твоей готовностью пожертвовать собой ради будущего наших детей, но всё-таки, пока есть возможность отказаться от этой авантюры... — господин де Венетт близоруко щурился на дело своих рук — слабую корсетную шнуровку на спине жены.

— Прекрати, Рафэль, мы уже это обсуждали! Мне мерзка сама мысль о том, что мы окажемся в долгу перед де Трасси. Мне не жаль отдать свой дар ради детей, но, говорят, Камила распрощалась не только с порталной магией. Иначе с чего бы эти её странности? Поэтому я не хочу обращаться де Трасси за помощью. Это будет последнее, на что я пойду. Я верю в нашего малыша Ирминсуля. Королевский, может, и способен на всё, но и наш, говорят, не хуже, — Илария набросила на плечи утеплённую накидку с капюшоном. — Поддай-ка мне мой стилет.

Господин де Венетт, вздыхая, открыл шкатулку, стоявшую на столике у зеркала, вынул из неё оружие с лезвием длиной чуть больше ладони и протянул супруге:

— Будь осторожна, милая. Когда ты им последний раз пользовалась?.. И всё-таки я отправлю кого-нибудь за тобой. Тш-тш-ш, не ругайся, через некоторое время, разумеется!

Хорошенькая сорокалетняя Илария бросила последний взгляд на своё отражение и повернулась к мужу, подставила лицо для поцелуя:

— Всё будет хорошо, милый! Я вчера разговаривала с Потиньей, ей приснился чудесный сон, в котором она видела наших пташек. Крылышки у них, говорит, до того расчудесного цвета были, что она прослезилась.

— Поменьше бы ты с этой сплетницей общалась. Дара у неё не больше, чем рыбы в Волчьем Логове...

— Ах, дорогой, молчи, пожалуйста! — госпожа Илария взмахнула рукой, гася жёлтые огоньки у зеркала, и, еле слышно шурша одеянием, выскользнула в тёмный коридор.

Было слишком рано даже для слуг. Но на всякий случай Илария шла осторожно, медленно, то и дело прислушиваясь ко звукам за дверью. Дети спали. В комнате учителя раздавался виртуозный храп, почётная глава семейства госпожа Тринилия, мать Иларии, покашливала во сне, слуги — кто ещё храпел, а кто-то начинал возиться, просыпаясь. Проходя мимо дверей просыпающихся, Илария делала лёгкие пассы рукой, навевая сон. Ментальная магия была ключевой госпожи де Венетт, чем она пользовалась советливо, но с расчётом.

Наконец она миновала все жилые помещения, проскользнула на кухню, подобрала светлые полы одежды, и вышла на хозяйственный двор. Затем — мимо загонов с животными и через минуту шагала в одиночестве и темноте по зимней хрусткой дороге, ведущей к Ирминсулю. Теперь магию нельзя было использовать: так требовал ритуал простолюдинов.

Приезжавшие к магическим гнёздам аристократы вносили свои жертвоприношения: кто-то вешал дорогие украшения на Ирминсуль, и птицы потом уносили драгоценности неизвестно куда. Кто-то горячо и слёзно молился, обещая за исполнение желания выполнить сложный обет. Все прошлые года госпожа де Венетт так и делала. Но время шло, а дар у детей не

просыпался, зато Ирминсуль охотно исполнял желания простолюдинок, бегающих сюда, начиная со дня первого снега и до тех пор, пока покров не начинал таять, показывая проплешины на земле. В чём был секрет лумерянок? Илария внезапно задумалась над этим, когда тревога одолела окончательно: соседские отпрыски давно щеголяли магией, а её несчастные и умненькие детки...

Чтобы получить ответ на свой вопрос, г-жа де Венетт тайно обратилась ещё и к лесной знахарке Изель. Через кухарку нашла проводницу и посулила обеим щедрую оплату за молчание. Изель научила Иларию, что нужно делать. Поэтому и шагала мать двоих детей решительно, хотя и вздрагивала иногда от далёких звуков и громкого хруста толстой ледяной корки под ногами.

Дошла до обозначенной тремя деревьями площадки, на которой посетители оставляли повозки, лошадей, и потом до дерева шли пешком. Протоптаные тропинки к Ирминсулю сейчас, при свете луны, видны не были, но даже если бы взошло солнце, то ничего, кроме снежной простыни, раскинувшейся до края леса, Илария бы не различила.

Снег шёл второй день, не останавливаясь, но так лениво и редкими снежинками, что больше поднимал праздничное настроение, чем покрывал землю. Сделав паузу перед самым важным этапом задуманного дела, Илария протянула руку, поймала снежинку и посмотрела на неё через свет двух небесных влюблённых — Иль и Эль. Сегодняшние хлопья были крупнее и изящнее вчерашних.

Выдохнув свой страх, она собралась сбросить с себя накидку, но позади послышался скрип ног по снегу, и госпожа резко обернулась. Промелькнула тень и спряталась за широким стволом одного из деревьев на площадке. Илария решительно пошла в ту сторону, вынув из рукава стилет и занеся его в воздух, готовая защитить себя.

На звуки её шагов тень показалась из-за дерева и молча бухнулась коленями в снег. Илария, не теряя осторожности, лезвием подцепила край капюшона, скрывающего лицо преследовательницы, и откинула его с преклонённой фигуры. Показалась женская голова с распущенными небранными длинными локонами, исчезающими под накидкой, и г-жа де Венетт узнала служанку своей дочери — Жанетту. Подняла палец, приказывая молчать, и поманила к себе. Девушка поднялась, но продолжала смиренно стоять, опустив голову.

Илария пальчиком подняла подбородок девушки и так выразительно посмотрела на неё, что та кивнула, мол, понимаю, хозяйка, сделаю всё, как скажете. Илария сняла с себя накидку и передала служанке, затем разулась. С трудом сдержала «ах», вставая босыми ногами на холодный пушистый снег. Жанетта подобрала обувь хозяйки и поклонилась.

Босая и в одной лёгкой белой рубашке с крестьянским корсетом мать двух детей медленно пошла к ясеню, оставляя позади себя служанку. Нежные ступни, не знавшие никогда ни каменистой дороги, ни ласкающих прикосновений травы, быстро поранились о подмерзшие кочки, острые льдинки и пучки когда-то нежных трав, превратившиеся в иглы. Госпожа знала, что на обратном пути, возможно, увидит свои розовые следы на белом пуху, если их не успеет скрыть снег.

И вот она перед Ирминсулем. Запорошенные снегом ветки торжественно подняты к залитому светом небу. И не видно туч, из которых сыпется на землю холодное серебро.

— О, священный Ирминсуль! — оказавшись у дерева и опустившись перед ним на колени, дрожа начала г-жа де Венетт. — Взываю к Белой Владычице с твоей помощью! Будь милостив к матери, просящей за своих детей! Не гордости и тщеславия ради, прошу разбудить дар — во исполнение воли Белой Владычицы и во славу Старших Основателей!..

Она произносила по памяти слова, данные лесной ведуньей, а затем принесла в жертву свою кровь — рассекла стилетом окоченевшую ладонь и приложила её к стволу дерева. Теперь нужно было ждать, пока дерево не подаст знак.

Через некоторое время от шершавого ствола через руку по всему телу заструилось тепло — Ирминсульт ответил. Илария заплакала — от благодарности, от холода и усталости, от страха и умиления. Прижалась к стволу, чтобы согреться, и свободной рукой сняла накинутую на шею верёвку, привязанную к деревянной кружке, как научила знахарка. Поставила рядом с собой в снег.

За спиной стало ещё холоднее. Г-жа де Венетт не видела, как поднялась позёмка и затанцевала по молочной поверхности, спиралевидно подбираясь к дереву ближе, пока не укутала белым коконом Ирминсульт. В этой метели закружили две птицы, настолько белые, что к концу снежного танца они перестали быть видны в завихрениях снежинок. И в этот миг звенящая тишина оглушила женщину. Захотелось спать, как и предупреждала ведунья.

Илария закусила потрескавшуюся губу — единственный способ, на что хватало сил, чтобы прогнать болью опасное состояние. Время не обращало внимания на борьбу женщины с усталостью и холодом, оно всё тянулось и тянулось. Где-то в воздухе позванивало невидимыми колокольчиками, словно обледеневшие пучки семян и свернувшиеся на зиму листья тёрлись друг об друга стеклянными бочками. А когда вспорхнувшие с макушки дерева птицы уронили на женщину под деревом ком снега, она поняла: всё закончилось.

Ствол больше не грел. Тогда Илария с трудом разорвала объятия с деревом, протянула руку и вытащила из-под набросанного холмика сосуд. Обмороженными пальцами с трудом надела на шею верёвку, бочок потяжелевшей крестьянской кружки холодным камнем коснулся груди. Женщина сделала шаг назад, с трудом сохраняя молчание. Слезы брызнули из глаз: мёрзлая поверхность стала злее и теперь исподтишка вонзала замёрзшие травинки в нежные ноги аристократки.

Подходя к площадке, на которой металась служанка, Илария, наконец, позволила себе тихо застонать. Жанетта, прижимавшая к себе внутреннюю часть накидки и тем самым согревавшая её, укутала хозяйку. Обмороженные ноги с трудом втиснулись в мягкие и прежде удобные ботиночки. Госпожа оперлась рукой на крепкое плечо помощницы, и так они медленно, продолжая сохранять молчание, вернулись в замок. Теперь Иларии было всё равно, заметят ли её слуги — то, чего она прежде старательно избегала. Кухарка ахнула, увидев, в каком состоянии находится госпожа, и на молчаливый кивок Жанетты так же безмолвно кивнула и бросилась к чану с водой, под которым уже весело трещали дрова.

В ожидании супруги метавшийся по комнате Рафэль выхватил Иларию из объятий служанки и потащил было к постели, чтобы согреть одеялами, но женщина оттолкнула мужа, нетвёрдо встала на ноги и повернулась к Жанетте. Та поклонилась:

— Уже можно, госпожа, говорить! Обряд закончен.

Илария вздохнула с облегчением, открыла рот, но из него раздался хрип. Женщина откашлялась и только после глотка тёплого вина смогла приказать:

— Хрустальный кубок! — а пока служанка металась по комнате, заставила огни в комнате гореть ярче.

Жанетта поднесла прозрачный кубок и помогла снять кружку, до сих пор висевшую на шее, как её обычно носят нищие для подаяния. По дороге набившийся в посуду снег немного подтаял, и в бокал потекла тонкая струйка со снеговой кашицей вперемешку.

Рафэль придумал себе занятие: пока супруга рассматривала полурастаявший снег в

бокале, снимал с её холодных ног обувь и почти неслышно ругался на женскую доверчивость ко всяким там придуманным бредням простолюдинов.

— Ты слышишь? — госпожа обратилась к служанке и поболтала кубком с белой массой. Внутри него как будто что-то глухо билось о стенки.

— О, Белая Владычица! Вас благословили, моя госпожа! — воскликнула Жанетта, поднося свои ладошки к кубку и согревая его простейшей магией. Снег в нём быстро превратился в жидкость.

На дне блестели две одинаково изогнутые, сцепленные друг с другом, нити. С разрешения госпожи Жанетта поддела их шпилькой, поднесла свечу — и все увидели, что это не ниточки вовсе, а серебряные крепления с бриллиантами — один желтоватого, другой — розоватого цвета:

— Это две серьги, мадам! И они обе мужские! Хотя...

Рафэль дрожащими руками поднёс к глазам подарок Ирминсуля:

— О, Владычица мира! Это же «Слёзы ангела»!

Женщины ахнули. Ирминсуль сделал слишком дорогой подарок! Знаменитые украшения, которые носили на проколотых мочках ушей только наследные принцы, для остальных были запрещены, если только не были подарены самим его королевским высочеством, но это случалось крайне редко, за особые заслуги перед Люмерией или королём. В Лабассе серьга с красным бриллиантом сверкала у одного человека — сира Алтувия де Трасси, и то несколько веков назад.

— Жанетта, буди скорей детей! — потрескавшимися губами приказала г-жа Илария. — И... ты знаешь, что надо делать. Не зови Нану, она будет ныть и надоеет мне. Поскорее, милая, я их не чувствую.

Сообразительная девушка мельком взглянула на неподвижные ноги хозяйки, сделала книксен и унеслась за тёплой водой и лечебной мазью.

Глава 2. Птенчики

Источником бедствий чаще всего служит беспечность.

Гай Веллей Патеркул

Через несколько минут заспанные Антуан и Мариэль стояли в родительской спальне на коленях. Госпожа Илария прочитала над детьми молитву, разделила принесённую талую воду между сыном и дочерью поровну, а когда они выпили её, торжественно вручила дары:

— Но помните, показывать их никому нельзя до определённого времени! Вам могут не поверить и даже наказать. Но придёт время, и тогда вы всем докажете, что вас благословила сама Белая Владычица. Сегодня вам нужно будет поблагодарить её. Ступайте, оденьтесь, отец отвезёт вас к гнёздам. Вспорхните, мои детки! Летите высоко-высоко и никогда не падайте!

Женщина прослезилась и поцеловала макушки детей — светлую голову Антуана и тёмную — Мариэль.

Болтливая кухарка, тётушка Гато, после того, как выпросила у Жанетты о случившемся, поделилась радостью с помощниками, и вскоре все дворовые знали счастливую новость. К счастью, про особенность подарков Жанетта благоразумно умолчала даже во время жестокой пытки вкусностями от кухарки, поэтому тайну серёжек хранили пятеро: родители де Венетты, их дети и сама Жанетта.

Наскоро накрыли на стол для первого завтрака, покормили «птенчиков», а во дворе уже стояли кони, запряжённые по этому торжественному случаю в тяжёлую крытую зимнюю повозку. Госпожа Илария в этот день до самого вечера не спускалась в людскую, отдыхая от потрясения и залечивая раны.

По дороге «птенчики» успели поругаться. Антуан заявил, что не чувствует желания ехать к Ирминсулю, а ему надо именно к Волчьему Логову.

— Дурак! Матушка сказали, что нужно ехать в лес! — закатила глаза Мариэль, прикрывая улыбку рукой в перчатке. Несколько минут назад она сама подала эту идею брату, а он и проглотил её, подумал и выдал за свою.

— Они сами мне приказали слушать своё сердце. Если нас уже благословила Белая Владычица, значит, дар у нас просыпается. Сама дура!

— Откуда у тебя дар, лумер? Ты же в дядюшку пошёл, все так говорят!

— Ах, ты, гадина! — Антуан сжал кулаки, готовый вскочить в тесной повозке и наброситься на сестру.

Отец правил за возницу лошадьми снаружи, на козлах, так было положено по народному обычаю, поэтому не слышал диалог своих детишек, бранившихся вполголоса. Ругались брат с сестрой последние два года, находя в этом удовольствие, и, будучи многократно наказанными за своё поведение, привыкли разговаривать так, чтобы родители не слышали, а в их присутствии изображая привязанность и уважение друг к другу.

— Ну и что ты сделаешь? Ударить? Давай! — Мариэль насмешливо откинулась на спинку сидения и сложила на груди руки.

Багровый от ненависти Антуан пыхтел. В какой-то момент повозка подпрыгнула на кочке, и он ударился затылком о стенку кузова. Мариэль расхохоталась.

— Знаешь, что? — прошипел брат, — я попрошу у Владычицы, чтобы она забрала тебя в подземелье! Не нужно мне никакого дара, лучше остаться на всю жизнь лумером, чем жить с такой дрянью, как ты.

Мариэль на мгновение испугалась, видя решительность во взгляде единокровного сиблинга, но быстро взяла себя в руки:

— Хорошо, братик! Желай, что хочешь. Останешься без дара — не поедешь в Академию. Никогда. И «Слеза ангела» никогда не блеснёт в твоём ухе, — она притворно вытерла платочком глаза. — А я, знаешь, что попрошу у Владычицы? Чтобы она дала тебе ума, ведь ты такой дурашка. Сколько бы тебя не учил наш учитель, ты как оттаптывал ноги, так до сих пор и оттаптываешь. Засмеют тебя на белом балу. Кули, и те ловче тебя ползают...

— Зато ты вечно спишь на других уроках!

— Ну и что? Выйду замуж за будущего короля, зачем мне эти науки, если за меня всё будут делать другие?

— Ага, пока ты будешь храпеть весь день. Ко-ро-ле-ва, ха-ха!

— Сам ты храпишь!

— Я слышал! Постой, а с чего ты взяла, что выйдешь замуж за Лоуренса?

Милая перебранка продолжалась бы, если бы повозка не остановилась. Приехали к Ирминсулю. Выйдя наружу, Антуан незамедлительно сообщил отцу о своём желании. Как ни странно, Рафэль согласился, но прежде чем успел договориться с детьми, Мариэль кротко попросила отца исполнить волю брата, мол, сама она как-нибудь помолится в одиночестве под Ирминсулем.

— Благодарю, сестричка!

Господин де Венетт если и сомневался, то недолго: уверенность и благоразумный взгляд дочери успокоили его. Дочь поцеловала отца руку и побрела к священному ясеню. Довольный Антуан залез в повозку, и вскоре мужчины были далеко.

Над головой кружились снежинки, морозный воздух несколько охладил Мариэль, взбешённую словами брата. И она попыталась выполнить наказ матушки — настроиться на «благодарность к дереву и Владычице, чтобы помолиться с чистым сердцем и открыть его для дара». Однако слова Антуана не выходили из головы. «Дрянной мальчишка!» — гневно крутила она мысль в хорошенькой и вздорной головке. Уже подойдя близко к дереву, Мариэль тряхнула завитыми локонами, вздохнула и выдохнула и, толком не освободившись от злости, быстро подошла к дереву. Присела рядом, как учила матушка, прикоснулась ладонью к морщинистой коре и начала мысленно молиться:

— Благодарю тебя, Белая Владычица! Благодарю тебя, священный Ирминсуль за благословение! Принимаю твой дар с чистой душой и благодарным сердцем. Обещаю использовать дар во имя белой магии и Старших Основателей...

Проговорив все запомнившиеся слова и не чувствуя тепла, который по обещанию матушки должен был исходить от ствола дерева, оглянулась на дорогу — там усиливавшийся снег успел замести следы родительской кареты. От скуки захотелось спать, ведь прислуга сегодня слишком рано разбудила Мариэль.

Под развесистую крону ясеня, каким-то чудом удерживающего сухие листья на ветках, снег не попадал, и Мариэль решила подождать здесь, в конце концов, до Волчьего Логова рукой подать, Антуан не будет там вечно изображать из себя пуританина, он настолько глуп, что и двух слов связать не может...

Девушка присела, подоткнув меховую накидку под себя, и, зевая, прижалась к стволу. Нужные молитва и благодарность были высказаны, так что мысли потекли в привычном русле. Мариэль размечталась о том, как было бы хорошо, если бы её дар получился не хуже, чем у Люсиль. Они бы втроем — Мариэль, Люсиль и Арман — поступили бы в Академию и быстро выделились бы среди новобранцев. Арман, влюблённый в Люсиль, почти два года скрывал свой дар, чтобы уехать вместе с ней и попасть на один курс. Скрывал, пока однажды не попался с поличным. Как ему удалось так долго продержаться, Мариэль представить себе не могла. Она бы сразу выдала себя. Да и плевать на всех, если бы законы позволяли, уехала бы отсюда до совершеннолетия. Подальше от этой глуши, скукоты и глупого братца, отравившего ей восемнадцать лет, и поближе к Лоуренсу. Тот хоть и пройдоха, а умный и, самое главное, принц с порталным даром. Пока Люсиль щёлкала клювом, Мариэль увела у неё такую кандидатуру!

Что-то случилось с Мариэль два года назад. Она будто переосмыслила свою недолгую жизнь. Нет, она не выросла легкомысленной барышней, не имеющей представления о тяжёлом труде, но последние два года на уроках часто зевала и оживлялась только во время обучения танцам. Представления о доброте также исказились, хотя идеальный пример в лице матери всегда был рядом. Лицемерие вдруг стало сопутствующей чертой: добиваться желаемого через ложь и притворство оказалось легче, нежели честным путём. А привыкнув думать скверно, даже под священным деревом она не могла изменить свою новую природу и сидела, мысленно ругая всех и вся и мечтая о том, как бы она с удивительным даром поквиталась со всеми своими обидчиками за мелкие, и не очень, шутки. Первой была бы Люсиль. Потом братец... А вот Арман... Армана бы Мариэль пожалела, он хороший...

Отец не ехал. Несмотря на морозец, в меховой накидке было тепло. Мариэль пригрелась возле ствола и прикрыла глаза: «Я только на минуточку...» Стало так хорошо, так спокойно. Словно она находилась у себя в комнате с потрескивающим камином, а за окном завывала метель.

— Как хорошо, когда никто не тревожит и знаешь, что не надо идти на уроки; что служанка принесёт тебе в комнату завтрак... Можно до бесконечности мечтать и быть избавленной от ужасного общества глупого братца, морали матери, внушающей добродетели... Всё это ерунда, которую надо потерпеть... Однажды к ней подойдёт король и, очарованный красотой и изяществом Мариэль, упадёт перед ней на колени... Надо только захотеть, и всё получится...

Улыбнувшись во сне своим мечтам, она окончательно уснула. А вокруг дерева разыгралась настоящая вьюга в оформлении крупных снежинок. Ветер срывал листья с Ирминсуля, разбрасывал их по земле и тут же покрывал крупными хлопьями.

Мариэль уснула, а тем временем к площадке для паломников подъехала чужая повозка. Кучер, пожилой мужчина, спрыгнул с козел, отряхнул снег с шапки и воротника, помог выйти даме. Вслед за ней появился молодой человек.

— Не вовремя мы выехали! — сказала с досадой женщина, прикрывая лицо ладонью от снежных порывов. — Неужели Большой Снег придёт сегодня?

— Матушка, взгляните, там кто-то сидит под деревом, — молодой человек согнул руку в локте, предлагая женщине ухватиться за него.

— И в самом деле! Как это неловко — молиться рядом с другим человеком. Но всё-таки давай завершим начатое: сегодня особенный день. Хочу, чтобы у тебя всё было хорошо, мой мальчик. Идём же! Будем надеяться, что этот человек уйдёт сразу, как только мы окажемся

рядом.

Они пошли вперёд, увязая в наметаемых сугробах. На половине пути молодой человек, продолжавший с любопытством разглядывать сквозь снежную пелену неподвижную фигуру под деревом, удивлённо воскликнул:

— Мама, это же Мариэль! И мне кажется, она спит!

— О, Белая Владычица! Уснуть под Ирминсулем! Только Мариэль могла осмелиться на такое. Надеюсь, у неё чистые помыслы. Скорее, Арман, нужно разбудить её! Как же так получилось, что её оставили здесь одну?!

Пара была не кто иная, как госпожа Элоиза Делоне и её сын Арман, приехавшие совершить благодарственный обряд. У водопада Волчьего Логова они уже побывали и, уезжая, помахали рукой сменившим их де Венеттам. Перекинуться словечком не получилось, поэтому сирра Элоиза не знала, что Мариэль была оставлена здесь.

Девушка не проснулась, когда её потрясли за плечо. Тогда Арман поднял её на руки и понёс к карете. Ни о какой молитве Делоне уже и не помышляли. К тому же метель разыгралась не на шутку, сугробы росли на глазах. Недолго думая, Делоне приказали слуге ехать к де Венеттам, ибо туда было ближе, чем до родного замка.

Г-жа Элоиза неодобрительно качала головой, рассматривая спящую и пытаясь её привести в чувство. Даже внезапная встряска кареты, наехавшей на снежный бурун, не вырвала Мариэль из зачарованного сна.

— Я пойду вперёд, матушка, помогу! — Арман запахнул плащ и ловко выскочил из кареты, не дожидаясь, пока слуга опустит ступеньку. — Вернер, что там?

Возницу, названному Вернером, летевший в лицо снег запорошил всего. Мужчина, привстав на козлах, бил храпевших лошадей, которые нервничали из-за непогоды. Арман подошёл к ним, схватил за шлею одной рукой, а второй взмахнул перед собой. Снег перед повозкой взметнулся, разлетаясь в стороны и показывая еле заметные куски мощёной дороги. Затем пришлось выставить магический щит, чтобы закрыть себя и лошадей от бьющего по глазам снега. Так, медленно, шаг за шагом, повозка вернулась на дорогу. Но молодой человек не залез в карету, а до ворот замка де Венеттов расчищал перед повозкой снег, помогая Вернеру.

Глава 3. Персональный рай

Когда я потерял сознание, я увидел снег, падающий с неба там, где я родился. Это так нежно и... беспощадно...

Тейто Кляйн, аниме «Седьмой Дух»

Спалось на удивление отлично — и во всём теле разлилась непривычная лёгкость. А вот в этом что-то было не так.

Мария пошевелила ногой, и та послушно скользнула под одеялом. Мягкая ткань погладила ногу, покрывая мурашками удовольствия.

«Мама купила новое постельное!» — улыбнулась мысленно девушка, не открывая глаз, чтобы не вспугнуть ощущения; по очереди стала водить по простыне то руками, то ногами, наслаждаясь приятными прикосновениями. Неужели случилось чудо, и во время сна спазмы ослабли? Маша без усилия собрала в пальцы складку на ткани, отпустила и засунула руку под подушку, под которой всегда было прохладнее. Пальцы вдруг нащупали какой-то твёрдый предмет, у которого была удлинённая ручка, как у ножа, и...

— Ай! — резкая боль полоснула по указательному пальцу. Глаза сами собой открылись, но понадобилось некоторое время, чтобы понять, где она находится.

Минута, другая, — а узнавание не приходило. Где-то справа слышалось потрескивание; далеко бубнили приглушённые голоса. Всё, что увидели глаза: огромное окно с очень странной рамой, за ней — белое непрозрачное окно, красивые бордовые занавески, очень широкие, не такие, как дома, перехваченные посередине золотистыми шнурками с кисточками на конце.

Маша повернула голову, желая рассмотреть продолжение комнаты, и удивилась ещё больше. Не те обои на стенах, незнакомая красивая картина с девушкой на стене напротив, изящные кресла, как в кино, дверь, большая, массивная, с двумя створками; дальше слева от неё — огромное зеркало до самого пола, ещё дверцы, наверное, шкаф; столик, заставленный бутылочками, непонятными предметами... И кресло слева, придвинутое близко к кровати, на которой лежала Маша. В кресле спала женщина в невероятно красивом пышном платье. Маша долго смотрела на незнакомку, пока не затекла шея, и только подумала об этом — тело легко само повернулось.

«Какой странный сон! — удивилась Мария. Ей часто снились сны, похожие на реальность, но впервые не только виделось в нём всё отчётливо, но и чувствовалось. — Пусть снится подольше!» И всё было в нём интересно: комната, неподвижная женщина у кровати и то, что укололо под подушкой. Девушка поднесла руку к глазам: пальцы ровные, не скрюченные, с хорошенькими ноготками. На указательном замерла капля крови, девушка облизнула палец, чувствуя пощипывание.

«Ничего себе у кого-то шуточки!» — смирившись со странностями сна, она села прямо на кровати, и улыбка расплзлась по лицу от радости свободного движения. Приподняла подушку — там прятался небольшой кинжал. Она знала, как называется эта вещь: в исторических фильмах герои часто сражались им, только этот был о-очень маленький... Взяла за рукоять необычное оружие и восхитилась рисунком из тонких линий.

Осторожно, чтобы не разбудить женщину, соскользнула на другую сторону широкой кровати, и ноги погрузились в меховой коврик. Ровные ножки, не худые, как две сосиски, коленки такие кругленькие... Славный сон! Она поводила ногами по ласковому меху, не

удержалась — наклонилась и потрогала руками. На ощупь — как шёрстка Короля, любимца Маши. В этом сне так не хватало его нежного мяу! Его котейшество каждое утро приходил будить хозяйку, тёрся мордочкой о её руку, приветствовал и поднимал настроение.

Справа треснуло, и Маша повернулась на звук. Недалеко от кровати горел камин, согревавший комнату и бросавший задумчивые жёлтые блики на стену, потолок и часть окна.

А возле коврика кто-то оставил чудесные мягкие туфельки, и Мария сунула в них послушные ноги. По пути к окну не удержалась — полюбовалась на кресла с изогнутыми поручнями и ножками, потрогала занавески с вышивкой, провела ладонью по деревянной раме. Сколько в неё кусочков стекла вставлено? Принялась считать — больше шестидесяти! Сами стёкла покрыл иней, настоящий — холодный, с узорами.

«Не просыпайся, пожалуйста, только не просыпайся!» — сказала себе девушка идохнула на один из украшенных морозом прямоугольник. Снежные кристаллы потемнели, превращаясь в воду, Маша дышала на них, пока прямоугольник не стал прозрачным. В него поместился только один глаз и нос, и девушка припала к окну, зажмурив второй глаз, чтобы лучше рассмотреть наружную картину.

Оказывается, комната находилась очень высоко над землёй, потому что стоявшие внизу люди виделись маленькими. Один вёл на поводу лошадь.

Ах, в детстве Маша несколько раз каталась на лошади! Точнее, это был маленький очень лохматый и послушный пони. Знакомый мамы посадил девочку на лошадку и шёл рядом, придерживая, чтобы Маша не упала. А девочка от счастья издавала всхлипы, слыша которые умный пони кивал головой, будто разделял радость необычной наездницы...

Женщина в чепце и длинном пышном платье несла корзину к воротам. Маша перевела на них взгляд. Боже, какие огромные ворота, а какой огромный каменный забор! Маша присела, чтобы сместить фокус и увидеть больше. На улице шёл снег. Крупные снежинки пролетали мимо Машиного глаза и мешали рассматривать...

Неопределённая чёрная фигура в длинном плаще до земли и широким капюшоном на голове неподвижно замерла возле ворот, сложив руки на животе и опустив голову, будто монах в молитве. Что-то необычное было в этом человеке, Маша прищурила глаз, вглядываясь в притягивающий к себе силуэт, полы плаща которого легко трепетали от ветерка. И вдруг *этот* почувствовал на себе Машин взгляд, поднял голову вместе с капюшоном, показывая... Да ничего не было — ни лица, ни светлого пятна, которое можно было бы принять за лицо! Затем это существо подняло одну руку и протянуло её в Машину сторону, приветствуя, наверное. И ни руки, ни пальцев не было видно за широким длинным рукавом. Это было так пугающе, что девушка отпрянула от размороженного стекла.

Внезапно в голове будто выключатель повернули — и Маша выпрямилась, уставилась на завитую веточку из инея. Перед мысленным взором мелькнуло:

Белый сугроб на дорожке стремительно приближается к ней, вывалившейся с балкона... Хлёсткий удар ветками...

Боль разрывает тело...

Рывок — и разум выбрасывает в пространство, заполненное ровным белым светом.

Тело прострелил болезненный фантом воспоминания. Неужели?..

Она подняла руку к лицу и внимательно рассмотрела, потрогала лицо, отросшие волосы. Сколько же она спала? Неужели она выжила после падения с балкона, а мама продала квартиру, чтобы оплатить эту клинику? Бедная мамочка!

Или всё-таки сон?

Правая рука продолжала сжимать рукоять игрушечного кинжала, Маша зажмурилась и уколола лезвием ладонь. Ахнула: боль чувствовалась взаправду, а из ранки моментально побежала кровь. Не сон.

Так что же случилось? Наверное, Машу спасли, положили в какую-то чудо-клинику, сделали операцию, и после неё спалось так долго, что волосы отросли до пояса, тело выпрямилось... А если и мама изменилась до неузнаваемости за столько лет? Мамочка, сколько же ты выстрадала из-за меня!

Маша бросилась к женщине, закашлявшейся во сне, села перед ней на кровать и погладила руку, примявшую на коленях страницы раскрытой книги. А внутренний скептический голос прокомментировал: «Очнись, какая это тебе клиника?!» Интуиция тревожно ворочалась, скрипела, но выводы пока не могла сделать.

От прикосновения женщина проснулась, не сразу она пошевелилась, вздохнула устало, потёрла рукой лицо и потом открыла глаза:

— Мариэль! Доченька! — пушистые ресницы вспорхнули, а незнакомые карие глаза заблестели, — ты пришла в себя!

— Мама? — полувопросительно произнесла Маша, эта женщина вовсе не была похожа на самого дорогого в мире человека.

Вместо ответа женщина отбросила книгу и притянула к себе девушку, прижала с силой и заплакала:

— О, Мариэль, как мы испугались! Зачем же ты уснула под Ирминсулем? Прости меня, прости! Это я виновата! Я забыла тебе напомнить! — дочь молчала, приобняв мать и уставившись в стену напротив. И женщина отодвинула Машу от себя, пристально взглянула на неё. — Расскажи мне обо всём, что тебе приснилось!

— Приснилось? — эхом повторила Маша и задумалась, не зная, что сказать. Если происходящее не сон, тогда должны остаться воспоминания, хотя бы об этой комнате и женщине, а их не было.

В памяти ясно виделась жизнь, в которой всё, что Маша Вендиктова умела сделать, — это своими скрюченными пальцами кое-как включить телевизор, залезть в инвалидное кресло и сползти с него. Бесконечные дни в одиночестве, слёзы матери, усталые глаза, скорбная складка возле губ и косые взгляды прохожих. Для сна слишком реально и слишком детально...

— Ах, милая, давай-ка я тебя покормлю! За три дня, которые ты спала, стала совсем худенькой и бледной. Как же дар проснётся в таком слабом теле? — женщина заставила Машу вернуться на кровать, заботливо поправила одеяло и дёрнула за шнурок, висящий в изголовье. Не прошло и минуты, прибежала молодая девушка, симпатичная брюнетка и тоже назвала Машу другим именем — Мариэль. Затем брюнетка принесла столик на коротких ножках, уставленный тарелками, и женщина, периодически легко покашливая, как если бы была простужена, начала кормить Машу, уговаривая выпить бульон с мелкими кусочками мяса, заесть очень вкусным салатом. А запивать всё это пришлось тёплым напитком, островатым настолько, что защипало язык и горло.

— Пей, милая! Набирайся сил. Поспи ещё немного, а когда проснёшься, мы поговорим...

От выпитого закружилась вся комната, руки и ноги стали ватные, непослушные. «Наверное, я просыпаюсь», — вяло подумала Маша, опускаясь с помощью женщины на

подушку и закрывая глаза. Почему-то захотелось тёплого сладкого молока, каким мама поила иногда перед сном. С этой мыслью она провалилась то ли в сон, то ли в очередное пробуждение ото сна.

В голове кинолентой крутились вперемешку воспоминания — киношные с реальными. То Маша бродила по замку, то мама катила её, сидящую в инвалидном кресле, по улице, мимо моста над рекой; то Маша танцевала с каким-то бородатым мужчиной, и он учил её движениям, то разыгравшийся кот по кличке Король игриво кусал её подставленные костяшки пальцев, а мама потом ругалась, обрабатывая йодом ранки...

Ощущение пробуждения возникло, как обычно, сначала в голове, затем тело само непроизвольно пошевелилось, и нежная простыня напомнила уже знакомое удовольствие от прикосновений к ткани.

В этот раз рядом с кроватью, в том же кресле, сидела хорошенькая девушка, которая приносила еду в прошлый раз. Она вышивала, сосредоточенно втыкая иглу в белую ткань, натянутую на пальцы.

— Благостного дня, госпожа, как вы себя чувствуете?

— В туалет хочу, — пробормотала Маша, смущаясь.

Девушка отложила вышивку, помогла вылезти из-под одеяла, даже тапочки подсунула под ноги и, поддерживая под локоть Машу, повела куда-то в угол, где обнаружили ещё одни двери. За ними спряталась небольшая комнатка с бочкой посередине, наверное, для купания, столом, заставленным разными тазами, кувшинами; а к стене была придвинуто нечто, похожее на трон, это и оказалось «унитазом». Помощница открыла крышку, усадила Машу и отошла немного в сторону, сложила руки на переднике.

— Выйди, пожалуйста, я сама, — попросила Маша, краснея.

Девушка подняла удивлённо бровь, но перечить не стала, поклонилась и вышла.

Не могло это быть сном, никак не могло! И всё же от нереальности происходящего закружилась голова. Когда Маша вернулась в спальню, там, где в прошлый раз стояла батарея из бутылочек, красовался знакомый столик-поднос с тарелками и бокалом и чаша.

— Прошу вас! — девушка пододвинула кресло, и едва Маша села, подвину ближе чашу с водой. Заметив непонимающий взгляд, терпеливо напомнила: — Ручки протяните, госпожа!

Протянутые пальцы девушка вымыла, как будто это было привычным делом для неё, вытерла мягкой тканью, затем убрала чашу и придвинула столик с едой. Маша благоразумно молчала, наблюдая все эти странности, и понадеялась, что вопрос, который она задаст, покажется естественным:

— Что со мной случилось?

Девушка улыбнулась, показывая ямочки на щеках:

— Вы уснули под Ирминсулем, госпожа. И спали целых три дня, пока вас не отпустила Владычица.

— А до этого? — Маша позволила вложить себе в руки инструменты, похожие на чайную ложку и вилку с двумя зубцами.

— А до этого Владычица вас благословила.

— Чем благословила?

— Этого пока мы не знаем, госпожа Мариэль. Как только вы окрепнете, вы пройдёте испытание... Кушайте, госпожа! Всё, как вы любите.

Маша осторожно ковырнула ложкой желтоватую массу, внешне напоминающую кашу, отправила в рот. В самом деле, что-то очень было похоже на сладкую тыкву с рисом, или

нет, не рисом... Съела несколько ложек и расхотелось. Попробовала второе блюдо, выложенное на маленькую тарелочку. Это напоминало баклажановую икру, поковырялась в ней, вкус был тоже так себе. В бокал сегодня — ура! — налили сладковатую водичку, а не ту огненную жидкость, от которой она провалилась в сон, как будто и не спала до этого трое суток. Взяла толстый белый чипс в форме загнутого лепестка, он оказался солоноватым, но всё-таки понравился больше, чем остальная еда.

— Пресвятая Владычица!

Возглас удивления заставил посмотреть на помощницу. Та с округлившимися глазами взирала на Машу.

— Что такое, дурёха? — как-то само собой вырвалось из Маши, и она испугалась: обидеть кого-либо меньше всего хотелось.

Но помощница просияла, будто услышала приятное, нерешительно спросила разрешения и, получив его, взяла один чипс, вложила в него немного «баклажановой икры», сверху — «кашу» и протянула на вилке. В таком сочетании показалось изумительно. На одобрительное мычание Маши девушка довольно хлопнула в ладоши. И всё же, прожевав, Маша решилась спросить:

— Со мной что-то случилось? Почему я ничего не помню? Вернее, помню, но то, что я помню, такое странное...

Девушка ахнула и присела на кресло рядом:

— И как много вы не помните, госпожа?

— Почти всё, — Маша взяла второй чипс, собираясь нафаршировать его. — Если ты что-то знаешь, расскажи, пожалуйста.

— О, Владычица! Не знаю, что и... — девушка задумалась на мгновение, а потом затарахтела: — Все испугались, когда не смогли вас разбудить. Госпожа Илария так винила себя, бедненькая, что не забыла вам напомнить об опасности! Ведь все знают, что нельзя спать под Ирминсулем!..

— Почему? И что такое Ирмисуль?

— О-о-о! — в глазах собеседницы появился ужас. — Как вы могли такое забыть? Ирминсуль — наше гнездо, а вы — наш птенчик.

Маша чуть не подавилась. Она и без того чувствовала себя странно, а дикие картины, которые начали ей рисоваться, например, она сидит в огромном птичьем гнезде и открывает рот, просит червяка. Это запросто могло свести с ума:

— Какой «птенчик»?

— Матьерь мира! Вы всё забыли! Наверняка Владычица вас забрала в подземелье! Хоть и вернула, конечно, но выглядите вы так себе, — девушка покачала озадаченно головой.

Маша отложила вилку и взяла в руки стакан, выпила разом всю воду.

— Знаешь, если ты про ад, то я там действительно была.

Девушка снова ахнула, испуганно прикрыв рот рукой и выпучив глаза.

— Но я всё равно до сих пор не понимаю, это я или не я? Что происходит? — Маша попробовала отодвинуть от себя доску со столиком, чтобы встать. Собеседница угадала желание и молниеносно освободила из заточения, помогла встать с кресла. — Я даже имени твоего не помню.

— О! Я Жанетта, госпожа Мариэль, служу вам второй год! — девушка сделала книксен.

— Имя своё помню, но не совсем так, как вы называете, — Маша растерянно осмотрела комнату, увидела зеркало и медленно сделала шаг к нему, — и боюсь, что не узнаю себя...

— Я позову мадам Иларию! — та, что назвалась Жанеттой, испуганно пятилась к двери.

— Стоять! — Маша вскинула в сторону служанки палец и снова поразилась непривычному жесту.

Всё, что пугало Машу, почему-то действовало на Жанетту обратным образом. Она не обиделась на грубое слово, а наоборот, заулыбалась, снова проворно сделав книксен и ожидая указаний.

Маша перевела взгляд на зеркало — и невольно охнула, хотя и была готова к этому повороту событий: там была не она — незнакомая девушка в белом платье до пола. Она была похожа на ту красивую женщину, что назвала Машу своей дочерью, однако это не ободряло.

«Мне это кажется! — подумала Маша и зажмурилась: сейчас она досчитает до десяти и проснётся. — Мама, мамочка, прости меня за то, что я сделала! Я хотела, чтобы ты, наконец, стала счастливой, и освободилась от груза. Поверь, мне тоже было несладко, это не жизнь... То была не жизнь...»

Явственно вспомнилось, как она, Маша, решилась. В тот день мама ушла в магазин за йогуртом, который забыла купить. На самом деле, наверняка, просто денег не хватило. Мамулечка сама йогурт не ела, экономя, как обычно, чтобы дочери с больным желудком больше доставалось полезной еды. Маша осталась одна, телевизор в зале был включён, шло интересное кино. Но, как только повернулся ключ в замочной скважине, Маша сползла с кресла.

Добралась до двери на балкон, заставив Его котейшество, до этого мирно спавшего на диванчике, изумлённо таращиться зелёными глазищами. Уцепилась за подоконник и ухватилась за ручку, с трудом повернула её. Перевалилась через порог и, цепляясь всеми кривыми паучьими конечностями, дотянулась до рамы, которую мама оставила открытой, чтобы продукты на балконе не пропали.

Раньше Маша никогда бы не смогла такого сделать, а сегодня словно помогало что-то, подтолкнуло снизу — и вот она перевесилась, висит вниз головой с балкона восьмого этажа. Внизу нерасчищенный от снега тротуар, заставленный кое-где машинами, людей почти нет. «Только бы не зацепиться за берёзу!» — подумалось невольно: дерево росло в палисаднике под соседним балконом.

«Мамочка, я люблю тебя, прости за всё! Так будет лучше для всех!» — Маша неловко оттолкнулась ногами от табуретки, уронив её, скользнула по раме, больно обдирая живот и колени о выступ — и полетела вниз...

Неужели тот ужас ей приснился? Она медленно открыла глаза — в зеркале стояла её мать, та, которая ухаживала за Машей-инвалидом, в белом платье.

Жанетта взвизгнула, Маша сама испугалась происходящего, но служанка запрыгала радостным зайцем:

— У вас дар, моя госпожа! Он проснулся! Ах, какой редкий дар!

В зеркале образ усталой мамы таял, вернулась Мариэль — милая девушка с распущенными длинными волосами и испуганным взглядом.

— Какой дар, Жанетта?! Что происходит?! Прекрати визжать, объясни! — сказала и одёрнула себя: откуда в ней, Маше, эта грубость и уверенность?

Служанка успокоилась и замерла, светясь от радости, словно это она получила какой-то там дар:

— О, госпожа, дар трансформации очень редкий! И, — служанка понизила голос, — не все метаморфы признаются в этом. Сами понимаете, всегда найдётся кто-то, кто захочет вас

использовать не так, как вам это понравится. Я позову госпожу Иларию, извините, она...

— Стоять! — повторила Маша, усвоив, что с Жанеттой строгий голос работает лучше всего. — Пока ты мне всё не объяснишь... Должна же я вспомнить... Я тебя... не отпускаю. Вот!

— Но слугам запрещено говорить с хозяевами о таких вещах прежде их родителей! — Жанетта по привычке снова прикрыла ладошкой рот.

— Значит, ты будешь единственная, кому это позволено. Садись! — Маша похлопала по кровати, служанка колебалась, тогда Маша рука притянула за юбку и усадила рядом. — И не юли, пожалуйста.

— Ох, госпожа Мариэль!

— Начнём с Ирминсуля. Название кажется мне знакомым, но...

Говорили они долго, и периодически у Маши возникало желание записать услышанное в тетрадку, ибо от этой информации кружилась голова. Что-то казалось знакомым, но, как ни пыталась Маша за ниточку потянуть и размотать весь клубок воспоминаний, толку не было.

Повисла пауза: Маша не знала, о чём спрашивать, а Жанетта — рассказывать.

— Ладно, иди к матушке, я подожду, — вздохнула Мария.

— Желаете одеться, госпожа?

— А я не одета? Ну да, ночнушка, наверное...

Жанетта выпучила глаза, услышав незнакомое слово, и унеслась к резным дверцам возле зеркала:

— Какое платье желаете выбрать, госпожа?

— Мне всё равно, давай любое, — Маша легла навзничь на кровать. Пока спала, всё было проще. Может, притвориться больной, чтобы собраться с мыслями?

Но Жанетта уже несла цветной ворох, положила его на кровать рядом и взяла одно из платьев:

— Желаете это примерить? Или это? Или...

Маша ткнула пальцем в голубое, этот цвет ей нравился всегда, и позволила себя облачить, поняв в процессе, что самой в этих завязках, рюшах не разобраться с первого раза. А затем Жанетта уложила волосы задумчивой хозяйке, не переставая болтать за двоих. Наконец с утренним туалетом было покончено, и служанка попросила разрешения удалиться за госпожой Иларией.

— Минутку, Жанетта! Хочу тебя кое о чём попросить, — Маша задумчиво смотрела на веселую девушку; получив смущённый ответ, взяла служанку за руку, чем озадачила ещё больше. — Пообещай мне, пожалуйста, не рассказывать всем подряд обо мне и моих способностях. Только с моего разрешения, ладно?

— О, разумеется, моя госпожа! — Жанетта закивала, но её глаза подозрительно блестели.

Маша пересмотрела слишком много сериалов, в которых болтливые слуги поворачивали сюжет своими сплетнями в худшую сторону, поэтому почувствовала себя ощутимо нехорошо от перспективы стать героиней подобного кино. Даже голова закружилась на пару секунд. Девушка подняла руку и вытянула указательный палец (Что за привычка у этого тела?!):

— Дай мне слово, Жанетта!

— Клянусь, госпожа, — уже более серьёзно пообещала служанка.

И никто из них двоих сразу не понял, что случилось: протянутая ладонь Мариэль вдруг

засветилась, от неё отделилось мерцающее прозрачное облачко и, коснувшись губ Жанетты, растаяло. Служанка ахнула, придя в себя, и бухнулась на колени:

— О, госпожа! Ваш второй дар... он необыкновенный! Он... простите меня, если что-то не так сказала!

Маше с трудом удалось успокоить Жанетту:

— Я сама ещё не поняла, что во мне такое. Будь спокойна, я не желаю зла никому, — что-то в полуопущенном взгляде Жанетты промелькнуло, намекающее на сомнение, и Маша обиделась почему-то. — Иди уже за ма... госпожой... Подожди-ка, ещё одна просьба есть.

— О, конечно, госпожа Мариэль!

— С сегодняшнего дня не надо меня сопровождать в туалет и мыть мне руки. Теперь я буду делать это сама.

Кое-как отделавшись от потрясённой служанки, решившей, что её заслуги обесцениваются, Маша, наконец, осталась наедине со своими мыслями, походила по комнате и остановилась у окна. Инея на стеклах справа было чуть меньше, потому что недавно подбрасывали дрова в камин. Девушка рассеянно подышала на несколько стеклянных прямоугольников, расчищая их от ледяного налёта.

Возможно, происходящее было персональным раем, вознаграждением за те годы страданий, которые она перенесла. Своеобразным раем. Ведь в этой жизни, реальной или нет, тело слушалось, ничего не болело, кроме души, и даже, кажется, финансовых проблем не предвиделось, ибо какие же проблемы у тех, за кого всё делают слуги?

В *том* кошмаре мама помыла полы в подъезде мыла, чтобы заработать лишнюю копейку, как она говорила. Но, если умершие могут смотреть из рая на своих близких, оставшихся в земном аду, то почему *здесь* вокруг дочери крутится целый мир, а нет даже малюсенького окошка, чтобы заглянуть к *той* маме?

Она машинально посмотрела в расчищенный кусок окна и вздрогнула: у ворот по-прежнему еле заметно покачивалась неподвижная чёрная фигура, похожая на привидение. Оно снова непостижимым образом поняло, что на него смотрят, подняло голову, простёрло обе руки. «Помоги мне, о многоликая!» — донеслось. Или это Маше придумалось в голове?

Она отшатнулась от окна. Если это и был её персональный рай, то странностей в нём хватало. Как говорила мама, не бывает бочки мёда без ложки дёгтя.

Глава 4. Новые родственники и друзья

Мы знаем, что мы есть, но не знаем, чем мы можем быть.

У. Шекспир, «Гамлет», акт IV, сцена 5

Прикрывшись занавеской, она наблюдала за неподвижной фигурой внизу и происходящим во дворе, и так увлеклась, что вздрогнула от тихого стука двери. В проём просунулась светлая голова, осмотрелась. Не спрашивая разрешения, в комнате появился хозяин любопытной головы, высокий стройный и симпатичный голубоглазый молодой человек.

— Так-так, сестричка-истеричка! Проснулась? — самодовольно произнёс он в ответ на изумлённый молчаливый взгляд Мариэль. — Ну, и каково там, в подземелье у Владычицы? Поведает историю?

— Антуан? — спросила девушка, садясь в кресло, стоявшее дальше всего от окна. Из рассказа Жанетты она запомнила имена родственников, живущих в замке. Про скверный характер брата, к сожалению, помощница не успела рассказать, как и про особенности взаимоотношений между единоутробными сиблингами.

— Да, это по-прежнему я, в здравом уме и ясной памяти, — гость прошёлся по комнате, заглянул в расчищенное окошко наружу, и как будто не заметил там ничего особенного. Небрежно примостился на софу рядом с окном и вытянул ноги. — Ну, рассказывай...

Маша молчала, хотя где-то внутри поднималась непривычная волна ярости, и тихий внутренний голос требовал дать отмашку этому нахалу, сделать что-нибудь эдакое, чтобы выбить его из кресла и распластаться на ковре...

— Нечего рассказывать, — пересилив необъяснимый гнев, тихо сказала Маша. От внутренней борьбы тошнота подкатила к горлу. Что же это такое происходило с ней?

Антуан насмешливо подался вперёд:

— Как это «нечего»? А про подземелье Владычицы? Тебя наказали за то, что ты маленькая дрянь? Поджаривали на сковородке или заставляли вычищать навоз в конюшнях? А может, о боги, тебя пороли? Подозреваю, три дня ты была очень занята...

Лицо от брошенных оскорблений, кажется, вспыхнуло, и Маша резко поднялась, сжала кулаки: сердце горело жадной мести. Наверное, у неё был угрожающий вид, потому что юноша сразу подобрался, готовый так же подскочить и отвести удар. И вдруг в окно что-то стукнуло, за плёнкой инея метнулся силуэт небольшой птицы.

Маша вздохнула, чувствуя облегчение: она отвлеклась, и внезапно стало легче, тошнота ушла, а жар утих. Захотелось пить. Под насмешливым взглядом Антуана она подошла к столику и протянула руку к кувшину с водой. Но тот отодвинулся в сторону, жидкость тяжело всколыхнулась. Маша попыталась ухватить кувшин за ручку — и он опять убежал. Юноша издал довольный смешок.

— Твоих рук дело? — не оборачиваясь и успевая схватить кувшин, спросила Маша и налила в кубок воды.

— Как?! Это всё, что ты можешь сказать, сестричка?! — Антуан наслаждался превосходством. — Ты бы видела, как я снимал оружие в кабинете отца одной силой мысли! Если хочешь знать, батюшка уже отправил заявку в Академию. И там было только моё имя.

Вода была допита, пришлось обернуться к собеседнику.

— А теперь передвинь себя из моей комнаты, пожалуйста. Надеюсь, этот дар у тебя есть? — тихо, заставляя себя не произносить оскорбления, которые вертелись на языке, попросила Маша.

Антуан притворно жалобно вздохнул, смерил сестру долгим взглядом с головы до ног и поднялся:

— Так и знал, что ты окажешься лумером! Ладно, уйду, раз ты такая милая сегодня, сестрёнка. Но не проси меня, больше ничего не покажу, — перед дверью остановился и обернулся. — Владычица всё-таки исполнила то моё желание, не находишь? На целых три дня свободы от тебя! Ты себе не представляешь, как это было прекрасно — не видеть тебя и не слышать твоего противного голоса.

«Пор-р-рву-у-у!» — взревело внутреннее эго да так отчётливо, что Маша вздрогнула и пошатнулась, схватилась за угол столика. На лице юноши промелькнул испуг, однако на место этого выражения быстро вернулась снисходительная усмешка, и незванный гость вышел.

— Да что со мной такое? — в отчаянии повторила в сотый раз Маша, и слёзы брызнули из её глаз. Трясущимися руками она снова налила себе воды, и мелкими глотками выпила половину, а остальную вылила на ладонь и смочила лицо, шею. Так делала мама в прошлой жизни, когда Маша долго не могла унять плач.

Где-то за дверью заговорили двое. Судя по знакомым интонациям, один голос принадлежал Антуану, застигнутому возле комнаты сестры, а второй, женский, — матери Мариэль. «Хоть бы он не вернулся!» — подумала Маша: внутренний зверь, просыпающийся в присутствии брата-засранца, напугал ещё больше, чем то привидение у ворот.

Опасения оказались напрасными, в комнату вошла Илария в сопровождении Жанетты. Тяжело перешагнув порог и сделав несколько шагов, будто у неё болели ноги, женщина остановилась. Её глаза наполнились слезами, а руки медленно поднялись, призывая к объятиям:

— О, Мариэль, деточка моя! Ты в добром здравии! — простуженным голосом воскликнула женщина.

Это было так трогательно, что Маша охотно обняла женщину, и слёзы предательски снова брызнули, будто заговорённые — от одного воспоминания о матери из прошлой жизни и её заботе. Глядя на плачущих мать и дочь, даже Жанетта захлюпала носом и тихонечко высморкалась в платочек.

— В гостиной нас ждёт твой отец и твои друзья. Но прежде, чем мы спустимся, нам нужно поговорить, милая. Сколько я ни спрашивала Жанетту, она только головой крутит, — Илария грозно посмотрела на покрасневшую служанку, а потом за руку повела дочь к софе у окна. — Присядем, милая. Готова ли ты рассказать обо всём или хочешь отложить разговор?

Маша неопределённо пожала плечами, стараясь не смотреть в окно, чтобы не наткнуться взглядом на привидение, и сосредоточилась на госпоже Иларии и её вопросе.

Как можно обмануть женщину, беззаветно любящую своё дитя и рискнувшую собственной жизнью ради дара Мариэль? Словоохотливая Жанетта настолько ярко описала страдания мёрзнувшей под снегом госпожи, что у Маши ноги похолодели от сочувствия. Кстати, о ногах. Матушка села, рассеянно забыв поправить платье, из-под которого хорошо были видны ступни, обмотанные шерстяной тканью, в больших туфлях-калошах.

— Я хорошо себя чувствую. А как ваши ноги, матушка? — Маша положила ладонь поверх шершавых пальцев неестественно розового цвета.

— О, доктор сказал, что я быстро иду на поправку, спасибо, милая. Расскажи мне, что тебе снилось? Должна ли я что-то знать?

Маша мельком взглянула на служанку, застывшую у двери, как солдат у Кремля:

— Не знаю, стоит ли об этом рассказывать всем...

— Продолжай, милая, мы решим это после твоего рассказа, и будь уверена, против твоего согласия никто, — женщина грозно посмотрела на Жанетту, — повторяю, никто не будет болтать налево и направо!

Маша вздохнула. Знать бы ещё, о чём стоило, а о чём — нет, рассказывать.

— Мне кажется, будто я прожила другую жизнь, а теперь у меня новая, — осторожно начала она. Собеседница поддерживающее кивнула, мол, всё хорошо, продолжай. — Я жила очень-очень долго в другом мире, и мне там было плохо. Невыносимо... А потом я проснулась здесь...

Понадеявшись, что этого хватит, Маша остановилась. Теперь задумчиво вздохнула добрая женщина, она слегка пожала пальцы дочери:

— Милая, моя вина в этом, я не напомнила тебе, и теперь буду вечно корить себя за то, что ты уснула под Ирминсулем. Простишь ли ты меня?

Маша распахнула глаза. По словам Жанетты, это правило знали все в Люмерии, от мала до велика. И тот факт, что девушка позволила себе не просто задержаться под деревом, а уснуть, было следствием её личной глупости и ответственности. Такой вывод напрашивался сам собой. Искреннее сожаление матери, если разобраться, пострадавшей физически больше, чем неразумная Мариэль, напоминало виноватый взгляд *той* матери, когда она не могла что-либо купить для дочери. И Маша наклонилась, поцеловала шершавую руку:

— Вы не виноваты, матушка, и давайте больше не будем об этом!

— О, милая! — глаза женщины снова заблестели. — Хорошо. Желает ли ты ещё что-то рассказать?

Маша помедлила, смущённо взглянула на Жанетту:

— После того сна... Он длился так долго... кажется, я прожила в нём восемнадцать лет... что я не помню некоторых моментов из этой жизни. Спасибо Жанетте, она немного мне помогла ... вспомнить.

Г-жа де Венетт обернулась на служанку:

— Ах, вот оно что! Могла бы мне сказать об этом, Жанетта. В этом нет ничего удивительного: люди, которые засыпали возле гнёзд, часто теряли память. Потом она к ним возвращалась. Так говорят. Теперь я вижу, что эти слухи истинны. Не переживай, милая, ты всё вспомнишь! И тебе помогут твои друзья, я уверена. Тоже мне тайны!

Она снова грозно взглянула на покрывшуюся пятнами девушку у двери. И ласково обратилась к дочери:

— Ну, а в остальном, милая, чувствуешь ли ты дар Владычицы? — Жанетта закашлялась, и женщина нахмурилась. — Поди прочь, Жанетта, выпей воды! Своей таинственностью ты меня сегодня раздражаешь!

«Скажи, скажи ей!» — зашептал внутренний голос. Желание похвастаться, рассказать о странных событиях, случившихся здесь всего полчаса назад, распирало. Маша успела успокоиться и забыть ощущение, в котором как будто внутри находилась другая сущность, иначе чувствующая и мыслящая. И вот оно, вернулось... Илария заметила испуганное выражение лица дочери и догадалась, что от неё всё-таки утаивают новость:

— Жанетта, задержись! Мариэль, милая, не надо от меня скрывать, ведь твой дар — это

очень важно. От него зависит твоя судьба и судьба нашего рода.

Служанка тем временем стояла с измученным видом, кашель унять получилось, а вот желание ответить на вопрос госпожи никуда не ушло.

— Матушка, — Маша вздохнула с трудом: один голос даже не вопил — истерично требовал. А второй, более разумный, просил успокоиться или, хотя бы, не рассказывать всего. И она решила рассказать половину правды, чтобы успокоить невидимую истеричку и порадовать госпожу, так много пожертвовавшую ради магических способностей дочери. — Недавно случилось кое-что очень странное. Мы разговаривали с Жанеттой, и я сказала ей, что не помню ничего...

— Продолжай, милая, не бойся!

— А потом я попросила Жанетту никому не рассказывать об этом. От моей руки как бы свет полился и коснулся Жанетты, её губ. И она поэтому ничего не может рассказать...

Матушка некоторое время молча переводила взгляд с дочери, сидевшей понуро, на служанку, во взгляде которой проступило некоторое облегчение.

— Так и есть, госпожа, — не выдержала Жанетта. — Госпожа Мариэль наложила на меня печать молчания! Но об этом-то я могу говорить! Госпожа Мариэль просила молчать о...

Кашель сдавил горло девушке, и Маша не выдержала, сама налила той воды.

— Ты — моё дитя и продолжение нашего рода! — Илария с особой радостью и блестящими глазами поманила к себе Мариэль для объятий. — Мы можем сказать об этом отцу. Белая Владычица слышала наши молитвы. Твой дар перешёл по наследству, и это главное. А про его особенности мы узнаем обязательно. Если он такой же, как когда-то был у меня, то лучшего учителя и не будет. Я горжусь тобой, милая, обними меня!

Когда эмоции поутихли, внимательно оглядела Машу, заправила выбившийся тонкий локон в причёску:

— Пойдём, милая! Не будем заставлять ждать тех, кто готов порадоваться твоим успехам и молился о твоём выздоровлении!

Поднимаясь и помогая подняться г-же Иларии, Маша, забылась, невольно взглянула в окно. Знакомая фигура находилась на своём посту и только начала задирать голову, как Маша отвернулась: «Бред какой-то!»

Гостиная располагалась на том этаже, что и комната Мариэль, в пяти минутах ходьбы по выбеленному затемнённом коридору. Бра висели по обеим его сторонам через каждые три-четыре метра друг от друга и давали слабый свет, колеблющийся от движения воздуха, чему причиной было шествие троих женщин: г-жи Иларии, Мариэль и Жанетты.

Отдельный объект для любопытства представляла лепнина под потолком в коридоре и над лестничным пролётом. Тупик самого коридора терялся где-то далеко в полутьме и намекал: здание огромное. Это не могло не вызвать трепета и восторга перед громадой стен, но всё, что Мария успела рассмотреть в коридоре, отошло на задний план, едва она переступила порог гостиной.

Деревянные, выкрашенные в белый и покрытые позолоченными узорами высокие створки дверей не открылись торжественно, как это делалось в исторических фильмах, а уже были распахнуты. И слуги по бокам не стояли. Тем не менее, это показалось Маше побудничному милым. Таинство коридора сменила радость бытия: стены зала были затянуты в нежно-голубой гобелен, а огромное витражное окно напротив входа давало освещение. В

гостиной имелись по обеим сторонам двери: левые вели в огромную залу, используемую во время больших приёмов и балов, а правые — в комнату отдыха для дам.

Стёкла здесь также покрывала снежная наледь, как и окно в спальне Мариэль, но это не мешало свету ровно рассеиваться по всей комнате, исключая углы. Комната отапливалась, судя по всему, двумя каминами, чьего тепла не хватало для объёма гостиной, поэтому температура здесь ощущалась заметно прохладней по сравнению с коридором и спальней. И стало понятно, зачем Жанетта перед выходом из комнаты накинула Маше на плечи мягкую шаль кремового цвета.

От восторга перед интерьером отвлекли находящиеся в зале четверо людей. Трое из них, мужчины, поднялись с кресел, едва женщины вошли. Жанетта осталась у двери, рядом с невозмутимым престарелым слугой, запоминающегося своим обезображенным лицом, но в целом выглядевшего как достойный мужчина, просто обиженный судьбой. Он показался интересным Мари, и она мысленно сделала пометку — как-нибудь расспросить о нём у Жанетты.

Илария взяла дочь под руку и повела к гостям. Немного неудобно было идти в широкой юбке рядом с матушкой, но, очевидно, её больные ноги требовали поддержки, и Маша чувствовала давление на свою руку. Илария дошла до первого пустого кресла и грузно опустилась в него.

Из всех четверых присутствующих мужчин Маше знаком был один Антуан, старательно прячущий усмешку в присутствии посторонних. Рядом с ним улыбался полноватый мужчина лет сорока-сорока пяти, такой же светловолосый и голубоглазый; внешнее сходство этих двоих подсказало — это отец Мариэль и Антуана. Он первым шагнул навстречу и расцеловал дочь в щёки, обдав ароматами одеколона и той огненной жидкости, которую Машу заставили выпить после первого пробуждения в замке.

— Ну, милая, с возвращением! — смешливо сказал г-н Рафэль де Венетт, не отпуская от себя Машу и продолжая удерживать её за талию своей мягкой ладонью, а потом сделал знак кому-то, находящемуся за спинами вошедших. — Принеси-ка, дражайший, бутылочку пуаре, да выбери постарше! И закуску не забудь! Праздничный ужин в честь благословения наших птенчиков будет несколько позже, ибо пулли привезли час назад. А пока мы найдём тему для беседы, не так ли, дочь моя?

Добившись смущённого кивка Маши, Рафэль наконец позволил ей есть и вскоре охотно руководил слугами, принесшими бокалы, бутылку и мелкую закуску. Сразу было понятно, кто здесь любит вкусно покушать.

Вторым незнакомцем оказался юноша, темноволосый, сероглазый, высокий и статный. «Невозможно красивый!» — вспомнила она мамину фразу об одном певце и почувствовала, что почему-то начинает краснеть. Машу он поприветствовал кивком головы, внимательным взглядом и спокойной улыбкой. Но не подошёл, чтобы поцеловать руку. «Фильмы эти ваши — полная выдумка и ерунда!» — ворчливо прокомментировал её недоумение внутренний голос, да так явно, что Маша вздрогнула: она успела забыть об этом «суфлере».

Но самым примечательным персонажем среди четвёрки определённо была она — золотоволосая красавица, сверстница Антуана, Маши и... Армана. Точно! Теперь Маша сообразила, кто перед ней — её спаситель, молодой Делоне, и ослепительная Люсиль де Трасси.

Последняя оправдывала эпитет, данный ей Жанеттой! В длинные локоны цвета золотящейся на солнце пшеницы были вплетены нити с мелкими блестящими камнями

похожего цвета, что создавало эффект драгоценного блеска на ухоженных гладких волосах. Лицо девушки также было идеально: светлая и немного золотистая кожа без единого изъяна, аккуратный носик, пышные ресницы, окаймляющие васильковые глаза, розовые губки с красивым изгибом. Привлекательную внешность выгодно подчёркивало платье, глядя на ткань которого становилось понятно: очень, очень и очень дорого — тонкой работы вышивка шла почти по всей поверхности ткани. Наброшенная на плечи девушки белоснежная меховая накидка небрежно или по рассеянности открыла шею, на которой висел ожерелье, напоминающее венки из мелких весенних цветов.

Маша залюбовалась красавицей, пока шла к ней на приглашающий жест присесть рядом. Как вдруг противный внутренний голос завопил: «Не верь ей, она — настоящая дрянь, дря-а-ань... Высокомерная, заносчивая и хвастливая! И дар её купили, насильно впихнули! А посмотри, как разоделась! В гости она заехала, как же! Дря-а-ань, дря-а-ань!» От воплей в голове Маша остановилась и схватилась за голову: это «радио» как-то можно выключить вообще? Оно уже не просто пугало — приводило в отчаяние.

— Что с тобой, Мари? — искренне испугалась Люсиль, вскакивая и протягивая руку к белой ажурной перчатке.

— Спасибо, всё хорошо, голова немного болит, — Маша виновато улыбнулась на устремившихся к ней отца и Армана, наверное, решивших, что она собралась падать в обморок: — Скорее всего, я проспала слишком долго.

Люсиль усадила подругу рядом с собой, не подозревая об истинной причине отчаянного взгляда и дергающейся щеки: «радио» в голове Мариэль тархтело возбуждившимся попугаем и так преуспело в наборе гадостей, что даже Антуан на фоне этого голоса показался милым и вежливым собеседником.

— Фух, не пугай нас! Мы и так все переволновались за тебя. Мы узнали, что с тобой всё в порядке, и пришли сказать, что мои родители приглашают тебя и Антуана завтра к нам домой на обед...

«Кры-ы-ыс-сы! Придумали предлог, чтобы узнать все секреты!» — ругнулось «радио», и Маша поморщилась в очередной раз, потёрла лоб. Если бы подзатыльник самой себе помог бы выбить этот голос, она с удовольствием сделала бы это даже в присутствии собравшихся в зале. Но исход возможного эксперимента был не точен, посему приходилось терпеть. Терпеть и морщиться. А ведь пока шла сюда, так хорошо себя чувствовала...

Когда слуги принесли бутылку с пуаре, Арман протянул Маше хрустальный кубок с янтарной жидкостью:

— Выпей, может, станет легче.

Она глотнула терпкого напитка, и «радио» действительно заткнулось. Глотнула ещё, чувствуя тёплую волну, текущую по горлу в желудок. А потом закружилась голова, и Маша догадалась, что опьянела. Мама на совершеннолетие позволила ей попробовать немного шампанского, кстати, по вкусу напоминающего пуаре, разве только этот напиток был без пузырьков и гораздо вкуснее.

Люсиль что-то говорила, смотря на Машу, но звуки размывались и словно не доходили.

— ...Мари! Ты очень странная после Ирминсуля! — с удивлением констатировала Люсиль, снова коснувшись безвольной руки подруги, и звуковая преграда рухнула, как дамба на водохранилище, позволяя остальным звукам ворваться в уши.

Антуан смеялся над шуточками отца, юноше добродушно вторил сам автор. Илария улыбалась, пряча в глазах боль и сдерживая кашель короткими глотками пуаре. Арман тоже

вежливо улыбался, хотя глаза его оставались серьёзными: он не сводил с девушек внимательного взгляда.

«Ишь как братец выпендривается перед Люсиль! — напомнил о себе Голос. Захотелось резко встать и уйти, чтобы поплакать от бессилия. — Ладно, ладно! Помолчу недолго. Но ты всё равно не доверяй этой дряни!»

С этой минуты на удивление стало легче, больше мысленный Суфлёр не лез с комментариями, и Маша не только расслабилась, но и стала получать удовольствие от беседы. Присутствующие, так показалось, избегали самого интересного вопроса о даре Мариэль, щадя её чувства из-за болезненного состояния девушки, но когда она разулыбалась на очередную шутку отца, напряжение спало.

— Ну да ладно, Анчи, с тобой всё понятно! — Люсиль мило улыбнулась молодому человеку, и тот радостно покраснел. — Рада за тебя и вас, сир и сирра де Венетт, не сомневалась, что Владычица вознаградила всех вас за терпение. Но ты, Мари, так таинственно молчишь... Мы все в нетерпении. Чем удивишь нас?

Люсиль улыбалась нежно и прелестно, без намёка на подвох, и Маша, как мужчины, не могла отвести глаз от собеседницы. Покашливание Жанетты у двери привело в чувство. Илария обернулась и жестом отправила служанку вон из комнаты.

— Ну, я... не знаю ещё пока, что это за дар, — Маша вопросительно посмотрела на матушку, ища поддержки.

— Дар Мариэль требует некоторого исследования, — поддержала дочь Илария и кивнула мужу, отчего он просиял и выдохнул с облегчением. Стало понятно, что никто пока не был в курсе умения Мариэль накладывать печать молчания.

Маша перевела взгляд с Антуана, оскорблённый взгляд которого исследовал паркетный рисунок на спокойного Армана и нетерпеливую Люсиль:

— Простите, но я, правда, не понимаю, как его назвать.

Златовласка разочарованно откинулась на спинку и вздохнула:

— Умеешь ты протянуть интригу... Надеюсь, завтра всё прояснится.

— Я тоже... Люсиль... надеюсь, — синхронно со вторым вздохом подруги вздохнула Маша.

Гости посидели ещё немного, а как только слуга доложил о готовности ужина, златовласка поднялась:

— Благодарю вас, сир и сирра де Венетт, за гостеприимство, но мои родители ждут меня к ужину, и мне бы не хотелось испортить аппетит. Матушка беспокоится, когда я не ем в её присутствии.

За Армана, по-видимому, дома никто не боялся, так как он промолчал. Тем не менее, они пошли к выходу одновременно. А когда оба находились в дверях, Люсиль коснулась руки молодого человека, и сразу стало понятно: они дружат. Что-то шевельнулось в душе Маши, и она содрогнулась, с ужасом решив, что «радио» опять начнёт свою «передачу».

Пока она думала об этом, Люсиль очертила рукой прямоугольник — контур дверного проёма, и перед ними дверной проём затянула переливающаяся мыльными разводами плёнка. В неё сначала шагнул Арман, за ним — Люсиль, и мерцающее марево растворилось.

Глава 5. Голос и тараканы

*И вдоволь будет странствий и скитаний,
Страна Любви — великая страна!
И с рыцарей своих для испытаний
Все строже станет спрашивать она.
Потребует разлук и расстояний,
Лишит покоя, отдыха и сна...
В. Высоцкий, «Баллада о любви»*

— Вот это я понимаю, — мечтательно вздохнул Антуан: — Порталы строить — дар, о котором можно только мечтать...

— Хватит, милый! Мы уже говорили на эту тему, — с долей раздражения ответила матушка, но тут же извинилась улыбкой: — смирение и принятие своего дара поможет раскрыть его максимально...

— А зависть и высокомерие — разрушит, — отчеканил молодой человек очевидную цитату. — Если бы это было так, то Дилан стал бы лумером...

— Прекрати!

Под аккомпанемент лёгкой словесной перепалки Антуана с родителями семья переместилась в столовую. Ногами, не через портал. То ли здесь не умели создавать порталы, то ли у де Венеттов была собственная экономная философия на счёт магии. Маша молчала всё время, стараясь на все вопросительные взгляды родителей улыбаться и кивать, мол, всё хорошо. Она в самом деле устала, но спать не хотелось — было желание выйти на свежий воздух, чтобы проветрить себя, свою голову, заражённую Суфлёром, и просто понять, что происходящее — сон, от которого, скорее всего, она больше не проснётся.

Не догадалась отказаться от обеда, сослаться на плохое самочувствие или тот факт, что недавно принесённый Жанеттой перекус ещё не переварился. А стоило: случившееся за столом ничем иным, как катастрофой, нельзя было назвать.

Маша отдалась событийному течению, не удивляясь особо и не думая о будущем, потому что она не знала этот новый мир. Он, безусловно, ей нравился, но для того, чтобы устанавливать свои правила в нём, нужно было обладать если не решимостью, то уверенностью в себе. Этого у неё не имелось, вернее, причиной являлся внутренний Голос, становившийся наглее и постоянно напоминавший о себе.

Причём Маша невольно обратила внимание, что в отсутствие Люсиль главным раздражителем являлся брат Мариэль. Бесили его слова, любые; мимика, использовавшаяся таким образом, что родители ничего не видели или не понимали намёков, предназначалась Мариэль, и Суфлёр буквально выходил из себя. Язык у Голоса развязался вскоре после марсалы, напитка, который Маша узнала сразу. Это им потчевали её, чтобы погрузить в здоровый сон и нагнать аппетит, только тогда марсала была горячей.

Рафэль, лично плеснувший детям по полкубка в честь совершеннолетия, торжественно настоял на знакомстве с «этим достойным королей напитком». Дождался, пока «птенчики» сделают глоток, и потом хохотал над их реакцией: Антуан закашлялся и сказал, что у него горит всё нутро, а Маша, едва узнала запах, сделала вид, что пригубила напиток, но её

жалкая попытка избежать опьянения не удалась. Братец и отец с весёлым возмущением настояли на осушении хотя бы половины от налитого. Вместо того чтобы встать на сторону дочери, матушка поддержала мужчин:

— Милая, выпей, это поможет тебе расслабиться и открыть дар.

И Мария сделала под одобрительные мужские возгласы один и второй глоток. Огонь побежал по горлу, спустился в желудок, и сердце заколотилось как бешенное.

«Ты пос-с-смотри на этого актёриш-шку, притворяется, что первый раз попробовал! — воспользовавшись тем, что Маша задумалась, Голос зашипел. — А сам тайком в погреб лазит! Из-за него слугу уволили: отец решил, что тот пьёт вино от королевских виноградников! Ах-ха-ха-а!»

От внезапного хохота в голове Маша схватилась за салфетку и прижала к губам: резко подкатила тошнота. Это движение рассмешило брата ещё больше.

— Моя сестричка стала такой слабенькой! — иронично сказал он, глядя на визави, прикрывшую глаза, — проснётся ли в ней дар — я уже не уверен...

— Антуан! — грозно одёрнула его Илария.

«Ах, ты глупая найла! — молниеносно отреагировал голос, заставив Машу покачнуться. — Я тебе сейчас покажу, дрянной мальчишка!.. Да открой ты глаза, дурёха!»

Последняя фраза, Маша догадалась, относилась к ней. И девушка испуганно уставилась на весёлых родственников.

«Подними руку, подними, я сказала! — Суфлёр бесновался, — ладонь поверни к этой твари! Подними, я сказала!.. Слушайся меня, не поднимешь — я устрою тебе весёлую ночь!»

Маша сопротивлялась недолго — подняла руку и зажмурилась, примерно представляя, что сейчас произойдёт. «Глаза открой! Чего зажмурилась, дурёха?» — голосу было плевать на брызнувшие слёзы из глаз и мысленные призывы успокоиться.

— Ты хочешь что-то сказать... милая сестричка? — копируя интонацию матери, Антуан обратился к Мариэль, заметив, как поднимается вверх дрожащая рука над столовыми приборами.

«Получай, дрянь! — выпалил голос, и в ту же секунду Машина ладонь вспыхнула, посылая огненный шар в сторону не готового к такому повороту Антуана. — Ах-ха-ха! Вот тебе дар, братец. Скажи ему это, скажи! Повтори мои слова вслух!..»

Голосу было плевать на трагизм происходящего: Антуан вопил, объятый огнём, и хватило мгновения, пока присутствующие пребывали в замешательстве, чтобы начали тлеть его волосы, одежда. Секунда — матушка махнула рукой, — и на Антуана обрушилась жидкость из кувшина, который вылетел из рук прислуживавшей за ужином девушки.

Голос заливался смехом, и от этого Машу всё-таки стошнило. Пока родственники и прислуга хлопотали возле пострадавшего Антуана и боялись посмотреть в её сторону, она вскочила и бросилась вон из столовой. Голос продолжал звенеть, признав свою власть над слабозвольным телом, и оттого забылось, где выход, как вернуться в спальню. Не успела: её вывернуло на лестнице. И только тогда Голос успокоился.

Заколотила дрожь. Силы, необходимые, чтобы встать и добраться до постели, покинули девушку. Она так и сидела, прижавшись к холодным резным перилам, рыдая от бессилия на равнодушное дерево, пока не подошла матушка с кем-то. Машу взяли на руки, отнесли в спальню, там протёрли лицо, расшнуровали платье и уложили. Помощники удалились, и матушка прилегла на кровать, обняла рукой и начала говорить что-то ласковое. Маша разревелась:

— Я не хочу здесь быть... Пусть лучше я останусь инвалидом или вообще умру... Не могу больше... Она меня убивает...

Матушка плакала вместе с Машей, потом поила горьким отваром трав. Дочь пила послушно и снова рыдала, пока трава или усталость не подействовали — уснула с надеждой умереть или вернуться в прежнюю жизнь.

Среди ночи она проснулась. Лежала некоторое время, настороженно ловя звуки и пытаясь понять, где находится. Сначала показался шум машин за окном и жужжание поднимающегося лифта, но и это исчезло. Навалилась абсолютная тишина, если не считать чьего-то дыхания вперемешку с лёгким похрапыванием рядом.

«Ладно... Извини, так и быть, — шёпотом сказал проснувшийся Суфлёр, когда Маша рассматривала тёмный матушкин силуэт на кровати. — Ты должна привыкнуть ко мне: теперь мы вместе, и ты это знаешь. Да не трясись ты, дурёха!»

Маша осторожно отодвинулась от спящей женщины и поползла к краю кровати.

«Ты куда?» — спросил голос.

«Иди к чёрту!» — мысленно пожелала Маша, хотя её знобило не на шутку.

«Хи-хи, а ты — смешная. Нельзя уйти из твоей головы!»

«Ничего, выброшусь из окна второй раз!» — решимость сделать что-нибудь крепла. Маша нащупала в полутьме знакомую обувь у кровати.

«Да подожди ты, выгоды своей не понимаешь! Вместе мы будем сильнее, чем Люсиль, Арман и мой сволочной братец вместе взятые. Ты метаморф, я — маг с огненным даром. Перед нами откроются все двери, у наших ног будут все короли, и мы будем выбирать из них, как выбирают холопов для службы: только самого красивого и богатого!»

«Холопов тоже выбирают самых красивых и богатых? Извини, но я не хотела оказаться в твоём теле, я просто хотела умереть», — Маша присела перед камином с едва тлеющими головешками. Рядом у стены находилась стопка поленьев, Маша положила на угли три шпучки. Огонь с любопытством потянулся к предложенной еде. Совсем как Кальцифер из любимого мультфильма. И вдруг рука сама по себе дрогнула и отправила на дрова струйку огня, тот мгновенно охватил дерево, и отблески жадного пламени заплясали на стене рядом.

«Смешная ты, дурёха! Видишь, как удобно. И это ещё не всё. Хочешь покажу, что ещё умею?»

Маша не хотела, но тело само поднялось и подошло к тёмному окну. Ночью иней сливался с чернотой улицы, скрывая свой нежный белый свет. Взмах руки — и от стекла повалил пар, очищая кристаллический налёт. «Нравится магия?» — насмешливо спросил Голос.

Маша невольно взглянула в образовавшуюся черноту. Внизу по периметру замка горели факелы. И один огонёк почему-то находился посередине, выхватывая часть знакомой фигуры. Или показалось? Огонёк дрогнул по траектории вверх и вниз, приветствуя.

«Конечно, показалось! — уверенно заявил подслушивающий мысли Голос. — Ладно, ложись спать. Завтра будет сложный день. Папенька пригласит преvizора, и нас, вернее, тебя будут испытывать. Поэтому нам надо кое-что обсудить».

Мысленный диалог двух «я» оборвал сухой кашель, а за ним — тихий стон. Илария пыталась перевернуться на другой бок.

Маша подошла к женщине, прислушалась к её свистящему дыханию, потрогала лоб — он был в испарине.

«Заболела?» — неуверенно спросил Голос.

«Да. Нужно позвать доктора. Как это сделать?»

«М-м-м, а это не заразно?... Дерни за шнурок... Да вон он, на головой!»

Маша дёрнула за шнурок, который должен был по идее вызвать Жанетту. Дёрнула ещё раз. Как понять, сработало или нет? Ни звука колокольчика, например, ни другого...

«Эта бездельница наверняка дрыхнет после стаканчика пуаре, которое стащили кухаркины помощники», — объяснил тишину Голос.

«Когда человек ночью спит — это нормально, — раздражённо подумала Маша. — И без всяких стаканчиков. Потому что люди весь день крутятся, пока ты тут наряжаешься и болтаешь с гостями ни о чём».

Голос захихикал: «Ого-го, а ты можешь ответить, если надо! Ничего, думаю, мы с тобой подружимся. Расскажи что-нибудь, пока Жанни ползёт».

Рассказывать самой себе «что-нибудь»... Это ж надо с ума сойти... Хорошо, что голос был один, а не двадцать три штуки, как в «Сплите». Пока диалог напоминал Голлума с его безумным собеседником, требующим то украсть, то убить. Стоило подумать о персонаже из когда-то любимого «Властелина колец», как ниточка памяти потянула за собой другое воспоминание, но Маша оборвала мысль, чтобы не выводить из себя Голос. Однако тот успел заинтересоваться: «Кто такой этот Голлум и почему ты не хочешь мне о нём рассказывать?»

«Это хоббит, человек... который был хорошим... пока его не соблазнило волшебство. Он постоянно думал об одном предмете, пока не сошёл с ума», — уклончиво объяснила Маша, подходя к двери.

«И что не так с твоим Голлумом? Ах да, он сошёл с ума! Не хочешь ли ты сказать, что я безумна?»

А кто же ещё? Истерить за обедом, бросить в брата файербол...

«Что-что бросить? Ты про бейлар? Ах-ха-ха!...»

Маша сжала зубы. Любовь к «Властелину» оборвалась двадцать второго декабря, неделю назад. Мама повезла её на прогулку в центр города, приодевшегося в сверкающие гирлянды к Новому году. Чтобы не увязнуть в сугробах, вызвали такси, а в центре снег расчистили, и можно было беспрепятственно скользить колёсами инвалидной коляски по мостовой, почти как на санках. Люди в основном равнодушно проходили мимо, изредка кто-то косился, но Маша привыкла к этим взглядам: она давно приняла своё уродство — не смирилась, но приняла.

Сначала они подъехали к площади, на которой дед Мороз и Снегурочка проводили весёлые конкурсы для детей. Постояли там, получили подарок, Маша хоть и взрослая девушка была, всё равно почувствовала себя счастливой. Планировали заехать в «Макдональдс», немного погреться и выпить горячий шоколад, но у дверей заведения мама почему-то остановилась и сказала, что, кажется, забыла дома выключить утюг. Пришлось возвращаться, однако и это настроения это не испортило. Маша показала пальцем на анфиладу магазинов с одной длинной сверкающей витриной, в которой чего только не было замечательного. И мама повернула коляску.

Через полупрозрачное стекло виднелось самое желанное на свете: улыбающиеся дети, взрослые со светлыми взглядами, блеск, богатство, вечный праздник. У последней витрины мама остановилась, чтобы достать зазвонивший телефон из сумки и ответить. За стеклом продавали ювелирные изделия. В качестве рекламного персонажа над золотыми кольцами

наклонился Голлум в красной шапке Санты, лицо бывшего хоббита выражало счастье.

Маша улыбнулась знакомцу и моргнула — фокус вдруг сместился, и теперь она видела своё отражение рядом с Голлумом. Такое же кривое и с некрасиво открытым ртом, выпученными от счастья глазами и холодным мокрым подбородком из-за вытекающей слюны, которую не успели отереть. По эту сторону стояла мама, в своём старом пуховике и вязаной шапке, и разговаривала по телефону. А за стеклом красивая стройная женщина одного с мамой возраста, в красной модной курточке, отороченной мехом, покупала вместе с мужчиной себе украшение.

И Машина вселенная перевернулась в ту минуту. Несчастливая всё переводила взгляд с этого мира, в котором она жила, — на другой, отделённый сверкающей витриной. И стало так больно, так безнадежно, что она безмолвно заплакала. Авторитеты, силой воли которых она так восхищалась: Бетховен, Кристи Браун, Стиви Уандер, Зинаида Туснолобова и, конечно же, Стивен Хокинг — всё, что раньше дарило терпение, надежду и веру в будущее, всё это было стёрто кривой улыбкой Голлума. Никаких больше надежд стать учёным, доктором или медсестрой в клинике для таких же, как она сама...

«Ах-ха-ха, так ты была уродцем в прошлой жизни? Да ещё и лекаркой мечтала стать? — проник в воспоминания Голос и задумался, не получая ответа. — Пожалуй, я тебя недооценила. Что хочешь за договор?»

«Иди к чёрту!» — устало огрызнулась Маша. Она стояла в коридоре, ожидая Жанетту и готовая сама пойти искать хоть кого-нибудь, лишь бы помогли.

Замок ночью выглядел уютно. В настенных светильниках коридора, похожих на московские уличные фонари, еле теплилось пламя. Но стоило Маше оказаться рядом сближающим, огонь вспыхнул ярче, освещая дорогу.

«Ну и куда ты, дурёха? Холодно же, — заныл Голос, — сама заболеешь, и мы обе проваливаемся октагон в постели, все праздники пропустим...»

«Госпожа Илария из-за тебя заболела. Вот и молчи... сама дурёха!» — если бы где-то внизу не затопали чьи-то торопливые ноги, Маша точно пошла бы стучать во все двери подряд. Эту решимость Голос почувствовал: «Ладно, ладно... Я не буду вспоминать твою прошлую жизнь. Более того, я научу тебя всему, что знаю. Хочешь, сейчас покажу? Ну, давай, я буду говорить, а ты делать...»

Маша недослушала голос, вздохнула с облегчением, когда силуэт, вынырнувший из-за угла лестничной площадки, стал чётким в свете тусклых ламп:

— Что случилось, госпожа? — длинная разлохматившаяся коса Жанетты и её кое-как застёгнутая верхняя одежда, напоминающая лёгкий тулуп, говорили о том, что служанка торопилась.

— Вызови доктора, пожалуйста. Кажется, матушка серьёзно заболела.

Глава 6. Выздоровление госпожи Иларии

Только не раскисай. В том и состоит твоя задача в нашей тяжелой жизни — сохранить сердце любящим и не раскисать, несмотря ни на что. Чтобы не случилось, держи себя в руках и не падай духом.

Стивен Кинг, «Монстры»

И начался переполох. То, что Жанетта не могла рационально мыслить в критической ситуации, Маша поняла быстро. Служанка сначала решила удостовериться, что на самом деле всё плохо. Разбудила Иларию причитаниями, та подняла тяжёлые веки и собралась идти в свою комнату — приподнялась с чужой помощью и рухнула обратно на кровать. Жанетта всплеснула руками и помчалась будить господина, причитая так, что даже Антуан проснулся и вышел в коридор узнать, в чём дело.

Через полчаса комната Мариэль набилась людьми — пришли все, кто угодно, только не доктор. Маша наблюдала за всем этим с растущей яростью, но не с той, которую испытывал Голос в присутствии Антуана, а другой — готовой придушить всех, кто квохтал, как насадка, пытаясь улучшить ситуацию, а по факту делал только хуже. Кухарка принесла какое-то вонючее питьё на травах, г-н Рафэль — вино, Нана, персональная служанка матушки, не столько помогала, сколько ворчала по поводу результатов неблагоприятия и излишней любви, Жанетта металась между спальнями, не зная, где нагреть воду для госпожи. Дурдом настоящий...

И во всей этой кутерьме с трудом удалось узнать, что доктор, то есть, Лабасский лекарь отлучился по семейным делам и будет не раньше конца октагона, праздничной недели по-местному календарю. А вот если посылать за ним, то нужно ехать к де Трасси, потому что порталы только они умеют строить, чтобы достать доктора, где бы он ни был... И почему-то имя соседей сразу охладило пыл отца, предложившего полечиться проверенным способом — разогретым вином, зато у Антуана глазки запылали. До сего момента послушно сидящий в кресле с закрытым ртом, он вызвался тот же час ехать к де Трасси и умолять Люсьен сделать портал в столичную лекарню.

— Да тихо вы все! — крикнула Маша, и её вопль безнадёжности прозвучал, как неожиданный свисток милиционера для дерущихся хулиганов. Все вздрогнули и замолчали, уставившись на сидящую рядом с матерью девушку. — Выметайтесь все!

Маша поднялась и ткнула пальцем в Антуана:

— Ты! Поедешь утром к Люсьен и сделаешь то, что обещал! — повернулась к кухарке и двум незнакомым служанкам. — Идите спать, без вас справимся!

Обратилась к мужчине, с изумлением наблюдавшему картину «Ярость дочери»:

— Уй... Батюшка, нужно, чтобы здесь со мной остались только Жанетта и Нана. Мы разденем матушку и оставим её в моей постели, я пригляжу за ней сама, до тех пор, пока она сама не сможет выйти отсюда. Ложитесь спать, пожалуйста... И придумайте, как быстрее найти хорошего до... лекаря!

Рафэль со слезами на глазах благоговейно посмотрел на дочь, раздающую приказы, попрощался со всеми, но перед уходом попросил Нану уведомить его, если госпоже станет хуже.

Наконец в комнате воцарилась почти тишина. Нана продолжила было ворчать, но Маша

вспомнила про свой дар и пригрозила лишить её речи на несколько дней. Сухощавая Нана побледнела и сжала обиженно губы.

Первым делом Маша решила осмотреть матушку. Для этого попросила служанок помочь раздеть её, ибо та уснула в том платье, в котором присутствовала на ужине. Корсет был снят, и показалось, будто женщине сразу стало легче.

«Давай, показывай свои фокусы. Мне нужно, чтобы в комнате стало светло, а не как в этом погребе», — попросила Маша Голос, к счастью замолчавший на время суеты.

«Так просто не получится, — насмешливо отозвался Голос. Всё-таки в отсутствие Антуана с этим Суфлёром и поговорить можно было по-человечески, ну, почти. — Нужны лампы, свечи — что угодно, лишь бы оно давало свет. Мы усилим его».

Нана и Жанетта моментально исполнили приказ. Плавное движение ладони вверх над огоньками — и язычки пламени вытянулись солдатиками. «Вообще-то и служанок могла бы попросить, бытовой магии у этих дурёх хоть отбавляй. Но я не против твоих тренировок», — признался Голос. Теперь стало понятно, почему Жанетта смотрит с любопытством, а Нана обиделась ещё больше.

Затем Маша сделала то, что удивило служанок ещё больше. Откуда им было знать, что Мариэль пытается повторить действия одной женщины, которая лечила простуду у своего ребёнка-инвалида? Маша прикоснулась губами ко лбу Иларии, бормочущей в лихорадочном забытьи всякие глупости — она попеременно разговаривала с Белой Владычицей и просила дар для своих детей, молила Мариэль о прощении и утешала кого-то третьего.

— Градусов тридцать девять точно есть! — Маша задумчиво сделала вывод. — Надо сбивать! Нана, помоги снять рубашку с госпожи, Жанетта, намочи полотенце и принеси его, греть не надо, оно должно быть холодным.

— Но как же... — Жанетта повращала глазами в сторону бубнящей Наны, — госпожу и так лихорадит, а вы хотите?..

— Бегом, я сказала!

Несколько минут, и приказания были исполнены. Маша провела влажным полотенцем над разгорячённым телом, а потом помахала тряпкой сверху. У служанок глаза на лоб полезли от такой процедуры.

— Ч-что вы делаете? — пролепетала Жанетта, выражая своё мнение и Наны, готовой упасть в обморок.

— Нужно сбить температуру, потом лечить, — запыхавшаяся Маша укрыла наконец «пациента» одеялом. — Теперь надо, чтобы она пропотела.

Жанетта снова ойкнула, на сей раз стыдливо. В наказание ей было приказано принести из кухни тёплое питье с травами.

— Какие травы положить, госпожа Мариэль?

— ... Ромашка есть? Зверобой... подорожник... — господи, что ещё мама заваривала для Маши? — Всё, что подходит для лечения кашля. Молоко тоже неси.

— Зверобой — такое не знаю и подорожник тоже, есть хамри, она помогает почти всегда... — Жанетта задумчиво ушла.

Маша вздохнула. В особо критических ситуациях мама делала ей уколы, снять воспаление, например, или обезболить... Сейчас бы укол не помешал. Маша спросила у Наны, делает ли доктор уколы, но служанка опять вытаращила глаза, не понимая о чём речь.

— Ну а натереть чем-нибудь лечебным у вас найдётся? — Маша зевнула. — Чем-нибудь таким, что согревает?

Нана вспомнила про какую-то баночку с особой мазью, и была отправлена за средством. Воспользовавшись одиночеством, Маша приподняла одеяло, чтобы осмотреть матушкины ноги, мысль о них давно не давала покоя. Так и есть, кожа на ногах потемнела до щиколотки.

«Что это такое?» — спросил Голос.

— Не уверена, но мне кажется, что это гангрена, — на ум сразу пришло кино о майоре Маресьеве, который восемнадцать суток пробирался к своим через болота и леса, получил заражение крови и лишился обеих ног в результате. Ему потом сделали протезы, и Маресьев даже летал с ними, но смогут ли сделать протезы красивой женщине здесь, в мире, где всё по-другому?

«Как это — ему отрезали ноги? Расскажешь об этом майоре?»

Маша не ответила. Теперь понятно, почему матушке так плохо. Что тут за каменный век в плане элементарных знаний о здоровье, если не обратили внимание даже на явные признаки страшной болезни? Вот Маша попала, так попала! И захотелось посмотреть на местного доктора ещё сильнее. Сможет ли её удивить?

«Лекарь у нас один. Это в столице их много, а здесь зачем? Холоп, как скотина, траву поест — и само всё проходит. А нас, аристократов, магия лечит», — притворно зевнул Голос.

— А как заставить магией кровь очиститься? Чтобы грязная кровь ушла.

За спиной ахнули:

— Госпожа, вы собираетесь госпоже Иларии чистить кровь с помощью магии? — Жанетта трясущимися руками поставила столик с двумя кувшинами.

«Ей не рот — уши надо затыкать», — Голос возмущённо цыкнул.

— Не буду я чистить кровь, не беспокойся. Хотя мне очень интересно знать, как вы это делаете, — Маша понюхала принесённый отвар. По запаху напоминал ромашковый отвар, — Давай, попробуем напоить матушку. Ей нужно пить много тёплого. Будем давать настой или молоко каждый час. Ещё укутаем и, наверное, нужны сухие простыни. Чтобы меняли каждый раз...

Жанетта успокоилась и так ловко справлялась с исполнением указаний, что Маша решила отправить Нану спать. Шестидесятилетняя служанка фыркнула и заявила, что пусть на неё хоть десять заклятий молчания наложат, а никуда она от своей госпожи не уйдёт. Тогда Маша мягко, хотя очень хотелось принудительно вытолкнуть упрямыцу, объяснила, что к утру они с Жанеттой обе будут валиться с ног, и именно тогда понадобятся свежие силы Наны. Та поняла и, просияв как от долгожданной награды, наконец, ушла.

Матушка по-прежнему кашляла, но с каждым разом, после глотков, сделанных с усилием, дышала всё спокойнее во сне. Её ноги Маша лично натёрла особой мазью, принесённой Жанеттой, стараясь касаться больных ног нежно и массирующими лёгкими движениями, снизу вверх, как это делала мама с больными ногами Маши.

Через три часа девушки сами готовы были лечь рядом на широкой кровати, рассчитанной на четверых. Но служанке сделать это не позволяла социальная субординация, а Маша просто боялась уснуть и пропустить изменения в состоянии г-жи де Венетт. После третьей «процедуры», когда немного пришедшую в себя больную сводили в туалет, сменили простыни и мокрую рубашку на всё сухое, напоили, успокоили и велели дальше спать, Маша чувствовала, как от усталости дрожат руки.

Тогда она умылась и подошла к окну. Восток, если это был он, где-то далеко, у самой

кромки, еле заметно посветлел, а значит, утро близилось. Хорошо... Матушка выпила полбокала тёплого молока, и взгляд у неё был ясный, значит, почти всё получилось, как надо. Теперь можно и «медсёстрам» немного отдохнуть.

Маша опустила взгляд и вздрогнула: на прежнем месте стояла знакомая фигура с воздетыми к Машиному окну руками.

— Жанетта, подойди-ка сюда... Скажи, ты видишь человека внизу с фонарём?

Служанка попялилась в темноту двора и широко зевнула:

— Никого там нет.

— Да вот же он стоит и руки поднял...

— Давайте-ка я вам постелю в гостевой комнате, вам надо отдохнуть, уже мерещится страх всякий. А я досижу до утра с госпожой. Эх, говорила ей, что не надо, я бы и сама за вами поухаживала...

Жанетта бормотала вяло, а у Маши сон как рукой сняло.

«Ну, ты-то видишь его?» — спросила у Голоса.

«Конечно, вижу! Эта дурёха совсем ослепла. Привыкли спать ночами... Господа болеют, а холопам лишь бы вкусно пожрать да сладко поспать!»

— Слушай, ты сама-то спишь когда-нибудь? — рассеянно сказала вслух Маша и успокоила поднявшую брови Жанетту, — позови Нану, а сама иди спать. Утром я завалю тебя поручениями, и ты мне нужна свеженькая... Да иди уже!

Нана примчалась, одетая с иголки, причёсанная и подтянутая, словно не ложилась спать. Ей вкратце объяснили, что нужно делать, если госпожа проснётся, Нана сухо кивнула и, сев в кресло, гордо выпрямила спину. Чёрного человека, стоящего во дворе, она тоже не увидела и повторила слова своей предшественницы.

Маша легла на край кровати и укрылась каким-то покрывалом, принесённым ещё Жанеттой для госпожи Иларии, но не пригодившимся. Приятная слабость мгновенно разлилась по всему телу, обещая сон.

И Маша почти уснула, как Голос воскликнул: «Матерь мира! А не Вестник ли это?.. Да спи, спи, дурёха!» — злость вздрогнувшей Маши была понятна. — «Говори уже!» — «Утром, если этот страх не провалится в подземелье, скажу». Маша обречённо уткнулась в подушку.

Лекаря нашли только к полудню. К счастью, де Трасси приняли самое активное участие в его поиске, но не местного г-на Лебраса, а доставили из столицы своего знакомого — г-на Майна. Тому даже переобуваться не пришлось: порталы строили в помещениях, и последним стала гостиная замка де Венетт. Поэтому пришёл он к больной со столичными запахами: дорогим ароматом парфюмерии и лёгкими флюидами изысканных блюд. Так шепнула Жанетта на ухо Мариэль, пока лекарь осматривал матушку, выпроводив ненужных зрителей за дверь.

Нана, которую оставили с госпожой, гордо блеснула глазами, когда лекарь махнул рукой прочим:

— Вас всех прошу удалиться для надлежащего осмотра.

Г-н Рафэль топтался здесь же, в коридоре, и, как мальчишка, грыз ногти, жалобно вздыхая. Превизора из столицы, который должен был установить направление дара Мариэль и Антуана, успели оповестить и отложили его визит на несколько дней до выздоровления матери новобранцев.

Антуан, горевший желанием поскорее узаконить свои способности и быть внесённым в

реестр потенциальных магов Люмерии, конечно же, надулся и ходил потом с оскорблённым видом. Голос разделял его переживания, в отличие от Маши, которая успокоила Суфлёршу, мол, подождать надо: вдруг ещё что-то особенное проявится.

«Метаморф, огонь, ментальное управление — ты думаешь, будет ещё что-то в нашем наборе?» — задумался довольно Голос.

«Я была бы рада способности лечить людей», — пока Голос рассуждал о будущем, Маша в паузах тишины, когда Суфлерша затыкалась, не могла не думать о настоящем. Бесконечно было жаль добрейшую госпожу Иларию. Машина мама никогда не болела серьёзно, а во времена лёгких недомоганий старалась просто отлёжаться. Маша в эти дни благоразумно смотрела телевизор и терпела нужду, голод. Впрочем, даже в болезненном состоянии мама старалась не забывать о дочери — мокрая, в испарине всё равно кормила, помогала мыться и укладываться в постель. А Маша не могла ей даже бокал горячего чая с мёдом принести...

«Ф-фу... Не дай Белая Владычица! Зачем тебе, дурёха, это? Все лекари — военнообязанные. Любая война — и тебя отправят туда лечить вонючих служак», — возмутился Голос.

«Но обычно люди болеют чаще, чем случается война. Не так ли?»

«Всё равно никчёмный дар. Если и выбирать, то строить порталы — почётно и оплачивается золотом из королевской казны».

«То есть, порталышки во время войны сидят дома?» — усмехнулась Маша, и Голос проворчал что-то, не придумав контраргумента.

Дверь открыла Нана, приглашая зайти. Осмотр закончился.

Илария полулежала на приподнятых подушках, выглядела она хотя и слабой, но на щеках восстановился лёгкий румянец. Лекарь ещё ничего не успел сказать, как г-н Рафэль бросился к супруге, по пути благодаря всех подряд — Белую Владычицу, лекаря, Основателей рода, де Трасси, смешивая от волнения авторитеты разного порядка.

— Что ж, я сделал всё, что мог на данный момент, — как только все успокоились, г-н Майн начал объяснять. — Должен вам сказать в первую очередь, что магический резерв госпожи де Венетт истощён основательно, и даже самая мелкая, бытовая магия может оказаться губительной. Посему я рекомендую госпоже де Венетт воздержаться от каких-либо манипуляций, отдающих энергию. Сир де Венетт, я выпишу вам и вашей супруге пропуск на горячие магические источники для восстановления и рекомендую отправиться туда, как можно скорее. Если есть любая другая возможность поднять хотя бы немного уровень магии здесь, у вас дома, я не имею возражений. Сказал бы, что это желательно сделать до вашей поездки, чтобы перемещение не оказалось пагубным для сирры.

Рафэль горячо выразил признательность столичному гостю, пригласил того на обед, но Майн вежливо отказался, сославшись на то, что уже обещал де Трасси:

— Совместный ужин с вашей супругой, надеюсь, принесёт большую пользу ей, нежели развлечение меня, здорового, — тактично поставил точку в своём отказе лекарь.

— А ноги? — встряла в разговор взрослых Маша.

— Что «ноги»? — лекарь впервые внимательно посмотрел на присутствующую девушку.

— У матушки кожа начинала мертветь, ей же надо было... — под пристальным взглядом Маша последние слова пролепетала нерешительно, страшась вызвать улыбку у столичного светила местной науки.

— Вот как? — лекарь разглядывал девушку. — Всё верно. При опустошении

магического резерва там, где у тела проблемы, начинается необратимый процесс. Тело, можно сказать, сгорает. К слову, был удивлён узнать, что некая молодая сирра справилась с кризисом...

Маша смущённо покраснела, так как все глаза сейчас были устремлены на неё.

— ... Не знаю, как удалось этой девушке, не получившей образования в Академии, остановить распад магии уважаемой сирры, но, смею надеяться, в дальнейшем услышу о ваших новых успехах. Боюсь, моя помощь оказалась бы мало эффективной без вашего своевременного вмешательства.

Лекарь улыбнулся, наверное, испуганный вид девушки его позабавил. Маша выдохнула. А Илария протянула руку к дочери:

— О, милая, иди ко мне! Я так люблю тебя!

Гость не стал дожидаться окончания сцены, которая в данную минуту у кого угодно могла вызвать слёзы умиления. Откланялся и сказал, что подождёт гонца от де Трасси в гостиной. Мужчины вышли, а оставшиеся в спальне женщины продолжили щебетать, нахваливать сообразительность Мариэль.

«Ух, ты, неужели ещё и лекарский дар?» — радовался тем временем Голос, перебивая вопросы тех, кто его не мог слышать, и как будто уже забыл о своём пренебрежении, высказанном недавно.

Маша еле сдержалась, чтобы не ответить вслух: «Это не дар, это первая медицинская помощь! И замолчи, пожалуйста, я не могу одновременно разговаривать со всеми!» — надежда Голоса и остальных, как ни странно, в этот момент совпадала, но не рассказывать же всем подряд о полученных знаниях в «подземелье» Белой Владычицы!

Понемногу радость стала сдержаннее, Жанетту с Наной отправили заниматься своими делами, а Мариэль прилегла рядом с матушкой. Они тихонько переговаривались о всяких мелочах. Для Мариэль приготовили комнату, чтобы не беспокоить больную госпожу перемещениями. Но Маша с удовольствием осталась бы здесь навсегда, если бы не Голос, из-за которого вообще невозможно было беседовать с настоящими и, надо сказать, более желанными собеседниками. А напугать добрую женщину Маша хотела меньше всего.

Она вздыхала и думала о матери, оставленной в Московской двушке: обнимает ли её кто-то, успокаивает ли сейчас, лечит ли так же, как Маша эту женщину?

В какой-то момент Илария облизала пересохшие губы, и Маша встрепенулась:

— Сейчас, налью отвар! — слезла с трудом с кровати, запутавшись в юбках.

— О, милая! Ты такая светлая стала! Ирминсуль как будто... — женщина запнулась.

— Сделал меня лучше? — рассмеялась Маша, ибо Голос прокомментировал паузу на свой лад и был при этом жалок в своём раздражении, как обычно. — Надеюсь, что я смогу исправить все те ошибки, что совершила до... до Ирминсуля.

Илария снова умильно ахнула. Девушке пришлось идти мимо окна, и Маша привычно заглянула в полностью очищенное от инея окно: к приходу столичного гостя служанки привели комнату в идеальный порядок. Во дворе, на своём месте, стояла чёрная фигура.

«О, смотри-ка, не провалился! — оживился Голос. — Надеюсь, он не к нам, это было бы слишком! Бр-р!» Но призрак, едва почувствовал на себе взгляд, ожил и протянул с мольбой свои рукава вверх. Пальцев у него тоже не было, как и лица. Теперь Маша это разглядела. Действительно, бр-р!

Она напоила матушку и хотела было уговорить её вздремнуть, но та попросила:

— Побудь со мной рядом, милая. Твоё присутствие для меня — огромная радость.

Поговорим ещё немного...

Маша помогла ей опустить подушки и улечься удобней, сама села в кресло. Нерешительное привидение, которое не исчезало почему-то при свете дня, не выходило из головы, хотя Голос настоятельно советовал не обращать внимание: «Надоест ему — сам отвалится!»

— Матушка, я спросить хотела, — мысленно приказав Голосу заткнуться, Маша погладила бледную руку, лежащую поверх покрывала. — Расскажите, пожалуйста, кто такой Вестник?

Вопрос, мало сказать, удивил женщину, она приподнялась и внимательно взглянула в лицо дочери:

— Почему ты спрашиваешь, Мариэль? Что случилось?

«Сейчас начнётся! Я тебя предупреждала, дурёха!» — язвительно встрял в диалог Голос. И он был прав. Маша поспешила успокоить:

— Всё хорошо, ничего не случилось, матушка. Вы же помните, что я многое забыла. Вот некоторые слова сами собой всплывают в голове, а что они означают, я не понимаю. Это что-то страшное?

Г-жа де Венетт успокоилась. Улыбнулась дочери и ответно слабо погладила её пальцы:

— Я расскажу, обязательно. Надеюсь, ты никогда не встретишь Вестника, потому что это опасно.

— Почему?

— М-м-м... Тот, кто встречает Вестника, должен либо согласиться на его предложение, либо отказать. Оба эти поступка одинаково неприятны. Согласие несёт обязательства, которые порой сложно выполнить, отказ — вынуждает тебя отвергнуть чужую боль. Знать, что ты, возможно, стал причиной чьих-то проблем, очень печально, и забыть это невозможно...

— А к вам приходил когда-нибудь Вестник?

— О нет, милая, это очень сильная магия некромантов. Молю Владычицу, чтобы никто из вас, моих детей, никогда не стоял перед подобным выбором.

На языке Маши так и вертелся очередной вопрос, но она решила его задать человеку, который чувствовал бы себя значительно лучше, чем бледная засыпающая женщина. Илария быстро погрузилась в сон, а Маша ещё немного посидела в кресле, боясь её разбудить, потом прошла по комнате и задумчиво остановилась у окна. Чёрный Вестник теперь не столько пугал, сколько вызывал жалость, как Кентервильское привидение. Если бы его целью было навредить, наверняка бы он уже это сделал.

Размышления прервал лёгкий звук приоткрывшейся створки двери — заглянула Жанетта, покрутила головой, увидела, что больная уснула. Повернувшейся на звук Мариэль сделала энергичный жест, приглашая выйти из комнаты. Но Маша поманила служанку пальцем внутрь.

— Прибыла сирра Люсиль, напоминают об обеде, на который вас приглашали вчера, — тихо сказала служанка приблизившись. — Вам нужно переодеться. Она отправила господина лекаря в замок, а сама сказала, что вас с Антуаном подождёт здесь.

— Хорошо... Жанетта, посмотри ещё раз, пожалуйста, сюда. Скажи, ты кого-нибудь странного видишь внизу?

Служанка с любопытством вытянула шею. Внизу, по двору, сновали слуги, расчищая постоянно падающий снег, и только чёрная фигура оставалась неподвижной:

— Кажется, все свои... Хотя, если вы о нашем странном управляющем...

Маша вздохнула: если Гарри Поттер один слышал змеиные голоса, и это был плохой признак, то ситуация, в которой она одна видит Вестника, уже говорит сама за себя. Хорошо, что в гости здесь иногда ходят порталами и не придётся спускаться к *этому*...

— Да, он, наверное, странный. Пойдём одеваться.

Рассказ Иларии лишь слегка прояснил вопрос. Пока Жанетта будет возиться с платьем, надо будет у неё разузнать до конца всё про этого Вестника.

Она быстро, не без рекомендации служанки, выбрала платье, и девушки отправились в отведённую для Мариэль комнату, чтобы не разбудить шуршанием юбок уснувшую госпожу.

Глава 7. «Одним ранним утром два кролика белых...»

*Во избежание отравления чужой магией, при знакомстве новичкам следует:
Не касаться малознакомых собеседников без предупреждения...
Из «Инструкции для юных магов»*

В гостиную залу Маша вошла одна. По дороге Жанетта вдруг хлопнула себя по лбу и сказала, что забыла собрать в дорогу остальное. Что она подразумевала под «остальным», стало понятно, когда показался Антуан с перекинутым через руку плащом, подбитым мехом, и небольшой расшитой узорами сумкой, похожей на те, в которых школьники носят сменную обувь. И, похоже, один Антуан собрался на званый обед, прихватив тёплые вещи. Вопрос уже готов был сорваться с губ, как вернулась запыхавшаяся Жанетта с аналогичным набором вещей.

— Этот портал для меня в октагоне последний, — объяснила Люсиль подруге. — Отец слишком беспокоится о моём резерве. А домой вы вернётесь на лошадях, надеюсь, прогулка нам всем пойдёт на пользу.

И златовласка подмигнула. «Надеюсь, ты с лошади не свалишься? — хихикнул Голос. — То-то было бы смеху!» «Опозоримся, так вместе, не переживай», — Маша нахмурилась, но сразу спохватилась: мало ли как истрактуют её выражение лица. Улыбнулась подруге.

— Лошадей со слугами сей же час отправим, — пообещал г-н де Венетт, на всякий случай обнял детей на прощание, шепнув каждому: «Не сболтните лишнего!»

Похоже, конспирология между семействами цвела, как яблони весной, подумала Маша, и Голос в кои-то веки согласился с нею.

Переход занял несколько мгновений, во время которых всё пространство было залито переливающимся сиянием, как на Северном Полюсе. Любование Маши разноцветными сполохами оборвала тёмная дыра, за мгновение выросшая из точки до размера большого шкафа. Ам! — и выплюнула в незнакомое помещение. Первый опыт знакомства с порталами оказался настолько ошеломительным, что Маша и не поняла сразу, где она, кто к ней обращается — стояла и смотрела перед собой, пока размытая картинка не сфокусировалась.

Кто-то забрал у неё из рук плащ и сумку с ботинками, Люсиль взяла под руку и повела вперёд, к высокому крепко сбитому светловолосому и голубоглазому мужчине, стоявшему у широкой лестницы.

— Добрый день, сир Аурелий, как поживаете? — вежливо поздоровался Антуан.

— Благодарю, молодой сир. Как ваша матушка себя чувствует?

Мария вздохнула, тряхнула головой, прогоняя тошноту, и заставила себя сделать книксен перед хозяином дома, поздороваться. Мужчина со сдержанной улыбкой кивнул и показал рукой наверх, приглашая следовать за ним по этой... этой восхитительно шикарной лестнице!

Гостья пришла в себя и теперь с жадным любопытством рассматривала убранство. Если у де Венеттов замок казался большим домом (по крайней мере, так он выглядел внутри, ведь наружу Маша ещё не выходила), то у де Трасси замок спокойно можно было назвать дворцом, своей красотой напоминаящим Екатерининский дворец, отдекорированный Растрелли. В Питерских дворцах Маша никогда не была, но передач-то про них

насмотрелась ого-го!

Сам хозяин — господин Аурелий (даже в его имени переливалось золото) — был под стать жилищу: важный, с прямой спиной, блестящими молочно-белыми сапогами до колен поверх светлых брюк и малиновым камзолом, расшитым золотыми нитями... золотыми пуговицами. В довершение образа, его коротко стриженная шевелюра тоже отливала золотом. Становилось понятно, что Люсиль — точная копия своего отца, им и одежду, наверное, в одном ателье шили...

Но когда гости поднялись на второй этаж, в обеденный зал, Маша поняла: нет, Люсиль похожа на обоих родителей. Мать подруги, сирра Камилла, точно так же напоминала дорогущую красивую куклу, украшенную золотом. Наверное, в молодости, супруги де Трасси встретили друг друга и сказали: «Как мы похожи! Давай поженимся!» Голос одобрительно хмыкнул, чем вернул Машу из задумчивости.

Антуан поздоровался с матерью Люсиль лёгким поклоном головы, не сделав попытки приблизиться. Находящийся здесь Арман сделал то же самое, приветствуя вошедших, ну а господин Майн и вовсе не сменил позу, как сидел нога на ногу, так и остался.

«Дурёха, маги могут касаться друг друга, только если являются родственниками или хорошими друзьями!» — Голос фыркнул на очередное размышление Маши над странностями местного этикета. «Почему?» — она заинтересовалась ремаркой своего персонального собеседника, не услышав вопрос г-жи Камиллы. «Потому что одна магия может не принять другую, и оба мага получают повреждение! Ты это... слушай, что тебе говорят!» — рявкнул Голос, и девушка вздрогнула.

— Простите? — краснея, она извинилась перед золотой леди.

— Матушка интересуется, как ты себя чувствуешь, — Люсиль повторила вопрос.

— Благодарю вас, намного лучше.

Г-н Аурелий, севший в кресло несколько минут назад, поднялся:

— Ну что ж, думаю, за обедом мы поговорим обо всём. Прошу вас, дамы...

Во время обеда Аурелий и его супруга весьма тактично расспрашивали гостей о событиях последних дней в замке де Венетт. И Маша то и дело, под руководством Голоса, пинала под столом ногу рядом сидящего Антуана, когда тот готов был сболтнуть лишнее. Столичный лекарь же заинтересовался случаем Мариэль, её амнезией и особенно периодом глубокого сна.

— Мне ничего не снилось, господин Майн, я уснула под Ирминсулем и проснулась в окружении любящей семьи. Вот и всё, — скромно ответила Маша. — И сейчас уже почти всё вспомнила.

— Ну, ты даёшь! — позже, когда взрослые посчитали, что вытянули из гостей всю информацию и отпустили молодёжь развлекаться на улице, Люсиль хохотала, изображая подругу, скромно отвечающую на вопросы. — Смотри, смотри, какое у тебя было лицо! Вот такое... Да?

Все четверо, тепло одетые, вышли во двор замка. Его центральная часть была занята большим круглым фонтаном, припорошенными снегом пирамидальными деревьями, похожими на ели, и белоснежными статуями, практически невидимыми на общем заснеженном фоне. Маша засмотрелась на одну, встала перед фигурой высокой красивой женщины, держащей чашу в руках. Глаза её были прикрыты, а во всём образе разлилась безмятежность. Что должно быть в этой чаше? Может быть, терпение? «Магия там, могла бы

и догадаться! Это Владычица... Ах, ты!..»

Снежок больно ударил по плечу. Маша обернулась. Люсиль хохотала, Антуан довольно улыбался, как чеширский кот. Наклонился и нагрёб в руки снега.

— Ой! — Маша спряталась за статую. Второй снежок просвистел где-то рядом с чашей.

И вдруг из-за её спины в Антуана полетел даже не снежок, а снежный шар, претендующий на основание снеговика. Люсиль не испугалась, весело взвизгнула и постаралась спрятаться за Антуана. Шар долетел до зажмурившейся парочки, завис над их головами и рассыпался, словно с ветки стряхнули снег.

— Побежали, пока они нас не атаковали! — рядом вынырнул Арман, на ходу делая пассы руками, комкая невидимый снежный ком. А с земли, подчиняясь приказу, поднимался крутящийся шар, за ним второй, третий...

— Запрещённый приёмчик! Паконтер, паконтер! — завопил Антуан, выбираясь из сугроба и нагребая обеими руками снег в холмик.

— Мари, беги! — захохотала Люсиль, валясь от смеха в снег.

— Да, да, беги, сестричка, сейчас я кое-что сотворю специально для тебя! — Антуан повернулся задом к соперникам и начал быстро грести руками, снежная пирамида превратилась в подобие пушки и задрожала.

Маша, смеясь, обогнула снежок, зависший в воздухе рядом и прицеливающийся к задку Антуана, побежала к высоким деревьям, растущим рядом с каким-то холмиком. Вблизи тот оказался искусственным гротом со скамьей внутри. Следом за девушкой в убежище влетел Арман и выглянул из-за выступа наружу:

— А сейчас смотри, что будет! — он занёс руку, как генерал отдающий приказ «Пли!», и в наклонившегося Антуана да хохочущую Люсиль полетел целый рой снежков. Они почему-то уклонялись от встречи с застрявшей в снегу девушкой, делали виток и бомбардировали только возмущающегося Антуана по его задку.

— Я... больше... не могу ... смеяться... — икнула Маша, прислоняясь к стене рядом с юношей. И вдруг в их сторону полетел такой же снежный шар, как и сделанный Арманом до этого.

— Вот вам, негодяи! — завопил Антуан, размахивая руками, словно изображал мельницу.

— А, ну-ка! — Арман схватил Мариэль за руку, собираясь рывком спрятать девушку за собой — ...Шархал! Ты чего?!

Шар снега звонко ударился о стенку грота, выбив несколько мелких камней. Но ни Арман, ни Мария не обратили внимания на эту опасность. Девушка с ужасом смотрела на руки в перчатках. Пальцы покалывало тысячью мелких иголок, и эта колючая волна медленно ползла вверх по рукам. «А я тебя предупреждала! Это был урок для тех, кто меня не слушает!» — самодовольно прокомментировал Голос.

— Мариэль! Что случилось? — растерялся юноша.

— Р-руки к-колет... — призналась Маша и поморщилась: волна дошла до локтя.

— Вот я глупый куль! Не бойся только, всё будет хорошо... Сейчас... — Арман начал торопливо расстёгивать свой плащ.

— Что со мной? — зубы выстучали вопрос.

— Сейчас исправим, главное — не паникуй. Я знаю, что делать.

«Наш дар проснулся недавно, а у него уже два года, не познакомились они — вот и вся проблема... Дурёха, когда будешь меня слушать?» — ворчал Голос, прекрасно зная, что в это

мгновение волна осколков распарывает руки, подбираясь к плечам, к сердцу...

Несколько сложных пассов руки, и вход в грот затянуло зеленоватой ледяной стеной.

— Дай мне свои ладони... Что ты делаешь? Ну же, как в детстве!.. Вспомни про кроликов!

Маша сцепила зубы и, не соображая ничего от боли, попыталась растегнуть воротник на плаще, чтобы вдохнуть полной грудью. Осколки добрались до горла и впивались в него, мешая дышать. Арман стоял рядом с поднятыми руками и боялся лишним прикосновением ухудшить ситуацию, надеясь, что Мариэль совладеет с собой и вспомнит, что нужно делать:

— Мари! Ты делала это много раз! Давай... «Пусть магия слышит, пусть магия примет! Darganfon a derby anju!». Повторяй за мной, смотри на меня!

А у неё сил не было подумать ни о чём другом, кроме того, что лёгкие сейчас разорвёт и все кончится. Испуганный Голос истерично кричал что-то сквозь шум, но даже его, застрявшего в голове, невозможно было разобрать из-за гулко барабнящей крови.

По ту сторону ледяной стены возникли два силуэта:

— Что случилось, Арман? Вы что там, в считалку играете? — крик Люсиль приглушила холодная стена. — Немедленно убери это, дай нам войти!

Тем временем лицо Мариэль посинело, и она безвольно поползла по стене вниз со свистящим звуком. Арман колебался мгновение — подхватил девушку, стараясь не притрагиваться к рукам, и прижался губами к её губам.

Колючая волна замерла, прислушиваясь к новому вторжению, шум в голове перестал напоминать приближающийся гром. Где-то далеко, через пелену тихого гула кричали знакомые голоса, но думать о них не хотелось. Нежные прикосновения играли на губах, хотелось думать только об этом. И странно — показалось, что колючки растворились в горле. Мария сделала шумный вдох, и спасительный воздух ворвался, сметая на пути чужеродный мусор-боль. Чьё-то теплое лицо закрыло её от всего мира, щекоча прядями у носа и открытых губ, пьющих живительный воздух.

— Хорошо... умница... Сосредоточься на магии... представь, что она — тёплая вода, которая стекает по твоему телу, смывает дурные мысли, слабость... очищает тебя... умница... — шептал тихий голос на ухо, — у тебя всё получается... А теперь почувствуй, как твоя магия тянется к моей... Они должны познакомиться...

«Что?» — успела подумать Маша, и в ладонях укололо, боль двинулась по руке вверх. В этот раз ощущения показались сильнее, может быть, потому что Маша уже знала, как будет дальше. Слезы брызнули из глаз, повторения не хотелось. «Думай о поцелуях, дурёха! Ведь погибнем обе!» — Голос продрался сквозь белый шум, пульсирующий в голове.

И снова прикосновение к губам любопытной бабочки, которая снимает жар своими прохладными крыльями. Или это поцелуи, Маша не знает, но ей так хорошо, и колючие иглы сменяются приятными мурашками, в ладонях теплеет, пальцам больше не холодно. В ладонях бьются новые два маленьких горячих сердца — тук-тук, тук-тук.

— А сейчас помоги мне, почувствуй мою магию кончиками пальцев и прими её... Никакой опасности для тебя она не представляет... — шепчет всё тот же голос на ухо, обдавая тёплым дыханием, и кажется, будто именно это тепло греет всё тело.

На кончиках пальцев действительно возникает ощущение прикосновения — как будто Машины руки касаются прохладной воды в жаркий летний день. Эта вода успокаивает, расслабляет... Подумала об этом, и прохлада обняла запястье, остудила биение в центре

ладоней, на запястье, успокаивая... Тук-тук. Тук. Тук... Тук... А потом и вовсе уснула.

Чужие губы отодвинулись от губ Маши:

— Всё закончилось!

Глаза сами собой открылись. Рядом было лицо Армана, красивое, внимательное и серьёзное.

«Какие у него серые глаза... Как осеннее небо...» — Маша вдруг подумала, что ей до безумия нравятся эти глаза, на которые упала непослушная чёрная прядь, и негустые широкие брови, и этот прямой нос с лёгкой горбинкой, и губы, чётко очерченные, один уголок поднимается вверх в улыбке... И эта милая небольшая ямочка на подбородке, и лёгкая щетина, обозначающая будущую мужественную растительность на лице...

«Всё закончилось, дурёха! Но ты можешь воспользоваться ситуацией и отблагодарить его ответным поцелуем», — едкий Голос заставил Машу очнуться.

Арман помог Мариэль сесть на скамью, взмахнул рукой, и ледяная стена осыпалась мелкой крошкой. У входа в грот стояли молча Люсиль и Антуан, хмурившаяся девушка — скрестив руки на груди, а на губах молодого человека ухмылка играла во весь рот.

Оба шагнули под свод, хрустя обувью по ледяным осколкам.

— Ты самостоятельно пытался решить конфликт магий? — хмуро спросила Люсиль, садясь на скамью, по другую сторону от Мариэль, на бледном лице которой застыло отсутствующее выражение. — Глупо. Ты сильно рисковал.

— Но ведь получилось же, — устало откликнулся Арман. Тяжело встал, набрал снега в пригоршню и протёр лицо.

— А стену зачем поставил? — Антуан присел, заглядывая в мутные глаза сестры. Зрачки в них вдруг расширились, девушка застонала, схватившись за голову, и юный провокатор поспешил отойти в сторону. — Мы бы помогли...

— Вы бы её добились. Прекрасно знаешь, что в критической ситуации вмешательство разных магий равно контрудару. Поэтому я закрылся от ваших потоков.

Мария осмелилась поднять взгляд. В настоящий момент её больше волновал не тот факт, что она могла снова умереть, а то, что парень Люсиль поцеловал и не один раз её, Машу-Мариэль. Пусть это даже было сделано в целях спасения, но тем не менее. Хихикающий Голос только подливал масло в огонь.

— Я хочу домой, — пробормотала Мария. — Мне плохо.

Люсиль вздохнула и полезла куда-то под плащ:

— А так хорошо день начинался... Подожди, сейчас, — вытащила небольшой узкий флакон, зубами открыла пробку и протянула подруге, — выпей.

— Что это?

Вместо ответа Люсиль повернулась на скамье и развернула Мариэль за плечи к себе:

— Скажи-ка правду, подруга, ты ведь так ничего и не вспомнила? Солгала лекарю, да? Потому что если бы ты помнила то, чему учат нас с самого детства, — принимать чужую магию — этого бы не случилось!

— «Давай твою лапку!» — сказал один кролик, — пискнул Антуан и протянул свои руки ладонями вниз.

Люсиль улыбнулась углом рта и снова сердито обратилась к Мариэль:

— Вот именно. Как можно было забыть этот стишок, который нам вдалбливают с рождения? Как ты могла допустить отравление магией, да ещё Армана, м? Чего молчишь? Признавайся!

Маша покачала головой:

— Я ничего не помню. Вообще.

Антуан присвиснул и с интересом прислонился к стене, готовый слушать.

— Ни про магию, ни про то, как надо к ней относиться? Что вообще у тебя за дар? —

Маша неопределённо пожала плечами на вопрос, и Люсиль вопросительно повернулась к Антуану. Тот откашлялся, готовясь рассказать интересное:

— По всем признакам, огневик. Вчера запустила в меня бейлар, а потом её вывернуло на лестнице. Может, её дар ядовитый сам по себе? — с долей язвительности предположил братец.

Люсиль задумчиво вложила в вялые пальцы подруги открытый флакон:

— Пей. Почти понятно. Если огонь Мари был настолько слаб, что отравился от простого прикосновения к магу воды, то как она могла создать бейлар?

Арман покачал головой и вытянул ноги, садясь на свободное место, по другую сторону от Мариэль:

— Огонь, возможно, в Мари и есть, но я уверен, что она менталист. Какой конкретно, не скажу, но этот дар у неё есть. И не спорьте со мной: я двадцать лет с менталистом живу.

У Антуана открылся рот:

— Не хочешь ли ты сказать, что у моей сестрёнки две основные магии?.. Как-то это нечестно... — нервно вышел из грота. Через минуту снежки один за одним полетели в ближайший ствол дерева. — Надо нам всем тоже задрыхнуть у водопада!

Люсиль рассмеялась:

— Не завидуй, Анчи, если у Мари две конфликтные магии, то она первая пострадает... Эй, подруга, очнись! О тебе разговариваем! — златовласка весело толкнула плечом Мари, задумчиво потирающую лоб. — А вообще, знаете что? Мы все должны помочь ей вспомнить.

— Господин Майн сказал, что её память сама восстановится, но через октагона два-три, не раньше. Не вижу особого смысла тратить время на это, а научить принимать чужую магию надо, считаю, — Арман потянулся, лениво поднялся и вскоре вместе с Антуаном соревновался в меткости.

Люсиль заставила Мари выпить содержимое флакона и покачала головой:

— Выглядишь ты, подруга, не очень. А меня завтра отец отправляет на горячие магические источники. Я, конечно, чувствую себя отлично, но отца разве переубедишь? Хочешь остаться у меня ночевать? Мы бы о многом поговорили... — Мари отрицательно покачала головой. На её щеке, что не была спрятана стыдливой рукой, пылал румянец, а из-под полуопущенных ресниц вот-вот готова была показаться слеза. — Не хочешь, твоё дело... А давай я тебе помогу книги подобрать, чтобы ты быстрее вспомнила?

— У нас дома есть всё, — встрял Антуан, не отвлекаясь от игры.

— Если ты знал, что она ничего не помнит, почему сам не позаботился?

— А я откуда знал, что Мари отупела, как куль, простите, забыла всё?

Люсьен встала, отряхнула плащ от снега:

— Пойдёмте в тепло, кажется, я начинаю замерзать, — девушка помогла Мари подняться. — Не переживай, мы все тебе поможем. И начнём хотя бы со стихотворения про кроликов. Ты запомнишь последнюю фразу, а когда будешь знакомиться с новыми магами, эту фразу мысленно произнесёшь и представишь двух кроликов...

Мари продолжала хранить молчание, изредка морщилась, словно её беспокоили приступы головной боли, и послушно шла рядом с Люсиль, взявшей её под руку. Юноши

последовали за ними, по пути продолжая швырять снежки в разные мишени.

Люсиль прочистила горло:

— Слушай стих:

Одним ранним утром

Два кролика белых

Два кролика белых

Решили сыграть.

«Ах, как же мы будем?..»

«Да, как же мы будем

Друг другу наш бейлар,

Наш бейлар бросать?»

«Давай твою лапку!» —

сказал один кролик.

«Возьми! И давай мне свою!

Пусть магия слышит,

Пусть магия примет,

Darganfon a derby anju!»

Я тебе учебник дам, там он есть. То есть, ты должна протянуть магу руку, представить, что у тебя на руке сидит маленький кролик, а у него на руке — второй...

Маша улыбнулась:

— Неужели все маги так делают? И господин Аурелий тоже в кроликов играет?

Молодые люди, шедшие позади и хором повторявшие стишок, засмеялись. Подруга улыбнулась:

— Нет, конечно, взрослые умеют контролировать дар, но на всякий случай избегают рукопожатия. А этот стих-считалку учат все дети, потому что во время игры запросто могут коснуться друг друга. Конечно, не у всех есть дар с рождения, но предосторожность не помешает, не так ли?

— Согласна, — Мария благодарно кивнула Люсиль и, набравшись смелости, спросила. — А про Вестника можно узнать?

— Ого, вот это у тебя интересы!

Люсиль пообещала найти сборник легенд и ещё две-три полезные книжки: «Сегодня вечером пришло тебе порталом. Не переживай, на эту мелочь силы у меня всегда есть! Главное — не испугайся, если резко вылетит. Где стол твой стоит, я знаю».

Вскоре дружная четвёрка сидела в гостевой зале, Люсиль успела рассказать Мари о магических способностях и их видах. И, слушая подругу, Маша вдруг поняла назойливый интерес де Трасси к тому, что происходило у соседей. В этом году сразу четверо новобранцев от Лабасса уезжали в академию, и родителям Люсиль было важно, чтобы на одном с ней факультете не оказались ненужные друзья. Во всяком случае, эта версия Мари показалась приемлемой.

По сегодняшнему раскладу, Арман, Антуан и Мари могли оказаться на факультете стихийников, а Люсиль — среди пространственников, если только принципиально не выберет тот же факультет, что и друзья детства. Спросить об этом Мари не успела у подруги — её позвали родители попрощаться с господином Майном. Намёк был понят, и Арман тоже

засобиралися домой, пришлось и де Венеттам присоединиться.

Во время прощания г-н Аурелий наклонился с высоты своего роста к голове Мари и сказал:

— Не знаю, юная сирра, что с вами случилось, но определённо, сегодня вы мне нравитесь больше, чем прежде. Выражу надежду на то, что восстановившаяся память не вергнет вас в прежний омут соблазнов.

Г-н де Трасси, это теперь Мари знала, был менталистом с даром интуиции. В какой-то степени можно было сказать, что он видел людей насквозь. Поэтому девушка покраснела и тихо поблагодарила хозяина имения.

На улице, возле подведённых к крыльцу лошадей, возникла небольшая заминка. Антуан и Арман лихо вскочили в сёдла, а Мари, когда ей помогли взобраться, так громко ахнула и вцепилась в седло, что появился новый повод для шуточек Антуана.

— Ну, знаешь, после кроликов я вообще ничему не удивляюсь! — поразились Люсиль неуклюжести Мариэль.

— Ничего, она вспомнит! — Арман проехался на лошади рядом. — Я провожу их до замка. Лишняя помощь не помешает.

Антуан и не скрывал радости: доброволец избавил от необходимости плестись рядом с сестрой. Братец пришпорил коня и помчался вперёд, не подозревая о разговоре, который начался спустя несколько минут молчания между его сестрой и Арманом.

Глава 8. Настырный Вестник

Ему показалось, что он раздвоился, раскололся пополам, и одна его половина была горячей как огонь, а другая холодной как лед, одна была нежной, другая — жестокой, одна — трепетной, другая — твердой как камень. И каждая половина его раздвоившегося «я» старалась уничтожить другую.

Рэй Бредбери, «451 градус по Фаренгейту»

Поначалу Мария думала только о том, как бы не свалиться с лошади, но тело Мариэль быстро вспомнило удовольствие от езды, и стало легче. Арман ехал рядом, задумчиво поглядывая на расстилающееся со всех сторон белое полотно.

Большой Снегопад, который всегда с особым нетерпением ждали лабассцы, приносил с собой не только сугробы: надежду на богатый урожай и праздники в честь Белой Владычицы — в эти два октагона закладывалось будущее. Но, пожалуй, самым главным в эти дни был дар Владычицы, о котором мало кто задумывался. Дороги заметало, и снегопад вынуждал жителей сидеть дома, не тратить день на пустословие с соседом. Сосредоточение мыслей, очищение помыслов и познание себя — вот что мог означать главный подарок Владычицы смертным.

И как здорово было ехать по этому простору под медленно падающими снежинками, пить тишину и прохладный воздух мелкими глотками и думать о своём!

Над головами неспешных путников пролетела белоснежная птица с длинными крыльями, негромко крикнула, сделала круг и рассыпалась снежными завитками. Арман проследил за её движением, после исчезновения вскинул руку — и с земли вспорхнул снег, оформился в тельце с крыльями. Вверху парила новая снежная птица. Она набрала высоту, замерла в воздухе, ожидая приказа. Арман снова сделал взмах рукой, и птица умчалась куда-то вперёд.

— Матушка беспокоится обо мне, — подумав, что надо объяснить Мариэль происходящее, юноша обернулся и понял: девушка ничего не заметила.

Ехала она, опустив голову и украдкой вытирая слёзы.

— Мари? — позвал он, придерживая коня, который и без того шёл медленно.

Она не ответила, сглатывая ком, застрявший в горле, лишь покачала головой, мол, не хочу разговаривать. Арман помолчал.

— ... Хочу извиниться перед тобой. Возможно, я не должен был делать это, но ничего другого мне в голову не пришло. Прости. И ещё... — он немного подумал, — меня удивило кое-что, я не стал говорить об этом нашим... Я слышал твои мысли, как будто два разных человека говорили одновременно, когда я... спасал тебя... И меня это беспокоит, Мари. Могу ли я помочь тебе?

Девушка всхлипнула и в очередной раз вытерла мокрой перчаткой щеку. Знал бы Арман, как ей было тошно! И не только сейчас. Часа два назад, едва угроза отравления магией миновала, Голос оживился и по обыкновению принялся возбуждённо рассказывать секреты из жизни Мариэль, от которых стало дурно. А состояние, которое друзья приняли за шок, называлось на самом деле: «Хочу провалиться от стыда под землю!»

Голос хвастался, как однажды Мариэль соблазнила Армана на поцелуй, чтобы почувствовать в этом превосходство над Люсиль. А после не раз шантажировала Армана

разоблачением перед подругой и получала новые порции неохотных ласк. Как он, должно быть, ненавидел Мариэль! А она тешила своё самолюбие: украла у Люсиль хоть что-то, принадлежавшее ей. Голос признался, распаяясь от гордости, что Мариэль всё же планировала рассказать Люсиль правду и устроить всё таким образом, чтобы доказательства измены Армана оказались несомненными.

«За что мне это порочное тело и разум? — горевала Маша. — В Москве я хотя бы могла свободно думать и уважать себя. А здесь... как только вся правда вырвется наружу, поток презрения остановить будет невозможно...»

«Наложи печать молчания на него!» — вдруг придумал Голос, вняв логике переживаний, и теперь досаждал истерикой. Голова гудела от непрерываемого монолога: Голос понял, что Маша не собирается ничего предпринимать; в речь вплетались оскорбления и напоминания об ущербности в прошлой жизни, не забыла про мать, незаслуженно страдавшую без малого восемнадцать лет.

И сожаление о том, что она так и не умерла, стало последней каплей в переполнившейся чаше: слёзы стыда и безысходности хлынули и остановиться уже не могли. Находился ли в Люмерии хоть один близкий человек, друг, знакомый, перед которым не было бы стыдно?

По размышлении особое значение приобрели слова г-на де Трасси об омуте соблазнов, в который бросалась прежняя Мариэль. И тем более стала понятна холодность родителей Люсиль по отношению к Арману. Если, допустим, г-н Аурелий не мог знать всех грязных подробностей, то как интуит не желал его в качестве жениха своей дочери: кому нужен зять, легко поддающийся под чужое влияние и тем более изменяющий будущей жене?

Надо отдать должное мудрости де Трасси: судя по спокойствию Люсиль, родители пощадили её чувства и не поделились с ней подозрениями, однако выдвинули обязательное условие — не обмениваться в их присутствии знаками влюблённых. Вероятно, поэтому Люсиль сегодня на прогулке выбрала Антуана в качестве спутника. Но стоило четвёрке оказаться в одной комнате без лишних свидетелей, Люсиль и Арман не отходили друг от друга, доказывая нежность внутри своей пары.

Де Трасси надеялись, что пребывание в Академии поможет переключить внимание Люсиль на более стоящих кандидатов. И более чем вероятно, что г-н Аурелий не собирался ждать лета, с которым начиналось обучение. Златовласка по секрету сообщила друзьям, что в конце следующего октагона (через десять дней) в замке де Трасси состоится бал в честь новобранцев Лабасса с приглашением большого количества гостей, в том числе из других провинций. Если Маша мыслила в верном направлении, то организационная интрига состояла в подборе будущих сокурсников для Люсиль и, разумеется, потенциальных женихов. В том, что де Трасси умеют добиваться своего, можно было и не сомневаться.

Характерно, что, пока они ехали рядом, Арман не пытался утешать Мариэль, льющую слёзы. Сколько ему, должно быть, досталось от взбалмошной подруги! Не исключено, когда-то слёзы уже выступали как тяжёлое орудие в манипулировании: расплакалась — стал утешать — попросила поцеловать — поцеловал.

Голос издал смешок: «Да, так всё и было в первый раз. И во второй. На третий он уже сопротивлялся...» Маша с трудом подавила рвотный порыв. Мало того, что мерное покачивание на лошади её укачало, ещё и голова разболелась не на шутку.

Арман, заметив ёрзанье девушки в седле, спросил, не хочет ли она чего-нибудь.

— Хочу пить, — тихо призналась Маша. Про жгучее желание оказаться дома смысла говорить не было.

Он на ходу расстегнул сумку, притороченную к седлу, достал флягу в кожаном чехле, открыл и протянул:

— Это вода из нашего Волчьего Логова.

Вода показалась вкусной, напоминающей минеральную. Отпив порядочное количество, вернула сосуд:

— Спасибо. Чуть-чуть осталось.

— Ничего страшного, по дороге домой наберу ещё. Надо же, ты забыла многое, но благодарение на древнем языке помнишь, — поразился Арман.

— Ты о чём?

— О «спасибо». Хотя нет, показалось...

Совпадение или нет, голова стала меньше болеть, а Голос замолчал, дав, наконец, покой мыслям. Осознав облегчение, Мария ткнула пятками в бок животного, и Ром, так звали коня, одобрительно фыркнул, переходя на рысь.

В желудке сладко замерло от ощущения полёта, а потом — несколько минут ускоренной езды. Тычок — и Ром поскакал галопом. Замелькали деревья, растущие по обеим сторонам дороги, в ушах засвистел ветер. Вот это была скорость! Ах, как стало весело!

— Эй, ты не свалишься?! — спросил Арман, равняясь с Мариэль. Ему тоже надоел плестись по снегу в начинающихся сумерках, но пугала перспектива вернуть де Венеттам тело Мариэль.

— Не-а-а! Я! Лечу-у-у! — закричала Маша, отпуская одной рукой поводья и отбрасывая её крылом самолёта. Впервые за всё время пребывания в «персональном раю» она была счастлива.

Не прошло и получаса, доехали до развилки. Маша натянула поводья, и Ром перешёл на шаг, остановился, фыркая недовольно.

— Куда нам? — повернулась в седле Мария.

Арман кашлянул и засмеялся:

— Ты даже дорогу домой забыла? Тебе налево, мне — направо. Но, знаешь, я всё-таки побуду твоим проводником до конца. Вдруг ты опять решишь заночевать под Ирминсулем. Вон он, кстати, видишь?

Арман ткнул пальцем в тёмную полосу на севере — укрытый снегом лес и одинокое коричневое пятно перед ним. Мариэль импульсивно направила коня к Ирминсулю.

— Куда ты, глупая?! К нему пешком ходят. Да и поздно уже, — Арман пришпорил коня, догнал девушку и преградил дорогу. — Возвращайся домой, не испытывай судьбу!

Маша с сожалением бросила взгляд на желанное дерево. И правда, далековато, к тому же Арману домой возвращаться, а она — ничего, завтра уговорит родителей отпустить сюда.

— Хорошо, ты прав! — она натянула поводья, поворачивая лошадь, и обрадованный Ром не заставил себя уговаривать — пустился рысью домой.

Оказалось, что замок совсем рядом. Едва показались стены, Мария натянула поводья: «Тпр-ру!» До чего ж приятно думать спокойно, не нервничая и без диалогов с Голосом. «Эй, ты где? Чего молчишь?» — обратилась она к Голосу. Ответа не последовало. Уверенности в том, что внутренняя прежняя Мариэль исчезла навсегда, не было. Но замолчала как-то она совсем уж резко, ушла, не попрощавшись... Сразу, после того, как глотнула воды из священного источника...

— Арман, можно мне ещё твоей воды? — попросила у юноши. Тот протянул сосуд, и Маша заставила себя выпить до последней капли холодную воду. Если это было лекарство от сумасшествия, то оно по праву могло называться самым вкусным в мире. Пока пила короткими глотками, покачиваясь из-за нетерпеливого Рома, желающего быстрее оказаться в конюшне с ароматным сеном, додумала одну, засевавшую ещё у де Трасси, мысль. — А вопрос тебе можно задать?

— Конечно, Мари.

— Признайся честно, ты тоже не хочешь учиться на одном факультете со мной и Антуаном? — спросила она и приложилась к горлышку фляги, чтобы сделать очередной глоток.

Арман хмыкнул и с особым интересом окинул взглядом наездницу:

— Удивляешь. Если совсем честно, то Антуана я бы, пожалуй, ещё выдержал...

Маша одним махом допила последнюю воду и вернула флягу:

— Спасибо, я так и думала.

— Ты просила честности.

— Да, и спасибо за неё.

Был у неё порыв попросить прощения за некрасивые поступки Мариэль и пообещать не отравлять жизнь в будущем, однако пока решила не делать этого: судьба Маши в теле Мариэль казалась неопределённой. Что если она обнадёжит этого милого молодого человека и однажды проснётся у себя в квартире? А здесь, в Люмерии, в своё тело вернётся прежняя Мариэль и продолжит жить, как жила до своего сна у священного дерева? Но Маша обязательно что-нибудь придумает, хотя и времени мало (лишь бы Голос не помешал), чтобы помочь Арману, даже если это будет последнее, что она успеет здесь сделать.

До парадного входа в замок оставалось немного, как вдруг лошади забеспокоились, остановились и захрапели, не желая идти вперёд.

— Что такое, моя хорошая? — сколько Арман ни понукал лошадь, та ржала и готова была сбросить хозяина, лишь бы не повиноваться.

От ворот к ним подбежал мужчина, судя по одежде, слуга.

— Что случилось, Джером? — Арман узнал конюха де Венетт.

— Ох, сир! Ума не приложим, что такое! Тёмная магия — не иначе. А ведь и днём выводили лошадок в другие ворота. Господин Рафэль всё осмотрел на предмет проклятия, но ничего не обнаружил. Мы бы позабыли про этот конфуз, но только что молодой господин слетел с лошади аккурат перед воротинной. Благодарение Владычице, здоров молодой сир, но лошадь наотрез отказалась входить. Мы её сызнова через хоздвор и завели-то. Вот господин Рафэль приставил меня ожидать вас и предупредить. Вы бы слезли с лошадок-то, не поминём шархала, но как бы и вы не пострадали!

Арман мгновенно спрыгнул с лошади и помог спешиться Мариэль. Слуга взял её лошадь под уздцы и собрался сделать круг подальше от парадных ворот.

— Знаешь, я тоже с ним пойду, — Маша повернулась к Арману, не собиравшемуся следовать за конюхом. Она догадалась, что напугало животных. Усмиряя дрожь во всем теле, протянула руку и заставила себя улыбнуться. — Проверим, кролики не поссорились?

Арман также вежливо улыбнулся в ответ, протянул свою руку, коснулся сначала кончиков пальцев девушки и только потом пожал всю ладонь:

— Кажется, не успели. Благодарю за сегодняшний день. Он хоть и был, мягко говоря, неожиданным, но всё же порадовал меня финалом.

Мария кивнула:

— Спасибо, что меня спас. До свидания, будь осторожен по дороге домой, — наверное, назойливо было бы затягивать прощание, и она, подняв юбки над сугробами, торопливо пошла за Джеромом.

Арман посмотрел ей вслед, потёр задумчиво щеку, тряхнул головой, отгоняя ненужные мысли. Вскочил на лошадь, и та охотно унесла его назад, по направлению к развилке — подальше от чего-то страшного, находящегося у ворот замка де Венетт.

Следуя за слугой, Мария попала в конюшню. Не зная, куда идти дальше, чтобы вернуться в свою комнату, она прошлась меж стойл, с удовольствием рассматривая лошадей и даже позабыв о причине, вынудившей оказаться здесь.

— Извольте чего-нибудь? — обратился к ней Джером, неся охапку сена для Рома. Значит, Джером — конюх, понятно.

— Позови Жанетту, пожалуйста.

Джером неопределённо крикнул и смылся, оставив Машу наедине с лошадьми, задумчиво жующими сено и поглядывающими на гостью. Всего в конюшне находилось восемь лошадей, двух из них, своего Рома и Антуановскую Перси, Маша уже запомнила, поэтому пошла к остальным. Одна из лошадок (непонятно, это был он или она) заставила восхищённо остановиться, снять перчатку и протянуть руку к умной морде. Карие глаза смотрели на девушку, так показалось, насмешливо.

— Ах, ты красавица! А у меня ничего вкусного с собой нет, прости. Но в следующий раз я обязательно принесу тебе хлеба или морковки. Ты же любишь морковку?.. Как тебя зовут? — Маша гладила подставленную золотистую морду. Лошадь фыркнула и потрясла головой, соглашаясь со сказанным.

— Это Мечта госпожи. Вероятно, вы подзабыли, сирра, — ответил за животное вернувшийся Джером. Подошёл и потеревил гриву. — Скотина, а тоже чувствует, что госпожа заболела. Пятый день дальше общего загона не ходит. На пробежку бы ей, в снегу поваляться.

— Так выведите.

— Не даёт дальше двора уводить, требует вернуться. Вот что значит лошадиная верность.

Мария с жалостью посмотрела в глаза, в которых отражалось двое людей:

— Бедненькая. Я завтра навещу тебя.

Конюх снова крикнул и сделал вид, что ему срочно нужно заниматься своими делами. Маша подошла к остальным лошадям, считая, что они могут обидеться, если не уделить внимание каждому. Джером искоса наблюдал за девушкой.

Ситуацию спасла запыхавшаяся Жанетта:

— Ой, вот вы где, госпожа! Батюшка вас уже заждался, велит подавать ужин, а вас всё нет и нет!

— Я забыла дорогу в свою комнату, — шепнула Мария на ухо Жанетте, и та хлопнула себя по лбу, не зная, как извиниться за оплошность.

Они прошли через служебные помещения, попали в коридор, соединённый с кухней, ещё два пролёта — и дошли до фойе, лестница из которого, как и у де Трасси, вела на этажи. Жанетта тихо объясняла расположение комнат.

— Да, теперь смутно припоминаю! — чтобы не испугать служанку полной амнезией,

сказала Маша, когда они вынырнули из служебного коридора под лестницей в фойе, названное Жанеттой как входная.

Это была относительно небольшая, гораздо меньше приёмной залы комната с двумя большими окнами, расположенными выше человеческого роста. Здесь гулял сквозняк, а яркий свет, по-видимому, никому не был нужен. Двух окон, затянутых инеем, сейчас хватало, чтобы не споткнуться или не задеть мебель, оставленную здесь для посетителей и вытянувшего ноги в хозяйском кресле мальчишки лет двенадцати. Заметив его, Жанетта рявкнула:

— Микал, бездельник! Я же тебе сказала: все господа в доме, иди на кухню, помогай матери!

Тот поднялся и, зевая, ушёл.

— Темновато здесь, — заметила Маша, сворачивая от лестницы к выходу.

— Это дверь во двор! — поторопилась остановить госпожу Жанетта.

— Я догадалась. Хочу посмотреть, что там...

Служанка охнула:

— Не ходили бы вы туда, госпожа Мариэль! Мы сами все напуганы! А господин Рафэль советовал никому туда и носа не совать. Он вызвал инквизиторов из Лабасса. Они-то уж точно найдут причину... Не открывайте дверь, госпожа, прошу! Страсть как боюсь, вдруг что-то страшное в дом заползёт?

— Я только посмотрю, — Мария взялась за толстую металлическую ручку. Но служанка всплеснула руками:

— Ах, да зачем же дверь открывать?! Посмотрите отсюда, госпожа! — дёрнула за какой-то рычаг на том, что Маша приняла за неразборчивую тёмную картину. Возле двери открылось небольшое окошечко — архитекторская дань осторожности.

Вестник, как и прежде, стоял рядом с воротами, опутив голову. Но едва окошко скрипнуло, поднял капюшон с клубящейся темнотой под ним и вперил невидимый взгляд на Мариэль, а затем и руку вскинул. «Помоги-и-и!» — явственно послышался глухой зов. Чувствуя, как кровь отхлынула от лица, девушка посторонилась, давая Жанетте торопливо закрыть окошко.

Пока шли в спальню, чтобы сменить дорожное платье на домашнее, Маша всё думала о скорбной фигуре во дворе, которую завтра инквизиторы вычислят, и, не исключено, заодно узнают, что кое-кто видит этого Вестника. Неудивительно будет, если появятся сложные вопросы. Маша еле от лекаря отделалась, чувствуя его научный интерес к своей персоне. Способности — не пойми что, а уж если опытные друзья Мариэль не смогли определить, что в ней такое, то быть ей лабораторным... кроликом, как пить дать. Мысли прервала Жанетта, сообщив, что госпожа Илария вернулась в свою комнату, пока Мариэль были в гостях:

— ...Уж господин-то Рафэль найдёт способ повысить ей уровень магии... — добавила служанка с непередаваемой интонацией.

— Каким образом? — рассеянно спросила Маша, чьи мысли моментально развернулись в другую сторону. Вместе с ними, она резко остановилась. — Жанетта!

— А я что? Я же пошутила! — виновато опустила голову служанка.

— Скажи, книги от Люсиль появились у меня в комнате?

— Какие книги? Простите, не знаю.

Мария с досадой махнула рукой и ускорила шаг. Если книги появились, когда матушка ещё находилась в комнате дочери, то вопросы точно начнутся. Хотя... что такого в невинных

детских книгах? Если, конечно, Люсиль не добавила чего-нибудь другого.

Но на столике было пусто, даже на писчей бумаге был едва видимый глазу слой пыли и чернильница с плотно закрытой крышкой. Маша сначала с облечением вздохнула, а потом расстроилась: Люсиль могла и забыть про своё обещание. Жанетта поняла грустное выражение лица хозяйки по-своему:

— Последнюю книгу, которую вы дочитали, я унесла в библиотеку, и больше вы не приносили ничего, — служанка подняла брошенное платье, расправила его и положила на кресло у двери. — Жизнеописания Марьом ле Круасью, ставшей любовницей брата короля, вас не впечатлили. Вправду сказать, стиль этой книги был несколько витиеват, а финал известен с первой страницы. И это была последняя книга о королевском дворе, которая имелась в библиотеке... Поднимите, ручки, госпожа!.. Вы ещё хотели заказать из столицы новые, но не успели. Если желаете, вам завтра доставят каталог новых книг...

— Подожди-ка, а откуда ты знаешь, о чём была та книга? — рассеянно спросила Маша, с трудом представив себе, что грубая Мариэль могла служанке рассказывать о прочитанном. Однако руки Жанетты дрогнули, и она бухнулась на колени.

— О, простите великодушно, госпожа! Я не хотела! Но вы оставили книгу раскрытой, а я, когда убиралась, одним глазком, всего одним глазком... И сама не заметила, как прочитала всю...

Маша оторопело смотрела сверху вниз на причитающую Жанетту, пока не рассмеялась:

— Вот ты действительно дурёха! Что плохого в том, что ты любишь читать? — внезапно вспомнила исторические сериалы, в которых слуги чаще всего были безграмотными, и сменила весёлый тон на строгий. Болтовня Жанетты подала кое-какую идею. — Ладно, я прощаю. И более того, разрешаю тебе читать все мои книги. Скажи-ка, а где мой дневник?

Должен же быть у Мариэль, не имеющей ни одного настоящего друга, дневник, куда она могла записывать все свои девичьи тайны, жаловаться на жизнь?

— О! Благодарю за милость госпожа! — Жанетта благоговейно поцеловала руку хозяйки и, как ни в чём не бывало, продолжила возиться с одеждой. — Наденете это или это?.. Прекрасно, моя госпожа!.. А дневник должен быть у вас в тайнике, все господа хранят важные бумаги под личной печатью...

— И где он, ты же знаешь, верно? — служанка опять замерла, виновато опуская глаза. Маша произнесла мягче, — я не буду ругаться, Жанетта, не переживай. Просто хочу быстрее всё вспомнить.

И хорошенькая Жанетта просияла лицом:

— Это вы отлично придумали! И как мне в голову не пришло вам предложить? Тайник у вас за кроватью, госпожа, нужно только приложить ладонь к стене.

Маша пальцем показала на камин и на другую сторону от кровати: там или там? Служанка кивнула на второй вариант. Волоча за собой незашнурованное платье, Маша сразу пошла проверять. Жанетта пыхтела сзади, пытаясь на ходу затянуть болтающийся корсет, и бубня про то, что батюшка с Антуаном, должно быть, заждались в столовой, и заставляя их ждать было бы неприлично.

— Я сначала к матушке зайду, потом пойду к ним, — огорошила служанку Маша, разглядывая стену без признаков вмонтированного сейфа или тайника. Прикоснулась ладонью, как говорила Жанетта, к стене, и раздался скрежет. Кусок гобелена отъехал вверх, и образовалась небольшая ниша.

Девушка присела, всматриваясь в темноту, прежде чем совать в отверстие руку,

рассмотрела корешок, и вытаскала тетрадь в твёрдом, как у книги, переплётё:

— Отлично! Дай-ка я к свету встану... Да не ворчи, Жанетта, я только взгляну...

Дневник раскрылся. Между случайными страницами лежал засушенный цветок. К счастью, способность читать на Люмерийском, как говорить, понимать его, никуда не исчезла.

«...Этот цветок, подаренный Его высочеством, станет символом будущего восхождения на престол!.. Клянусь, я приложу все...»

— Жанетта! — Маша рассмеялась счастливо.

— Да, моя госпожа!

— Ты себе даже не представляешь, как здорово, что мы вспомнили про дневник! А скажи мне ещё, вот, к примеру, если я вырву листы и потом скажу, что это не моё, а кто-то подделал мой почерк, есть ли в Люмерии какая-нибудь экспертиза, которая сможет доказать, что писала именно я и никто другой?

Жанетта закончила с платьем и теперь взялась за растрёпанные волосы хозяйки, зажав шпильки во рту:

— Не понимаю, что вы такое затеяли, но если вам это нужно знать... Повернитесь-ка... Инквизиторы могут всё узнать.

Ах, инквизиторы... И мысли вернулись к Вестнику. С Арманом проблема решена благодаря дневнику. А вот как прогнать Вестника — это пока нерешённый вопрос.

Где-то в комнате бухнуло, словно тяжёлое упало. Девушки обернулись: на столике, рядом с чернильницей, лежала стопка книг.

— О, это сирра Люсиль прислала вам книги! — прокомментировала очевидное Жанетта, втыкая последнюю шпильку. — Прошу вас только, не читайте их сейчас, помните о батюшке с братом!

Маша вернула дневник в тайник, а затем, несмотря на жалобные призывы идти в столовую, неторопливо полистала фолианты с рисунками, выполненными чернилами.

— Вот что, Жанетта. Ты остаёшься здесь, — другого выхода Маша пока не видела, — и будешь ждать меня. Ты же умеешь читать, правда? Твоя задача — найти хоть что-то про Вестника. Мне срочно нужно знать!

Она вручила обалдевшей служанке книги и вышла из комнаты.

Глава 9. Семейная молитва г-жи Тринилии

*Весь мир — театр, мы все — актёры поневоле,
Всесильная Судьба распределяет роли,
И небеса следят за нашей игрой!*
Пьер де Ронсар

В матушкиной спальне Нана кормила свою хозяйку, полусидящую на приподнятых подушках. Судя по тому, как быстро Илария положила на столик приборы и протянула руку вошедшей дочери, Нана переусердствовала с заботой.

— О, милая! Ты выглядишь такой посвежевшей! Встреча с друзьями пошла тебе на пользу, — она похлопала рукой рядом с собой. — Присядь, милая. Я так рада тебя видеть!

— Я вас тоже, матушка. И вижу, что Нана отлично справляется с ролью няньки. Мне бы такую служанку, — незаметно от Наны подмигнула матушке.

Служанка издала неразборчивый гортанный звук и принялась отрабатывать похвалу, набрала полную ложку бульона.

— Ах, Нана, хватит, прошу! В самом деле, за сегодня ты мне скормила недельный рацион! Ты хочешь, чтобы я поехала на источник располневшей? — Илария с возмущением закрылась рукой от надвигающегося на неё столового прибора. — Поди прочь, прошу! Дай поговорить с дочерью!

Маша с улыбкой наблюдала за молчаливой битвой: Нана обиженно скривила губы, матушка нахмурилась, тогда Нана демонстративно взяла столик, звякнув поехавшей посудой, и с грохотом поставила на бюро. Гремя чашками, стала наливать отвар.

— О, Белая Владычица! Эта женщина отнимает у меня последние силы своим упрямством! — вполголоса пожаловалась госпожа Илария, и Нана замерла на мгновение, чтобы продолжить своё дело ожесточённой. Посуда жалобно просила пощады.

Маша погладила матушкину руку и задержала сверху свою. Набравшись смелости, попросилась съездить завтра к Ирминсулю и водопаду, чтобы там набрать воды для матушки и себя. Без лишних подробностей рассказала о том, какое благотворное влияние оказала вода, которой молодой сир Делоне угостил Мариэль. А в качестве провожатого Маша попросила отпустить с ней Жанетту:

— Моя Жанетта, конечно, не Нана, но уснуть мне второй раз точно не даст. Такая болтушка, и ей бы тоже не мешало причаститься к святыням, — закончила свою просьбу девушка.

Г-жа Илария поначалу воспротивилась идее, однако служанка вдруг поддержала молодую сирру в благочестивом желании посетить гнёзда и тем более привезти воду из Волчьего Логова. Как известно, в лечении все средства хороши.

Добившись своего и, на всякий случай, заручившись обещанием уговорить г-на Рафэля, Маша поцеловала матушку, пожелала спокойной ночи и отправилась в обеденный зал, по дороге ускоряя шаг.

Стремительно войдя в столовую, девушка словно налетела на невидимую стену: за накрытым столом молча сидели отец, Антуан и какая-то старуха. Только сейчас Маша вспомнила про бабушку Мариэль, живущую в замке, госпожу Тринилию, которую ни разу до

этого момента не видела.

— Добрый вечер, прошу прощения за опоздание, — Маша степенно подошла к отодвинутому для неё стулу и заняла место. Г-жа Тринилия сидела с таким оскорблённым видом, поджав губы и мечая молнии на присутствующих, что девушка поспешила объяснить: — я заходила к матушке узнать о её здоровье и пожелать спокойной ночи.

Правая бровь г-жи Тринилии дрогнула, сухие руки сцепились в домик, женщина перевела медленный взгляд на зятя. Тот, улыбаясь, заговорил:

— Раз все в сборе, начнём ужин... — прервался из-за тихого покашливания тётчи, — но сначала, матушка, прочитайте молитву, у вас всегда душевно получаются!

Женщина не улыбнулась на комплимент, поставила локти на стол, не ломая домика из пальцев, и начала молиться, свирепо поглядывая на сидящих:

— О, Белая Владычица, мать Люмерии! Защитница благочестивых и враг лжи и обмана! Благодарим тебя за эту пищу и за здоровье всех, кто живёт в этом доме. Да пойдёт благословлённая тобой пища во благо! Да не оскудеет родительская любовь и будет разумно и мудро управлять детьми...

Женщина пристально посмотрела на «молящегося» зятя.

— ...и воспитают их в чистоте и непорочности, как завещала нам Белая Владычица. Да прозреет разум детей, толкующих волю родительскую превратно и преступающих законы совести... — это пожелание полетело в адрес Антуана, с интересом разглядывающего какую-то деталь на противоположной стене.

Маша напряглась, примерно представляя, о чём сейчас будет просить для неё у Владычица г-жа Тринилия. Куда смотреть, чтобы потом не заслужить ещё один совет? И она опустила глаза на пустую тарелку.

— И да принесут потомки дому де Венеттов честь, а не бесчестие!..

Г-н Рафэль не выдержал:

— Матушка, что вы такое говорите!

— Одна! С молодым человеком! Приехала ночью! Да услышит мою молитву Белая Владычица. Энон-эрит!

— Энон-эрит, — повторили слаженно Антуан и глава семейства, Маша поспешила к ним присоединиться, чтобы г-жа Тринилия не обвинила ещё и в неумении молиться.

Г-н Рафэль дал знак двум слугам начинать трапезу. Тарелки быстро заполнялись едой, но «молитва» не отпускала г-жу Тринилию:

— В наше время считалось крайне неприличным находиться наедине с молодым человеком. Поэтому присутствие компаньонки на прогулке было не просто желательным...

— Шарх... матушка, Мариэль была со своим братом, а не то, что вы себе придумали! — отец в отчаянии воздел вилку и нож к небесам. Стало понятно, что пока Мариэль добиралась до столовой, здесь гроыхала гроза.

Никто, кроме Рафэля, и даже включая саму г-жу Тринилию, не подозревал, что Илария как любящая дочь и верная супруга на протяжении многих лет сдерживала суровый характер своей матери ментальной магией. Но в эти дни семья оказалась беззащитна перед бабушкой, вдруг пожелавшей поприсутствовать на ужине, чтобы внести лепту в воспитание неразумных отпрысков, пока их мать восстанавливается. По этой же причине она зорко следила за происходящим:

— Я видела, когда приехал Антуан. Прошло достаточно времени с тех пор, чтобы я могла себе составить представление о воспитании моей внучки!

Рафэль, ибо рот его уже был набит, только глаза возвёл. Антуан тонко улыбался, но также сосредоточился на еде. Зато Маша от стыда и жевать нормально не могла. Последняя реплика рассердила:

— Бабушка, мы с Антуаном приехали бы вместе, если бы он меня не бросил сразу после того, как мы выехали. А потом я задержалась на конюшне, матушкина Мечта скучает, её нужно выгулять...

— Да ты плелась на лошади, как дохлая! Я бы уснул рядом! — отпарировал обвинения Антуан, заметив сместившийся прицел сузившихся глаз в свою сторону.

Однако бабушка решила, что ситуация понятна и обсуждать её не имеет смысла. Подытожила:

— Что ж, неудивительно, что над нашим замком висит проклятие беспечности! Заслуженное наказание!

Г-н Рафэль сжал столовые приборы, прожевал еду и повернулся к теще:

— Матушка! Я уверен, что нет никакого проклятия. Я готов поклясться, прислуга ещё вчерашним вечером использовала неправильное заклинание для запора ворот. Вот лошади и почуяли. Не гневите Владычицу своими догадками!

В такой милой обстановке прошёл ужин. Мария с трудом, впрочем, как и все, кроме г-жи Тринилии, дождалась его окончания. Удивительно синхронно все отказались от десерта, и столовую поспешно покинули все, кроме самой зачинщицы ссоры. Бабушка осталась проследить за тем, как убирают со стола и тушат все светильники.

Маша влетела в спальню с несказанным облегчением, снимая на ходу шаль и бросая её на кровать:

— Ну что, Жанетта, нашла?

Служанка сидела с книгой на коленях, придвинув себе лампу и усилив свет. При появлении госпожи она подскочила и протянула книгу:

— В одной книге, той, что про защиту от магического влияния, была закладка от сирры Люсиль. Но там совсем немного... А в этой я нашла легенду. Вам прочитать, или вы сами?

— Ты ужинала?

— О! Нет, госпожа. Слуги едят после господ...

Маша головой покачала: магический мир, и тут иерархическая несправедливость... Девушка повернулась к служанке:

— Вот что. Помоги мне снять это платье, пожалуйста, заодно расскажешь, что прочитала. Представляешь, я вся исчесалась, пока шла в комнату. Аллергия на бабушкино ворчание, не иначе. И потом можешь идти. Я сама умоюсь и оботрусь как-нибудь... По каким дням тут принимают ванну? Через день?

Жанетта издала звук, который можно было трактовать как изумление, смешанное с ужасом и обидой сразу:

— Что такое говорит моя госпожа?! Как я могу вас оставить и не исполнить ваше пожелание очиститься перед сном? Вы, верно, хотите от меня избавиться!

«Ещё одна обидчивая Нана!» — вздохнула Маша и поспешила успокоить служанку. Жанетта, помогая раздеться, начала пересказ и увлеклась так, что пришлось с неё взять слово не делиться завтра же на кухне этой историей, чтобы не напугать слуг. Служанка гордо ответила, что легенда про Вестника была не единственной, которую она успела прочитать и запомнить. Слава богу, голова болтливой Жанетты будет ненадолго занята. А пока она рассказывала, понизив таинственно голос:

— В книге написано, что Вестник при жизни был продажным судьей. Кто платил ему мзду больше, того и правда была. И вот однажды привели к нему старика, седого и сгорбленного, и торговца, у которого этот старик, якобы, испортил яблоки — выбирал долго себе мягкое и помял пальцами товар... В общем, этот судья, конечно, постановил, чтобы старик выплатил торговцу за все яблоки, которые трогал. Но старик сказал, что денег у него ровно на одно яблоко, а больше ему в тот день не подали. И тогда приказал судья бросить старика в яму к преступникам и держать до тех пор, пока старик не вернёт деньги. «Как же я верну монеты, если буду сидеть в яме?» — спросил старик. А продажный судья только посмеялся.

Тот старик на самом деле был Белый Некромант, зачинатель некромагии... Услышал он жалобы душ, которых погубил судья своим решением, и захотел сам проверить. Вот и увидел он, что те души не солгали. Разгневался он, скинул свою личину немощного старика и ка-ак ударит своим посохом! Душа судьи в ту же минуту в посох и ушла!

Много лет прошло, ходил Белый Некромант по миру так долго, что одежда его сделалась чёрная, и посох из белого окрасился в чёрный цвет, и сам Некромант стал называться Чёрным! Оказывается, проклятые души, которые он забрал в свой посох, своими злодеяниями даже душу первого некроманта испачкали.

Стал он тогда вызывать души из посоха, одну за одной, и спрашивать, как хотят они искупить свои грехи. Например, палач просил дать ему возможность спасти людей, а Некромант соглашался и устанавливал неожиданную судьбу — быть вечным извозчиком на пароме, пока не найдётся человек, убивший больше, чем этот палач...

— Ну, а с Вестником-то что? — платье было снято, и Маша с наслаждением прошлась руками по коже спины и плеч, почесала их.

— Я сейчас вам воду приготовлю! — Жанетта открыла дверь в комнату с лоханью. Маша последовала в уборную за служанкой.

Не прошло и пяти минут, как вода в лохани наполнилась сама собой, стоило Жанетте перелить туда из большого ведра. Затем служанка опустила в воду руки по запястье — и от неё в прохладном помещении повалил пар. Прodelывая всё это, она с удовольствием продолжала:

— А продажного судью Белый, то есть, уже Чёрный Некромант наказал так. Выпустил его душу из посоха и спрашивает: «Ну что, осознал свои грехи?» «Осознал и каюсь, о господин!» — судья упал на колени. «Как думаешь искупить?» — «Буду верой и правдой служить людям!» А Некромант и говорит: «Это ты хорошо придумал! Назначаю тебя Вестником! Любой, кто потребует помощи и готов будет заплатить за неё, сможет вызвать тебя. Ты же станешь гарантом сделки и будешь искать того, кто сможет выполнить волю заказчика. И до тех пор, пока сделка не будет завершена положительно, ты будешь не свободен». «Сколько мне служить?» — спрашивает судья. «Столько лет, сколько ты скопил себе сибериусов на взятках!» — сказал Некромант и захохотал. А у судьи-то, и вправду, после смерти нашли целую комнату с сундуками, набитыми золотыми монетами. Так что быть ему Вестником до скончания мира!

И как вынес свой приговор Некромант, стукнул посохом — и обрёл новую плоть судьи, стал Вестником. Говорят, что видеть его могут только тот, кто вызвал его, и тот, кого нашёл Вестник, чтобы исполнить данный обет... Вода готова, госпожа!

Жанетта помогла Мариэль снять нижнюю рубашку и залезть в лохань, в которой можно было усесться, скрестив ноги или согнув в коленях.

Вода божественно ласкала тело, и Маша застонала от удовольствия, откинувшись спиной на тёплую деревянную стенку. Жанетта помогла вымыть волосы ароматным мылом, потереть спину и хотела взяться за руки, но Маша грозно рыкнула:

— Я сама!..

Служанка обиделась, но ненадолго, потому что Мариэль стала рассказывать про события у де Трасси, умолчав о поцелуях в гроте, и служанка повеселела. Питалась она интересными новостями, что ли? Так подумала лениво Маша, нежась в тёплой воде, пахнувшей травами.

После купания Жанетта хотела было помочь высушить тело, но Маша попросила:

— Оставь, хочу чувствовать влажное тело. Словно живая по-настоящему...

Выполнив все последние обязательства, служанка напоследок поправила одеяло, в которое укуталась Маша, собираясь ещё немного пободрствовать за чтением дневника Мариэль; подбросила поленьев в камин, усилила свет от лампы на подставке в изголовье кровати, чтобы удобнее было читать; сделала книксен, пожелала ночи, наполненной прекрасными снами, и, наконец, ушла.

Маша погрузилась в чтение дневника.

Записи Мариэль, её чаяния и мечты оказались примечательными, а каждая страница могла стать компроматом, который искала Маша. И чем дальше, тем записи становились всё откровенней, повествуя о таких вещах, о которых Маша не догадывалась, а мама ей об этом не рассказывала. Даже жарко стало от фантазий Мариэль...

Девушка откинула одеяло и босыми ногами прошлась до столика с водой. Выпила половину кубка и чуть не подавилась, когда в голове раздался знакомый голос:

— Ну что, понравились тебе тайны Мариэль?

Глава 10. Самое трудное

Велико могущество совести: оно дает себя одинаково чувствовать, отнимая у невинного всякую боязнь и беспрестанно рисуя воображению виновника всё заслуженное им наказание.

Цицерон Марк Туллий

Голос терпеливо ждал, пока Маша откашляется:

— Извини, не хотела напугать, — насмешливо продолжил Голос. — Уж очень забавной и, к сожалению, предсказуемой была твоя реакция на собственные записи в дневнике.

— «Собственные»? — на языке вертелось много вопросов, но Суфлёр переключил их все на один единственный.

Голос насмешливо хмыкнул:

— А чьи же ещё?

— Но я не Мариэль! — удивительно, как этот Голос успевал так быстро выводить из себя. Настоящий талант. — Прекрати надо мной издеваться! Хватит!

Голос поцокал неодобрительно, задумался ненадолго:

— Пожалуй, нам стоит прояснить кое-что. Точнее, тебе. Осознав, кто ты сама, узнаешь, кто я. И разговор у нас будет непростой. Но для начала давай-ка сделаем заклинание магического шатра, чтобы нас никто не подслушал. Твой горячо любимый братец решил сегодня устроить вылазку в погреб. Ещё ненароком услышит твоё бормотание, или ты кричать начнёшь. Не хочу, чтобы тебя ко всему прочему считали ещё и сумасшедшей.

Странное дело, в данный момент Голос был на редкость убедителен: не истерил и не потребовал устроить засаду Антуану и выдать его, крадущегося с бутылкой наперевес, например, бабушке. Неужели всё-таки вода из Волчьего логова так благотворно подействовала? Молчала часа четыре, а теперь будто нормальный человек, с которым поговорить можно.

— Заметь, это сейчас была твоя фантазия, я бы и не догадалась устроить пакость братцу, — Голос издал смешок. — Поторапливайся же! Делай, как я скажу...

Недолго поколебавшись, Маша подчинилась. Получилось не с первого раза и даже не со второго — на пятой попытке небольшой мыльный пузырь размером с кулак раздулся над головой Мариэль до размера комнаты, и теперь, куда ни посмотреть, поблескивал купол из переливающейся пелены, похожей на ту, которую Маша видела при создании портала.

— Неплохо. Правда, лопнет через полчаса... Ну что ж, значит, столько продлится наш разговор, — спокойно сказал Голос, звучавший после появления магического шатра уже и не в голове, а вокруг, как из невидимого динамика.

Маша присела на край кровати:

— О чём ты хотела поговорить?

Голос засмеялся:

— Я хотела?.. Впрочем, давай перейдём к делу. Начну говорить я, а ты слушай. Потом поменяемся.

— После того, как ты обвинила меня в том, что я сделала твоё пребывание здесь невыносимым, и даже на будущее замахнулась, рыдала в три ручья, мол, тебе исправлять ошибки прежней Мариэль, я решила временно не комментировать твои действия. Мне стало

интересно, как ты воспользуешься этой свободой. В тот момент Арман удачно со своей водой подвернулся, и ты решила, что надзирателя больше нет. А теперь давай посмотрим, что ты сделала сама, без моего вмешательства.

— Пила воду, хотя не хотела этого, чтобы избавиться от хозяйки тела; даже если ты заблуждалась, всё равно это было некрасиво. Обманула служанку, не сказав ей про Вестника, а ведь эта девушка поклялась за тобой в огонь шагнуть, если потребуется. Затем ты проигнорировала пожелание отца и пошла к матери, чтобы обмануть её ловким способом. Под предлогом привезти ей исцеляющей воды ты уговорила её отпустить тебя завтра. И опять приплела невинную служанку. Заметь, на тот момент не прошло и часа, как я дала тебе свободу.

— За ужином ты выдала своего брата бабушке, оправдав своё опоздание. Во время молитвы думала не о молитве, хотя Тринилия была права во всём, как всегда. После этого ты опять использовала служанку в своих целях, не объясняя, зачем. Ты думаешь, она сейчас спит? Ты даже забыла про мать из прошлой жизни, о счастье которой якобы пеклась, пока моё присутствие было очевидным.

— Далее. Ещё неделю назад ты готова была пожертвовать своим жалким существованием ради счастья матери из прошлого. О твоих намерениях спасти целый мир, если бы он излечил тебя, тоже упомянем. И вот ты здорова и благополучна. Час назад ты узнала, что некто нуждается в твоей помощи, я имею в виду Вестника, который третий день стоит под твоим окном и представляет пока только неудобство для домашней скотины, а завтра проблемы начнутся у всех. Какое решение ты приняла? Ты хоть что-нибудь сделала хорошее из того, что собиралась? Нет, ты читаешь свой дневник с паскудными записями, выбросив из головы чужой призыв о помощи.

— И, наконец, пока ты читала свои интимные воспоминания, я почувствовала твой интерес к тому, из-за чего, частично, Мариэль была наказана.

Достаточно тебе доказательств того, что ты и без меня неплохо справляешься с образом (как ты назвала себя?) взбалмошной девицы? Десять проступков за полдня — многовато для невинной Марии Венедиктовой, не так ли, м? — Голос замолчал, ожидая ответа.

И Маша не могла ничего ответить на это: слёзы стыда покатались по её щекам, она только покачала головой, признавая вину. Желание оправдаться ушло на задний план. Голос был прав. Что случилось с ней? Почему так вышло, что она превратилась в Мариэль, сама того не заметив?

— Ну, нет, милая! — возмутился Голос. — Проясним ещё один момент для нас обеих. Яблоко, которое превратили в пуар, — уже не яблоко. Согласна?.. То-то же. Забудь своё русское имя, твоё прошлое теперь принадлежит Люмерии. И до тех пор, пока *ты, пуар мой*, будешь верить в то, что ты — яблоко, в голове твоей будет каша, на которую ты жалуешься.

Маша вытерла очередную слезинку и не возразила — хотела уточнить, потому что чувствовала: именно сейчас Голос не обманывает, не играет:

— Но как же я могу стать Мариэль, если я хорошо помню только то, что было со мной в Москве, а то, что было в Люмерии, нет?

Голос вздохнул протяжно, словно хотел показать усталость от объяснения очевидных вещей:

— Мы помним лишь то, что представляет для нас ценность. Скоро возобновятся занятия, и ты убедишься в этом. Послушай, стоит тебе признать, что ты — Мариэль, и ошибки её прошлого — твои ошибки, как всё встанет на свои места. В этом суть

мироздания: мы сейчас — это не последствие прошлого, это сумма того, что мы из него взяли, и наши нынешние возможности.

Повисла пауза. Голос дал возможность переварить услышанное. И, почувствовав сомнение Мариэль в своих силах, произнёс с более тёплой интонацией:

— Не надо сомневаться. От бездействия уверенности не прибавится. Как я уже сказала, ты совершила много проступков за короткий срок, хотя цель была благая. За твоё оригинальное решение помочь Арману и заслужить его прощение я бы тебе простила большую часть ошибок. Арман — милый мальчик, достойный потомок Белого Речника и Помаванки, которым я немного задолжала.

— И за намерение помириться с братом тоже молодец. Похвально также, что твоя нерешительность относительно Вестника была связана с нежеланием подставить прежнюю Мариэль. Как ты сказала? «Однажды я проснусь снова в своём инвалидном кресле, а Мариэль придётся выполнять обещанное мной». Так? Если бы не эти моменты, я была бы крайне разочарована в тебе. И всё же ты должна уяснить: к цели почти никогда не ведёт одна дорога. Можно идти по широкой и наделать непростительных ошибок. А можно продираться через тернии и сохранить честь.

Лёгкое движение воздуха коснулось опущенной головы девушки, погладило:

— Если у тебя остались вопросы, задавай сейчас. Как только я уйду, ты будешь нести ответственность за происходящее сама.

Маша сглотнула тающий от добрых слов ком в горле:

— Но кто вы, если не Мариэль? Что с ней случилось, и могу ли я увидеть свою маму?

Голос засмеялся добродушно:

— Прошое всё-таки никак тебя не отпускает. Хорошо, расскажу немного. Пока всего знать тебе не нужно, со временем узнаешь. Мариэль Адерин Ригхан де Венетт была обречена. Так получилось, не уследили: тьма захватила ваше сердце. Но слишком много людей молилось о вас, да и грядущие события потребовали присутствия Мариэль.

Признаюсь, условие задачи было слишком сложным, чтобы я не заинтересовалась. Мне пришлось выжечь тьму, захватившую душу бедной девочки. В твоём мире, кажется, есть похожая болезнь, связанная с телом, когда отростки тьмы пожирают его здоровую часть.

Но разум, лишённый части воспоминаний, как правило, становится безумным, и мне пришлось искать вторую Мариэль, чтобы заполнить пустоту в душе и воспоминаниях соответственно. Так я нашла тебя, полную противоположность той Мариэль и, в то же время, — идеальную копию. Во Всемирье так бывает.

— Значит, я не умерла, когда упала с балкона? — картина полёта ярко вспыхнула перед мысленным взором.

Голос подтвердил:

— Берёза. Ваш символ мироздания. Ты зацепилась за неё, в этот момент тебя забрали.

— А мама? Что с ней?

— Мать Маши показать не могу: дверей между нашими мирами нет, чтобы бегать туда-сюда, как вы по соседству. Я успела увидеть лишь скорбь матери по погибшей дочери. Что случилось позже — мне неизвестно. Одно могу подсказать: когда в одном месте убывает, в другом — прибывает. Хочешь знания — надо отдать взамен равноценное, иначе баланс мироздания нарушится, и договор не сработает. Это здесь приходится делать вид, что дар равноценен презренному металлу и камням, которые в подземелье ничего не стоят. Люмерийцы не подозревают, что моя роль в этой игре — всего лишь их выслушать и

направить магию. А как она к ним потечёт — зависит от каждого... У нас мало времени, задавай вопрос.

Но в голове Маши было слишком много всего, о чём хотелось узнать. Она мысленно заметалась, выхватывая обрывки образов. Как из барабана, крутящегося с лотерейными шарами, вылетело:

— Что будет с даром, то есть, моими способностями?

Голос хмыкнул:

— Согласна: перебор получился. Ну да ладно, не забирать же назад подарки. Но для равновесия, о котором я тебе говорила, сделаем так: пока будет работать один дар, другим ты воспользоваться не сможешь. По-моему, это справедливо.

— Значит, целительского дара у меня не будет?

Собеседница рассмеялась:

— Скажи-ка, Мария, в твоём бывшем мире, чтобы лечить людей, нужна была магия или знания?

— Знания, — упавшим голосом согласилась Маша.

— Ты сама ответила на этот вопрос... Давай прощаться?

Девушка вскочила, не зная, в какую сторону повернуться:

— Подожди! А с Вестником что мне делать? — спросила она. Сердце и без того стучало часто-часто, а сию секунду вдруг навалилась тревога такая, что и не описать.

— Разве ты уже не приняла решение? Я не могу тебе указывать.

— Пожалуйста, подожди ещё немного!

— Шатёр исчезает... — улыбнулся Голос.

— Кто ты, скажи?

Мерцающие стены купола вдруг задрожали, подтверждая слова Голоса, и лопнули, брызнув почти незаметными искрами.

— Зови меня Совестью, — мелодично засмеялся Голос внутри головы. — И не называй меня раздвоением личности. Во Всемирье правит магия, здесь даже совесть может поговорить со своим хозяином без ущерба для его ментального здоровья. А вот твоё слово «Суфлёр» мне понравилось. Это же с театром связано?.. Прощай. Пользуйся свободой так, как обещала себе.

— Прощай, — машинально вслух сказала Маша и спохватилась, воскликнула в отчаянии: — Как мне не запутаться? Я не хочу больше совершать ошибки!

Сильный порыв ветра ударил в окно, стряхнув иней на узкий подоконник. Словно проник в комнату со взъерошенной девушкой, сидящей на кровати и запустившей пальцы в волосы. В камине вспыхнул огонь, пожирая остатки поленьев, а лежащий на столе дневник раскрылся.

Маша вздрогнула, несколько мгновений прислушивалась к происходящему, соскочила и бросилась к записям. В комнате заметно потемнело: в камине угли напоминали россыпь звёзд на ночном небе. Девушка с дневником опустилась рядом.

Под отблески пламени нашла нужные страницы в дневнике и вырвала их. Потом дотянулась до края кровати и засунула листы под перину, а остальной дневник положила на звёзды в камине и дождалась немого спасибо от Кальцифера. Вскоре жёлтые языки лизнули его обложку. Девушка задумчиво наблюдала за уничтожением ненужного прошлого, а когда жар от благодарного огня коснулся лица, поднялась. Подошла к окну.

Вестник, почувствовав взгляд, поднял свой огонёк. «Помоги-и-и!» — донеслось глухо

всё то же неизбывное.

Мариэль нашла шаль, накинула её поверх ночного тонкого платья и вышла из комнаты.

Она, останавливаясь, чтобы прислушаться к звукам спящего замка, шла по коридору. Заговорённый свет в настенных бра, едва она оказывалась рядом, предательски ярко вспыхивал. «Настоящая световая сигнализация! Не хватало, чтобы кто-то проснулся от этого!» — каждый раз Мариэль вздрагивала, и хотелось ускорить шаг, пробежать так быстро, чтобы магический свет не успел отреагировать. Наверняка, существовало заклинание невидимости, но Мариэль его не знала.

Не стала спускаться по центральной лестнице для господ и их гостей, а дошла до той, по которой перемещались только слуги. Здесь спускаться было намного спокойнее. На каждый пролёт горело по одному светильнику, и не было десятков дверей, одна из которых в любой момент могла бы открыться. Нижние ступени служебной лестницы привели к двери, открыв которую Мари сначала не могла понять, где оказалась. А присмотревшись — поняла: она у парадной лестницы в холле. О том, что придётся возвращаться назад, она пока старалась не думать.

Но где-то здесь, в глубине спящей черноты, послышалось лёгкое движение, и Мариэль затаилась. Минуту прислушивалась, прижавшись к лестнице — показалось! — и быстрыми шагами, стараясь не топтать, направилась к входной двери. Но до той оставалось совсем немного, как вдруг из темноты донёсся испуганный шёпот:

— Ах, госпожа! Не трогайте дверь! Вы разбудите весь дом!

Мариэль подпрыгнула от испуга и схватилась за грудь, в ней и без того сердце колотилось, как бешенное, а так вообще заикой можно стать!

Из тёмного угла на сумеречный свет вышла фигура в длинном плаще.

— Пойдёмте через кухню, госпожа, — грустно сказала Жанетта, которая второй час пряталась здесь, почти не сомневаясь в появлении хозяйки.

— Что ты тут делаешь? — шёпотом изумилась Мариэль, а потом вспомнила, что говорил Голос, и устыдилась: — Ты догадалась обо всём?

— О да, госпожа, — девушка была явно уставшей либо уснула в ожидании. — За ужином слуги только и болтали про вчерашний случай. Я им ничего не рассказала про Вестника. А когда стала укладываться спать, всё поняла и решила подождать вас тут.

— Послушай, нет времени объяснять, я тебе потом расскажу, — Мариэль меньше всего хотелось сейчас тратить свой запал на уговоры служанки выпустить наружу и не звать никого на помощь.

Жанетта не сдержала зевков:

— Я понимаю, госпожа. И не моё это дело, я всего лишь слуга своих господ, — она остановилась перед дверью, ведущей на хоздвор. Сделала пассы руками и посторонилась. — Господин Рафэль разрешил тётушке самой наложить заклятие, мы, слуги, ведь позже господ ложимся спать и раньше их встаём. А на той двери, что вы хотели открыть, печать господина... О!

Жанетта сдавленно вскрикнула. Мариэль вдруг обняла её и поцеловала в щёку:

— Спасибо, дорогая!

Когда дверь скрипнула, открываясь, служанка очнулась от потрясения и схватила Мариэль за руку:

— Подождите, госпожа! На улице холодно! Возьмите мой плащ!

Глупо было отказываться, и, укутавшись, Мариэль поняла, что на самом деле подзамёрзла, пробираясь через коридорный сквозняк. Жанетта осталась за дверью дожидаться хозяйку.

Угол замка — и вот он, двор с никому, кроме неё, не видимым огоньком посередине. Маша перекрестилась машинально, выдохнула и пошла к нему. Тот вспыхнул ярче, почувствовав приближение.

— К кому ты пришёл? — хриплым голосом, не успев откашляться, задала вопрос Мариэль. Так учило руководство по магическому общению с сущностями, которое прислала Люсиль.

Тьма под капюшоном заволновалась, и глухой голос отозвался:

— Мариэль Адерин Ригхан де Венетт, я пришёл к тебе...

— Зачем ты пришёл?

— Я принёс тебе послание с просьбой о помощи...

Согласно руководству, сейчас можно было произнести: «Я не заключаю нежеланных договоров!» — и Вестник бы исчез, чтобы никогда больше не появиться. Мариэль помедлила, собираясь с духом и удерживая вздох, застрявший где-то в грудной клетке, задала следующий вопрос:

— Я готова тебя выслушать, Вестник!

Огонёк в руке Вестника вспыхнул ярко, и шар света, похожий на шатёр, что создала у себя в спальне Мариэль, охватил две фигуры, ограждая от остального мира. Где-то позади вскрикнула женщина. «Жанетта всё-таки не выдержала, вот любопытная!» — подумала отстранённо Мариэль, узнав тональность аханья.

— Внемли словам матери, пославшей меня: «Сердце ма-атери, которая просит за своего единственного сына... Только ты, многоликая, можешь помочь... Спаси моего сы-ы-ына!..»

Теперь говорила женщина, незнакомая Мариэль. Голос отражался от поверхности шара и множился небольшим эхом.

— Мне нужны подробности! — продолжила твёрдо следовать инструкции Мариэль, хотя желудок сжимался от страха.

Вестник поднял чёрную руку ладонью вверх, и над ней, как от кинопроектора, появилось изображение, в котором поначалу сложно было разобрать происходящее. Летали бейлары, люди постоянно перемещались, кажется, это было сражение. Вдруг «видео» замедлилось, приблизилось к одной из фигур. Лица черноволосого мужчины невозможно было разобрать, двигался он ловко, отражая удары. Как вдруг ему в спину полетело оружие, похожее на светящийся кинжал. Мужчина замер. Белое остриё высунулось из грудной клетки, и мужчина упал на колени — потом плашмя. Расплывчатая серая фигура возвысилась над телом поверженного и растворилась. Затем «голограмма» потухла.

— Готова ли ты оказать услугу? — спросил Вестник равнодушно.

— ... Готова, — от волнения Мариэль облизала пересохшие губы. — Но мне нужен ответ. Мой первый вопрос: как найти того, кого нужно спасти?

Вестник качнулся зыбью:

— Ты узнаешь его по знаку на плече... Я дал первый ответ... Что просишь за услугу?

Где-то позади, вне шара, Жанетта пискнула:

— Госпожа, поторопитесь!

И сразу все мысли вылетели из головы. В руководстве говорилось, что Вестник может приходить на зов до трёх раз, поэтому Мариэль повторила на всякий случай вызубренную

фразу:

— Я тебя позову, чтобы назвать цену. Обязательства принимаю! — и протянула левую руку перед собой.

Чёрная тень легла сверху, уколола запястье, а потом туда словно кусок льда приложили.

— Договор соста-а-авлен. Закреплё-он кровью. Помни, многоли-икая! — по-прежнему безэмоционально провозгласил Вестник.

Мгновение — и шар истончился, брызнув в стороны искрами, а Вестник взлетел вверх, в ночную бездну, чтобы раствориться в ней.

Мариэль наконец вздохнула полной грудью. Но было ощущение, что по левой руке полз муравей, дополз до предплечья, впился и только тогда успокоился. Прислушивавшуюся к ощущениям девушку дёрнули за другую руку и потащили за собой.

— Умоляю, госпожа, быстрее! Господин Рафэль идёт сюда! — Жанетта, а это была она, влекла хозяйку к двери. Поднявшаяся за ними позёмка замела следы на снегу полностью, как только дверь с той стороны закрылась.

Едва они влетели на кухню, и Жанетта усадила хозяйку на скамью перед длинным столом для слуг, а сама метнулась к очагу, как вошли двое, осветив помещение двумя яркими лампами.

— Что вы здесь делаете ночью? — подозрительно окидывая взором кухню с двумя девушками, сурово спросила госпожа Тринилия, оттеснив в дверях господина Рафэля.

Глава 11. Тайны дневника Мариэль

*Душа ждала... кого-нибудь
...И дождалась... Открылись очи;
Она сказала: это он!
А.С. Пушкин, «Евгений Онегин», гл.3*

Первый октагон Большого Снегопада подходил к концу. По замыслу Белой Владычицы, белое полотно должно было покрыть всю землю перед наступающими морозами. Поэтому снежинки продолжали пчёлами кружиться над Лабассом, высматривая цветные пятна, чтобы скрыть их.

Пока ещё не морозило. Свежий воздух охлаждал кожу, но не кусал, давая возможность ребятишкам вывалиться всласть в невесомом пуху, а их родителям — заpastись провизией и топливом на октагон, посвящённый терпению и принятию. В эти дни бедные подьедали запасы в надежде на дары богатых во втором октагоне. Нуждающимся раздавали добро, в том числе и приевшееся; ездили, завернувшись в меха, на санях с мешочками зерна, мяса, маслом и сладостями к бедным, а также устраивали балы.

Благотворительностью обычно занимались в последние дни второго октагона, когда зима лютовала, и никакой здравомыслящий человек не решился бы на прогулку по каменному насту без особой надобности. Посему вылазки богатых к бедным должны были символизировать жертву, которую обязан принести каждый счастливый, чтобы уравновесить справедливость в Люмерии.

Илария, отбывавшая с мужем завтра на магический источник, планировала вернуться через три дня, чтобы успеть до конца октагона посетить всех нуждающихся и подготовиться к ежегодному белому балу, устраиваемому герцогом де Трасси. В прошлом году Мариэль сшили два платья, потому что первое ей не понравилось, и матушка беспокоилась, что в этом году за четыре дня швеи могли не уложиться с пошивом, ибо претензии на изысканный вкус имела не одна Мариэль, но и другие девицы, желавшие выглядеть не хуже.

Главная причина находилась в традиционном условии зимнего бала: все дамы должны быть в белом. Это условие усложняло задачу портнихам, ведь ни одна дама не хотела обнаружить на другой даме слишком похожий фасон. Мужчинам было проще: обязательными составляющими костюма являлись сюртук тёмного цвета, дабы оттенить непорочную красоту дам, широкий пояс с рисунком фамильного герба — дань истории и семейному древу, и белые перчатки, чтобы своим прикосновением не оскорбить партнёршу по танцу. Мужчин сходство во внешнем виде не волновало.

Об этом рассказывала Жанетта своей хозяйке, пока они ехали к Ирминсулю.

— Когда мы сегодня вернёмся домой, я хочу померить то платье, которое не надела в прошлом году. Пусть матушка выздоравливает, это сейчас главнее, — Мариэль задумчиво любовалась заснеженным видом, воображая, как тут должно быть красиво в тёплое время года, если даже монохромная красота поражала до восторга.

Жанетта издала умиленный возглас «О!», не решившись повторить в сотый раз за день слова восхищения в адрес подобрешей хозяйки. Мариэль после очередного утреннего комплимента пообещала наложить печать молчания на неделю, если Жанетта не перестанет

вгонять в краску, и служанка подчинилась, тем более что шанс прокатиться с хозяйкой выпадал так редко!

— Как ты думаешь, можно днём вызвать Вестника? — подумав о госпоже Иларии, Мариэль сразу вспомнила и другую мать, нуждавшуюся в поддержке не меньше. Хорошо, что не успела Вестнику озвучить своё условие. Было время продумать его основательно.

Жанетта передёрнула плечами:

— Ещё и суток не прошло, госпожа, а вы хотите снова его видеть.

— Просто не хочу, чтобы пока я здесь наслаждалась всем этим... Чтобы что-то плохое случилось в другом месте с другим человеком. И не спрашивай меня, о ком я. Ты и так много знаешь. В конце концов, у меня могут быть свои личные тайны.

С непременным наличием личных тайн Жанетта смирилась несколько часов назад. Застигнутые врасплох Тринилией и Рафэлем они легко отделались. Внезапное желание Мариэль перекусить ночью в лумерской кухне взрослые восприняли как её очередную блажь. А то, что спальные туфли девушки оставляли мокрые следы на полу, никто не заметил благодаря расторопной Жанетте. Более того, сама бабушка из любопытства согласилась испытать те же острые ощущения — скушать булочку и запить её ароматным варом, сидя за деревянным столом, который ленивые слуги не удосужились поскрести как следует перед праздниками. И пообещала завтра лично проверить каждый уголок в замке на наличие грязи.

После этого Мариэль и Жанетта долго разговаривали в спальне. Успели и поплакать, и обняться, и посмеяться.

— Жалеете о том, что не получили лекарский дар? — заполняя паузу, снова заговорила Жанетта, чтобы отвлечь хозяйку от печальных дум, ясно читаемых на её лице.

Мариэль пожалала плечами: после молитвы под Ирминсулем, которую проговорила, как смогла, хотелось тишины и сонных раздумий обо всём. Ром шагал спокойно, словно сочувствовал заботам невыспавшейся хозяйки.

— Как думаешь, если мы на обратном пути свернём в ту рощу, никто нас не увидит? — Мариэль показала на деревья, растущие у первого холма, означавшего владения Делоне.

— Зачем, госпожа?

— Вызову Вестника. Не хочу откладывать своё решение.

Жанетта охнула, однако не возразила. Верила, что цена за услугу Вестнику не была причудой, ведь хозяйка так изменилась, стала такой благоразумной...

Лошадей привязали к перекладине на площадке, напоминавшей ту, что находилась рядом с Ирминсулем, пошли по небольшой протоптанной тропинке, оставленной мужичком, которого девушки встретили по дороге. Он вёз на санях бочку с водой, и Жанетта, поздоровавшись, поздравила его с рождением сына.

— Набрал воды для первого посвящения малыша, — пояснила она Мариэль, когда мужичок проехал. — Его младший брат у нас в замке служит. Да вы помните, это Джером.

Возле водопада воздух как будто казался прохладней. Или так чувствовалось из-за брызг, долетавших до обрыва перед ним? Девушки постояли, любуясь зрелищем и, как того требовало гнездо, сосредотачиваясь на молитве.

Водопад был небольшим, Маша по телевизору и не такие видела. И всё же рядом с ним царило то же, что и под Ирминсулем, — умиротворение, сила природы и нечто ещё, чему Мариэль пока не могла дать название. Вода падала из чашеобразной расщелины в скале,

образуя полуоткрытый веер в своём полёте к вечно пенящейся заводи, истоку лабасской речки Лонии.

Сейчас за этим веером отливала серебром белая стена льда, а летом, рассказывала Жанетта, можно увидеть узкий вход в небольшую пещеру, в честь которой был назван водопад. Много веков назад жила здесь семья серебристых волков, считавшихся хранителями северного Лабасса.

Плодились аргириусы умеренно, на домашний скот почти не нападали, потому что за логовом ухаживали и приносили мясо, чаще — когда появлялись малыши. Говорили, что волки даже позволяли забирать щенков, которых потом доставляли в столицу. И хотя те в неволе потомства не приносили, любой водный маг за ручного аргириуса был готов отдать состояние.

Но около ста лет назад или больше аргириусы вдруг исчезли, оставляя после себя домыслы о причине этого события. Одни болтуны говорили, что свободолюбивые животные не выдержали манипуляций со своим потомством и ушли на другую сторону гор. Другие спорщики, — что волков просто-напросто кто-то истребил. Имелась версия, которой держались самые злобные сплетники: исчезновение волков совпало с некоторыми переменами в замке Делоне. Сейчас вряд ли кто-нибудь смог бы рассказать мутную историю. Даже Жанетта, дружившая с Потиньей, ходячим сборником местных легенд, не стала пересказывать Мариэль то, что с годами потеряло внятный сюжет.

Постояв на обрыве, спустились по тропе вниз, к небольшой заводи, образовавшейся от падения воды. Там помолились каждая про себя, набрали воды для госпожи Илари, ополоснули лица, руки и вернулись на площадку.

— Ты уверена, что послание доставлено? — отерев влагу на лице и возвращая платок Жанетте, спросила Мариэль.

— Должно быть, мы приехали раньше. Подождём здесь, — Жанетта взглянула на светило, мутным шаром зависшее над Лабассом. Облокотилась о перекладину и зевнула. — Хотела бы я знать, что нашли инквизиторы...

— После вашей уборки вряд ли там остались хоть какие-нибудь следы, — фыркнула Мариэль.

Девушки засмеялись. Бабушка потребовала к приезду инквизиторов навести порядок везде, во дворе в том числе. Слугам было лень полдня вручную махать лопатами, и в ход пошла бытовая магия, едва главный надсмотрщик удалился завтракать.

Послышался топот, и лошади на привязи заржали, узнав сородича.

— Простите, сирры, задержался! — поприветствовал Арман, не обращая внимания на то, что одна из двух девушек сиррой называться никак не могла: — Матушка сегодня пребывает в радостном настроении, впервые за долгое время. Вызвала портних, и мне пришлось подчиниться этим найлам. Клянусь, ничего не понимаю в узорах на тканях, но пришлось делать умный вид лишь бы порадовать.

Мариэль кивнула Жанетте и неопределённо показала рукой спрыгнувшему с лошади Арману на снежный простор:

— Отойдём? Я не задержу тебя, сирра Элоиза будет рада твоему быстрому возвращению.

— Заинтригован, — Арман последовал за Мариэль.

Служанка осталась возле лошадей.

Мариэль отошла на несколько шагов и остановилась, достала из внутреннего кармана

плаща свернутый в тонкую трубку чехол для бумаг:

— Это тебе. Разверни, прошу, — удивлённо поглядывая на девушку, Арман выполнил просьбу. В чехле находились исписанные убористым почерком листы. Порозовев, Мариэль кивнула, — Читай! Вслух не нужно, не хочу этого слышать.

Арман пробежался глазами по одной из страниц, и лицо его изменилось:

— Что это? Зачем ты мне даёшь читать эту...

— ... гадость. Эту гадость, — Мариэль стыдно было смотреть в глаза юноше, но, собравшись с духом, она сделала это. — Пусть эти листы из моего дневника станут гарантией того, что я больше не причиню тебе зла... Помолчи, я должна быстро всё сказать, иначе потом не смогу...

Она перевела взгляд на небо, в котором кружила одинокая птица:

— Я... не должна была вести себя так дурно. Но недавно со мной случилось хорошее... по воле Владычицы. И то, что я не помню ничего из прошлого, успокаивает меня. Потому что только из дневника я узнала, как сильно тебя и других обидела... На этих страницах нет ни твоего имени, ни Люсиль, но если я когда-нибудь изменю своему слову, ты вправе напомнить мне о моём позоре. Этим страниц будет достаточно.

Птица в небе пронзительно крикнула. Арман не взглянул на неё, коротко вскинул руку, и птица рассыпалась на снежинки.

— Сожги это, — он протянул свиток отшатнувшейся от него Мариэль: — Мне достаточно твоего слова.

— Но прежней Мариэль нет веры, ты же знаешь! Что, если ... я стану прежней? Разве ты не боишься? — воскликнула девушка.

Арман улыбнулся одними губами, сохраняя серьёзность в серых глазах:

— Значит, так мне, кулю, и надо будет. Я поддался, и в этом моя вина — не твоя. Ты — всего лишь девушка, начитавшаяся глупых книг, а я должен был быть умнее.

Собеседница всхлипнула, то ли засмеялась, то ли желая заплакать:

— Я не помню ни одного прочитанного романа. А дневник я вчера сожгла.

Арман рассмеялся, продолжая держать вытянутую с листами руку:

— Надо тебя в водопад бросить, чтобы твоё беспамятство длилось вечно!

Вдруг посетило дежавю, как будто подобное уже было: вытянутая рука приглашает прикоснуться, а лицо так и манит к себе — обхватить его ладонями, не давая ускользнуть, поднести своё дыхание к его губам... Мари зажмурила глаза, прогоняя наваждение. Арман принял эту мимику за безоговорочный отказ, повернулся к ожидающей субретке:

— Жанетта, подойди, — он вручил служанке листы. — Если я их утоплю, они всплывут, а глотать бумагу желания и вовсе нет. Будь добра, уничтожь это, раз твоя хозяйка не смеет.

— С превеликим желанием, сир! — Жанетта щёлкнула пальцами, высекая искру. Поднесла к огоньку, колеблющемуся от лёгкого ветра, исписанные листы. Бумага вспыхнула, а затем чёрный пепел осыпался в снег. Служанка носком ботиночка поворошила, хороня остатки воспоминаний прежней Мариэль. — Исполнено, сир.

Арман протянул руку Мариэль, стоявшей с опущенной головой:

— Пойдём, я хочу тебе кое-что показать. Будем считать, что у нас сегодня обмен тайнами.

Раздавшийся позади них топот и крик не дал юноше исполнить обещание. К ним мчался Антуан, размахивая рукой.

— Ф-фух, вы ещё тут? — выпалил он очевидное. — Матушка послала меня за Мариэль!

Требуется срочно вернуться в замок.

Девушки переглянулись: неужели инквизиторы всё-таки что-то нашли?

— Что случилось, сир? — побледнела Жанетта.

Юноша притворно закашлялся в кулак:

— Дома узнаете! — он погарцевал на лошади, не собираясь с неё слезать. — Арман, отец завтра приглашает тебя к нам. Приезжай на комбат-де-бу, давненько мы с тобой не пачкали наш замок! — хохотнул Антуан. Получив согласие Армана, радостно закричал, пугая лошадей. Пришпорил лошадь и помчался было назад, но вспомнил о вчерашней взбучке и вернулся: — Мари, ты опять сегодня будешь жаловаться бабушке на то, что я тебя бросил?

Пришлось расставаться. Мариэль коротко попрощалась с Арманом, он подсадил девушек на коней, и расстояние между троицей быстро увеличилось.

— Что такое комбат-де-бу? — спросила Мариэль у Жанетты, улучив момент.

— Развлечение для господ и лишняя работа для слуг, — настроение служанки резко изменилось с появлением Антуана, однако она заставила себя улыбнуться госпоже. — Но вам должно понравиться. Поверьте, это забавно и... увлекательно для молодых сирр.

Глава 12. Пятно на зеркале

...Одним словом, я не люблю сюрпризы. Зато они меня обожают.

Макс Фрай, «Болтливый мертвец»

Мариэль обмакнула перо в чернила и занесла его над чистым листом новой тетради, по толщине равной книге.

Начать стоило с основной магии, прозванной за свою практическую ценность бытовой — и девушка на желтоватом листе вывела слово «бытовая». По ним в столбик записала всё, что успела заметить за слугами: разжечь камин, нагреть воду, стряхнуть пыль с одежды, убрать пятна — немало, на самом деле. Но главное свойство бытовой магии состояло в её кратковременности, то есть магические проявления были похожи на вспышки. Зажёг огонь — и жди полчаса или около того, пока искра снова не появится.

Возможно, слуги умели делать и другое. Например, когда Жанетта прикладывала свою ладошку к руке хозяйке, чувствовалось лёгкое тепло, и раздражение пропадало. Была ли это ментальная магия, Мариэль не знала, но красноречиво говорил за себя тот факт, что расторопная брюнетка продержалась у капризной девицы целых два года, тогда как до неё сменилось несколько наёмниц.

Бытовая магия просыпалась у люмерийцев по-разному, чаще лет в десять, бывали случаи, что и в шесть лет, как у Жанетты. Эта простейшая магия подчинялась и у простолюдином (иногда), и знатным (всегда). В группу знатных семей входили потомки первых основателей Люмерии, принявших древнюю магию в свою кровь.

По словам Жанетты, много веков назад Основатели владели всеми дарами Белой Владычицы, это потом, когда кровь была разбавлена иноземной, в одних семьях начали рождались только стихийники, в других — менталисты. По этой причине, например, королевский род старался составлять брачные союзы таким образом, чтобы самая мощная магия, способная изменять пространство и время, не расплылась.

В семьях аристократов предусмотрительно уже для двухгодовалых малышей нанимали слуг, готовых наблюдать за способностями и в случае чего обучить, правильно направить магию. Бытовая, основная маг-сила, не всегда означала появление сильной магии, например, огня, воды или ментальной.

Лумерами считались представители всех социальных слоёв, в которых магия проявлялась спонтанно: крестьяне, зажиточные жители, сумевшие заработать на безбедное существование, и бывшие знатные семьи, маг-силы в которых выродились либо потеряли свой блеск.

Лумеры могли получать должности при королевском дворе, до определённого уровня. Однако отсутствие полноценной маг-силы лишало их надежды на славу рода. Например, лумеры не наследовали родовые замки, не имели право использовать семейный герб, в который вплетались символы Старших Основателей рода. Двоюродный брат г-жи Иларии был лумером, жил в Лапеше, далеко на юге Люмерии, и крайне редко приезжал в гости, занятый лумерским бизнесом. Поэтому-то г-жа Илария готова была на всё, лишь бы сохранить честь и состояние семьи.

Честь... Мариэль вздохнула. Ещё полчаса назад это слово ничего не стоило.

Повод для срочного возвращения домой оказался до обидного неинтересным. Портниха,

которая в данный момент находилась у Делоне, прислала матушке сообщение: она сможет выделить немного времени также для де Венеттов. Мариэль с облегчением выдохнула и повторила слова, сказанные недавно Жанетте, о своём намерении надеть прошлогоднее платье, не засвеченное на публике, чтобы не создавать дополнительного беспокойства для матушки.

Несколько минут слезливого умиления, восторга от проявленной заботы и бережливости Мариэль — прошлогоднее платье всё-таки принесли. Мариэль примерила его и осталась довольной. Могла ли о таком мечтать обычная московская девчонка, идущая на выпускной бал, и даже невеста, любительница пышных юбок а ля принцесса? Единственное, что нуждалось в переделке, это тесноватый лиф. За год тело Мариэль заметно набрало женственные формы.

— О, моя девочка стала настоящей взрослой сиррой! — вгоняя в краску намёком, Илария всплеснула руками. Нана и Жанетта поддержали мнение госпожи своими светлыми улыбками.

На этом самый «злободневный» вопрос был почти решён: осталось дожидаться портниху, чтобы оформить быстрый заказ и подобрать маску к платью.

— Маску? — Мариэль переглянулась с Жанеттой: служанка ничего не говорила про это. Илария загадочно улыбнулась:

— В этом году де Трасси решили присоединиться к столичной моде на зимний маскарад. Это будет весело!

«Путаница точно будет весёлая: все дамы в белом, в масках...» — Мариэль готова была закатить глаза, но Нана опередила её в скепсисе:

— Это будет ночь бесстыдства, юная сирра, — насмешливо сказала сухопарая служанка и перевела взгляд с озадаченной Мариэль на Жанетту, расплывшуюся в мечтательной улыбке. — И не вам, милочка, мечтать об этом, если только вы не решили воспользоваться отсутствием хозяев!

Жанетта вспыхнула и, гордо задрав голову, попросила разрешить ей сходить за коробкой, в которой хранились старые маски. Илария засмеялась, кивнула, а затем протянула руку Мариэль:

— Присядь, милая!.. Прости меня сердечно, я забыла про твоё состояние! Что ж, думаю, настало время поговорить нам как мать с дочерью.

Девушка повиновалась, не показывая виду, что от волнения скрутило живот: неужели матушка будет рассказывать то, чему Мариэль просветилась недавно благодаря дневнику? Однако мысли матушки были, по счастью, целомудренней:

— Послушай, милая! Этот год был благодатным для нашей семьи. Тебе скоро исполнится девятнадцать, и дар твой проснулся, благодарение Владычице! В этом году ты поступишь в Академию, проучишься там три года, потом — два практики. Это время, поверь, милая, пролетит очень быстро. И лучше будет, если к окончанию практики у тебя на примете кто-то будет, — Илария поцеловала покрывшуюся красными пятнами дочь, обняла и прижала к себе. — Ты выберешь супруга себе сама, твоя магия это сделает за тебя. Ты меня слышишь?

— Да, матушка, — тихо ответила Мариэль, больше думая о желудочных спазмах, чем о радостной перспективе выйти замуж через пять лет. Она в прямом смысле без году неделя в Люмерии, а ей уже про мужа намекают!

Женщина взяла дочь за обе руки:

— Когда-то мысль о замужестве точно так же, как и тебя, привела в ужас. Ты не согласишься, но я проплакала всю ночь! А потом был мой первый бал-маскарад. Мы поцеловались с твоим отцом, не зная друг друга, и наши магии согрели нас. Когда ты встретишь того, кто тебе понравится, — Илария подняла руку Мариэль к её груди, чуть выше сердца, — вот здесь ты почувствуешь тепло и свет... И тогда вы сможете снять маски, чтобы познакомиться, а потом, однажды, познаете друг друга.

Такое же тепло, какое она чувствовала от поцелуев Армана? И желание взлететь — это можно считать светом? А что чувствовал он? То же самое? Или представлял себе свою девушку — Люсиль?

Нана, наблюдавшая за разговором, налила в два прозрачных кубка воды и поднесла один девушке:

— Выпейте, на вас лица нет. И вам, госпожа, это из Волчьего логова.

Матушка помолилась и благоговейно выпила предложенную воду до последней капли. А Мариэль, стоило смочить пересохшее горло, как — ничего удивительного, — упоминание водопада в очередной раз вернуло к воспоминаниям о молодом человеке, живущем неподалёку. Навалилась слабость: тело вспомнило прикосновения и поощрительные слова «умница», «хорошо»... Илария направила руку дочери с бокалом к поджатым губам:

— Глотни, доченька, в самом деле, на тебе нет лица. Что тебя расстроило?

Мариэль залпом выпила воду, Нане пришлось силой забирать из судорожно сжатых пальцев девушки пустой кубок.

— Мне ... придётся... целоваться со всеми ... на балу? И... и Люсиль тоже будет? — обречённо спросила Мариэль.

Женщины переглянулись и засмеялись.

— Глупышка, нет, конечно! — Илария сделала жест вошедшей Жанетте поставить коробку на столик перед софой. — Сначала твоё сердце и твоя магия выберет понравившегося... Не исключено, что их будет двое, трое... Но никто, милая, тебя не осудит, ведь ты будешь в маске... А Люсиль... Милая, вы прекрасно проводили время в детстве: ты, Антуан, Люсиль и Арман — вы выросли на глазах друг у друга. И, конечно же, я знаю про ваши детские влюблённости, — серьги в ушах матушки качнулись в такт движению головы.

Женщина ласково смотрела на дочь, сделала паузу, погладила бледное лицо Мариэль и продолжила:

— Я знаю, что Антуан без ума от Люсиль, а тебе нравится Арман... И пусть Арман и Люсиль когда-то клялись друг другу, это не имеет значения сейчас, когда вы повзрослели. Детство ваше кончилось, милая. У вас не было выбора, а теперь будет. И очень большой, не сомневайся. Пусть детство останется детством, нужно с ним попрощаться. Сейчас в это сложно поверить, но потом... — Илария отвлеклась на коробку, запустила в её недра руку и вытащила первую попавшуюся маску. Приложив к лицу, повернулась к дочери. — О, это моя любимая! Хороша? Узнать можно?

— Вообще-то да, — призналась в отчаянии Мариэль. — Если мне придётся идти на этот бал, то... нет ли чего-нибудь... э-э-э... более закрытого? Какого-нибудь шлема...

Илария озадаченно покрутила в руках аксессуар:

— Хм, а мне казалось... — она вздохнула и вернула маску в коробку. — Подождём портниху, у неё могут быть варианты получше... О, Владычица! Мариэль, да что с тобой такое?!

Девушка была близка к обмороку. Жанетта предположила, что юная сирра от недосыпа

плохо себя почувствовала. Этот аргумент показался убедительным, и Мариэль отправили в спальню восстанавливаться к приезду портнихи.

По дороге, видя как Мариэль еле ноги переставляет, словно идущий на казнь, поспешила успокоить:

— Клянусь светом Владычицы, не всё так страшно, как вам кажется. Вы можете вообще ни с кем не целоваться. И никто этого не узнает. А матушке скажете, что никто не понравился — делов-то. Поверьте, эти развлечения больше для старых дев, которые никак не могут выйти замуж, а у вас всё впереди... О! Как я рада, что вы повеселели!

Повеселеешь тут... Она не знает ничего о Люмерии, кроме того, что ей успела рассказать Жанетта прошлой ночью. Она не помнит ни одного урока из тех, которые были преподаны в течение восьми лет домашним учителем. Она даже не знает, как танцевать, а ведь это придется делать через неделю! Какое могло быть веселье и сон?

Поэтому-то вместо отдыха, как рекомендовала матушка, Мариэль решила систематизировать имеющиеся знания хотя бы о магии, ведь она была основой основ жизни в Люмерии. Это помогло бы Мариэль разобраться в себе — дело первостепенной важности.

Итак, с бытовой магией всё было относительно понятно. Напротив столбца «бытовая магия» Мариэль написала абсолютную противоположность — «Пространственники». К ним относились порталщики, инквизиторы и... всё. Имелись ли путешественники во времени, Жанетта не стала утверждать, когда рассказывала о магической иерархии. Как бы то ни было, сюда можно было смело вписать Люсиль, получившую свой древний дар под королевским Ирминсулем раньше всех. В придачу к умению перестраивать пространство и, конечно же, к бытовой магии, у неё был ещё один дар, Мариэль пока не поняла, какой.

Некромантом златовласка не могла быть, лекаркой — вряд ли, потому что морщилась от анатомических подробностей, которые любил добавлять Антуан в свои байки. Может быть, дар предвидения? О матери Люсиль тоже пока не было информации. Ну да бог с ними, что есть у Люсиль — то есть.

Мариэль дописала к ментальной магии её разновидности и перешла к стихийникам. Под группой вывела: «вода», «земля», «воздух», «металл», «огонь» и «природники» — друиды. Самая широкая группа способностей, и это было естественно для мира, ориентирующегося на гармонию. Антуану покорился металл, чем братец гордился, называя свою способность «мужской, настоящей». Арман унаследовал от матери власть над водой. Как он легко создавал птицу из снега, поднял стену изо льда! Это вызывало восхищение и лёгкую зависть. А ещё вода, которая была во всех людях, позволяла ему угадывать настроение и чувства...

«Хороший мальчик», — вспомнились слова Голоса. «Вы были детьми, и детство кончилось, вы повзрослели», — матушка была права. Хочешь, не хочешь — обратишь внимание на того, кто постоянно рядом. Для бывшей Маши Венедиктовой Арман вообще стал первым парнем, с которым можно было нормально поговорить.

Мариэль закрыла тетрадь, отодвинула её от себя. Конспект был написан, но ясности не появилось. Что бы она ни делала — все мысли, так или иначе, возвращались к одному человеку.

В самом деле, может, стоит выспаться? Сознание плывёт и хочется плакать, наверное, от свалившихся на голову последних событий и новостей. Хорошо, что инквизиторы ничего не обнаружили. Ведь если бы нашли, то весь замок бы стоял на ушах... Жанетта сказала, что

прибывшие инквизиторы ещё не уехали и, возможно, останутся до завтра, чтобы проверить весь магический фон. Это значило, что условие Вестнику придётся озвучить только завтрашней ночью, если не получится выехать на ещё одну прогулку. Под предлогом выгулять матушкину лошадь, например.

Девушка вздохнула: на конспект ушло полчаса, не меньше. Портниха могла приехать с минуты на минуту. Если сирра Делоне отпустила Армана после того, как...

Господи, это невыносимо! Почему постоянно он и только он в её голове?

Желая отвлечь себя от ненужных мыслей, Мариэль подошла к зеркалу. Сегодня она стала полноправной хозяйкой своему телу, но так и не приняла его, отнеслась к этому подарку как к естественному. А что видели те, кто прощал Мариэль её капризы, выходки? Тот, кто любил её или ненавидел?

Природа когда-то поцеловала г-жу Иларию и передала большую часть её генов дочери, такой же брюнетке с густой копной вьющихся послушных волос и карими глазами. Разве что светлые вкрапления в матушкиных глазах делали их похожими на густой отвар душистых трав, за эту сладость полюбил их в своё время г-н Рафэль. В то время как глаза Мариэль казались более тёмными, напоминавшими гречишный мёд, он делал взгляд умным и пристальным. Был ли этот взгляд от прежней Мариэль или новой, сказать с уверенностью сейчас невозможно было.

А вот чётко очерченные яркие губы точно приковывали к себе взгляд. Тонкая верхняя губа со слегка резкой аркой купидона в минуты удивления приподнималась над нижней пухлой нежной губой, показывая два белоснежных резца и как бы приглашая прикоснуться к ним. Хотел ли того Арман, обнимая её, поддался ли он магии арки купидона или действовал хладнокровно, может даже представлял Люсиль?

Мариэль застонала от бессилия перед воспоминаниями. Она упёрлась ладонями в отражающую поверхность и склонила голову, прикрывая глаза. «Детские забавы», которых у неё не было... И никого такого же милого, чьё лицо бы находилось рядом, чьё дыхание бы грело шею, там, где таяла боль и рождалось ощущение безмятежности. Если бы можно было без стеснения смотреть в его глаза, погладить щеку...

От этих мыслей по телу прошла приятная волна мурашек, промчавшихся от макушки к животу и защекодавших изнутри где-то на уровне сердца, как будто они не могли выбраться наружу. Грудь сдавило, не пуская вдох в лёгкие. Мариэль сделала судорожный поток воздуха — и вместо шёпота в комнате прозвучал бархат мужского голоса:

— Проклятье!

Она отшатнулась от зеркала, озираясь.

— Кто здесь? — спросила и поняла: это она говорит чужим... нет, очень знакомым голосом.

Как страшно было снова повернуться к зеркалу!

Там отражался Арман в женском платье Мариэль. Она машинально подняла руку, проверяя, не фантом ли это в зеркале, провела по короткой стрижке с торчащей прядью на макушке. Поправила чёлку, упавшую на ресницы, чтобы убедиться: ей не показалось, она снова превратилась в того, о ком думала. Осеннего ли неба эти глаза? И поймала себя на мысли, что вид Армана в платье забавен, однако смеяться не хотелось. Хотелось другого... В плечах и груди платье нещадно давило, лишая полноценного вдоха: широкая грудная клетка молодого человека не помещалась в женский корсет. Снять его не получится, а без воздуха можно потерять сознание... Только подумала, как стало легче дышать и чёрный локон у

виска начал удлиняться, меняя цвет с чёрного на коричневый.

— Пожалуйста! — взмолилась она, обращаясь к живому локону, и Арман в отражении синхронно попросил о том же. Локон укоротился, не нарушая теперь желанного образа. Она прислонила ладони к стеклу, крепкие, с тонкими вздувшимися венками, с длинными пальцами — верно, так она запомнила руки Армана. Что, если не смотреть ниже шеи и представить, будто Мариэль и Арман стоят по разные стороны стекла?.. Бесстыдная фантазия! Так унизительно и так сладко!..

Серые глаза жадно смотрели на неё, с губ сорвалось желанное: «Мари!» — и губы сами собой потянулись к стеклу, коснулись плоской поверхности — замерли. Один долгий взгляд глаза в глаза, и ресницы опустились. Мужской шёпот, напоминающий отдалённый гром:

— Не уходи, прошу... Ещё немного, совсем чуть-чуть... — грозовую тучу затянула прозрачная пелена, отражение расплылось на одно долгое мгновение, а затем прояснилось. По стеклу, разделяющему Армана и его двойника, ползла дождевая капля. — Я сошла с ума!

Невольно сказанная в женском роде фраза отрезвила, Арман отодвинулся от стекла, прощально оставив одну руку. Мариэль закрыла глаза: «Сейчас ты исчезнешь... Прощай!»

Отражение девушки с отчаянным взглядом, облокотившейся одной рукой о стеклянную стену, стояло бы долго, если бы в дверь не постучали. Створки аккуратно распахнулись, впуская Жанетту.

— Госпожа, прибы... — и она осеклась, наткнувшись на невидящий взгляд.

Мариэль вяло дошла до края кровати и присела, нащупав рукой мягкую поверхность. Служанка бросилась вперёд, но Мариэль подняла невысоко ладонь, останавливая её:

— Я только что превратилась в мужчину, — медленно и устало сказала. Так было проще добиться возможность отдохнуть, чем слушать причитания.

Жанетта ахнула и опустилась на колени перед госпожой, взяла её за руки:

— Покажите, а?

Мариэль слабо улыбнулась, покачав головой: эта помощница неисправима, лучше своей хозяйки управляется магией, но жаждет чуда, как никогда.

— Ладно, — облизнула пересохшие губы, закрыла глаза. Только не Арман! Пусть это будет братец Антуан.

Восхищённый вздох, прозвучавший у ног, доказал, что всё получилось. Открыла глаза.

— О! У сира Антуана глаза немного другого оттенка, — Жанетта с жадным любопытством разглядывала господина в женском платье и прыснула в ладошку. — Сирра Антуания! Ой, а вы только голову можете менять?

Мариэль взглянула на свои собственные руки с розовыми тонкими пальцами. Почему с Арманом получилось, а с братом нет? Ответ нашёлся быстро:

— Я не знаю, как выглядят его руки. Боюсь, и всё остальное тоже.

— О, вот оно что! — озадачилась Жанетта ненадолго, сдвинув брови, пара мыслей, и на лице прежняя мечтательность. — Не переживайте, госпожа! Завтра вам представится возможность рассмотреть господина Антуана. И не только его. Мужское тело как учебный инструмент будет в вашем распоряжении.

Жанетта поднялась и попереминалась с ноги на ногу, истрактовав вопросительный взгляд госпожи по-своему:

— Не целиком, конечно, — и многозначительно посмотрела вниз, — но многое вы увидите во всей красоте.

— Жанетта! — давась неопределёнными чувствами, кашлянула Мариэль, — ты о чём?..

Служанка ахнула стыдливо и прикрыла на секунду рот ладошкой:

— Ой, я ... это... думала... Простите! Завтра комбат-де-бу, и я про то, что вы сможете...

Мариэль поднялась и отмахнулась:

— Хватит! Я поняла. Пошли уже к портнихе. Я придумала маску, которую закажу.

Бросила мельком взгляд на зеркало, на котором осталось, но не было различимо отсюда, одно пятнышко после разгорячённого дыхания. Надо будет потом его оттереть, чтобы Жанетта не заметила.

Глава 13. Инквизиторы

Мы знаем, что мы есть, но не знаем, чем мы можем быть.

У. Шекспир, «Гамлет», акт IV, сцена 5

Ей казалось, что этот день никак не закончится, а ведь был ещё только полдень. Лабасская портниха Нисса, дотошная до мелочей, дипломатично предлагала свои варианты: то сшить новое платье вместо переделки старого, то заменить придуманную тяжеловесную маску на более облегчённый вариант. Уговоры продолжались до тех пор, пока с пальцев Мариэль не слетели искры, опаляя каталог тканей. После этого оскорблённая Нисса сухо согласилась: всё будет пошито в точности по желанию молодой сирры. И перешла к платью Иларии, не знавшей, как извиниться за пока ещё неподконтрольный дар дочери.

Мариэль уселась в кресло и под непрерывное щебетание дам почти уснула, если бы её клевание носом не заметила Нана. Сонная девица была отпущена на волю, с советом вдогонку:

— Милая, постарайся не разоспаться: скоро обед и у нас гости. Мастер Тирр изволил остаться у нас, с ним его помощник. Не забудь привести себя в порядок, милая.

— О, мастер Тирр здесь! Великолепно! — Нисса отвлеклась от создаваемого рисунка платья. — Надеюсь, вы позволите...

Что хотела Нисса от мастера Тирра, Мариэль не стала слушать, закрыла за собой дверь. Постояла в коридоре, раздумывая, куда бы пойти. Вернуться в комнату и продолжить читать книги Люсиль? Или ещё раз поупражняться перед зеркалом? В желудке сладко ёкнуло, но Мариэль, вспомнив Голос, сказала себе: «Нéчего, опять потеряешь контроль!» И отправилась в ту сторону замка, которая пока оставалась неисследованной — на верхний этаж.

Здесь обнаружился большой зал с почти полным отсутствием мебели и портьер на окнах, если не считать пары кресел и небольшого столика с кувшином и двумя кубками. На стенах висело оружие, щиты, в углу стоял сундук, сложенная ширма и за ней — три широких деревянных лохани для купания, в каждую из которой поместился бы по пояс один взрослый человек. Это был зал для тренировок Антуана, догадалась Мариэль. Наличие купальных принадлежностей немного смутило, но мало ли: вдруг Антуан здесь принимает душ после тренировки. Или тренируется — прыгает из одной ванны в другую. Вспомнилось:

На конька Иван взглянул

И в котел тотчас нырнул,

Тут — в другой, там — в третий тоже,

И такой он стал пригожий,

Что ни в сказке не сказать,

Ни пером не написать!

Следующая большая комната выглядела более ухоженной и выглядела, как учебный класс. Помимо привычного антуража жилого помещения здесь стояло два стола с чернильницами и полупустые книжные шкафы. Мариэль взяла первую попавшуюся книгу, полистала, та оказалась учебником по истории.

В углу примостился столик с подобием патефона. Разглядывать его Мариэль не стала, села за парту и открыла выбранную книгу. Обилие дат, имён и сухой стиль вскоре слились в неразборчивую кашу из букв. Глаза сами собой закрылись «на минуточку», потом голова охотно примостилась на сложенные руки — и Мариэль провалилась в сон.

Спустя некоторое время в кабинет тихо вошёл молодой человек в очках. Заметив девушку, он остановился, собрался извиниться, но быстро понял невозможность диалога, поэтому по-хозяйски прошёлся по комнате, разглядывая всё подряд: стены, шкаф с книгами, окно и вид, который открывался за ним.

Осмотрев, передвинул кресло, поставив его рядом со столом, за которым спала незнакомка. Приготовился сесть, как вдруг нечто его заинтересовало, и он обошёл спящую, присмотрелся к пространству над её головой. Очевидно, увиденное так сильно удивило молодого человека, что он наклонился ближе, к самым волосам девушки, её спине и рукам, сложенным на раскрытых страницах. Вдохнул запах и прикрыл глаза, запоминая новый аромат...

Маша проснулась от чёткого ощущения дыхания над собой и даже, кажется, вздоха. Или просто кто-то рядом слишком громко хмыкнул?

— Я тоже на первом курсе засыпал над этой книгой, — потирающую лицо девушку обошёл сзади незнакомец и, складывая очки в футляр, уселся в кресло напротив. — Простите, если напугал.

— Вы кто? — девушка прошла ладонью по лицу, задержавшись на глазах, затем подпёрла кулачками голову и с трудом сдержала зевок. Ни одно из описаний Жанетты, касающееся всех проживающих в замке, не подходило к этому молодому человеку. Если вдруг окажется родственник, ничего, спишет на то, что спросонок не разобрала.

Незнакомец приподнялся, учтиво кланяясь:

— Анри Ленуар, ученик господина Тирра, прибыл с ним, — и спокойно уселся, выудил откуда-то книгу, открыл её и принялся медленно листать, не глядя на девушку. — А вы, я догадался, Мариэль. Можете не отвечать, я вас понимаю. Сказания о доблестном сире Курсуне обладают поистине снотворной магией...

Мариэль не удержалась — зевнула украдкой, прикрывшись учебником. Гость улыбнулся, не поднимая глаз. Девушка поёрзала на стуле, пошевелила плечами, разминая затёкшее тело, и только потом заговорила:

— Простите, у меня нет привычки засыпать над учебниками: просто плохо спала ночью. Как, вы сказали, вас зовут?

— Анри Ленуар, ученик мастера Тирра. Он иногда берёт меня с собой попрактиковаться, — гость прекратил изображать заинтересованность книгой, отложил её и расслабленно откинулся на спинку. — Мой учитель — друг мастера Дюпея, помог ему добраться к вам через портал, а заодно и меня прихватил.

Зелёные глаза внимательно наблюдали за равнодушной реакцией девушки, которая, кажется, не понимала, о чём вообще идёт речь. Сделал паузу, давая возможность переварить сказанное.

— Господи, так вы инквизитор, что ли? — в сонных глазах девушки наконец-то появилась осмысленная жизнь, и говорила она странно: «господи», «что ли»...

— Ученик инквизитора, — уточнил гость, кивая.

Мариэль окончательно пробудилась:

— Ну и как, нашли что-нибудь? — она заинтересованно подпёрла подбородок, готовясь слушать.

— Думаю, что да, — в её глазах промелькнуло удивление и доля страха, и он поспешил успокоить: — Мы полагаем, что это был Горги... бродячий дух. Он иногда любит останавливаться на день-другой в новом месте.

Во взгляде собеседницы при упоминании Горги, персонаже самой популярной детской страшилки, отразилось... Да ничего не отразилось! Заведомо неверную информацию про привычки Горги она тоже проигнорировала. Дочь хозяин дома была либо глупа, либо оказалась хорошей актрисой... Либо всё-таки не проснулась...

Девушка поднялась, покрутила в руках учебник, словно раздумывая, забрать его с собой или оставить, — и вернула его в шкаф:

— Вы меня простите, сир Ленуар, мне нужно идти. Встретимся в столовой.

— Да, конечно, — молодой человек, вставший с кресла одновременно с Мариэль, первым подошёл к двери и услужливо открыл её, неловко зацепив другой рукой пальцы проходящей девушки. Она вздрогнула, но сдержанно кивнула на прощание, как будто ничего не произошло.

Интересные дела здесь творятся, мастер Тирр был прав, подумал двадцатилетний инквизитор. Внешне всё чисто, никаких следов, а у дочери хозяина явная метка от недавнего использования древней магии, какой — пока непонятно. Возможно ли, чтобы сама дочь хозяина не знала об этом?

Анри достал из кармана коробочку с тонкими палочками-зубочистками, сунул одну в рот: так думалось легче. Мастеру Тирру пока он ничего не скажет, понаблюдает ещё. Уж больно занятные магические потоки у девицы.

Он повернулся и пошёл в сторону, противоположную той, куда удалилась Мариэль. В рабочий кабинет, где хозяин дома угощал гостей домашним пуаре.

Нет ничего постыдней для гурмана, чем испытывать неловкость или страх перед едой. Мариэль только научилась столовому этикету без ущерба для репутации и познакомилась с особенностями употребления некоторых дежурных блюд, как снова пришлось краснеть за свою бестолковость. В связи с присутствием на обеде почётных гостей кухарка расстаралась и приготовила праздничный стол, на который сейчас Мариэль взирала с внешним хладнокровием и внутренним содроганием. Ситуация усугублялась присутствием сидящего слева Ленуара, который случайно, по застольному этикету, оказался рядом с Мариэль. Почему в будние дни хозяева занимали места не рядом друг с другом, а через место, а то и два, она догадалась только сейчас.

Во главе стола сидел Рафэль, хозяин дома. Справа от него отводилось два места — для почётного гостя и его спутника. Сейчас их занимали г-н Тирр и его ученик Ленуар. По левую руку от главы оставляли так же два места для другой возможной пары, но в данный момент они были заняты мастером Дюпеем, лабасским инквизитором, и передвинувшейся на стул госпожой де Венетт, следящей за тем, чтобы у этого гостя был всегда наполнен кубок и тарелка.

Слева от Иларии с любопытством взирала на стол и присутствующих приглашённая портниха Нисса, которую Тирр пообещал отправить порталом домой, чтобы «дорогая мастерица» не промёрзла по дороге. К обеду, и правда, начало крепчать, поднялась небольшая метель, собиравшаяся усилиться. Поэтому возницу Ниссы отправили с санями в

Лабасс, а сама она воспользовалась гостеприимством и осталась «поболтать с дорогим Фелисом», то есть г-ном Тирром, знала которого давно.

Следующим за Ниссой сидел Антуан, которому страсть как хотелось поговорить с Ленуаром об академии и, конечно, произвести впечатление на профессора Тирра, который впоследствии мог оказаться преподавателем в Академии. Но гости сидели слишком далеко, поэтому он вяло ковырялся в тарелке, больше прислушиваясь к разговору взрослых, и готовый вставить реплику, если ему будет позволено.

И, наконец, на своём месте, напротив Рафэля, восседала прямая, как жердь, г-жа Тринилия. Между ней и присутствующими оставалось достаточно места, чтобы пересесть ближе, однако давняя привычка оказалась превыше желания поговорить с рядом сидящими.

На первое подали горячее, суп-похлёбку, с которым Мариэль справилась без проблем, радуясь, что как минимум не придётся потом терзаться голодом и клянчить через Жанетту еду с кухни. Пока ели похлёбку, глава дома развлекал гостей, давая им возможность насытиться и не отвлекая вопросами, рассказывал об урожае прошлого года, вспомнил байку, судя по выражению лица Антуана, сто раз рассказанную, и незаметно перешёл на этот год и радостное событие — магическое совершеннолетие детей. К этому моменту слуги забрали глубокие тарелки и ухаживали за гостями, наполняя их тарелки закусками, а кубки — напитками сообразно вкусу каждого, от невинного отвара до крепкого вина. Беседа оживилась.

— Что вас занесло в наши края, сир Фелис? — спросила Нисса. — Как поживает Егс величество?

— В данный момент не могу знать, чем занимается Роланд: я уехал дней десять назад. Решил, так сказать, совершить паломничество по храмам дружбы. А вчера как раз гостил у Дюпея, когда прибыл запрос от сира Рафэля. Я решил дать возможность Анри попрактиковаться.

— О, что-то я не помню, чтобы вы когда-либо путешествовали с учениками, — Нисса, вероятно, была слишком хорошо знакома с суровым инквизитором, если позволяла себе добавлять в тон игривые нотки.

Тирр кивнул:

— Истинно так. Анри — уже младший мастер, и не исключено, что в будущем станет моим преемником, когда я отойду от дел. На его курсе он был лучшим студентом. Поэтому это исключение не должно вас удивлять, дорогая Нисса, — не обращая внимания на побагровевшего Антуана, в котором сейчас бурлила добрая сотня вопросов, г-н Тирр улыбнулся портнихе и вернул ей колкость: — Есть гораздо более удивительные вещи. За весь год, дорогая Нисса, вы мне не пошили ни одного костюма. Последний ваш шедевр пострадал на практикуме по огнеплойкам, пришлось выбросить, ибо восстановлению не подлежал.

Нисса не успела рта открыть, как из Антуана вылетел вопрос:

— Мы будем изучать магических тварей на первом курсе?

— Только если попадёте к огневикам. Остальные стихийники знакомятся с ними на втором, — Мариэль не было видно выражение лица профессора Тирра, но тон, адресованный братцу, заметно отличался от того, с каким мастер обращался к, казалось бы, простой портнихе. Завершая тему одежды, Тирр снова обратился к соседке Антуана. — Так что, дорогая Нисса, возьмётесь ли за заказ?

— Почту за честь, сир Фелис, но только через неделю. Пока все силы брошены на подготовку бала-маскарада, который организует сир де Трасси. Мои белошвейки работают

день и ночь, — и Нисса повернулась к Иларии. — А что у вас случилось, простите?

Та не знала ответа, так как не успела поговорить с супругом о новостях. За неё ответил Ленуар:

— Бродячий Горги, сирра. Он успел исчезнуть до нашего приезда.

— Почувствовал, что сюда приедут важные господа, и испугался, — пошутил Рафэль. Его шутку поддержали улыбками. — Дорогая, я предложил господам задержаться до завтра, развлечься провинциальным комбат-де-бу. К сожалению, мастер Тирр и мастер Дюпей отказались. Но я счастлив, что господин младший мастер заинтересовался нашим развлечением и даже согласился поучаствовать.

Счастливый Антуан подпрыгнул так, что посуда перед ним звякнула:

— О, благодарю, сир! Нам как раз нужен был четвёртый партнёр! Потому что Вин...

— Антуан! — остановила его Илария и обратилась к мужчинам. — Приношу извинения за горячность моего сына. Здесь, в провинции, молодые люди скучают без должной нагрузки. Не смотря на то, что комбат-де-бу — летняя традиция, мы иногда позволяем мальчикам развлекаться и в холодное время года.

Профессор снисходительно кивнул:

— Как говорится, дай дитяте ломать мебель, пока есть желание. Лишь бы потом, на первом курсе, запал не прошёл. По моим скромным наблюдениям, в конце первого семестра новобранцы предпочтут поспать лишний час, чем отдать его тренировке. Ну, а наш век комбат-де-бу прошёл, с тех пор как форма стала желать лучшего, не так ли, Шерк? — Тирр обратился к своему другу, и г-н Дюпей отложил борьбу с куском мяса на мгновение, подтверждая слова.

— Мне кажется, вы лукавите, сир Фелис, — рассмеялась Нисса. — Ваша форма, как и всегда, на высоте. Я помню ваши мерки наизусть.

Что именно имел в виду главный порталщик академии, Мариэль не совсем поняла. Но выглядел высокий стройный с густыми волнистыми волосами г-н Тирр неплохо для своего возраста — лет пятидесяти, если не считать седины в волосах.

— Вы получите уникальный шанс убедиться в обратном, дорогая Нисса. Так что пусть эта детская забава остаётся юным ... и феодалам, которым участие в этой забаве приносит любовь его народа. Ради этого можно и с грязью поиграть, — Тирр ловко завершил спор, обратя свой благожелательный взгляд на хозяина дома, кашлянувшего на слове «юным».

Нисса, чувствовавшая себя свободно в одном с Тирром обществе, и тут не удержалась:

— О, сир Фелис, поверьте, это истина! Ни одного сира здесь, в Лабассе, не уважают так, как господина Рафэля, ведь он единственный чтит самые древние традиции.

Портниха заслужила слова благодарности хозяина дома и его супруги, даже Тринилия скупо улыбнулась неожиданной гостье, — и, наконец, успокоилась, больше не перетягивая на себя внимание.

После этого разговор вернулся в русло последних событий и намечающихся. Тирр сказал, что герцог де Трасси прислал и ему приглашение на бал, так что через два дня мастер планировал вернуться за своим учеником: заберёт того в столицу, чтобы приодеться к мероприятию:

— ... Сир Рафэль, — Тирр обратился к Иларии, — успел рассказать о том, что у вас не было возможности превизировать способности молодого сира Антуана и сирры Мариэль. Ленуар как выпускник практического курса компетентен в данном вопросе. К моему возвращению он охотно составит свидетельство с описанием маг-сил, а я завизирую. Таким

образом, вам не придётся ждать столичного преvizора.

Илария бросила многозначительный взгляд на супруга, как бы говоря: «Умница ты моя!» Антуан готов был задохнуться от счастья, а лицо г-жи Тринилии посветлело от замечательной новости. В самом деле, молодым де Венеттам выпадал редкий шанс не только узнать все тонкости учёбы в академии от её непосредственного обывателя, но и показать свои способности без волнения, которое, как известно, является первым врагом новичков.

И только Мариэль было не до ликования. Ещё с утра нет-нет да и почёсывалось невзначай левое предплечье, а сейчас на него напал такой зуд, что хотелось потереться о сидящего рядом инквизитора. Как только обед официально завершился, Мариэль сделала книксен перед гостями и умчалась в свою комнату, по дороге сладострастно потирая беспокоящее предплечье. Захотелось посмотреть, что там такое выскочило, но для того, чтобы снять платье, понадобилась бы помощь Жанетты. В комнате дёрнула несколько раз за шнурок возле кровати, прошлась по комнате, открыла шкаф, чтобы отвлечься рассматриванием платьев, а служанка всё не шла.

Она появилась с опозданием: наличие важных гостей в замке обязывало её помогать немногочисленному штату слуг. Только когда портниха, мастера Тирр и Дюпей отбыли, все вздохнули спокойно. Сир Лемуар, понравившийся всем служанкам без исключения, кажется, особых хлопот не собирался доставлять. Его атаковал вопросами Антуан, и молодые люди обосновались в кабинете г-на Рафэля.

— Что вы делаете, госпожа? — воскликнула Жанетта, застав свою хозяйку за попыткой стянуть рукав платья.

— Проклятая шнуровка! Почему нельзя её сделать спереди? — ворчала девушка, пока служанка ослабляла корсет.

— Потому что мода на шнуровку спереди прошла года два назад, — Жанетта помогла приспустить верх платья. — У меня есть превосходная мазь для лечения любых внешних повреждений. Надеюсь, она вам поможет, иначе вы сдерете с себя всю кожу.

Левую руку удалось высвободить от верхнего платья, нижнее легко сползло вниз.

На предплечье красовался сложный рисунок-татуировка. Мариэль ахнула потрясённо.

— Что такое? Где, где болит? — Жанетта внимательно осмотрела руку и вопросительно уставилась на хозяйку.

— Ты разве не видишь? — Мариэль провела пальцем по контуру рисунка.

— Ничего нет, госпожа... Я не вижу... — пролепетала Жанетта и села рядом с госпожой, от догадки привычно в таких случаях прикрыв себе рот ладошкой. — Вы думаете, это?..

Это определённо была метка Вестника, с несколько размытым контуром. Хорошая новость состояла в том, что никто, кроме обладательницы, эту «татуировку» не видит. По крайней мере, Жанетта точно. И Мариэль решила вечером, перед сном, зайти пожелать матушке спокойной ночи и проверить версию с невидимостью. О том, что метку Вестника могут видеть маги, думать не хотелось. В этом случае придётся матушке рассказать всё.

Глава 14. Три вместо одного

*Нет, человек не властен над собой!
Пусть будет так, как решено судьбой.
У. Шекспир «12 ночь, или Что угодно»*

Утро следующего дня получилось таким заполошным, что Мариэль невольно вспомнила цитату: «Всё смешалось в доме Облонских». Родители ожидали проводника на магический источник к обеду, но рано утром Аурелий де Трасси прислал письмо, в котором предупредил о переносе времени портала ранний срок.

Во второй зимний октагон услуги порталщиков пользовались повышенным спросом: все торопились попасть к семейному очагу раньше, чем Люмерию скуют лютые морозы. А долго думающие и вовсе платили по тройному тарифу.

Больше всех переживала во время суеты кухарка, тётушка Гато, у которой в планах было приготовить господам корзину вкусной снеди в дорогу, хотя на источнике была своя королевская кухня, и хозяева точно не остались бы голодными.

Илария оставшееся до отъезда время потратила на то, чтобы написать и вручить управляющему список покупок, которые необходимо было приобрести к возвращению, поэтому на длительную беседу с детьми времени не осталось. Все наказы были даны в спешке, в том числе тот, что касался Мариэль:

— Послушай, милая! Мой совет относительно этого молодого человека не окончателен, понимаешь? Не давай ему ложных надежд, впереди у тебя бал, на котором ты встретишь много очаровательных молодых людей...

В этот момент девушка приложила усилия, чтобы не улыбнуться и заверить матушку в том, что совету обязательно последует. Вчера, до ужина, когда Мариэль успела отдохнуть, Илария призвала к себе дочь на серьёзный разговор.

— Милая, прошу тебя... Присмотрись к милому мальчику...

Далее шли аргументы: «мальчик», то есть инквизитор Анри Ленуар, хорош собой, умён и, самое главное, перспективен. Выражение лица Мариэль, готовой сопротивляться, только подзадорило матушку, она подключила Жанетту, и та потом весь вечер расхваливала умницу Ленуара, не подозревая, что ветер давно начал дуть в другую сторону.

За ужином Илария попросила Анри рассказать о родителях. Тот, не моргнув и глазом, как человек давно смирившийся, вежливо ответил:

— Мои оба родителя — лумеры, муж моей матери стал мне отцом после смерти родного, который умер задолго до моего рождения. В одиннадцать лет у меня проснулись зачатки ментальной магии, и господин Тирр помог определить меня в эколь при Королевской Академии...

Получается, страх перед тем, что будущие внуки могут унаследовать лумерскую кровь, заставил Иларию пересмотреть свой восторг относительно гостя, чей потенциал уже не казался желанным.

Наконец родители обняли своих детей, проводник построил портал, подхватил саквояж г-жи де Венетт и корзину с завтраком от кухарки, свою сумку Рафэль чуть не забыл — и взрослые исчезли в мареве, схлопнувшемся через мгновение после того, как край длинной накидки Иларии исчез.

— Я думал, эта минута никогда не настанет, — Антуан довольно прокомментировал финал сумасшедшего утра и потёр руки, но взгляд его вдруг потускнел, заметив кого-то позади сестры.

Мариэль обернулась. В зале появилась бабушка — нянька и стражник для оставленных без присмотра на это время молодых де Венеттов.

День начался.

Нет худа без добра. Из-за того, что пришлось завтрак отдать уехавшим, а запланированные на дорогу пулли (мелкие курочки) ещё не прожарились как следует, готовая рыдать от позора тётушка Гато с трудом взяла себя в руки, и по комнатам хозяев разнесли небольшой перекус, пока кухня справлялась с путаницей.

Антуан до полноценного завтрака решил восполнить свой прерванный утренний сон. Мариэль, окончательно проснувшись, попросила отнести свой разнос с бутербродами и кувшином отвара в учебный кабинет, в котором со вчерашнего дня ждали её тетрадь для конспектов и руководство Люсиль по магическим сущностям. Удобство работы в этой комнате Мариэль успела оценить, проведя там вчера до ужина чуть больше часа.

Хорошо, что бабушка не видела этого безобразия: Мариэль, разложившись на своей парте, одновременно неторопливо жевала и записывала казавшиеся важными данные о магических существах. Эта картина довела бы принципиальную сирру до нервного срыва.

Едва родители исчезли в портале и г-жа Тринилия окинула придирчивым взглядом внуков, полетели молнии поочерёдно в каждого — за внешний вид, за постыдное обращение к родителям в день отъезда... Повод поругать бабушка нашла бы, даже если бы всё было идеально, так подумала Мариэль.

Сегодня утром она не дождалась Жанетту, вовлечённую, как и все остальные слуги, в процесс сборов. Самостоятельно умылась, награв руками воду в кувшине: «Ура! Получилось!» Затем исследовала платяной шкаф, нашла платье с передней шнуровкой и худо-бедно оделась самостоятельно. Заплела косу вместо сложной причёски. А чтобы не выглядеть совсем просто и расстраивать матушку, выбрала из шкатулки с украшениями миленькое кольцо с небольшим каплевидным ярко-красным камнем в тон платью и осталась довольна отражением. Претенциозность в отношении внешнего вида поднадоела, а так хотелось чего-нибудь простого.

К сожалению, бабушка так не думала, не терпящим возражения тоном приказала к официальному завтраку привести себя в порядок. Но Мариэль выторговала себе время до приезда гостей:

— Бабушка, если вас так расстраивает мой вид, я могу позавтракать у себя в комнате. Вместо того чтобы десять раз за день переодеваться, я бы хотела провести это время за учебниками.

Тринилия вытаращила глаза: очевидно, до этой минуты рвение Мариэль к учёбе не проявлялось так ярко. Пожилая женщина попытала от изумления, перебирая губами, и разрешила.

Даже не добавила рекомендацию в духе: «И чтобы наш гость тебя не увидела в подобном платье!» — ведь она присоединилась к изменившемуся мнению Иларии относительно Ленуара. Наверняка, если бы ей в голову пришла фантазия, в которой гость избегает девицу в немодном платье и с небрежной причёской, в этом случае, бабушка даже, пожалуй, настояла бы на «безобразии».

Поэтому, дожёвывая мелкую тарталетку с овощной пастой, Мариэль спокойно выводила

в тетради слова, когда в кабинет заглянул Анри:

— О, вы тут! — он поприветствовал, не обращая внимания на смущение девушки. — А я перекусил на кухне. Всё-таки есть своя прелесть в провинциальной жизни. Свежее молоко, горячий хлеб... Кабы не социальные предубеждения, завтракал бы так каждое утро... Вы снова за работой, Мариэль? Похвально.

Девушка отложила перо-стилус в сторону, чтобы ненароком не поставить кляксу:

— Я не достигну успехов, господин Ленуар, если вы будете меня постоянно отвлекать.

Вчерашним вечером он так же застал Мариэль в кабинете и расспросами про жизнь-бытьё в Лабассе вогнал в краску, отчего девушка рассеянно оставила и книгу, и конспекты, лишь бы сбежать от любопытного гостя. Который, в общем, был приятным собеседником, разве вопросы задавал такие, на которые Мариэль не смогла бы ответить даже при всём желании, потому что ничего не помнила.

— Вряд ли вы достигнете успеха с пособиями, рассчитанными на детей, — Ленуар уселся напротив Мариэль и развернул к себе учебник. — Интересно, зачем вы конспектируете этот фольклор?.. Ну, хорошо, снимаю вопрос...

Необъяснимое выражение глаз девушки заставило извиниться. Что было в них? Толика страха, понятное раздражение от присутствия назойливого собеседника и усталость. Её было жалко, отчасти, но Анри поставил себе чёткую цель разобраться в том, что его беспокоило и интересовало одновременно, а отступать от своих расследований он не привык:

— Хотел бы я знать, что творится в вашей хорошенькой головке. К слову, вы очень мило сегодня выглядите, необычно... Поймите, мне нужно это знать, чтобы помочь составить преvizорское свидетельство о вашем даре, — он вдруг вспомнил про своё обещание профессору, и аргумент пришёлся кстати.

Мариэль не поднимала глаз, а потом решила: в конце концов, гость рано или поздно об этом узнает.

— Мой дар, сир Анри, если он и есть, то никак не связан с тем, что вас беспокоит. Вы наверняка слышали от моего брата о моей неосторожности возле источника магии — я уснула. С тех пор память возвращается ко мне слишком медленно. По этой причине отличить детские пособия от взрослых я не могу. Вас устраивает мой ответ?

И правда, он с облегчением откинулся на спинку кресла: вон оно что! Один вопрос был снят. Следующий представлялся сложнее.

Вчера вечером, после ухода Мариэль, рассеянно полистал её книгу и тетрадь, а потом обратил внимание на одну странность. В тетради первая запись по сущностям была о Вестнике, а в книге руководство по обращению с ним при встрече находился ближе к середине. После Вестника в тетради остальные записи шли в порядке, аналогичному руководству. Связать два факта: наличие магической метки, следа, который обычно остаётся после общения с сущностями, и странный интерес к одному из персонажей детских страшилок — эти факты Анри связать не смог по одной причине: уж слишком фантастическим казался вывод.

— О, вполне! — он покивал, задумчиво перебирая страницы пособия. — Ваше трудолюбие поможет вам вспомнить всё, я не сомневаюсь. Простите мне моё любопытство: я не со зла, таковы привычки инквизитора. Могу ли я вас развлечь историями о тварях, заметки о которых вы так тщательно делаете, чтобы хоть немного компенсировать вам время, потраченное на беседу со мной?

Получив утвердительный ответ, Ленуар открыл книгу на «первой попавшейся»

странице:

— Возьмём, к примеру, абитата... или Вестника... С кого начать?

Вот! Это выражение снова промелькнуло в её глазах. Неужели Анри угадал? Немыслимо! Если эта девчонка успела по глупости связаться с такой опасной сущностью, как Вестник, Лемуар за её жизнь не поручится. Шархалово безумие!

— Я была бы благодарна, если бы вы рассказали про всех. Но давайте начнём с Вестника, интересный персонаж, не так ли?

«Персонаж»?! Это некромантское исчадие?! Анри поперхнулся воздухом. Справившись с эмоциями, снова развалился в кресле:

— Как скажете. Есть у меня один знакомый, который заработал на оказании услуг Вестнику...

— Как это? — изумлённо воскликнула девушка, распахивая ресницы.

— Брался за исполнение заказов, а в качестве оплаты просил кругленькую сумму золотых. Сейчас он этим не занимается — поумнел. Однако золото Вестника помогло сколотить моему знакомому состояние. Как вы знаете, проклятый судья во время заключения договора предлагает исполнить одно желание. Так вот. Мой знакомый добился исполнения сразу трёх в свой последний случай. Придумал, как обмануть Вестника... Вам это интересно?.. Отлично. Так слушайте...

Лемуар рассказывал, не отводя своих зелёных, как весенняя листва весной, глаз от девушки, подперевшей кулачками подбородок. Мама каждый вечер читала книги дочери, пока Маша не научилась это делать самостоятельно. И сейчас история Лемуара напомнила сказку про Балду, обманувшего чёрта. Попросить у Вестника заведомо невыполнимое задание, чтобы выторговать себе три желания вместо одного, — это было хитроумно.

— А если бы Вестник исполнил желание, и ваш знакомый стал бы хозяином Всемирья? Допустим, на один день, ведь о сроках он ничего не сказал? — спросила Мариэль, когда история пришла к благополучному финалу.

— Об этом мой знакомый подумал позже, — улыбнулся Лемуар, показывая в улыбке ровный жемчуг зубов. — Следует помнить, что Вестник не является исполнителем, он — магическая сущность, проводник магии. Сложные схемы не для него. Когда он оказался бессилён выполнить задание, подозреваю, обратился к своему непосредственному мастеру — великому Чёрному Некроманту. А тот, в свою очередь, оценил шутку и не наказал. Я так думаю. Услуга — тоже товар, так почему бы и не поторговаться за её цену? Три желания вместо одного — весьма недурно... Чему вы улыбнулись, Мариэль?

— Не все умеют распорядиться тремя желаниями. Проще загадать одно верное, чтобы потом не жалеть об этом. А некоторые и вовсе потом входят во вкус. Если бы ваш знакомый на третьем желании снова попросил бы стать богом, скорее всего, он оказался бы у разбитого корыта.

Лемуар одобрительно склонил голову, машинально полез в нагрудный карман, достал любимую коробку, вынул палочку, спохватился и убрал было её назад, но заметил любопытство:

— Заразная привычка после поездки на Аднод... Это остров недалеко от юга Люмерии. Палочки для жевания, — он открыл крышку, показывая зубочистки, — с ними я привык думать.

— И как вы с ними думаете?

Анри сунул в рот палочку и пожевал кончик. Мариэль, не спрашивая разрешения, взяла одну и передразнила Ленуара, передвинувшего палочку из одного угла рта в другой. Глаза девушки смеялись.

— Я вам подарю целую, вдруг понравится, — Ленуар вернул своё сокровище в карман. — Рад, что развеселил вас. Расскажите теперь вы какую-нибудь историю. Вижу, что вам хочется.

Мариэль фыркнула:

— Вовсе и не хочется.

— Не обманывайте меня, я ведь хороший инквизитор... Я жду, — он поиграл палочкой во рту, и девушка опять его передразнила.

Взрыв хохота в коридоре спас ситуацию. Голоса, один из которых принадлежал Антуану, удалялись в сторону зала для тренировок.

— Полагаю, один из партнёров уже прибыл.

Наверняка это был Дилан, друг детства и сын соседнего графа. Дилан учился на первом курсе, имел дар мага земли, за глаза прозывался Антуаном милой друидушкой. Как выглядел этот молодой человек, Мариэль не представляла. Но то, что он прибыл раньше, бабушке однозначно не понравится.

Ленуар поднялся и с лёгким поклоном извинился:

— Прошу прощения. Вынужден покинуть вас, пойду познакомлюсь с партнёром. Надеюсь, мы продолжим позже наш обмен историями.

Оставшись одна, Мариэль недолго задумчиво листала тетрадь с конспектами, убрала все принадлежности в шкаф, подхватила разнос с остатками завтрака и вышла из кабинета.

В коридоре ей попался Микал, подсматривающий за гостями через приоткрытую дверь в зал. Девушка отдала смутившемуся мальчишке разнос, велел отнести на кухню и позвать Жанетту. В самом деле, бабушку лучше не злить: Мариэль чувствовала, что для воспитательных бесед поводов сегодня будет предостаточно, — нужно переодеться и накрутить на голове причёску, которая удовлетворит старшую сирру.

Пока ждала Жанетту, успела снять верхнее платье и поупражняться перед зеркалом. В отражении легко, без усилий, появился Ленуар с палочкой в зубах.

За время диалогов Мариэль удалось рассмотреть до мельчайших подробностей его лицо. Изящный овал лица с тщательно сбритой растительностью над верхней губой, подбородке и щеках. Прямой нос с аккуратным кончиком и с немного широкими ноздрями, несколько большой рот и тонкие губы. А над пристальными глазами цвета молодой зелени длинные дугообразные брови. Примечательными также показались его аккуратные уши с одной проколотой мочкой и серьгой в ней да причёска — стриженные коротко волосы спереди и небольшой собранный сзади хвост.

Сейчас в белом платье с широким вырезом, открывающим девичью ключицу, стоял настоящий молодой инквизитор с женским колье на шее. Оно тут же было снято, и Мариэль снова повертела головой, разглядывая лицо. Не хватало детали.

Она подумала, достала свою шкатулку с украшениями, нашла коробочку, подаренную матушкой, и вдела в левую мочку «Слезу ангела». Вот теперь образ казался идеально похожим. Как жаль, что нельзя пойти на белый бал в образе мужчины, Мариэль бы развлеклась от души...

Створки двери стукнули, приоткрываясь, и Мариэль молниеносно сбросила чужую личину. Вошедшая Жанетта увидела только свою хозяйку, вынимающую перед зеркалом

серьгу из уха. И никого другого.

На завтраке Тринилия заняла место зятя, напоминая тем самым присутствующим, кому надо повиноваться. Ленуар и Мариэль остались на прежних местах — по правую руку от г-жи Тринилии. И только на другой стороне стола произошла ротация: Антуан усадил друга по левую руку от бабушки, сам сдвинулся на место отсутствующей матери. Нарушение семейной традиции вызвало бурю консервативного негодования на лице Тринилии, но она промолчала, видимо, посчитав, что это меньшее из всех зол, намечающихся сегодня.

Глаза Дилана, по-кошачьи жёлтые, вдруг заставили Мариэль думать о том, что большинство люмерийских аристократов имеют светлые радужки. Из присутствующих тёмные были только у Мариэль. В одной из книг Люсиль это объяснялось так: все Основатели Люмерии имели светлые глаза — голубые, серые, зелёные, золотистые. Цвет был обусловлен люмосом, магией, от которой и пошло название страны. Позже браки с оставшимися туземцами, чья территория была отвоёвана, эти браки подарили темноглазых детей. Как бы то ни было, большинство лумеров имело карие или чёрные глаза. Ленуару, каким-то чудом, наверное, от далёких предков достались зелёные глаза и ментальная магия. Что, если его предки, родившиеся лумерами, были изгнаны из отчего дома магов и...

Додумать эту мысль Мариэль не успела, переключилась на рассказ Дилана о том, как студенты развлекаются в первый зимний октагон. К этому времени заканчивались зачёты, и большинство студентов отправлялось домой. Но весельчаки оставались, чтобы поучаствовать в традиционных студенческих развлечениях и обрядах. Первокурсников свободно пускали на вечеринки старшеклассников, чтобы новички получили представление о тяжёлой доле выпускников.

Например, среди прочих был обряд для особо отличившихся студентов, как правило, из числа третьего и, реже, второго курса. Официальной частью обряда руководил принц, не обязательно будущий наследник, но принадлежащий к королевскому дереву. Его высочество одаривал одного или двух студентов королевским знаком — серьгой с камнем, добытым в каком-то королевском ущелье с магическим источником.

— «Слёзы ангела» — так называются эти камни? — не выдержал Антуан и всё-таки спросил, хотя Мариэль смотрела на него страшным взглядом, предупреждая о сохранении тайны.

Дилан рассмеялся:

— Хорошо сказал: «Слёзы». Плакать на церемонии есть с чего... В общем, те, кому принц дарит свой знак отличия, тот приносит клятву королевскому дому и прочее. Скучно, я бы сказал, и пафосно. А вот если ты захочешь вступить в эту гвардию добровольно, придётся пройти через шаршалоу пытки, — Дилан брякнул грубое слово и покосился на сидящую слева г-жу Тринилию, с классически неодобрительным выражением лица выслушивающую речь гостя, которая изобиловала просторечиями.

Антуан взмолился, попросил рассказать все подробности. Дилан опять покосился на даму и продолжил:

— Тебя приковывают к поставленному вертикально столу, потом испытывают стихиями, а потом — хрясь! — протыкают ухо! — и стукнул кулаком по столу.

Ленуар закашлялся. Тринилия, которая сама была в ужасе от нарисованной Диланом картины, нашла в себе силы повернуться к Ленуару, чтобы помочь. Сделала знак слугам наполнить водой кубок гостя. Пока она отвлеклась, Дилан ловко высыпал из кулака в кубок

Тринилии какой-то порошок и подмигнул Мариэль. Она открыла рот, не зная, как реагировать на эту подлость. Молчаливую дуэль взглядов между ней Антуаном прервал кашель Лемуара, который был не в силах остановиться, и это сильно отвлекало. За это время Дилан успел помешать ложкой в бабушкином кубке. И, самое интересное, что слуги сделали вид, будто ничего не заметили.

Кашель не прекращался. Мариэль поднялась и ударила кулачком Лемуара по спине четырежды. От неожиданности гость замолчал.

— Еда не в то горло попала, наверное! — свирепо глядя на Антуана, объяснила она свой метод лечения.

— Благодарю, — Лемуар глотнул из кубка, поданного слугой, — мне легче, хотя рука у вас тяжёлая, сирра Мариэль.

Запить шок понадобилось и Тринилии. Она поднесла к губам кубок с добавленным зельем, три пары глаз уставились на неё, и Мариэль напряглась, но Дилан одной рукой показал жест «сплю» и «всё нормально».

Осушив кубок, бабушка всё-таки сделала Дилану замечание, попросив больше не стучать по столу. Остаток беседы прошёл относительно спокойно, если не считать парочки волнительных историй про разные виды посвящений, от подробностей которых могли зашевелиться волосы на голове впечатлительных людей. Но таких здесь не было, поэтому Дилана вежливо слушала.

Под конец завтрака разговор свернул в академическое русло. Антуан поделился жгучим желанием позаниматься в отцовской библиотеке, Дилан сказал, что тоже не прочь почитать что-нибудь увлекательное. Лемуар собрался вздремнуть.

Тринилия строго взглянула на внучку после того, как все молодые люди отчитались о своих намерениях. Подозревая всеобщий заговор, Мариэль неуверенно произнесла:

— У меня остался недописанный конспект по истории Люмерии. Пожалуй, я тоже позанимаюсь у себя в комнате.

Ответ удовлетворил г-жу Тринилию, и она отправилась в свою комнату отдыхать, попросив обязательно вызвать перед началом игры.

Антуан лично её проводил до комнаты, расшаркался и помчался назад.

— Идём в кабинет! Перекинемся в легаж*, — потирая руки, обратился к молодым людям. Те согласились.

Дилан и Антуан ушли, Лемуар остался с Мариэль, пытаясь уговорить её присоединиться:

— Поверить не могу, что вы были заодно с этими балбесами! — сердито буркнула Мариэль, повернулась и пошла в сторону своей комнаты, не оборачиваясь на извинения.

Забегая вперёд, скажем, что г-жа Тринилия спала до самого вечера, как младенец, пропустив ужин в том числе. Поужинав в компании Наны у себя в комнате, сирра снова почувствовала потребность лечь в постель, где благополучно наслаждалась прекрасными снами остаток ночи.

Глава 15. Поединок

*Испытай, завладев
Ещё тёплым мечом
И доспехи надев,
Что почём, что почём!
Разберись, кто ты — трус
Иль избранник судьбы,
И попробуй на вкус
Настоящей борьбы.
В. Высоцкий, «Баллада о борьбе»*

Поскольку тетрадь с конспектами и пособием по магическим сущностям осталась в учебном кабинете, а встречаться с Ленуаром Мариэль не хотела, то невольно выполнила данное бабушке обещание — честно читала другую книгу, не зная, чем ещё себя занять, до полудня, когда должен был приехать Арман.

Единожды чтение прервало звяканье в шкапулке, стоявшей на подставке у конторки. Это был почтовый портал, как объясняла Жанетта, но Мариэль пока в действии его не видела. Осторожно открыла крышку. На дне лежал свёрнутый в трубочку лист и какой-то шар величиной с теннисный мяч. Это было письмо от Люсиль, отдыхающей с родителями на источнике.

«Милая подруга! Узнала только что от Армана, что вы без меня развлекаетесь. Не могли меня подождать, ох, уж этот Анчи! Погодите, завтра я возвращаюсь, и мы устроим что-нибудь интересное.

Недавно встретила сира и сирру де Венетт. Они такие милые! Их любовь друг к другу не может не быть примером для всех нас. Я загадала лет через двадцать так же идти с Арманом под руку и улыбаться друг другу.

Писать много не буду — завтра лично расскажу все новости. А они просто непостижимые! Ты сойдёшь с ума, подруга!

Добавляю сферу, вдруг ты забудешь записать для меня игру.

Твоя Люсиль.

Ажуте: Арман обмолвился, что у вас очень интересный гость. Завтра ты мне всё-всё расскажешь. Целую!»*

Пришлось звать Жанетту, чтобы понять, как что работает.

— Вы кладёте в ящик письмо или другое какое небольшое послание, сверху — руку и думаете о человеке, которому отправляете. Если «дзынь» было, значит, письмо дошло. Со сферой тоже всё просто. Берёте её и подбрасываете вверх, — служанка взяла в руки присланный от Люсиль прозрачный шар и слегка замахнулась в потолок. — Когда нужно будет запись остановить, вы просто протягиваете к сфере руку, и она вернётся к вам. Чтобы посмотреть запись, вам нужно будет поставить сферу на специальный постамент и всё — наслаждайтесь. Но это удовольствие не для всех, конечно. И ещё, сферы долго не держат запись. Несколько раз посмотрел — и стёрлось.

— Не думала, что такое есть. С ума сойти можно... — Мариэль озиралась, куда бы

положить шар, чтобы он не разбился.

— Я уберу в коробку, — расторопная Жанетта тут же нашла место.

До приезда Армана слова Люсиль про «держаться под руку» нет-нет да и всплывали в памяти, будто в сердце застряла заноза, напоминая о себе от каждого прикосновения. Рассердившись на саму себя, Мариэль сожгла письмо, и, действительно, немного полегчало.

Но стоило саням Делоне въехать во двор, а молодому человеку помахать рукой Мариэль, стоящей у окна, как тупая боль усилилась. Прежде, чем спуститься к Арману, девушка постояла, прижимаясь лбом к холодному стеклу. Нужно было взять себя в руки.

Идём в кабинет! Перекинемся в легаж — аналог игры в карты.

***Ажуте — постскриптум по-нашему, от франц. «добавить».*

Отдав слугам жюстокоры и жилеты, юноши остались в белых свободных рубахах с широкими рукавами, которые пришлось закатить для удобства. Каждый держал по узкому мечу и поигрывал им, привыкая к весу оружия. У дальней стены растянули ширму, скрыв лохани, чтобы не портить вид.

У стены рядом с дверью находился зрительский ряд. Сидели здесь почти одни девушки: Мариэль с Жанеттой посередине и служанки, включая тётушку Гато. С краю подпрыгивал на стуле нетерпеливый Микал, то и дело соскакивавший, чтобы посмотреть поближе, как молодые сирсы управляют мечами, пока тётушка Гато не прикрикнула на него. В дверях остались стоять управляющий и двое слуг с кувшинами и полотенцами в руках.

На всех дамах поверх платьев были наброшены тёмные накидки.

— Чтобы не испачкаться, — объяснила Жанетта недоумевающей Мариэль.

Наконец, юноши разошлись по четырём углам, встали, оперевшись на мечи.

— Хэй! — крикнул Антуан и направил свой меч на Дилана. Тот повторил вопль, и два друга побежали к центру, размахивая мечами.

— Бросайте сферу! — напомнила Жанетта хозяйке.

Сфера взлетела под потолок и замерла недалеко от зрителей. С облегчением вздохнув (хоть с чем-то справилась сама!), Мариэль наклонилась к уху Жанетты:

— Это и есть комбат-де-бу? Они не поубивают друг друга?

— О нет, госпожа! — так же тихо ответила Жанетта, — это они так разогреваются. А мечи у них учебные, не переживайте.

Антуан с Диланом сражались, и ловче пока получалось у Дилана. Молодые люди то расходились, то снова бросались друг на друга, лязгая клинками. Служанки одобрительно повизгивали на удачных выпадах, поощряя соперников.

Это было красиво, Мариэль заразилась от сидящих рядом, не кричала, но невольно подавалась вперёд или аплодировала, как и слуги.

Антуан и Дилан быстро выдохлись, так и не уступив друг другу. Пожали руки и разошлись каждый в свой угол. Слуги, стоявшие у двери, ринулись к обоим сирам, чтобы утолить их жажду и отереть пот.

Не обращая внимания на суету слуг, Арман молча направил меч на Ленуара, и вторая пара вышла в центр зала. Спокойно, без суеты. Мариэль вдруг осознала, что во рту у неё пересохло, а сердце забилось, как будто это она сейчас кружила с мечом наперевес, присматриваясь к сопернику.

Оба стройные, высокие, они для начала решили прощупать друг друга. Вот Ленуар первый сделал обманное движение и сразу взмахнул клинком, норовя задеть бок соперника, — Арман отразил. Ещё безуспешная обманка и ещё! Ленуар блеснул довольно зубами и будто бы перешёл в честное наступление. Минуту клинки ритмично выстукивали одну им известную музыку боя. То отступал Арман, то делал шаг назад Ленуар. Служанки аккомпанировали ахами и комментариями в духе: «Ах, какие они красивые!» Если бы оказалась возможность пересечь от них, Мариэль сделала бы это без промедления. А между тем дерущиеся что-то успевали говорить друг другу, и это интересовало больше, чем мнение вздыхающих служанок.

«Господи, когда же вы все заткнётесь?» — раздражённо подумала Мариэль, всей душой желая, чтобы слева и справа от неё воцарилась тишина. Как будто мысли прочитали — ахать стали заметно тише. «Надо же!» — Мариэль быстро взглянула на Жанетту, как и прочие, неотрывно следящую с открытым ртом за «танцующей» парочкой, и чуть не пропустила новый виток в происходящем.

Арман шёл в наступление. Вот он сделал выпад, Ленуар как-то неловко отразил, а затем, никто не успел уследить, как сделал подсечку Арману, и тот полетел на пол под дружный женский ах. Мгновение — Ленуар стоит с занесённым вертикально мечом над поверженным. Ещё одно — и, ослепляя улыбкой, разводит руки в стороны: к его груди приставлен клинок.

— Отлично! — говорят губы Анри, слов его Мариэль не слышит: в ушах кровь вдруг начинает стучать в ритме ускоряющегося паровоза. Виной всему танец мечей, пробудивший азарт, умильные вздохи рядом сидящих, или переживание за... А за кого она переживает больше, в самом деле?

Ленуаром невозможно было не любоваться: он казался воплощением военной грации, единственным, кто мог позволить себе перед ударом расслабленно положить клинок на плечо, будто говоря: «Ты такой медленный, что я устал ждать!» — и уклоняться от пусть и тупого учебного лезвия, но всё же рассекающего воздух со свистом перед носом. А ещё он помнил о зрительницах, успевал в их сторону посылать улыбки и подмигивания, в то время как Арман был более сосредоточен и увлечён внеплановой тренировкой с достойным соперником.

После впечатляющего отражения удара юноши настроились на продолжение игры, но вдруг возникла пауза. Арман что-то сказал слугам у двери, и управляющий снял со стены ещё два меча. «Ох! Они с ума сошли!» — в полуобморочном состоянии прошептала Жанетта, схватившись от волнения за руку Мариэль. И переживать было от чего. Мечи закрутились в руках, принаравливаясь к хватке.

Как обычно, Ленуар напал первым. Правый меч взлетел над головой Армана, левый нацелился в плечо. Дзынь, дзынь! — и четыре клинка скрестились, а соперники приблизились. Толчок — и вот снова ходят по кругу, готовые к выпаду.

Сердце Мариэль сладко ухало куда-то вниз на резких манёврах обеих парней. Она и не заметила, как её захватило очарование схватки. А меж тем удары становились суровее, вот Ленуар как будто поддаётся, отступает в сторону зрительского ряда. Выпад Армана — и Ленуар в шаге от взвизгнувших девушек. Ну, кто хочет случайного удара тяжёлым учебным мечом?

Жанетта прижалась к хозяйке, позабыв о своём обещании защищать её. И только Мариэль осталась неподвижной, слыша всё тот же поезд в ушах и медовую тягучесть в груди.

Наверное, поэтому она и не заметила, что заставило служанок броситься перед собой, позабыв о страхе: Лемуар успел каким-то образом кончиком меча подхватить у потрясённой тётушки Гато платок, вытереть пот на лбу и бросить назад — в зрительский ряд. Видимо, сам Арман испугался близости к зрителям и оплошал, а красующийся соперник воспользовался этим фактом.

Пока Мариэль невольно переводила взгляд на служанок, со смехом выхватывающих друг у друга платок, торжествующий вопль Микала привёл в чувство. Посередине зала стоял обезоруженный Арман, оба его меча оказались лежащими на полу, а два других, принадлежавших смеющемуся Лемуару, скрестились в области груди поверженного.

«Женщины тебя отвлекают, дружище!» — в разом разлившемся безмолвии насмешливо сказал молодой инквизитор, и его слова услышали все зрительницы — захохотали одобрительно.

Драка продолжилась. Арман наклонился за лежащим мечом, и почти успел — Лемуар прыгнул, делая немыслимый кульбит в воздухе, коснулся остриём своего клинка рядом с рукой Армана. Тот молниеносно откатился, подсекая ногой гостя, — и перехватил в воздухе один из мечей Лемуара. Один на один клинок — это равновесие длилось ровно две секунды. Лемуар ногой поддел меч с пола и подхватил его левой рукой, снова получая превосходство.

Безусловно, это была тренировка, прекрасная, надо сказать, но именно в эту минуту Мариэль мысленно взмолилась к неизвестному богу удачи, желая, чтобы всё-таки победил Арман, хотя исход казался очевидным. Ах, если бы Лемуар замешкался на мгновение! Но насмешливой бог вместо этого позволил распороть один рукав на рубашке Армана, затем в расход пошла передняя часть, обнажая часть груди. Зрительницы застонали. Неужели игра начала принимать серьёзный оборот?

К чести Армана, он не показывал эмоций, оставаясь хладнокровным и продолжая методично отбивать атаки. «Ну, давай же, давай! — грудь Мариэль готова была взорваться от переполнявшего её желания выбежать и прекратить эту драку или как минимум бросить в Лемуара бейлар. — Арман!»

И чудо случилось, Лемуар нелепо увернулся, а меч Армана поддел (или зацепился?) несколько криво за целую рубашку инквизитора — раздался хруст, и шов на боку был разрезан до самого рукава. Юноши остановились. Оба были растеряны, первым в себя пришёл Лемуар. Он вдруг засмеялся, положил мечи под ноги, одним махом стянул с себя рубашку, отбросил её в сторону, оголяя торс с идеальным рельефом.

— О, Владычица! — простонала Жанетта, и её эмоция была более чем понятна, страдальчески взмолилась. — Выходите за него замуж, госпожа!.. О! Что такое?..

Лемуар бросил свою фирменную улыбку зрительницам, сделал непонятный пасс рукой, а когда покрасневшая Мариэль отвела от служанки возмущённый взгляд, пропуская движение Лемуара, перед ней колыхалась прозрачная магическая плёнка.

— Это ещё что такое?! — вырвалось невольно у Мариэль.

— Господин поставил отражение от вмешательства, — подсказал кто-то.

А что случилось-то? Мариэль недоумевала. Недолго, ибо развернувшийся впереди театр снова привлёк внимание. Теперь Лемуар был один против троих. Отдохнувшие Антуан с Диланом чуть ли не с восторженным криком: «А-а-а! Вперёд, гвардия-а!» — ринулись в бой первыми. Несколько мгновений — и Антуан летит в одну сторону, а Дилана пинком отправляют в другую. Молодые люди оскорблено поднимаются и снова сзади набрасываются на Лемуара, отражающего атаки Армана. Их попытка была пресечена

уклонившимся Ленуаром: Арман с двумя мечами по инерции обрушился на подлецов, снося их с ног.

— Так себе, помощники! — развеселился инквизитор, упирая в спину Армана клинок.

Пока служанки кудахтали от восторга, развлекавшие их молодые люди решили, что пора переходить ко второй части. Мечи были возвращены слугам. Довольные улыбки, рукопожатия и лёгкие прикосновения плечами при этом доказали, что женщины переживали зря.

— Ты не безнадёжен! — сказал, протягивая руку Арману, Ленуар. — Приятно удивлён!

— Благодарю. У меня два хороших учителя, — улыбкой ответил Арман. — Но не лучше ваших академических.

Какой комплимент в свою очередь отвесил молодой инквизитор Антуану и Дилану, осталось относительной тайной, потому что мужчины отправились к ширме. Слуги оттуда вытащили две тяжёлые бадьи, одну поставили возле ширмы, вторую с трудом оттащили к зрительницам, в двух метрах от последних.

— А вот сейчас начнётся комбат-де-бу! — шепнула Жанетта на ухо хозяйке и хихикнула. — Смотрите в оба! Вот вам практика, о которой я говорила.

Мариэль вытянула шею, пытаясь рассмотреть содержимое ближайшей бадьи:

— Что там такое?

— Грязь, моя госпожа!

— Грязь?!

Мариэль подняла глаза и лишилась дара речи: из-за ширмы показались все четверо игроков, босые, без рубашек и в коричневых коротких штанишках до колен. В сторону зрительниц пошлёпали Дилан и Ленуар, подмигнувший Мариэль, на лице которой играла невообразимая гамма эмоций — от смущения до гнева. О том, на кого или что злилась девушка, молодой инквизитор решил подумать позже, а пока повторно подмигнул, удовлетворённо отметив ещё большее смущение.

Слуги-мужчины покинули свой пост у дверей, разошлись по залу, воздели руки, и к одной магической стене добавились ещё три.

— Это чтобы нас и стены не испачкать, — объяснила Жанетта. — Грязь с магией, знаете ли, отмывается ужасно. А один раз вдруг защита исчезла. Вы себе не представляете, что тут было! В госпожу Тринилию во-о-от такой ком полетел, — девушка показала пальцами внушительный «снежок» из грязи. — С тех пор она не ходит на комбат-де-бу... Наверное, сегодня тоже нарочно сослалась на усталость... Ой, простите, госпожа...

Жанетта, устыдившись сплетен, виновато склонила голову.

— Так в чём суть этой игры? — Мариэль рассматривала спину Ленуара с двумя заметными шрамами на лопатке и талии. Жанетта была права: нужно было пользоваться ситуацией и запомнить, как выглядит мужское тело. Вот только Мариэль отчаянно пыталась убедить своё лицо не пылать, словно костёр с подброшенными сухими ветками.

Жанетта объяснила: задача игроков «уделать друг друга», выигрывает, соответственно, самый чистый.

— Ну и игра, — пробормотала Мариэль, переводя взгляд на Армана, и чувствуя, как теперь начинают пылать уши.

Антуан на правах организатора издал стартовый вопль. Из бадьи перед зрительницами медленно поднялись два грязных сгустка.

Глава 16. Комбат-де-бу

Но я люблю, любовь скрывая,

Пока живу.

И это имя, умирая,

Не назову.

Сюлли Прюдом

Боже, какая пропасть была между величием драки на мечах и этим развлечением, вызывавшим гомерический хохот зрителей! Мариэль хотелось закрыть глаза ладонями, чтобы не видеть этого. Любовь обладает одним важным качеством — мы не хотим видеть своих возлюбленных в карикатурном виде. Смертный бог, которого мы выбрали и за которым следуем, — идол с одухотворённым прекрасным лицом, а не шутовской гримасой придурковатости.

Едва полетели первые комья грязи и участники комбат-де-бу превратились в безумных юнцов, Мариэль чуть было не ушла, но Жанетта зашептала на ухо, напомнила про необходимость остаться.

В прошлом мама так же заставляла учиться, даже когда у Маши не было настроения. Уговаривала: надо учиться, пригодится, дочка, как минимум разовьёт память, внимание и ум...

Мариэль скрипнула зубами: действительно, когда ещё представится такая возможность! Так пусть это будет уроком биологии. Тема — строение мужского тела и его индивидуальные особенности. Начать урок она решила с Дилана, сверкавшего своими лодыжками аккуратно напротив Мариэль. Задание урока осложнялось непрерывным движением объекта, впрочем, всё, что было нужно, Мариэль успела рассмотреть. Золотистый оттенок глаз Дилана, по-видимому, имел физиологическое обоснование: верхняя часть спины парня была щедро украшена веснушками, словно звёздной россыпью. Волосы на ногах отливали рыжиной и даже пятки природа дилановской магии окунула в тёмное золото.

Слева и справа девушки-служанки визжали и хохотали, мешая сосредоточиться. Тётушка Гато вытирала передником слёзы смеха, а мужчины-слуги согнулись, уже не подпирая собой дверной проём, а держась за него.

— Мой батюшка тоже принимал участие в этом?.. — она не смогла подобрать культурной версии слова, готового слететь с губ.

Жанетта держалась из последних сил, стараясь соответствовать настроению хозяйки, интеллигентно прыская в кулачок.

— Зря вы так, госпожа, — неволью она осмелилась возразить, отвечая так же, на ухо, ибо услышать в этой какофонии криков без усилия не представлялось возможным: — Считается, что раз в год слуги могут смеяться над своими хозяевами и не быть наказанными. В другие дни, конечно, можно схлопотать. Поэтому мы умеем получать удовольствие, и вам бы не мешало. Вон вы какая грустная и озабоченная. Посмейтесь, прошу, вам легче станет...

Комок грязи шлёпнулся в магическую плёнку, и Мариэль вздрогнула, тогда как служанки притворно недовольно закричали: «Эй, слепые манчоны! Ложку мимо рта не пронесите!»

— Оскорблять в этот день тоже разрешается? Что такое «манчоны»? — уточнила

Мариэль, переводя взгляд с золотой спины Дилана на поджарую спину Ленуара, на которой от движения играл каждый мускул вместе с огромной татуировкой, состоящей из плавных линий и открытого глаза в середине рисунка.

— Манчоны — это такие слепые зверьки, они в пещерах живут, где нет света... Если немножко, то можно... Скоро пары поменяются местами. Какая красивая спина у сира Анри! — Жанетта с самого начала второго действия пожирала глазами молодого инквизитора. — Забыла сказать, госпожа, летом в комбат-де-бу играют все неженатые мужчины, так что у незамужних девушек есть возможность, как говорится, рассмотреть весь товар целиком. Почти целиком, хи-хи. А иногда, знаете, и верёвка на поясе развязывается.

Мариэль оторопело посмотрела на служанку, потом перевела взгляд на штаны Ленуара. Двигался он как заправский теннисист, отражая прямо летящие комья грязи и прыгая в сторону за теми, что летели в бок, но могли вопреки всем законам физики, нарезать круг, чтобы шлёпнуться в спину. Надо признать, пока молодой инквизитор и его напарник были чище соперников. У Антуана левая рука вся была коричневой и ноги по щиколотку, а Арману заляпало правое плечо и немного грудь.

«Надеюсь, они не упадут, это было бы катастрофой!» — Мариэль машинально зажмурилась на секунду, не желая представлять себе задницу гостя. И, будто читая мысли, Ленуар подтянул штаны, за что поплатился: брызги от попавшей ему в грудь жижи долетели до плёнки. Служанки, болевшие за ловкого инквизитора, завизжали.

С трудом отняв руку от лица, Мариэль заставила себя вернуться к «уроку». Если бы не комичная ситуация, возможно, она бы испытала другие чувства, кроме интереса, к разрисованной спине. Татуировка находилась общей массой на правой стороне и щупальцами орнамента обхватывала бок. Что означал глаз? Возможно, он являлся символом инквизиторов? Дилан за завтраком успел обмолвиться о традиции студентов делать себе рисунки, а выпускникам-инквизиторам вообще ставили клеймо на груди раскаленной печаткой: чтобы будущие инквизиторы помнили о клятве защитников и боли, которую причиняет простым людям неправильно использованная магия. У Ленуара на груди действительно остался шрам от жуткого обряда годовой давности.

Если бы можно было положить руки на плечи и провести по спине, чтобы почувствовать эту бугорки, потрогать рисунок, запомнить его... Взгляд Мариэль медленно скользнул от шеи Анри к талии... Шлёп-шлёп-шлёп! По плёнке стекали шоколадного цвета полосы.

— Да-а-а! Да-а! — завопил, пританцовывая, Антуан и ударил по подставленному кулаку Армана: ловкий Ленуар всё-таки замешкался и схлопотал сразу три «бомбочки». Вдогонку полетели и другие, как только он решил зачем-то обернуться на улюлюкающих зрительниц. Если говорить языком спорта, счёт сравнялся. Теперь обе соперничающие пары выглядели как поросята после грязевой ванны.

Над головами раздался хлопок. Наступило кратковременное перемирие для смены места. Ленуар наконец воспользовался возможностью поблагодарить болеющих за него, повернулся к дамам и учтиво поклонился, его пристальный взгляд посвящался серьёзной Мариэль, на лице которой не было и тени веселья. Ленуар подмигнул ей и пошёл навстречу противникам.

А вот теперь начиналась настоящая катастрофа... Пока Арман был где-то там, за роем мелькающих коричневых шаров, на сердце Мариэль было намного спокойнее, хотя она и отсюда прекрасно видела его обнажённый торс. Он подошёл, испачканный и, подобно

Ленуару, насмешливо поклонился, приложив испачканную руку к груди. Мариэль судорожно вздохнула: воздух остановился в лёгких. Дело было не в том, что Арман предстал вот таким...невозможно красивым, просто слишком мало времени прошло, всего один день, с тех пор, как она обнаружила в себе болезненные чувства. Ещё не научилась совладать с ними и не нашла способа, как, если не избавиться, то, хотя бы, приглушить. А поцелуй отражения в зеркале помнился настолько реальным, что казалось, будто Арман подозревает Мариэль в этом преступлении. Почему он отводит взгляд, словно Мариэль здесь и нет вовсе?

Второй раунд начался. Эмоциональный фон задавал Антуан, воплями комментируя как удачи, так и провалы — свои да заодно чужие. Вот кто наслаждался комбат-де-бу — он и Дилан! Между Анри и Арманом, так казалось Мариэль, продолжалась дуэль, начатая на мечах, эти двое соревновались в ловкости и неожиданных приёмах бросков...

Интересно, грязь когда-нибудь закончится? Или на неё наложили заклинание умножения, как это делала Жанетта с ведром воды для купания?

Тыл младшего де Венетта, даже несмотря на слой покрывавшей его грязи, выглядел рыхловато. Сказывалась наследственность: не исключено, что если у Антуана проснётся любовь к гастрономии, как у отца, то в скором будущем лишние килограммы округлят наследника. Но также было подозрение: виной этой «красоте» ещё и лень во время тренировок. У Армана, который был старше брата на два года и не учился в академии, мужественные плечи шире тонкой талии, на руках — очевидные бугорки мышц и проступающая сеточка вен...

— ... а после игры они, — Жанетта стрельнула глазами в сторону арены, — перед купальной ополоснутся там, за ширмой, мы им воду уже приготовили... И девушкам будет разрешено помочь оттереть грязь, хи-хи-хи... — служанка прыснула в кулачок, — вы обязательно подойдите, помогите тоже... Что?.. Я сказала что-то не то, госпожа?..

Комментирующая на ухо Жанетта отодвинулась: Мариэль смотрела на неё с широко открытыми глазами, в которых плескался ужас.

— ... Да вы раньше так делали, братцу, конечно, чаще мыли, — Жанетта торопливо поспешила успокоить, — но и другим тоже помогали. Люсиль, как обычно, Армана мыла...

Взгляд Мариэль, просящий замолчать, подействовал. Жанетта отвернулась и переключилась на состояние болельщицы. Игра продолжилась.

Сказанное служанкой повергло в ужас. Срочно нужно бежать отсюда, пока не закончилось всё это, и ... Ленуар обязательно попросит помыть его! Эта шутка в его характере, Мариэль и не сомневалась. Наверняка посыпятся просьбы в духе «помой лучше меня!» Нет, она этого не выдержит! Люсиль здесь нет, что, если Арман попросит?.. Мариэль застонала и прикрыла рукой глаза на минуту: эти фантазии о вероятном будущем могли любого свести с ума.

Как назло Арман прыгал напротив. Хочешь не хочешь — смотреть будешь на его спину с потёкшей с правого плеча грязью.

Смыть её? Пройтись мягкой тряпкой по плечам, лопаткам и скользнуть вниз, по ложбинке... Его мокрые волосы прилипнут прядками к шее, их непременно захочется убрать, потрогать... Макнуть тряпочку в воду и пройти по мягкой линии — по плечу, предплечью, рукам и ладоням, коснуться его пальцев, которые перехватят ткань и дрожащие пальцы Мариэль...

Она судорожно вздохнула. Из глубины поднималось доселе незнакомое желание обнять эту спину напротив, заключить руками в замок, провести по груди и прижаться губами к его

ше...

Мариэль заторможено наблюдала, как Арман почему-то опустил руки, не останавливая летящую на него грязь, его будто парализовало. И соперники воспользовались этим без угрызений совести. Хватило нескольких секунд, чтобы поток грязи атаковал юношу, в то время как он рефлекторно повернулся корпусом, чтобы спрятать лицо, — левым боком к зрителям. Заляпанное грязью предплечье или ... Или это татуировка? «Разве можно их делать до академии?..» — отстранённо подумала Мариэль.

Антуан возмущённо вопил, призывая сосредоточиться, чем доводил публику до припадка истерического хохота. К счастью, Арман очнулся и навёрстывал упущённое: из бадьи, стоящей рядом, полетела грязь пулемётной очередью, расстреливая соперников, не успевавших отражать все удары.

И вдруг, прежде чем плечо нестерпимо зачесалось, горячая кровь гулко ударила в голову, на лбу выступила испарина, а затем жар в одно мгновение сменился ознобом, — глаза сами собой вернулись к плечу Армана, тому, которое с татуировкой. Мариэль схватилась за своё, прижимая раскаливающийся рисунок, который, казалось, был готов прожечь платье. От плеча потянулся тонкий мерцающий дымок. Медленно. Щупая атмосферу истеричного веселья. К магической плёнке. К Арману.

Мариэль, забыв, как дышать, обвела взглядом вокруг себя — никто, кроме неё, не замечал растянувшейся магической ленты. Она, будто запертая в аквариуме змея, скользила по прозрачной плёнке и не могла найти выхода. Вот лента сжалась в пружину, собираясь разбить преграду, за которой продолжали метаться комья грязи. Мариэль сглотнула, но это не помогло пересохшему горлу. За мгновение до разрушения магической плёнки, девушка охнула и спрятала лицо на плече у Жанетты.

Плёнка лопнула, как мыльный пузырь. Арман снова замер, и грязь, летевшая в него, решила выбрать себе другую цель — шлёпнулась в гогочущих зрительниц. Жанетта успела вскинуть руки, чтобы защитить себя и хозяйку, жижга смачно упала к ногам, испачкав подол. Игра остановилась.

Антуан захохотал первый, за ним Дилан. Ленуар воздел руки, как бы прося прощение, ведь именно его комки достигли цели. Арман, держась за левое плечо, обернулся; на бледном лице застыла извиняющаяся улыбка. Видел ли он нить, связавшую его татуировку и ту, что горела на теле медленно поднимающейся Мариэль? Кажется, нет.

Ленуар взмахнул обеими руками, восстанавливая стену и одновременно разрушая невидимую никому связь между двумя людьми в зале.

— Должно быть, у сира Анри слишком мощная магия, — Жанетта вопросительно взглянула на госпожу, продолжающую стоять. Что-то очевидно пошло не так, потому что служанка ощутила сильную потребность схватить Мариэль за руку и успокоить, прижать к себе, словно напуганного ребёнка.

Но Мариэль вздрогнула от прикосновения, оттолкнула руку помощи, подхватила юбки и бросилась к выходу. Жанетте пришлось последовать за хозяйкой, но дверь перед носом резко захлопнулась магией, и, сколько служанка ни дёргала за ручку, отказывалась открываться.

Мариэль казалось, что тот истошный крик, который вырвался у неё, должен был оглушить всех, но никто его не услышал. Она метнулась к выходу, наступая на юбки и ноги служанок, оттолкнула смеющегося управляющего, и, оказавшись в коридоре, обернулась в приоткрытую дверь: Жанетта бежала за ней. Нет, не такой собеседник был нужен Мариэль.

Вообще никто! И она взмахнула рукой, чувствуя, как ярость и горечь управляют магией — захлопнула за собой двери.

Сбежала по лестнице. Как оказалась в собственной спальне, не помнила. Руки сами собой сотворили пузырь безмолвия, закрывая от мира. И тот клокочущий вопль, клубящийся тьмой в сердце, наконец вырвался наружу, приводя стенки пузыря в желеобразное дрожание.

Она кричала и не могла остановиться. Слова появились, лишь когда крик вынес большую часть ярости из лёгких и опустошил сознание. Мариэль упала на кровать. Корсет душил её, не давал согнуться, чтобы облегчить боль в лёгких и желудке. Руки судорожно ухватились за шнуровку на спине и разжались: она казалась себе бессильной даже снять с себя платье.

И крик ярости вырвался снова — шнуровка лопнула, давая свободу. Как ни странно, это помогло прийти в себя. Тяжело дыша и уже отдавая отчёт себе в желаниях, Мариэль стянула верхнее платье, отбросила его на пол и свернулась калачиком на постели, вздрагивая от начавшихся рыданий. Спасительные слёзы хлынули, принося с собой облегчение.

Вот что досталось в наследство от прежней Мариэль! Но это жестоко и несправедливо! Почему *он*? Почему именно она должна знать, что *он* умрёт, погибнет от предательского удара в спину? Кто это всё придумал?

Когда рыдания иссякли, Мариэль села на кровати, вспоминая будущее, которое Вестник показал. «Спаси сына!» — неужели мать Армана так сильно ненавидела Мариэль, грозящую разрушить честь её сына, что отомстила таким образом? Или это совпадение?

«Милая, любовь — самый сильный дар, магия и оружие. Даже если бы я знала, что умру, всё равно сделала бы это», — так Илария ответила на укоризненный вопрос дочери, зачем она босиком, в одной рубашке молилась на снегу под Ирминсулем.

Мариэль в дневнике называла мать Армана безумной сиррой, а отца — жутким пронырой. Что, если родители решили, как говорится, убить одним выстрелом двух зайцев: наслать на Мариэль любовь? Ведь она, до этого используя Армана, не любила его по-настоящему. И заодно заставить принести обет Вестнику. Версия казалась правдивой и чудовищной: так жестоко использовать для достижения своей цели глупую неопытную девушку, что бы та ни вытворяла...

Но если подумать, то Мариэль понимала г-жу Делоне. Наверное, она поступила бы аналогично, защищая собственное дитя.

После грозы в голове, очищенной криками и слезами, стало спокойно — и звенящая тишина указала на единственный выход. Мариэль засмеялась. Вот как это будет: не Арман умрёт, а она, Мариэль Адерин Ригхан де Венетт, метаморф и влюблённая девчонка. Это она Мариэль, погибнет от удара в спину. Недавно она готова была умереть ради счастья своей матери, теперь сделает то же самое для другого человека. Самого желанного, самого любимого...

Девушка подтянула рукой покрывало, закуталась в него, как в свои новые мысли и чувства. Да, она принимала наследие прежней Мариэль: даже тьма не смогла отравить любовь, которой было много и даже слишком. Маша-Мария чувствовала, будто любила его всю свою жизнь и только сейчас нашла. Это было так сладко и так больно... Но ни за что на свете она бы не отдала это — всё, что осталось от памяти Мариэль де Венетт о прошлом, в котором *о н* — был главное. «Да будет так! Энон-эрит!» — решила она, засыпая от эмоционального опустошения.

Глава 17. В погоне за адреналином

Она всегда давала себе хорошие советы, хотя следовала им нечасто.

Льюис Кэррол, «Приключение Алисы в Стране чудес»

Жанетта осторожно пыталась разбудить Мариэль:

— Госпожа, просыпайтесь! Вас сир Анри хочет видеть, просит о встрече...

Но Мариэль набросила на голову край покрывала, пробормотала вяло:

— Пусть катится ко всем чертям со своими просьбами. Оставьте меня в покое.

Но служанка упрямо продолжала уговаривать. Она занесла два часа назад столик с обедом, который пропустила Мариэль. Еда осталась нетронутой.

— Сир Анри попросил передать свои извинения за случай на комбат-де-бу. Он сожалеет, что напугал вас, — молчание послужило ответом, и Жанетта продолжила, опустившись на колени перед кроватью и положив руку на плечо Мариэль. — Должна сказать, что после обеда молодые сирсы проэкзаменовали сира Антуана, вернее, это сделал сир Анри, остальные были свидетелями, и сир Анри выписал сире Антуану свидетельство с маг-силе, которое завтра подпишет господин Тирр, которое потом отошлют в архив академии и внесут сира Антуана в реестр магов...

Голова, укрытая покрывалом, замычала, будто от зубной боли.

— И вам бы, госпожа, поговорить с сиром Анри, чтобы он и вам выписал свидетельство...

Мариэль откинула покрывало и села на кровати. Жанетта только теперь заметила опухшее от слёз лицо и потухший взгляд с засевшей где-то в глубине тьмой:

— О, Владычица!.. — начала она причитать, но Мариэль устало перебила:

— Не надо... Я не верю Ленуару. Он — инквизитор в первую очередь. Узнает, что я оборотень — отправит на костёр.

Жанетта ахнула:

— Да вы что?! Как это — «отправит»?! Зачем?!

Мариэль напонила слова, сказанные Жанеттой несколько дней назад про редкость метаморфного дара:

— ... Если меня занесут в их реестр, то начнут проводить эксперименты надо мной или посадят в тюрьму. Любую кражу или убийство можно будет списать на меня. А представляешь, если я научусь в короля превращаться?.. У меня договор с Вестником, и я хочу его выполнить, а потом пусть хоть расстреливают!

Жанетта села на пол, показывая изумление сверх меры:

— Я не понимаю, о чём вы говорите! И слова такие странные используете... Инквизиторы не сжигают магов, они защищают нас всех! Сир Анри как лекарь, только по магическим способностям... Нет, так-то, конечно, они и преступников ловят, но...

— Но? — Мариэль повторила попытку вернуться в горизонтальное положение, — Вы все очарованы им. Улыбочка, вежливые слова, привлекательная внешность, ловкий такой... Не могу я ему доверять. Никому не могу. И не буду.

Сказанные слова задела Жанетту, и она воскликнула дрожащим голосом:

— Госпожа, вы мне можете доверять, как себе самой!

— Болтушка ты, — проворчала Мариэль, пытаясь повернуться на другой бок и

поплотнее закутаться в кокон из покрывала.

— Я?! — Жанетта вскочила на ноги. — Вы, верно, забыли, госпожа, посмотрите на меня, я вам... сейчас докажу! — она метнулась по комнате, и к тому моменту, когда Мариэль всё-таки поднялась, вопросительно наблюдая за суетящейся служанкой, у Жанетты в руках оказался столовый нож. — Я принесла клятву на крови, поклялась защищать вас как саму себя. Если вдруг вы будете тонуть, я почувствую это, если буду далеко. Если буду рядом — прыгну за вами. Смотрите, моя клятва не даст причинить вам вред. Не бойтесь...

Главное — предупредила вовремя, за секунду до того, как и замахнулась на Мариэль ножом. И следом Жанетту скрутило от боли так, что она рухнула, корчась.

Мариэль, поражённой представлением, тоже понадобилось время прийти в себя: служанка не притворялась, на её лице выступила испарина, а из носа потекла рубиновая струйка. С трудом удалось её посадить в кресло.

— Не доказывай мне так, пожалуйста, больше никогда свою преданность, ладно? — вкладывая в руки бледной служанки кубок с водой, попросила Мариэль. Пока Жанетта приходила в себя, вздохнула, села напротив, на край кровати. — Ну, допустим, что Ленуар меня не сдаст своей инквизиции. Я не хочу его очаровывать ради этого. Если показать дар огня или попробовать повторить ту шутку с печатью молчания — тоже не знаю: из всех трёх способностей пока мне лучше всего удаётся превращаться в других: по крайней мере, я понимаю, что делаю. В отличие от остальных подарков... Так что я, наверное, подожду другого проверяющего. К тому времени, надеюсь, смогу управлять огнём и ... как его?

— Ментальным даром, — слабо подсказала Жанетта, продолжая вздрагивать от накатывающих судорог из-за магического отката.

Мариэль кивнула:

— Вот. Ментальным. Дурацкий дар какой-то. Где его можно применить? Кому запечатывать рты? Может, напроситься Вестнику в помощники? Чтобы его клиенты меньше болтали...

Жанетта поперхнулась глотком воды, откашлялась и улыбнулась:

— Ваша матушка с ума бы сошла от такой перспективы. Госпожа, вы помните историю про Ханса-Свиста? — визави покачала головой, и Жанетта продолжила. — От любого дара может быть толк, надо только суметь найти ему применение. Ханса-Свиста так прозвали за то, что в детстве упал и выбил один передний зуб, и ни один лекарь не смог ему ни вырастить, ни вставить новый. Когда Ханс говорил, иногда свист вырывался сквозь зуб. И со временем все обратили внимание: на свист к Хансу сначала слетались мухи со всего дома, а позже — домашняя живность. Люди смеялись над ним, и Ханс превратился в бирюка. Он устроился в пастухи, чтобы меньше разговаривать с людьми и больше проводить время в одиночестве. Он свистел свиньям и овцам, которых пас, и животные слушались его, поэтому ни одно не пропало. Люди поняли, что лучше Ханса-Свиста в мире пастуха не найти, и уважали его. А потом в одной деревне завелись ратты, и Ханс ходил по улице, свистел, и ратты шли за ним...

— А потом он пришёл к реке, и крысы... ой, ратты пошли за ним и утонули? — улыбнулась Мариэль. Надо же, какая знакомая история! Должно быть, сказки путешествуют по мирам.

— Да, вы вспомнили! — обрадовалась Жанетта. — Так что не наговаривайте на свой дар, госпожа, даже если это дар — умело доставать козявки из носа.

Мариэль воззрилась на служанку, невинно улыбающуюся, и фыркнула, засмеялась.

Жанетта подхватила смех. Наконец хозяйка повеселела, и на душе субретки полегчало. Отсмеявшись, она с воодушевлением опустила снова на колени и положила свои пальчики на руки Мариэль:

— А знаете что? Выход мы найдём обязательно. Возможно, вам нужно обратиться к лесной знахарке, я сама вас к ней отведу. Так что не печальтесь, госпожа, я согласна с вами — надо подождать ещё немного. А дар метаморфа нужно развивать. Наденьте моё платье, изобразите меня, потренируйтесь на наших. Если будут считать, что я странная, ну и пусть, скажу потом, мол, голова сильно болела. Зато вы силу наберёте. И развлечётесь заодно.

Мариэль поначалу ужаснулась перспектива оказаться на публике в изменённом состоянии, но Жанетта так убедительно и настойчиво уговаривала, что пришлось сдаться. Субретка предложила всего-навсего отнести столик с нетронутой едой на кухню и вернуться. Именно сейчас. Чтобы хозяйка выбросила из головы все грустные мысли и встряхнулась.

— Ну, хорошо. И на сегодня ты от меня отстанешь? — под ложечкой уже сосало от страха. Больше всего пугала фантазия, в которой в самый неподходящий момент лицо Жанетты на глазах многочисленных свидетелей превращается в лицо хозяйки. Для инквизиторов точно найдётся работёнка. И для лекаря Майна тоже.

Платье Жанетты пришлось впору, служанка была ниже своей госпожи на пару дюймов, но это легко было исправить. Видеть себя со стороны, — должно быть, жуткое зрелище, но оптимистка по натуре Жанетта только в ладоши хлопала, рассматривала себя со всех сторон и наглядеться не могла, делая комплименты хозяйке, точно её скопировавшей.

Перед выходом Жанетта сунула в руки столик с едой, открыла дверь и шепнула:

— Благослови вас Владычица! Молитесь ей, если страшно будет, — и осталась в спальне ждать хозяйку.

На ватных ногах Мариэль-Жанетта шла по коридору, сначала боясь поднять голову. Но мимо прошёл Антуан с Диланом и слова не сказал. «В самом деле, разволнуюсь и сброшу личину. Объясняй потом, зачем я в этом платье и несу разнос!» — она взяла себя в руки и ускорила шаг.

То, что она совершила ошибку, поняла поздно. По привычке начала спускаться по центральной лестнице, от волнения забыв про ту, по которой передвигались слуги. Пришлось подниматься на два пролёта и сворачивать в нужную сторону.

— Ты поговорила с сиррой Мариэль? — в спину прозвучал знакомый голос.

Мариэль чуть столик не выронила, замотала головой и ускорила шаг, не оборачиваясь. Ленуар догнал её и преградил путь.

Инквизитор ждал ответа, а Мариэль и слова сказать не могла: во рту пересохло, и сердце было готово выпрыгнуть на одну из тарелок.

— Ты напугана, — медленно проговорил Ленуар, разглядывая служанку, опустившую голову. Пальцем попробовал поднять её лицо за подбородок, но девица так мотнула головой, что тарелки звякнули на столике, ударяясь друг о друга, — мне показалось, ты не робкого десятка, Жанетта... И вижу, что с хозяйкой ты поговорила. Что она тебе сказала, м?

Она сделала попытку обойти молодого инквизитора — он переместился вместе с девушкой в сторону, а затем передумал и пошёл рядом, сменив суровый тон на расслабленный:

— Ладно, оставь свои секреты при себе, хотя мне по-прежнему любопытно, что придумала себетвоя сирра. Ты, я вижу, преданная наёмница, что ж, тем лучше. Передам

через тебя. Запоминай: твоя хозяйка не умеет управлять своим даром, причём сразу обоими — как я понял, у неё их два. Антуан рассказал мне про бейлар, выпущенный за обедом в порыве гнева. Это раз. Второе: очень неприятно, когда происходит вторжение в ментальность. Так и передай своей хозяйке, что её взгляд иссверлил мне всю спину, до сих пор бонджо зудит...

Мариэль добралась до служебной лестницы, спустилась на несколько ступенек, и здесь до неё дошёл смысл сказанного Ленуаром. Он обвиняет её в том, что она пялилась ему на спину?!

— А нечего было глаза на спине рисовать! — фыркнула она возмущённо останавливаясь, — он пялился на ме... мою госпожу, как... как...

Ленуар рассмеялся весело:

— Вон как дело обернулось? Это всего лишь рисунок, призванный защитить мой тыл от удара в спину. Южане верят, что видящее око способно на это. Хотя... — инквизитор задумался, облокотился о перила, не обращая внимания на увеличивающееся расстояние между ним и служанкой, привычно полез в карман за жевательными палочками, — да нет... это ерунда... если только... Эй, подожди, Жанетта!..

— Мне нужно отнести посуду! — откликнулась она, не собираясь останавливаться.

— А впрочем, иди. Я сейчас тебе кое-что принесу для твоей госпожи! Подожди меня на кухне, — Ленуар бросил преследование и торопливо направился в обратную сторону, откуда шёл — в свою комнату.

Мариэль неслась, чудом не сталкиваясь с уворачивающимися от неё и столика слугами, принимающими торопыгу за Жанетту. Но самое удивительное — прозорливый инквизитор не признал в Жанетте другого человека! И всё-таки не нужно испытывать судьбу — она вернёт столик и бегом назад, пока личина не поползла от страха!

Она влетела на кухню, поставила ношу на стол для слуг, раздвигая деревянные тарелки и бокалы (прислуга только что пообедала), и повернулась к двери. Спокойный голос тётушки Гато заставил замереть:

— Куда ты, заполошная? Сядь поешь! Пусть твоя капризная сирра хоть неделю не ест — на то её господская воля. От безделья как аппетит появится? А тебе поесть надо, целый день бегаешь.

— Я... не... — она подумала о голодной Жанетте, бедолаге, которая сидит сейчас в спальне и ждёт.

Тётушка Гато развернула за плечи Мариэль и подтолкнула к столу, заставила сесть. Цокнула неодобрительно, заметив принесённые полные тарелки с остывшим обедом, подхватила столик:

— Как господа за порог, так детки чудят. Один лопает не переставая, вторая — голодом решила себя уморить... Погоди-ка, сейчас накормлю тебя... — кухарка обернулась, но служанки уже след простыл. — Истинно заполошная! Вся в хозяйку!

Мариэль выбежала из коридора и заметалась, не зная, какой дорогой возвращаться. Что если Ленуар решит спуститься по служебной лестнице? Или пойдёт по господской? Его комната была ближе к служебной, значит, наверняка, по ней, а по центральной Мариэль быстрее вернётся в свою комнату.

Она торопливо обогнула закуток, скрытый основанием парадной лестницы. В холле у входной двери стояли двое — Арман и управляющий. Её сразу заметили.

— Жанетта, погоди! — Арман обратился к ней в спину, девушка успела взбежать на

несколько ступенек и замерла, не оборачиваясь. — Спроси у Мари, поедет она с нами к Волчьему логову? Сир Лемуар хотел осмотреть наши достопримечательности, мы собирались все вместе прокатиться.

— Хорошо, сир Арман, я спрошу! — полуобернувшись, ответила она и помчалась дальше, чтобы через две секунды врезаться в чью-то грудь на площадке между первым и вторым этажами.

— Вряд ли сирра Мариэль составит нам компанию: говорят, она плохо себя чувствует, — громко сказал Лемуар, хватая столкнувшуюся с ним служанку под локоть. — Не будем ждать, едем! Я захвачу сферу: похвастаюсь в столице вашими красотами...

Лемуар оттащил служанку за угол и прижал к стене. Проводил взглядом управляющего, поднимающегося на третий этаж к Антуану и Дилану, обосновавшимся в библиотеке, и когда шаги затихли, сурово спросил, отправив жевательную зубочистку в угол рта:

— Тебе велели меня избегать, глупая?

— Что вы, сир! — пролепетала Жанетта, опуская ресницы, чтобы избежать пронзительного взгляда инквизиторских зелёных глаз.

— Тогда давай ещё раз, повторю для тебя непонятливой. У меня мало времени: завтра я должен уехать. У твоей хозяйки проблемы с двумя дарами, она себя не контролирует. Если сейчас будешь мне врать, считай — навредила своей хозяйке. Не хочешь откат, давай помогай мне, а я помогу сирре Мариэль. Доступно объяснил?

Служанка кивнула, по-прежнему отводя взгляд.

— Я задаю вопросы, ты быстро отвечаешь. Вопрос первый: твоя госпожа действительно мало помнит после Ирминсуля?

— Да, клянусь, — не соврала.

— Хорошо. Вопрос второй. Она в курсе своих способностей? Управляет ими осознанно? Не лги, помни о том, кто я.

— Нет, она не понимает, что с ней происходит.

Лемуар вздохнул, отодвинулся немного, убрал зубочистку в карман. Но допрос на двух пунктах не закончился.

— Молодец, я чувствую, что не врешь. Пока не врешь. Последний вопрос. От твоего ответа зависит, поеду я любоваться вашими водопадами или останусь с тобой. Мы запрёмся с тобой в кабинете и долго будем разговаривать. Сама решай, кто чем сейчас будет заниматься. Итак, вопрос номер три. Почему она отказывается меня принять, что случилось во время комбат-де-бу?

Если инквизитор не блефовал, то в случае неправильного ответа... Мариэль содрогнулась.

— Я жду.

— Так у вас два вопроса вместо одного, сир Анри, — пробормотала Жанетта. — Про то, что случилось на комбат-де-бу, я не знаю точно. Госпожа стеснялась смотреть на полуголых молодых людей, её это сильно смущало. А про вас она сказала, что...

— Быстро говори! — раздражённо поторопил Лемуар, сверху слышались приближающиеся голоса Антуана и Дилана.

— Она не может вам доверять и хочет, чтобы её проверил настоящий превизор.

— Почему? — юноша от удивления отстранился.

Смех брата и его друга приближался. Лемуар отодвинулся на значительное расстояние, и можно было бы улизнуть.

— А это, сир Анри, уже четвёртый вопрос. А вы говорили, что последний, — она попробовала улыбнуться и сдвинулась по стенке в сторону своей комнаты.

Ленуар кашлянул неопределённо и решительно закрыл путь к отступлению, обеими руками оперевшись о стену слева и справа от Жанетты. Из-за лестничного угла вынырнул Антуан, за ним Дилан. Братец первым заметил двусмысленную сцену и присвистнул весело:

— Оставь её на вечер, Анри. Едем!

— Я догоню, минутку! — зелёные глаза сузились, а голос стал вкрадчивей. — Как видишь, я могу торопиться, а могу и не. Почему сирра Мариэль мне не доверяет?

Дилан с наигранным удивлением стоял, открыв рот, пока его вниз не утянула рука Антуана. Парочка гогоча затопала вниз.

— ... Она вас боится... А ещё вы... вы... очень легкомысленны. Разве можно доверять легкомысленному инквизитору?

— Кто?! Я?! — Ленуар убрал руки от служанки, резко выпрямился и засунул их в карманы.

Жанетта воспользовалась свободой: шажок, другой в сторону, сделала книксен, пока молодой человек не пришёл в себя, и побежала к спасительной двери.

Ленуар проводил её взглядом, а когда служанка исчезла за открывшейся дверью, вспомнил, что собирался сделать. Достал из кармана браслеты, покрутил их на пальцах и отправился к лестнице. Что его боялись иногда, он знал. И что мог казаться легкомысленным — тоже. Но чтобы боялись из-за легкомыслия? Уже спускаясь по лестнице, Ленуар весело засмеялся: Мариэль ему понравилась.

Она повалилась на кровать, задыхаясь от бега.

— Ну, что? Как всё прошло? Вы так долго отсутствовали! — Жанетта тут же засыпала вопросами свою копию, валяющуюся на кровати хозяйки.

Мариэль потянулась за подушкой, закрыла себе лицо на мгновение, а когда отняла её — расхохоталась:

— Жанетта, это адреналин!

— Чегось?

Мариэль села на кровати, принимая свой облик:

— Это было волнительно! Я как будто стометровку пробежала и выиграла приз. Сейчас всё расскажу... А, погоди-ка! — она соскочила с кровати и подошла к окну. Движением ладони отогрела стекло.

Внизу усаживались в двое саней Антуан и гости. Один из них поднял голову вверх (нужное окно не пришлось искать долго) и улыбнулся.

— Ух, — Мариэль молниеносно спряталась за штору и вытерла ладонью лоб. — Какой он... — прислушалась к своим ощущениями. — Жанетта, ты меня прости, но, кажется, от переживаний я проголодалась.

Жанетта сделала книксен со словами: «Хорошо, моя госпожа, я сейчас принесу!» — но была остановлена:

— Твоё платье на мне, — рассмеялась Мариэль. — И ты тоже голодна, я знаю. Поэтому мы пойдём на кухню вместе, нечего капризной сирре гонять по этажам свою преданную служанку.

Глава 18. Цена успеха

*Кого в бою не плен, а гибель ждёт,
Тот даром жизнь свою не отдаёт.
«Песнь о Роланде», Турольд*

Рождённая в небогатой семье лумеров, познавшая, что такое голод и страх за будущее, Жанетта имела чёткий план. Родители возлагали на неё большие надежды: бытовой дар проснулся у двоих из четверых детей.

Как только семилетнюю Жанетту осмотрел превизор и вынес вердикт, оценив в лумерском свидетельстве 7 из 7 возможных пунктов, детство её закончилось. Эколь (пригородная школа) для бытовиков из незнатных семей, после — трёхлетний курс наёмниц. Жанетта училась делать всё, что позволяла её магия и даже то, что не позволяла. Так на курсах она выучилась шитью, успела пройти практику у госпожи Ниссы, которая и порекомендовала г-же Иларии способную девушку, умеющую найти подход к самым капризным клиентам.

Правду говоря, Нисса надеялась, будто, оказав добрую услугу де Венеттам, повысит кредит доверия к ней, портнихе, а Жанни — так прозвали маленькую умненькую девчушку в салоне — чем-нибудь да выбесит своенравную молодую сирру, которой, наверное, и сама Владычица не угодила бы.

Но Жанетта задержалась у де Венеттов, сумела полюбить свою взбалмошную хозяйку и привязать к себе, надеясь, что рано или поздно Мариэль станет милой сиррой, как и её мать.

На второй год службы Жанетте повысили жалованье, и теперь она могла не только отправлять семье небольшие суммы, но и откладывать на будущее. Однажды Нисса сказала фразу, которая запомнилась Жанетте и стала её девизом: «Не бывает нестандартных или капризных клиентов. Одни просто не знают, чего хотят. Этим не предлагайте варианты — настаивайте, говорите, что именно такой-то крой подчеркнёт уникальные черты клиента. Другие, нестандартные, станут для вас испытанием и добавят опыта. Эти, нестандартные, клиенты — ваше будущее. Капризные клиенты — ваше настоящее».

Узнав об успехе Жанетты в семье де Венеттов, Нисса поначалу ревниво отказывала девушке в её предложениях помочь с пошивом платьев для господ, мол, ушла из салона — сделала выбор. Время потёрло обиду Ниссы, и она стала поручать Жанетте мелочь, в основном связанную с финишной отделкой платьев — где-то ушить, что-то укоротить. Главная портниха Лабасса не подозревала, что Жанетта успела переделать из подаренных обносков своей госпожи премиленькие платья для себя, а так же помогала реставрировать гардероб другим слугам, одежду которым производила малоизвестная артель белошвеек.

По стандартному договору с де Венеттами, Жанетта обязывалась служить Мариэль до её отбытия в академию. Права в договоре гласили, что он мог быть расторгнут с господской стороны, как это уже успешно было проделано несколько раз до найма Жанетты с другими девушками-лумерами. Но только в том случае, если у знатного отпрыска до двадцати лет не проявлялся дар, проще говоря, он признавался лумером, равным слуге. Только тогда наёмник мог сам прервать договор.

Некоторые новобранцы, привязавшиеся к своим наёмникам, при поступлении в академию заключали новый контракт, по которому слуга приобретал статус компаньона. В

академии имелся свой постоянный штат обслуживающего персонала, поэтому слуга-компаньон получал больше свободы. Пока господин занимался, слуга имел право проводить время, как вздумается, лишь бы справлялся с прямыми обязанностями. Умные компаньоны успевали за три года научиться дополнительным ремёслам, начать строить карьеру и получить финансовую независимость от господина, чтобы, однажды расставшись с ним, открыть собственное дело.

Об этом мечтали все наёмники, и Жанетта не была исключением. Она верила в то, что дар обязательно у госпожи проснётся. Надеялась на контракт о компаньонстве. Зная прекрасно прежнюю Мариэль, служанка ни капли не сомневалась, что госпожа выскочит замуж если не сразу после окончания теории, то во время практики точно. Это теперь мечты выглядели зыбко: уж очень изменилась хозяйка.

Своими надеждами она, конечно, не поделилась с Мариэль на кухне для слуг, куда девушки пробрались после отъезда Антуана и гостей. За обедом Мариэль попросила Жанетту рассказать о себе, как она оказалась у де Венеттов. История была поведена, и госпожа, улыбаясь, спросила:

— Ну а ты, Жанни, хочешь стать моей компаньонкой? Но сразу предупреждаю: легко не будет.

И Жанетта готова была от радости броситься госпоже на шею, в ноги — куда угодно. Мариэль призвала тётушку Гато, присутствующую во время разговора, в свидетели твёрдого намерения, и женщина расплакалась, за себя, за Жанетту и за «добрейшую, милую хозяйку».

После обеда направились в кабинет-библиотеку, в которой тяжело висели в воздухе ароматы вина и закусок после Антуановских посиделок. Нашли несколько нужных книг, особенно ценным показался гримуар с рядовыми заклятиями. По дороге из библиотеки некстати вспомнилась фраза братца, обращённая к Ленуару: «Оставь её на вечер».

Мало ли каких приключений захочется молодым людям, поэтому Мариэль попросила служанку задержаться у себя на ночь. Тем более ждал ещё один важный повод, ради которого служанка должна была подстраховать Мариэль.

Жанетта, счастливая от предложения о компаньонстве, позволила себя уговорить, принесла заранее лёгкий ужин и кувшин с напитком, чтобышний раз не сталкиваться с молодыми людьми, когда они вернутся. Управляющего предупредили не беспокоить сирру и её служанку: сирра упорно занимается...

Сейчас субретка спала на хозяйской постели, силком уложенная в неё, не взирая на нарушение люмерийской субординации. Единственное, что смогла себе выторговать — спать одетой, чтобы убежать в любой момент к себе или по делам. Но тяжёлый день сказался, и Жанетта уснула.

Мариэль никогда не было так спокойно: будто с сестрой разговаривала и наговориться не могла; Жанни попросила рассказать что-нибудь из увиденного в подземелье Владычицы, и Мариэль начала рассказывать сказку об Аладдине. Незаметно слушательница уснула, а за ней и сказительница.

Сколько прошло времени, Мариэль не поняла: проснулась резко, во сне испугавшись от мысли, что проспала. Лежала, разглядывая в темноте пятно лица рядом лежавшей сверстницы и прислушиваясь к её ровному тихому дыханию — спит, точно спит.

Медленно и осторожно выпросталась из-под одеяла, на цыпочках подошла к окну — за ним чутко дремала ночь, завывал ветер, плюясь искрами от пламени на уличных факелах. Девушка выглянула в коридор, здесь тоже было тихо, должно быть, перевалило за полночь.

Все спали, а значит, настало время исполнить намерение, как бы страшно не было.

«Вестник! Приди, я жду тебя!» — несколько раз мысленно повторила, вглядываясь в темноту двора. Мгновения отсчитывали своё недолго: с неба во двор упала тень, загорелся огонёк и вспыхнул, приветствуя. Путь к отступлению был отрезан.

Мариэль сунула голые ноги в зимнюю обувь, набросила на плечи тёплый плащ и вышла в коридор, последний раз с сожалением оглядываясь на кровать со спящей Жанеттой. Сейчас важнее, чтобы та находилась здесь. Если вдруг Мариэль схватят, она будет в личине своей служанки, скажет, что шла в свою комнату. Но лучше бы, конечно, повода для оправданий не оказалось...

Странно, но сегодня огонь в коридорных лампах не вспыхивал при приближении. Горел себе спокойно, не мешая пробираться по коридору впотьмах. Мари покосилась на дверь в комнату, где спал инквизитор, и, стараясь не шлёпать подошвами, медленно спустилась по центральной лестнице, юркнула в коридор для слуг и уже знакомой дорогой выбралась из замка на хоздвор.

Колючий мороз сразу перехватил дыхание. Мариэль постояла у входа, привыкая к холоду: целый день не выходила на улицу, а тут, оказывается, зима вступила по-настоящему в свои права!

Мысленно призвала Вестника на хоздвор: не хватало, чтобы кто-нибудь из окна спальни увидел её, одиноко стоящую в тёмноте, — и вздрогнула, слишком быстро сущность переместилась, замерла послушно напротив, подсвечивая себя и девушку огоньком на ладони.

— Я готова назвать цену.

— Мариэль Адерин Ригхан де Венетт, слушаю тебя, — то ли глухо отозвался Вестник, то ли ветер под его капюшоном запел.

Она сглотнула. Если Лемуар не обманул... Впрочем, хуже точно не будет...

Она поймала себя на том, что не чувствует ужаса, который по многим причинам должен был душить её, лишая свободы мысли и речи. Горечь, пережитая несколько часов назад, до сих пор не выветрилась. А во время болтовни в Жанеттой они неосознанно коснулись темы совести и лжи, неминуемо сопровождающей всех метаморфов.

Настоящая дилемма — остаться чистым в луже грязи. Быть ловким, как игроки во время комбат-де-бу? Не хитрым, не изворотливым — ловким, умеющим уклоняться от летящего в тебя сгустка.

Запутавшись в клубке доводов и контраргументов, Мари кое-как определила для себя: ловкость — плод долгих тренировок, выработанной внимательности, но она же — свидетельство твоего желания играть и принимать ставки противников.

Если тебе это интересно и ты играешь, то ловкость — дело хорошее. Если не хочешь, значит здесь и начинается ложь. Перед собой. Но Голос, кем или чем бы он ни был, преподал ей хороший урок, который она не забудет. Никогда. Не потому что самой противно — она дала слово Арману быть честной.

Спокойно начала речь:

— Я не сомневаюсь, что в Люмерии есть как минимум один опытный метаморф, которому можно было бы поручить дело, но вы выбрали меня, девушку без всех необходимых знаний для этого. Единственное моё оружие — любовь, о которой я знаю ещё меньше. Всё, что я могу сделать — это заслонить собой Армана или стать им в нужный день. Получается, что страдания моей прошлой жизни вы посчитали отличным поводом для подачи —

счастливой жизни на один год или два. Вы использовали многое, чтобы заставить меня принять это решение: способности метаморфа, любовь, голос совести. Что ж, я согласна и принимаю ту цену, которую задолжала за новую жизнь, новый опыт и новую желанную боль. Обет будет исполнен, жертва принесена. Но я не принимаю вашей нечестной игры. За то, что вы использовали меня без моего разрешения, цена будет равносильна вашему обману...

Она сглотнула подкатившую тошноту. Только бы опять не истерика: нельзя быть слабой в первом бою.

— Чего ты желаешь Мариэль Адерин Ригхан де Венетт? — Вестник невозмутим покачивался в воздухе. Гарант справедливости и ничего более, статуя Фемиды с завязанными глазами, которой всё равно, кто жужжит рядом.

— Хочу, чтобы в Люмерии все жители были счастливы взаимной любовью, не только сегодня, но всю свою жизнь — с рождения и до смерти. А чтобы не получилось так, что я и вы под словом «любовь» понимаем разные вещи, поясню сразу. Тот, кто любит, долготерпит, он милосерден к окружающим, его любовь не завидует и не превозносится; он не гордится и не бесчинствует, не ищет своего и не раздражается; не мыслит зла и не радуется неправде. Любовь никогда не перестаёт, даже когда пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится...*

Слова лились, как вода, мама часто читала Библию, чтобы в ней найти утешение и смириться.

— ... Таково моё условие, — закончила Мари, созерцая тьму под капюшоном Вестника, с каждым словом ведущую себя всё беспокойней.

— Ты просишь счастья для всех люмерийцев, Мариэль Адерин Ригхан де Венетт? — равнодушно обобщил сказанное.

— Нет, я прошу взаимной любви и с тем определением, которая я дала. Повторить?

— Нет.

Мамин ноутбук, на котором Маша некогда смотрела полезные видео или слушала озвученные книги, периодически зависал. Особенно если были проблемы с Интернетом. Сейчас подобное происходило с Вестником. Тьма клубилась воронкой, как колёсико на экране ноутбука, означая, что информация долго обрабатывается. Кажется, даже ветер улёгся дворовым псом в ожидании команды хозяина.

— Ай-яй, какая хитренькая девочка! — завихрения тьмы под капюшоном сложились в мужское лицо с ухмыляющимся ртом. Мариэль вздрогнула от хриплого баритона, не похожего на глубокий бас Вестника. Чёрная фигура описала круг, задержавшись за спиной девушки. — Но с претензией я согласен: обоснованно, ничего не попишешь. В свою защиту скажу: я тут не при чём, Матушке видней, кого тащить из другого мира. А мой слуга выбрал тебя только потому, что ты была ближе остальных. Обленился... Я бы наказал его, но сложно учить того, у кого вместо мозгов желание побыстрее разделаться с работой.

Собеседник в эфемерном теле Вестника скользнул вперёд и снова разглядывал замершее лицо девушки:

— Мария — как тебя там? — Адерин Ригхан де Венетт, хорошо ли ты подумала над своим условием?

— Да.

— А слова-то какие красивые сказала, сама придумала? — Чёрный Некромант и не скрывал иронию.

— Нет, так учил бог мира, в котором я жила, — легкомысленный тон Вестника разбудил гнев, как это бывает в с разговорах с беспардонными собеседниками.

— И как, помогало? Взаимная любовь была у каждого?

Мариэль закуталась плотнее в плащ. С ветряным затишьем стало легче выносить мороз, но он-то никуда не делся, уже заледенил открытые участки тела — лицо и лодыжки, не прикрываемые плащом:

— У меня нет опыта в спорах, простите.

— Торопишься?

— Немного. Не хотелось бы, чтобы кто-нибудь меня увидел. У нас гостит очень любопытный инквизитор, которого невозможно обмануть.

Вестник издал неопределённый возглас, что-то вроде «да-да-да», вдруг взметнулся в воздух, на какое-то время пропал из виду, а затем опустился перед Мариэль:

— Ловко ты выразила желание: «Не хотелось бы». С одной стороны пожелала, а с другой — формулировка не позволяет воспользоваться. Умненькая девочка... Но я на всякий случай усыпил твоего инквизитора, долго искать его не пришлось, да выдул ему из головы лишнее. Возвращаться будешь — не споткнись... Так что, вернёмся к нашему занимательному торгу? Видишь ли, есть у меня некоторые сомнения в твоей искренности. Один пройдоха-наймит уже обманул меня, не хочу копить ошибки... для начала покажи своё настоящее лицо.

Мариэль уже и забыла, что находится в образе Жанетты. Повела плечами, стряхивая знакомые мурашки вместе с личиной, и Некромант довольно поцокал: «Не прогадал мой лодырь — истинно многолика».

— А теперь дай мне послушать твоё сердце, чтобы убедиться в искренности твоих намерений! — не просьбу, а явный приказ озвучил Некромант в образе Вестника. Времени подумать не дал, протянул рукав, из которого прежде клубилась тьма. Теперь там возникла рука с длинными пальцами и звериными ногтями.

Ленуар в своём рассказе упомянул этот момент: его знакомого точно так же испытывал Вестник, который сейчас был убеждён, что не наступает на собственные грабли. «Нужно поверить в то, чего жаждешь, это рождает искренность», — подсказал сир Анри, и выполнить это было легко.

Вестник убрал пальцы от груди девушки:

— Досадно. Ты либо наивна, чтобы просить такое, либо глупа. То, что ты просишь, нарушит главный закон Всемирья — гармонию. В гармонии есть место всему и любым чувствам в том числе. Знаешь ли ты, что исчезнет, когда все взаимно полюбят друг друга?

Мариэль мотнула головой. Она замёрзла, а словоохотливый Некромант, кажется, не собирался завершать диалог.

— Сладкая боль невзаимности, слёзы досады и надежда на чужое несчастье, — он облизнулся, или Мариэль это показалось? — Люди добиваются любви и такие фигуры порой выделывают, что диву даёшься. Ты точно хочешь лишить нас удовольствия наблюдать за людьми?

«Развлечения у вас что надо!» — мысленно огрызнулась она.

— Мне нужно возвращаться, — чуть было не произнесла «хочу в тепло», но вовремя спохватилась. — Вы исполните моё желание?

— Хорошо. Исполню! — Некромант весело хмыкнул. И эта радость не могла не насторожить. — Ты сама готова ... к взаимной любви?

— Да, — сердце её вдруг радостно встрепенулось и ... остановилось.

Некромант был прав: она не подумала о последствиях. Если этот мир всё-таки перевернётся по её воле, то Арман обязательно должен полюбить её, Мариэль. Но как же Люсиль? Арман будет любить обеих? И... и у других пар тоже так получится? И человека, который будет любить нескольких, будут рвать на части, причинять боль?.. Люмерия превратится в халифат с гаремами в каждой семье, скандалами и претензиями...

Она содрогнулась:

— Стойте! — в раздумьях не заметила, как Вестник коснулся её сердца и хихикнул довольно. — Я... должна ещё подумать, — в голове бесновался сумбур, и хладнокровная часть Мариэль сказала: «Сейчас ты ещё хуже сделаешь!»

— Наивная девица, а не получится ли так, что нам придётся снова увидеться при твоей-то богатой фантазии? — грозно спросил Некромант, но сразу расхохотался. — О, теперь я вижу, Матушка знала!..

Мариэль готова была провалиться от стыда сквозь эту землю, запорошенную колючим снегом. Но Вестник неожиданно миролюбиво сложился в воздухе, будто в кресло сел, положив рукава на подлокотники:

— Развлекла ты меня, Мария, как-тебя-там? Посему, проси три желания вместо одного. Больше не дам... Говори, пока я щедрый!

От сердца отлегло, она с облегчением выдохнула морозный воздух:

— Можно одно желание оставить на потом?

— Если это не будет глупость, подобная той, которую ты только что мне предлагала, то вполне. Всё, что не коснётся гармонии Всемирья, в твоём распоряжении... Торопись, скоро проснётся кухарка, и то, чего ты боялась, я предотвратить не смогу.

Мариэль прикрыла глаза, сосредотачиваясь. Немного времени прошло, а образ мамы стремительно тускнел: новая жизнь заполняла собой память, затирая прошлое. Откинула капюшон, чтобы лучше было видно:

— В том мире, где я жила, осталась моя мама. Вот так она выглядит. Ближе её у меня никого не было, — Вестник подался вперёд, разглядывая новый образ — женщину с короткой мужской стрижкой, — её зовут Евгения Валентиновна. Хочу, чтобы она встретила мужчину с детьми, и они полюбили мою маму, а она их. Пусть у неё будет новая семья, хороший дом... И обязательно, чтобы не пришлось за это расплачиваться!

— А то знаешь меня, да? — довольно хмыкнул Некромант. — Годится желание. Обязуюсь выполнить.

Над их головами сверкнула молния, подтверждая магический договор.

— Второе желание?

— Могу ли я попросить дар, чтобы делиться с другими своими способностями?

Вестник булькнул и «убрал» кресло, вытянулся:

— Ты хочешь сравняться по могуществу с Матушкой? Верно ли я понял тебя, о косяязычная девица?

Она, как могла, объяснила, зачем ей это было нужно, поделилась своими сомнениями и страхами. И Некромант сменил грозный тон на миролюбивый:

— То, что просишь, в точности дать не могу. Дары раздаёт матушка. Но пришлю я тебе одну знакомую, она поможет. Похвально, что заботишься о близких, — он щёлкнул пальцами, и вторая молния озарила тёмное небо. — Исполнено... Третье желание пусть мой слуга обрабатывает, только позови. Прощай, Мария, как-тебя-там. И не проси того, что

нарушает гармонию!

Всю болтливость Чёрного Некроманта словно ветром сдуло, который, кстати, опомнился и засвистел, огибая углы построек.

Лицо под капюшоном растворилось в танцующей чёрной дымке, Вестник замер. Ожидал приказа или продолжения диалога? Однако Мариэль молчала, не зная, что сказать, и магическая сущность взмыла в воздух.

Страх ещё не отступил, но желание рассмеяться уже накатывало. Она сделала это! Сделала! Мариэль повернулась к двери, из которой вышла — и еле удержалась на разъехавшихся ногах. Двор будто льдом покрыло, или так и было, а она не замечала? Осторожно добралась до двери, дёрнула её, примёрзшую, и расслабленно шагнула в темноту.

Зацепившись за нечто огромное, лежавшее у порога, она потеряла равновесие, в полёте на каменный пол успела только вскрикнуть. Преграда дёрнулась от удара ногами, по-медвежьи рыкнуло и навалилось на поверженную девушку. Ноги лизнул ветер, заметив открытую дверь.

— Мамочки, мамочки! — задыхаясь от навалившегося на него чудовища, Мариэль попыталась сдвинуться хоть немного, чтобы вздохнуть полной грудью или скинуть с себя этого... «как-его-там», который никак не хотел определяться, только мычал и возился, подминая под себя. Ещё несколько безуспешных попыток, Мариэль выдохлась, и Оно почему-то вдруг затихло.

Интуиция завопила: «Оно проснулось!» Мариэль взвизгнула, делая очередной рывок, но сначала крепкая рука закрыла её рот, а потом чужие губы сменили руку. Ладонь обхватила её затылок, заставляя голову прижиматься к прерывистому дыханию, вторая рука скользнула под бедро, приподнимая ногу. Вот губы жадно соскользнули по холодной шее — и Мариэль наконец смогла выкрикнуть: «Помогите!»

Глаз успел заметить метнувшийся по стене огонёк. За дверью, в кухне, брякнуло, затем глухой звук удара над головой Мариэль заставил Оно обмякнуть и снова стать тяжёлым, уткнуться своими полураскрытыми губами в оголённую часть груди.

— У меня на кухне не позволю распутничать! Ишь чего удумали! — рявкнул сверху голос тётушки Гато.

Глава 19. Вспомнить всё

*Я думал, сердце позабыло
Способность лёгкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!*
А. С. Пушкин

Анри прислонил затылок к холодному стеклу и закрыл глаза, переждал, пока ноющая боль затихнет. Через пару минут стекло по ощущениям перестало холодить, и он сдвинулся — от инея на стёклах была хоть какая-то польза. Поскорей бы учитель явился, в этом побитом состоянии Лемуару хотелось быстрее сбежать домой, туда, где хладнокровие не изменяет и растерянность не берёт вверх над самообладанием.

Вечером профессор Тирр прислал записку с просьбой быть в семь утра в приёмном зале де Венеттов. Учитель всегда рано вставал, и сегодня его привычка особенно пришлась на руку. Анри желал уйти, не прощаясь ни с кем из обитателей дома.

Страшно хотелось пить, а из жидкости в зале — неполная бутылка сладковатого пуаре, которую забыл здесь вчера поздно вечером Антуан, да иней на стеклах. Не лизать же окна в самом деле, и Лемуар хлебнул из бутылки, присел в кресло у окна, положил одну ладонь на стекло, а когда она занемела, — к шишке на затылке. Пока холод притуплял боль, можно было думать.

При исполнении долга помощника инквизитора он не раз попадал в двусмысленные ситуации и научился быстро их забывать или игнорировать. Учитель говорил: «Эмоции мешают искать и, главное, находить», — с этим нельзя не согласиться. Поэтому удар сзади и даже причина этого Лемуара не смущали, разве что самую малость. А вот избирательное исчезновение воспоминаний — это беспокоило больше всего. Тирр приучил его цепляться за самые незначительные и дурацкие вопросы, начинающиеся с «почему». Ответы на них всегда приводили к нужным выводам.

В его самое первое раскрытое дело, на которое попал благодаря Тирру, увядающие цветы стали отправной точкой к нахождению убийцы, хотя мастера в один голос твердили, что знатный аристократ покончил самоубийством.

«Почему эти цветы выглядят скверно, а букет рядом свеж?» — тогда он заглянул в вазу, стоявшую рядом со столом, за которым умер граф, и обнаружил, что воды на доньшке. Дальнейшее расследование привело к брату покойного, магу воды. Прижатый к стенке, он быстро признался, что использовал воду из вазы как оружие. В те дни Лемуар вынес для себя ещё один урок: в мелочах прячется след тайны. Так почему из последних двух суток он помнит не всё?

До приезда к де Венеттам картинка памяти сохранилась в отличном состоянии, по крайней мере, так казалось. Пока Тирр выяснял подробности странного происшествия у сира Рафэля, гончий пёс учителя обнюхивал весь замок. Успел подружиться со всеми встречными слугами, из брошенных вскользь фраз выцепил интересное, пошёл по следу, который и привёл его к... С кем же состоялся важный разговор?

Затем обед, каждое слово на котором он помнит прекрасно. После — очередной провал, причём основательный, до самого вечера. Следующий день оказался менее рваным. Завтрак,

на котором друг Антуана подсыпал снотворное занудной сирре. Подготовка к комбат-де-бу и бо́льшая часть игры. Здесь стёрся небольшой отрывок, Анри знал точно, ибо свой вопрос, адресованный Арману Делоне, не забыл.

«Почему ты подставился во время игры?» — спросил Анри, когда они вчетвером поехали полюбоваться на магические гнёзда и заодно проводить Армана. Тот ответил неопределённо: «Сам не понял, как будто меня кто обнял». Ага! А ведь сам момент игры, в котором Арман подставился, Ленуар не помнил, хоть ты тресни. Почему пропала эта минута из библиотеки на первый взгляд ерундовых воспоминаний?

И, наконец, до вечера всё было отлично, если не считать неудачных попыток подобраться к Жанетте, чтобы вручить ей для хозяйки браслеты, но служанка и госпожа заперлись, как две нашкодившие ученицы, лишь бы не наказали.

Вечером небольшая попойка на троих с Антуаном и Диланом, отход ко сну... Ночью его что-то разбудило, он выглянул в коридор и заметил удаляющуюся фигуру в плаще. Наспех натянул штаны, обулся, камзол застёгивал на ходу и плащ прихватил: если та, которую он преследовал, шла на улицу, значит, намечалось нечто интересное на морозе, а мёрзнуть Ленуар не собирался.

Конечная стоянка случилась в кухонном коридоре, ведущем на хоздвор. И вдруг Анри, имевший опыт многодневного бдения, не просто заснул, а будто провалился в бездну. Если Дилан не подсыпал и ему снотворного в бутылку, то возникал очередной вопрос: почему инквизитор внезапно отключился?

Пришёл он в себя, и в первую секунду решил, будто спит на Адноде в гостях у необручницы. Та копошилась под ним, обдавая волнами страха и запахом необычной магии. О да, для Ленуара магия разных людей пахла по-разному. Даже маги воды пахли кто морской солью, кто тиной. На Армане, кстати, был чёткий отпечаток запаха водопада Волчьего Логова, неподалёку от которого он жил. Магия Антуана источала аромат свежесмазанного оружия, тогда как у его отца, г-на Рафэля, отдавала ржавчиной: дар с возрастом и без практики терял силу.

Чем пахла Мариэль, Ленуар не мог бы сейчас с уверенностью сказать, так как в памяти отсутствовали фрагменты, в которых он прикасался к ней или подходил близко. Зато служанка пахла преинтересно — весенним разнотравьем, хотя, возможно, недавно просто мылась дорогим цветочным мылом.

Но больше всего беспокоил другой аромат, от которого Анри потерял голову на грязном полу кухонного коридора, пропитанного вонью кухонных испарений, грязных подошв и долетавших сюда запахов хоздвора. Аромат перебил всё собой, обволок в защитный кокон.

Во время поиска его определения почему-то в голове возникла картина королевского весеннего цветущего сада, той его части, где росли вишни. Ленуар любил бывать там в одиночестве и ночью, особенно после дождя. Белая пена источала аромат трогательно и невинно.

Да! И этот запах ему, наверное, спросонок почудился, память сыграла злую шутку именно на затоптанном кухонном полу. Захлестнуло так, что он бы целовал извивающуюся под ним до изнеможения, её и своего...

Удар колокола в голове, и следующая картинка — он лежит перед дверью в собственную гостевую комнату. Возле него суетятся сонные и полураздетые Антуан с Диланом, Мариэль и плачущая Жанетта. Ему объяснили, что служанка выносила тарелки с едой из комнаты Мариэль и случайно разлила в коридоре масло, вытереть его собиралась на

обратном пути, так как руки были заняты, а гость растянулся на скользком полу и потерял сознание. Грохот услышала Мариэль и позвала брата.

Слава Владычице, девицы обставили дело прилично, над Ленуаром теперь хотя бы слуги не будут гоготать. Позже он всё-таки добился признания у рыдающей кухарки, не знающей как умиловить добрейшего господина инквизитора: к конюху Джерому часто бегают по ночам одна служанка, сегодня эта неразумная опять возвращалась под утро крадучись. Ну а что нашло на господина инквизитора, кухарка не знает и знать не хочет.

Ничего, он ещё вернётся сюда и разберётся основательно!

После пуаре в животе заурчало. Аперитив пробудил аппетит, но ситуацию спас учитель. Посередине приёмного зала возникло марево, небольшой ударной волной воздух разошёлся по залу, и Тирр, привычно бодрый, появился перед учеником, торопливо поднимающимся с кресла, за который была убрана бутылка.

— Благостного утра, учитель, — Ленуар легко поклонился.

— Благостного. Помятый ты какой-то. Вижу, отдых удался, — ухмыльнулся Тирр. — Справился с заданием?

— Отчасти. Потом расскажу. А свидетельства подпишете сейчас? — он кивнул на столик, где рядом с чернильницей лежали свёрнутые в трубочку листы бумаги.

— Безоговорочно да. Хочу успеть домой к завтраку. Признаться, домашняя стряпня ближе моему желудку.

Тирр уселся в кресло возле столика, расписался на первом листе, втором, а заметив третий, поднял глаза:

— Это что такое? Почему три свидетельства? — присмотрелся к подписанным, сравнил с третьим. — Это на мальчишку... А это... Почему два свидетельства с похожими формулировками и пропущенным именем? Оба на девицу?

Ленуар замялся:

— Полного имени не знаю, учитель, забыл спросить, а составлял поздно вечером. Сир де Венетт, думаю, сам впишет без ошибок.

— ... Так, здесь: «Основной дар — ментальный, дополнительный — огненный», на втором наоборот. Сложный случай?.. Да и к шархалу — в академии разберутся! — Тирр поставил роспись на третьем свидетельстве. — Вызови управляющего, отдай ему — и двинемся домой.

Анри пересёк весь зал, подошёл к стойке недалеко от двери, на которой лежал колокольчик, и позвонил, вместо того чтобы найти управляющего самостоятельно: не хотелось столкнуться в коридоре с одной нежелательной особой. Тирр тем временем энергично выпрыгнул из кресла и, засунув большие пальцы в неглубокие карманы камзола, продефилировал вдоль стен, украшенных портретами домочадцев и их самых знаменитых предков. Остановился напротив изображения Иларии:

— А каковы особенности дара девицы? Её мать, примечательная студентка была, надо сказать. Знатный переполох устроила, дело едва до дворцового переворота не дошло. Вовремя на неё ректор браслеты надел. На втором курсе перешла к воздушникам, познакомилась с будущим мужем и, слава Владычице, утихомирилась. Про неё быстро забыли, Роланд укрепил своё право, и... — Тирр нащупал что-то в кармане, проверяя, на месте ли. — И всё стало хорошо... Так что с её дочерью?

— Ментальный дар с уклоном на тактильное влияние и, это пока бездоказательно, возможно, с гипнотической атрибуцией. Даром не управляет, действует неосознанно, —

несколько раздражённо сказал Анри, которого осенило: а не могла ли Мариэль оказаться причастной к его провалам памяти? Что она пыталась затереть? погоди, доберётся Анри до столицы, там быстро восстановит забытое, и тогда снова вернётся сюда, чтобы... Додумать не успел, вздрогнул от резкого голоса учителя:

— Это меняет дело. Когда ты собирался мне об этом рассказать? Зови её сюда, не хватало второй сирры Илари... Не так, ногами! — Ленуар потянулся за колокольчиком, но Тирр показал пальцами, шагай, мол.

Однако молодой инквизитор был избавлен от необходимости искать Мариэль, она сама, запыхавшаяся, вошла в зал. В дверном проёме промелькнула Жанетта и исчезла.

— Благостного дня, сир Тирр и господин Ленуар. Прошу прощения, управляющий с помощниками уехал засветло в Лабасс по поручению матушки. Я услышала звонок, чем могу быть полезна?

Тирр, только что намеревавшийся вернуться к столику, двинулся навстречу девушке. Поприветствовал её кивком, осмотрел её простой наряд, косу, перекинутую через плечо, и невольно принялся:

— Вы были на конюшне, юная сирра, в такой ранний час?

— Да, я кормила матушкину лошадь и собиралась до завтрака вывести её. Надеюсь, вы присоединитесь к нам, сир Тирр, на завтрак, — она смущённо потёрла о платье руки, которые не успела ополоснуть.

Тирр вежливо отказался, сославшись на занятость, и продолжил изучать будущую студентку, нацепил зачем-то очки, бесцеремонно обошёл кругом девушку, разглядывая её голову, плечи и спину:

— Я подписал свидетельства, которые составил мой ученик по просьбе вашего отца, сирра...

— Мариэль, — подсказал Ленуар с бесстрастностью на лице.

— Сирра Мариэль. Уведомил ли Анри вас о результате? — Тирр за спиной девушки проводил, не касаясь её, манипуляции правой ладонью вдоль тела.

— В общих чертах, — запнувшись, проговорила Мариэль, хотела было повернуться лицом к Тирру, но тот запрещающе шикнул, придержал плечо пальцем.

Наконец Тирр убрал очки в футляр, сел в кресло у столика, провёл рукой над одинокой свечой, стоявшей здесь, и отодвинул разложенные листы, которые Ленуар на всякий случай предупредительно забрал, сворачивая в трубочку.

— Будьте добры, составьте мне компанию, — Тирр сделал девушке приглашающий жест расположиться рядом, а пока она подходила, мановением пальцев заставил второе кресло передвинуться к себе ближе.

Мариэль осторожно присела, не обращая внимания на язычок пламени, взметнувшийся при её приближении, тот было потянулся к ней и сразу вернулся к прежним размерам. Тирр, наблюдавший за свечой, хмыкнул:

— Дайте свою руку, юная сирра, — она повиновалась. Тирр расправил её сжатые пальцы. — Вот так. Держите ровно.

И неожиданно занёс руку Мариэль над свечой, не давая убрать и цепко держа дёрнувшуюся девицу. Она с ужасом смотрела, как огонь охватил перчаткой все пальцы, но боли почему-то не было, Мариэль больше испугалась, чем пострадала.

Тирр резко отпустил её руку, морщась, как будто сам получил ожог, перевёл взгляд на побледневшего ученика, схватившегося за затылок:

— Горазды вы кричать, сирра Мариэль! Я про ваши мысли, которыми вы щедро делитесь с другими, а в целом ваша выдержка похвальна, — тряхнул головой и уже расслабленно потянул ноги, прежде чем встать. — Анри, надень ей браслеты!

Мариэль рассматривала руку без признаков хотя бы слабого ожога и не смела ничего произнести: Тирр казался страшной молчаливого неулыбчивого сегодня Ленуара. Она поднялась вслед за Тирром, растерявшись окончательно. Какие браслеты? Её сейчас арестуют?

— Протяните одну руку, сирра Мариэль, будьте добры, — равнодушно попросил, подходя, Ленуар. На дрожащую руку надел тонкий браслет, который, едва коснулся кожи, плотно обхватил запястье. — Вторую руку...

Она взглянула в его глаза, удивляясь разительной перемене в манере речи гостя, заметила там холодность и смутилась окончательно, но как она могла обсудить это при Тирре? Ленуар отошёл, а его место занял магистр, взял Мариэль за обе руки, поднял их на уровень своей груди, чтобы убедиться, плотно ли сели браслеты, и удовлетворённо опустил:

— Не стоит бояться, сирра Мариэль, ваша матушка по своём возвращении вам подробно объяснит их назначение. Если в общих чертах, они сдерживают неосознанную магию, чтобы вы не могли причинить вред другим. Это распространяется и на ваш дар огня. Кстати, кто в вашем роду был огневиком?

— Я не знаю, — Мариэль растерянно опустила руки. Не то чтобы браслеты мешали или уродливо выглядели на руках, но кожа под ними вдруг начала зудеть.

— Вам придётся к ним привыкнуть, увы, — заметив почесывание, Тирр кивнул. — Что ж... Нам пора.

Он направился к своему саквоюжу, оставленному у кресла, Ленуар последовал примеру. Мариэль спохватилась:

— Господин Тирр и господин Ленуар, прошу вас, не торопитесь! Наша кухарка готовила сиру Анри корзину с продуктами, она очень расстроится, если сир Анри уедет без её небольшого подарка.

Тирр усмехнулся, взглянул на ученика, тот покачал головой, показывая, что не собирается ждать:

— Пожалуй, мы всё-таки откажемся от вашего любезного внимания...

— Подождите! Оуф, успела... Простите! — в зал влетела Жанетта с небольшой корзиной в руках, добежав до Мариэль, резко остановилась, передала корзину и сделала шаг назад, потупила взгляд, как положено прислуге.

Ленуар порозовел и сделал вид, что ему срочно нужно достать из кармана любимую коробочку с жевательными палочками. Мариэль протянула корзину Тирру:

— Пожалуйста, возьмите, господин Тирр. Тетушка Гато на самом деле расстроится. Сир Анри дал мне и моему брату несколько неоценимых советов. Антуан будет сожалеть о том, что не успел попрощаться с вами, сир Анри...

Ленуар молчал, сжав зубы, и думал только об одном: только бы сейчас не стала повторно просить прощения за случившееся, объясняй потом учителю смысл этих извинений. Ничего, он обязательно найдёт повод сюда вернуться...

— ... И от лица моих родителей я уверяю, что ваше появление здесь всегда будет желанным, сир Тирр и сир Ленуар. Простите, что это делаю я, а не бабушка и не Антуан, они сказали бы то же самое.

Ленуар покрывался пятнами. Именно сейчас захотелось вспомнить всё, что он забыл.

Почему-то это казалось существенно важным, очень важным! А Тирр одобрительно улыбнулся. Корзину взял:

— Мы будем счастливы, если ваша кухарка будет счастлива, — поклонился с добродушной насмешкой. — И, безусловно, я рад отличному воспитанию дочери господ де Венеттов. Буду ждать ваших успехов в академии. Благостного вам дня, сирра Мариэль. Анри?

Магистр очертил портал посередине зала, не так, как это делала Люсиль, на дверном проёме. Оглянулся на ученика перед тем как шагнуть с корзиной и саквояжем в образовавшееся марево. Ленуар тоже направился к portalу, перед ним остановился, протянул свёрнутые в трубку свидетельства:

— Передайте это сиру Рафэлю. Имейте в виду, в вашем свидетельстве нет имени, ибо, к сожалению, вы не смогли мне вчера уделить пару минут. И, будьте добры, как определитесь с факультетом, сожгите второй вариант свидетельства. До встречи на балу, сирра Мариэль, — он холодно кивнул.

— Благодарю вас, мы ваши должники. Буду рада снова вас увидеть. Но как же ваше обещание, сир Анри? Вы кое-что обещали мне подарить, — Мариэль кусала губы.

— Простите, запамятовал, что именно? — он запнулся об улыбку девушки.

— Вы мне обещали палочки... Вон те, — она взглядом указала на его грудь.

Ленуар рассеянно полез в нагрудный карман:

— Правда? Простите, — протянул коробочку, — возьмите все...

— Эх, а вы мне полную обещали!.. — Мариэль приняла подарок и сделала книксен, — благодарю, сир Анри. Благостного вам дня!

— Ленуар! Долго я буду держать портал? — из марева донёлся приглушённый голос Тирра.

Молодой инквизитор рассеянно поклонился, бросил последний взгляд на Жанетту, не смеющую поднять головы, на спокойную Мариэль, и исчез в мареве. Портал схлопнулся.

Девушки с облегчением вздохнули одновременно:

— О ручки Владычицы, я чуть со страху не умерла... — пожаловалась Жанетта.

А Мариэль прислушалась к смешанным чувствам, ворочавшимся в ней: то ли жалости к побитому инквизитору, то ли облегчению за появившуюся свободу (наконец-то за ней никто не будет следить!). И ещё немножко стыда, который бывает не за свои поступки, а позорные действия другого человека. Лучше бы память о поцелуе на кухне потёрлась, как у господина инквизитора, чем помнить о чужой слабости.

Она взяла одну палочку себе в рот, на любопытный взгляд Жанетты достала ещё одну и протянула:

— Будем думать, как господин будущий великий инквизитор! — поиграла палочкой во рту, насмешив служанку. — Пойдём, хочу успеть выгулять Мечту... Скажи, от меня точно пахнет конюшней?

Глава 20. Второе желание

У дьявола нет ни одного оплачиваемого помощника, тогда как у Противной Стороны их миллион.

Марк Твен, записные книжки

Выбраться из замка до завтрака не получилось. Выспавшаяся на неделю вперёд бабушка решила до завтрака навести в замке порядок и в процессе поиска слуг застала внучку, одетую в костюм для верховой езды. Происходивший далее разговор напоминал переговоры двух дипломатов, в результате победил возраст и главный аргумент — за стенами замка до полноценного восхода было далеко, а выгуливание лошади в темноте и на морозе выглядело безумно.

Странно, но ещё полчаса назад прогулка под звёздами казалась безопасным и естественным развлечением. Но, главное, Мари не просто тянуло за пределы замка, — желание доехать до Ирминсуля и обратно превратилось в идею фикс. Размышляя над этой внезапной жгучей потребностью, Мариэль слонялась по замку. Ни книги, ни разговоры со слугами не могли заглушить внутреннего «надо». Поделилась этим с Жанеттой.

— Почему ты меня не уговорила подождать хотя бы до рассвета?

Служанка долго не могла осознать, что такого особенного в выгуливании строптивой лошади под звёздами, а когда до неё дошло, в ужасе округлила глаза:

— Я... я не понимаю, госпожа... Не иначе — морок! Спаси нас, Владычица!

— Угу, проклятие глупостью, — хмуро кивнула Мариэль. — Но, знаешь, сидит во мне чувство, что надо ехать и всё тут...

Жанетта пообещала сопровождать Мариэль, на этом и Тринилия настаивала, но едва прошёл завтрак, упрямая девица улизнула ото всех. Матушкина лошадь на конюшне была оседлана, так что, не дожидаясь Жанетты, Мариэль сбежала через хоздвор. На душе отлегло, как будто сделала всё правильно.

Тем временем светило едва поднялось над линией горизонта. На земле повсюду ещё лежали обрывки ночи — синие тени. Из-за того, что снег не падал, вокруг установилась морозная звонкая ясность.

Мариэль вдруг разглядела: напротив замка де Венеттов, на самом деле, не поле, а замёрзший пруд, а за ним вовсе не ягодные кусты, посаженные ровными рядами, — виноградник, укрытый снежным покрывалом. Впереди же розоватую кромку оттеняли мрачные донжоны замка Делоне, прежде скрытые падающей вуалью из снежинок. Преображение того Лабасса, который Мариэль успела запомнить, было слишком разительным, чтобы не удивляться. И она жадно всматривалась во всё новое, омытое ясной погодой.

Кобылка бежала резво, перейдя на галоп, едва над головой мелькнула арка ворот. Мариэль не сдерживала лошадь: пусть порадует, после недели в заточении кто угодно с ума сойдёт. Только мысленно попросила Мечту быть осторожней и помнить о всаднице. Кобылка фыркнула, не сбавляя галопа.

После того, как Анри нацепил Мариэль браслеты, они периодически нагревались, если хозяйка слишком долго о чём-то думала. И неожиданно матушкина лошадь подсказала, как пользоваться магией в обход браслетов.

Мариэль очень хотелось подружиться с золотистой красавицей, по словам Джерома, являвшейся единственным экземпляром арнаахаальской породы в Лабассе и причиной прошлогоднего спора с сиром Аурелием, пожелавшим купить Мечту для Люсиль. Бессознательная страсть ко всему блестящему и отливающему золоту, поистине, оказалась очевидной странностью Аурелия или проклятием, доставшимся ему вместе с именем.

Но Мечта на поверку повела себя слишком агрессивно, так что де Трасси отстали от Иларии, до сегодняшнего дня бывшей единственной, кого арнаахаальское сокровище подпускало к себе и позволяло садиться в седло. Даже в загоне, со своими сородичами, не такими прекрасными, Мечта вела себя непредсказуемо — сгоняла лошадей в угол и, подобно собаке, сторожила их, не давая разбежаться. Презирала их, ненавидела или считала своей челядью? Намерений арнаахаальской красавицы никто не мог понять.

В первый раз, когда Мариэль протянула морковку, Мечта выказала желание принять лакомство вместе с протянутой рукой. Однако принялась, щекоча ворсинками на губах, покосилась умным глазом и забрала изящно угощение. На ласковые слова согласно мотала головой, позволила расчесать себе гриву и вытянула переднюю ногу, постучав копытом о перегородку.

— Мечта вас приняла, юная сирра, — объяснил Джером игривость кобылы, — и приглашает вас прокатиться... Должно быть, у вас с сиррой Иларией магия схожа, уж как госпожа понимает наших лошадок — все диву даются.

«Это он о ментальной магии сказал? — задумалась Мари и, не теряя времени, положила ладонь на бархатистую щеку, мысленно спросила: — Хочешь прогуляться со мной? Матушка приедет только завтра вечером». Кобыла перестала жевать сено, развернула голову, удивлённо уставясь на девицу, ржанула и уткнулась мордой ей в плечо.

Значит, браслеты сдерживали только бессознательные желания, а если магия лилась целенаправленно, то не препятствовали. «Ну и в чём смысл? Зачем тогда они нужны?» — усмехнулась Мариэль. Ведь того, кто захочет причинить вред другому с помощью магии, получается, этими браслетами не остановить. Тем не менее, главное стало понятным: все желания нужно формулировать про себя отчётливо и не забывать концентрироваться на них.

Несколько минут скачки на морозном ветру, и Мечта принесла себя и хозяйку к площадке перед Ирминсулем. Мариэль направила лошадь к перекладинам, слезла по ним с крупа и обратилась к кобылке:

— Если я тебя отпущу, ты не убежишь далеко? Пропадёшь — влетит нам обеим, и меня больше не отпустят с тобой.

Мечта презрительно фыркнула и забила копытом.

— Ну, хорошо, я позову, ты сразу назад, ладно? — Мариэль завязала края поводьев в узел так, чтобы они не болтались, и похлопала по крупу. — Давай потренируемся. Иди гуляй!

Лошадь медленно прошлась рядом, издала радостное ржание и припустила в сторону поля. Мариэль, уговорив себя не переживать раньше времени, подождала, пока Мечта нарежет круг в сугробах, негромко позвала — лошадь не услышала. Тогда Мари вытянула руку, представив безразмерный повод, который тянется от пальцев к лошадиному силуэту, зрительно уменьшившемуся до размера яблока. И Мечта почувствовала! Остановилась, фыркнула и понеслась к Мариэль, будто верная собачонка, услышавшая зов.

— Умница моя! — девушка погладила переливающуюся в лучах утреннего солнца

шею. — Можешь гулять.

Кобыла потешно носилась по бурунам, купаясь в рыхлом покрове, доходящем порой до груди, била копытом, подбрасывая снег, — вела себя, как умеющий радоваться жеребёнок, и наездница засмеялась. Дала себе слово обязательно научиться снимать и надевать седло, чтобы дать лошади полную свободу в подобных удовольствиях.

Мороз тем временем тоже резвился. Мари стояла, задумчиво облокотившись о перекладины на продуваемой площадке. Лицо слегка замёрзло, и девушка потёрла его, подумав о том, что и ей бы подвигаться не мешало. Подъезжая сюда, она заметила женщину в тёмных одеждах, стоявшую под Ирминсулем и трогавшую ветки дерева. Должно быть, пришла помолиться. Девушка загадала, что как только женщина уйдёт, она, Мариэль, тоже прогуляется. Двигаться пока никуда не хотелось, поэтому она пока просто любовалась окружающим зимним кружевом.

На небосводе мерцали последние непотухшие звёзды да двумя бледными пятнами, медленно двигаясь к западу, обозначали свои бока небесные спутники Всемирья — две маленькие луны — Иль и Эль. Под ними кружили белые птицы, настоящие, не из снега, какие обычно сопровождали Армана. Мари повернулась на восток, к башням замка Делоне, — в небе снежного силуэта с расправленными крыльями не было видно, значит, Арман точно сюда не ехал. Вздохнула то ли с облегчением, то ли с разочарованием.

В сугробах веселилась золотистая кобылка; женщина в тёмном медленно шла от Ирминсуля, поглядывая на девушку и на её лошадь. В конце концов, она ступила на площадку и остановилась отряхнуть набившийся в обувь снег. Мариэль пожелала ей благостного утра и продолжила наблюдать за Мечтой, радость которой решили разделить птицы, они спустились и теперь дразнили, носились стрижами перед мордой догоняющей их кобылки.

— А не вашу ли матушку зовут сиррой Иларией? Похожи вы очень, — удивлённо рассматривая девушку, вдруг сказала женщина.

Мариэль подтвердила.

— В добром ли она здравии? — пятидесятилетняя женщина, ёжась от холода, всё ждала кого-то.

— Благодарю, недавно простыла немного, но сейчас всё в порядке, — Мариэль снова потёрла щёки, подышала на руки в перчатках. Пожалуй, пора возвращаться. Вытянула руку, призывая лошадь. Зов был услышан, и в окружении белых птиц Мечта прискакала, довольная, с прилипшим к седлу и сбруе снегом. Мариэль отряхнула его, как смогла, поворчала ласково, не забывая поглаживать лошадь. А женщина всё стояла рядом, вздыхала, посматривала на дорогу и не обращала внимания на вьющихся высоко над головой птиц.

Дело было сделано — седло очищено, и Мари покосилась на незнакомку, подвела Мечту к перекладинам, по ним вскарабкалась в седло. Перед тем, как пришпорить нетерпеливую лошадь, спохватилась. Начиналась неделя благотворительности, и Тринилия только сегодня утром напомнила об этом внукам во время завтрака, веля относиться благосклонно ко всем встречным на дороге нищим.

— Госпожа, приходите к нам в любое время. На кухне всегда для вас найдётся тарелка похлёбки, свежая выпечка и кружка горячей настойки, — Мариэль улыбнулась сверху явно замёрзшей женщине.

Неожиданно одна из птиц, заигравшись, спикировала вниз и уселась на гриву Мечте. Похожая на голубя птаха издала пронзительный крик, косясь глазом на девушку.

— Благостного дня, госпожа, — кивнула на прощание женщине Мариэль и дёрнула за поводья.

— Мать твоя сегодня поедет в «Вавилон» за нано-мандаринами и встретит того, кого ты просила, — полуудивлённо, полувопросительно в ответ произнесла женщина, присматриваясь к всаднице.

Мариэль оторопело развернула лошадь:

— Простите? Что вы сказали?

Женщина повторила странную для неё фразу, тараща при этом глаза будто загипнотизированная. Три секунды, и Мариэль слетела с лошади, готовая схватить женщину за её плащ и вытрясти все подробности:

— Откуда вы знаете?! Кто вы?!

Женщина молчала, изумление на её лице и гнев попеременно чередовались друг с другом. Наконец она смогла выговорить:

— Ты же ещё дитя!.. Как, о Владычица?.. — подняла глаза к небу и зло бросила кому-то. — Ты с ума сошёл, Чёрный! Уже за детей взялся! — затем перевела взгляд на возбуждённую девушку и постаралась смягчить выражение глаз и тон голоса. — Тебя ли, дитя, послал ко мне этот дуболом, Великий Некромант?

Мариэль едва не задохнулась морозным воздухом, заполнившим разом грудь:

— А... вы его... знакомая? Он попросил вас мне помочь?

На лицо женщины нахлынуло выражение облегчения, смывая шок и злость на Чёрного:

— Я тебя здесь давно жду, как велел Некромант. Пойдём со мной, дитя, и возьми с собой лошадь. Нам есть, о чём поговорить.

Не веря в возможную ловушку, Мариэль последовала за женщиной.

— Изель меня зовут, — одними губами улыбнулась женщина, направляясь к рошце перед холмом, показала рукой на деревья, — живу я там, пройтись надо немного. Я покажу дорогу, чтобы ты смогла меня найти, когда понадобится... Много я повидала, но чтобы сам Великий Чёрный Некромант посылал ко мне ребёнка, это что должно было случиться? Рассказывай, дитя. Не будем терять времени: ведь тебя скоро хватятся дома, не так ли?

Подходя к лесу, девушка сообразила: да ведь это та самая лесная знахарка, которая матушку научила обряду и, косвенным образом, стала причастной к судьбе Антуана и Мариэль. Спасибо Жанетте, поведавшей эту тайну. Но если Изель знает слишком много о лабасских обитателях, то насколько безопасно доверять ей свои секреты? И без того застигнутая врасплох быстрым исполнением второго желания, Мариэль замолчала, не решаясь рассказывать все подробности. Успела только в общих чертах обрисовать ситуацию: необходимо поделиться своим даром с одним человеком, чтобы спасти жизнь другого.

— Что это за дар такой, которым надо делиться? — скупой улыбнулась Изель, но собеседница вдруг замолчала и, более того, остановилась, как будто передумала идти. — Думаешь, стоит ли мне доверять? Понимаю. Знала бы ты, сколько тайн в Лабассе!

Заметив, что напугала, женщина поправилась:

— Клятву я давала о неразглашении самой Владычице. Но торопить тебя не буду, расскажешь, когда доверишься. А пока я тебе всё-таки покажу, как найти меня, — Изель шагала по нетоптаному снегу вперёд, не сомневаясь, что девушка с лошадью следует за ней. — Хочешь, наверное, знать, откуда я про тебя узнала? Чёрный... Некромант-батюшка... разбудил посреди ночи, попросил посодействовать.

— Попросил? — эхом повторила Мариэль. Деревья росли всё гуще и гуще, она начала

беспокоиться за Мечту, которой, кажется, очень не нравилась эта прогулка между веток, цепляющихся за бока и упряжь.

Изель кашлянула:

— А у нас договор с ним такой — не командовать друг другом. И спрашивать разрешение перед тем, как войти.

— Как это? Он к вам домой приходил?

— Голос в голове никогда не слышала? Как будто собеседник тебе в голову залез и хозяйничает там.

Мариэль содрогнулась, вспомнив монологи «суфлёрши»:

— Слышала. Только у меня разрешения никто не спрашивал.

Женщина остановилась и пристально посмотрела в подёрнувшееся неприятными воспоминаниями лицо спутницы:

— Вот как... кхм... Обычно, они сначала разрешение спрашивают. Должно быть, ты не помнишь.

— А как Великий Некромант у вас разрешение спросил?

— Спала я, ибо ночью положено спать. Разбудил, сказал, что поручение есть. Кому помочь, не открыл, велел ждать возле Ирминсуля, мол, увижу сама, да фразу, по которой узнать тебя. Теперь понимаю, почему скрыл, хотел поиграть. Чёрный куль. Заигрался... Верно, удивила ты его... Что означают те слова, поведаешь?

Как можно было объяснить, что такое «нано-мандарины», если в Люмерии про этот фрукт и слыхом не слыхивали? Эх, Маша так любила их, мелкие мандаринки в разы вкуснее крупных. Были... Ветка хлестнула её по щеке, и девушка опомнилась: нашла, о чём жалеть в эту минуту!

Лес стал до того густым, что впереди показалась стена из переплетённых веток кустарника, ведунья, однако, уверенно шла к нему. За кустами раздался утробный рык, и Мечта попятилась, рванув на себя повод.

— Пугалка для праздношатающихся, не бойся, — объяснила Изель, подняла руку, и стена из веток раздвинулась. Подумала и разъехалась шире, теперь даже лошадь смогла бы пройти. — Без меня она бы вас не пропустила: тут не проходной двор, как видишь. Обычно здесь встречаю гостей. Сама когда придёшь, позови мысленно, я открою.

Кусты, пропустив гостей, снова цепко сплелись ветками. Домик ведуньи находился от этой границы неподалёку. Низкий, с почерневшими от времени брёвнами и виднеющимся мохом в складках, он был похож на избушку бабы Яги, только что куриных ног не наблюдалось. Но Мариэль не удивилась бы, если бы изба вдруг поднялась и отряхнулась. Плотной изгороди вокруг неё не наблюдалось, должно быть, хозяйку не беспокоили лесные твари. А ещё где-то отчётливо журчал, не смотря на мороз, ручей. Большого девушка не успела рассмотреть, Изель поманила её за собой — к лестнице, приставленной к чердаку, над которым вились знакомые белые птицы.

— Угощать тебя сегодня не буду, хотя, поверь, заставила ты меня помёрзнуть, и кружка обещанной тобой настойки не помешала бы, — Изель улыбнулась. — Пойдём, покажу кое-что и дам птицу. Из своего окна выпустишь, чтобы дорогу мой энджел запомнил. Рассказывать ничего не хочешь — сама узнаю. И как готова буду, пришлю тебе весточку.

Мариэль взобралась за ведуньей по лестнице на чердак. Под крышей было заметно теплее, чем на улице. И много пыли, взбитой залетевшими птицами. Недалеко от входа к деревянной треноге был приколот ящик, Изель остановилась возле него, подождала, пока

гостья доберётся, и кивнула на содержимое ящика:

— Вот моя работа. Чищу каждый день. Кому понравится получать подарки от Владычицы, извозюканные в птичьем помёте?

Мариэль рот открыла от изумления: на сене, которым было выстлано дно ящика, лежало сокровище — цепи, кольца, серьги. В полумраке не получилось бы всего рассмотреть, но то, что здесь находились драгоценности, не оставляло сомнений.

— Что это? Откуда у вас это всё? — воскликнула она и, получив разрешающий кивок, взяла первое попавшееся — брошь с ярко-красными камнями в золотой оправе. — Это же настоящее всё, да?

Изель гладила одну из птиц, опустившуюся ей на руку:

— Дитя, не вам ли с братом энджелы Владычицы пару королевских серёжек принесли? Слышала, что сработал обряд, которому научила твою матушку.

— Да, «Слёзы ангела». Откуда вы знаете?

— Вечером стала перебирать, чистить — и не нашла. Давненько детки мои ничего не уносили, стало быть, серьёзное что произошло. Что ж, видать, не зря дело было сделано.

Изель отпустила птицу и показала рукой на дверцу, через которую залезла на чердак:

— Пора тебе. Ах да! — взяла птицу, что, нахохлившись, сидела неподалёку. — Пойдём, внизу отдам. Да смотри, энджела выпускать будешь, обрати внимание, чтоб никто не видел... И лошадь в следующий раз бери понеприметней. Я так мыслю, тебе тоже лишние расспросы не нужны.

Оставленная в одиночестве Мечта нашла себе занятие — обрывала сухие листья с деревца, растущего недалеко от избы, и они с хрустом пропадали в жующем рту. На вьющихся рядом птиц не обращала внимания, только ушами прядала от шума.

— Нагуляла аппетит? — Мариэль потрепала гриву. — Молодец. Потерпи, домой едем.

Девушка попрощалась с Изель, проводившей до расступившихся кустов, и с облегчением повела Мечту из леса: лишнего не было сказано, знакомая Некроманта понравилась, и в душе затеплилась надежда. «Хоть бы, и правда, помогла!» — подумала, прижимая к груди, под плащом, птицу. А когда вынырнули на знакомую площадку, шумно выдохнула.

Пока шли к домику Изель, Мари чувствовала, что сапожки не предназначены для экспедиции по сугробам, и промокшие ноги замёрзли. Поэтому сразу взобралась на Мечту, так же обрадованную простором, и позволила вынести себя на дорогу. Кобылка охотно повиновалась, быстро преодолела нехоженое пространство и перешла на галоп, как только ступила на дорогу с притоптанной поверхостью.

Попался всего один путник, мужчина, ехавший в направлении замка де Венетт. Мариэль его объехала, не рассматривая, и вскоре появилась на хоздворе. Конюх тут же подбежал с приветствием и вопросом о поездке. Девушка коротко бросила: «Всё хорошо! Я позже загляну!» — стоило навестить бабушку, на всякий случай, и выслушать проповедь о недопустимости фривольного поведения незамужней девицы, но, в первую очередь, нужна была Жанетта.

По счастью, субретка помогала на кухне тётушке Гато. Увидев хозяйку, издала неопределённый возглас.

— Пойдём, надо переодеться, — Мари на ходу зачерпнула кружкой воду в ведре, отпила, отломив от лежащей на столе буханки кусок и, жуя на ходу, слушала новости, торопливо пересказываемые бегущей рядом служанкой. — Бабушка злилась?

Бабушка злилась, конечно; зато Дилан, слава Владычице, уехал; Антуан пребывал в

расстройстве; в замке ждали приезда учителя танцев; и ещё пришло три письма: первое — от г-жи Иларии, второе — от Люсиль, а на третьем был незнакомый почерк, его Жанетта не опознала.

— Здесь бывает хоть один спокойный день, без визитёров? — фыркнула Мари. Сейчас больше всего хотелось снять с себя мокрую одежду и забраться с книгой под тёплый плед.

Голос, когда обещал, что Мариэль во время уроков обязательно что-то да вспомнит, не обманул. Память Мариэль после часа тренировки восстановила танцевальные па, но, конечно, потребовала усилий.

Мужчина, встреченный по дороге, оказался учителем танцев. Имевший экзотичную внешность: смуглую кожу, ниспадающие на плечи длинные волосы и глаза разного цвета, зелёного и голубого; южно-люмерийское имя Сер'ддор и в придачу иностранный акцент, — молодой учитель лет двадцати пяти выглядел слишком необычно, чтобы сразу не привлечь внимание прежней Мариэль.

Если верить дневнику, г-н Сер'ддор неоднократно становился объектом розыгрышей и шуточек своей ученицы. Ему была посвящена целая страница, начинавшаяся со слов: «Сегодня бастион пал...». Поэтому Мари шла в класс с особым трепетом, замешанном на стыде. Как теперь смотреть в эти разноцветные глаза?

Илария в письме дочери предупреждала о его приезде. Задача учителя Сер'ддора заключалась в подготовке знатных отпрысков к предстоящему балу. Поэтому матушка просила дочь быть особенно прилежной, дабы не оплошать в присутствии местной и приглашённой знати.

В письме же к учителю Илария намекнула на небольшие «изменения в памяти дочери в связи с некоторыми личными событиями, которые могут потребовать усиленных занятий хореографией». Сер'ддор сделал собственные выводы. Передумавший за две недели всякое да накрутивший себя по дороге в замок, он был готов при малейшем поползновении во время занятий на свой статус учителя и честного человека взорваться и громогласно объявить о нежелании преподавать в этом доме.

Однако девица в самом деле вела себя не как обычно, что натолкнуло на подозрение в очередном розыгрыше. Показывая правильную стойку, г-н Сер'ддор поправил её подбородок, подняв его указательным пальцем и большим пальцем, а затем «случайно» скользнул большим пальцем по губам ученицы. Антуан, в это время восседавший на столе и поглощавший сочный пуар за спиной сестры, ничего не заметил.

В глазах девушки блеснул гнев:

— Извольте, сир Сер'ддор, объяснять словами и избегать лишних прикосновений! Видите ли, я плохо контролирую свою магию, — она показала браслеты, — могу случайно поджарить... ваши неловкие пальцы.

И всё. Девица подошла к брату, забрала у него недоеденный пуар, отложила фрукт и сдёрнула со стола:

— Потанцуй со мной, братец, прошу!

Братец чуть не подавился. Два года подряд выражавшая брезгливость от совместных танцев или нарочно наступавшая на ноги, а затем обвинявшая в неуклюжести, Мариэль научила его не верить ни одному её вежливому слову. Он нехотя подчинился. Но прошла минута, вторая — и Антуан растерялся, не веря происходящему. Вежливость сестрицы ни разу не дала сбой и даже, случайно наступив на ногу, девушка сразу извинилась...

— Ты ли это, сестрица, милая? — язвительно спросил он, делая закручивающее движение партнёрши и хватая её за обе руки.

Учитель считал:

— Ейн-да-трой... Реуви! Ейн-да-трой... Ейн-да-трой! Кэйфо!.. Буа!

«Хороша тренировка без музыки! На балу буду ейн-да-трой...» — Мари губы кусала от усердия, пытаясь запомнить показанные движения и угадать, что делать, пока Антуан вёл. Рассеянно пропустила вопрос братца, пока он не повторил.

— Нам нужно поговорить, очень серьёзно, — сказала она, когда Сер'ддор сделал паузу, Антуан остановился, и можно было отдохнуть от намечающегося танцевально-образовательного психоза. — Я признаю, что была виновата и задевала тебя. Признаю свои ошибки и прошу у тебя прощения. Мне очень хочется, чтобы между нами был мир.

Тем временем учитель подошёл к своему саквоюжу, вытащил сферу, затем — к стойке с музыкальными инструментами, к самому большому, что Мари приняла за граммофон. Поставил под сужающееся основание трубы сферы и активировал пассом руки. Полилась музыка, Сер'ддор развернул трубу-усилитель в сторону разговаривающей пары:

— Вальцэ! Начинать! Ейн-да-трой... Что происходит?

Антуан таращил глаза, не зная, что ответить сестре, много раз обманывавшей его, но не успел ответить, как заиграла музыка, и сестра мгновенно обернулась на звуки:

— Это... как она играет?

Антуан повернул сестру к себе:

— А ты не шутишь, сестричка? — и перехватил вторую руку под возмущённым взглядом учителя, собиравшегося остановить музыку. — Танцуем вальцэ!.. А что, если я не поверю тебе?

— Значит, заслужила. Могу поклясться, чем хочешь, — не вру... Нет, как он это делает? — звуки разворачивали к себе, что грозило Мариэль вывихом шеи.

— Паконте! Паконте! — крикнул Сер'ддор, подходя ближе к танцующим.

— Чё ему надо? — тихо спросила Мари.

Антуан фыркнул:

— «Паконте» — это значит «танцуешь, как куль».

Мариэль засмеялась. Слава богу, Жанетта просветила: кули — огромные неповоротливые и несообразительные животные, которых разводили на северном побережье Люмерии.

Внезапно музыка оборвалась, багровый от гнева Сер'ддор со сферой решительно подошёл к саквоюжу, зашвырнул в него шар, а прежде чем выйти и хлопнуть дверью, наставил указательный палец на застывших в недоумении зарвавшихся юнцов:

— На сегодня и навсегда — всё! Я к вам больше не ездить! Вы... вы!.. Паконте!

Антуан и Мариэль переглянулись.

— Чего это он? — спросил братец.

— Не знаю, но, кажется, у него тоже придётся просить прощение, — пробормотала сестрица, посмотрев на безмолвный «граммофон».

Не сговариваясь, они бросились за учителем.

По счастью, сир Сер'ддор оказался отходчивым. Извинения принял, объяснения тоже. Проникся отчаянием девицы, восстанавливающей память. Антуан предложил посмотреть сферу с записью одного из балов, которые когда-то давали де Венетты, и это существенно помогло. Во время просмотра учитель и Антуан комментировали названия танцев и

движения. Дело пошло на лад. Через час девица, потерявшая память, двигалась сносно, не без лёгкости и даже раскраснелась от удовольствия.

А сам Сер'ддор получил заслуженную порцию похвалы от Тринилии и неподдельного интереса от ученицы к процессу записи и воспроизводству музыки.

— По правде говоря, сестрица, музыка тебе всегда давалась плохо, — Антуан покатился со смеху, наблюдая, как Мариэль пытается выдать нечто на граммофоне — самом сложном инструменте.

— Музыка идти от сердца, если оно есть, — заставляя покраснеть ученицу от намёка на давнее поведение, проворчал г-н Сер'ддор. — Вы представить себе мелодию, пропустить её через сердце, от сердца — в рука и позволить литься ваша фантазия.

Он закрыл глаза, протянул ладонь к сфере на граммофоне — и грустная мелодия, звучание которой напоминало слаженную работу оркестра, заставила рот Мариэль открыться в восхищении. Оказывается, учитель писал музыку для балов и был самым известным музыкантом Лабасса, по совместительству преподающим хореографию и музыку отпрыскам аристократов.

Пока Мариэль в который раз пыталась укротить музыкальную магию, Антуан успел поговорить с учителем о намечающемся небольшом праздничном вечере у Делоне.

— Я знать об этом. Сир Аурелий оплатит мой небольшой concerto... — Сер'ддор поморщился из-за долетевших до его ушей фальшивых нот и закатил глаза: может, эта девица и забыла многое, но привычка издеваться над ним никуда не делась.

Мужчины собрались покинуть учебный зал ради обеда, ожидающего хозяев и гостя, а Мариэль всё терзала музыкальную сферу. Качая обречённо головой, учитель достал из сумки небольшую сферу поменьше, на подставке, и подошёл к девушке:

— Послушать, сирра Мариэль, я от сердца отрывать этот мальвэн. Это детский игрушка для тех, кто имеет музыкальный дар. Ради одна вещь — вы не играть больше, когда я рядом!

Она с восторгом приняла сферу, вмонтированную в подставку. Внутри сферы кружились снежинки. Достаточно было её обхватить двумя ладонями и подумать о мелодии. Этот инструмент для начинающих музыкантов оказался прост в использовании, и уже с первой попытки, по дороге в столовую, Мариэль худо-бедно наиграла «Маленькой ёлочке холодно зимой», не обращая внимания на зубовой скрежет и стоны учителя.

— Моя прелесть! — она нежно погладила снежный шар, когда песня отзвучала, и собралась играть с ним до вечера.

Однако за столом речь зашла о приглашении Делоне на Вечер горги, так что пришлось переключиться на новую проблему.

— А я могу не идти? — она перевела взгляд с Антуана на бабушку. — Можно? Обещаю, до ночи буду заниматься.

— Вынуждена признать, что ваше непослушание в отсутствие родителей вызывает у меня беспокойство, как и ваши попытки заставить поверить меня в ваше учебное рвение. Поэтому — нет, поедешь. Надеюсь, у сира Марсия за вами присмотрят должным образом, — сухо отказала бабушка.

Жанетта позже объясняла зевающей хозяйке. Ночь горги — так в простонародье прозвали первый вечер второго октагона. С этого дня официально всех, получивших дар, считали совершеннолетними.

— К тому же, вы побываете у Делоне и наверняка ещё что-нибудь вспомните. И вот что, госпожа. Вас ожидает бессонная ночь, советую поспать до отъезда. Нам сирра Тринилия

тоже разрешила отдохнуть. У вас, господ, свой вечер, и у нас, надеюсь, тоже нескудной будет.

Жанетта помогла снять платье и забраться под одеяло. Уговаривать Мариэль долго не пришлось.

— Хочу нормальные будни, — пожаловалась она, устраиваясь удобнее на постели и не выпуская из рук мальвэн, зевнула в десятый раз за последние полчаса, заражая Жанетту. — Вся неделя как наизнанку вывернута: ночью приключения, днём — спать хочется, а мне учиться надо. Когда эти праздники закончатся?

В окно постучали, и Мариэль подскочила. На узком оконном выступе со стороны улицы сидела белая птица, энджел Изель, и пыталась разбить клювом стекло. Жанетта торопливо открыла окно, схватила птицу, отвязала от её лапки записку и отпустила почтальона на свободу. Энджел сразу взмыл в небо, не дожидаясь благодарности в виде крошек за свою услугу.

— Знахарка пишет: «Будьте сегодня у Делоне». Видите, госпожа, вам в любом случае придётся туда поехать. Отдыхайте. А я, разрешите, пойду?

Мариэль отпустила служанку, повернулась на бок и натянула одеяло на голову, как будто оно могло оградить её от мыслей и окружающего мира, тянущего в нежелательные события.

«Я в домике», — подумала она, но улыбка не появилась на губах. Весь день, нет, со вчерашнего дня и всю ночь она, Мариэль, старательно забивала себе голову чем угодно. Лишь бы не думать о том, с кем опять придётся встречаться. Смотреть на него случайно и равнодушно. Не касаться и, боже упаси, думать об этом — это сделать браслеты не дадут. Ей останется одно — дышать с ним одним воздухом и видеть, слышать то, что и он.

Мама часто пела под гитару, на которой сама себе аккомпанировала. Дочь обожала их слушать и выучила все наизусть. Однако слова, несущие в себе томительную тоску, страсть и усладу для ушей слушателя, их смысл Мари поняла только сегодня.

— «А напоследок я скажу, а напоследок я скажу: «Прощай, любить не обязуйся...» — она не произнесла слова вслух, беззвучно зашевелила губами. В музыкальной сфере закружились снежинки, и полилась знакомая музыка, мамина песня. Будь здесь сир Сер'ддор, он бы открыл рот от удивления: его ученица с чудовищным слухом вдруг создала нечто волшебное, музыку, которой он ни разу не слышал.

Глава 21. Воспоминания

*Благословенна боль, что в первый раз
Я ощутил, когда и не заметил,
Как глубоко пронзён стрелой, что метил
Мне в сердце бог, тайком разящий нас!
Фраческо Петрарка, Сонеты на жизнь мадонны Лауры, LXI*

Сны, будто копясь до этого, обрушились на Мариэль. Возможно, прошло достаточно времени, чтобы забытое начало возвращаться. Либо сегодняшние воспоминания вскрыли запертую дверь в разум прежней Мариэль.

— Какие умные детки, как они хорошо играют вместе! Идите ко мне, хорошие, я вам принесла вкусненькое! — говорит женщина малышам — двум мальчикам и девочке, занятым раскладыванием мозаики на полу. Малышам по три-четыре года, один, темноволосый, выглядит чуть старше.

На ласковый зов первым бежит мальчик со светлыми кудрями, женщина его подхватывает, зацеловывает, вручает булочку-крендель, покрытую узором из глазури.

— Детки мои умненькие! Как я вас люблю!.. Мариэль, радость моя, идём же!

Малышка тянет за руку второго мальчика:

— Подём, Аман, булочку мама даст! — она заставляет старшего мальчика подняться, приводит к мамушке, и та обхватывает всех троих, целуя и не разбирая, куда попадают губы — в макушку своего ребёнка или чужого:

— Милые, милые детки!

Это сон, но даже во сне Мари чувствует, как наворачиваются слёзы умиления. Как добра матушка, как она всех любит! Как им было хорошо вместе!

Воронка закручивает картину из раннего детства и выбрасывает в другую.

— Дети, это ваш учитель музыки и танцев. Господин Лойн. Так и называйте его — господин Лойн. Прошу вас, начинайте!

Пожилый мужчина с добрым лицом и чёрным париком на голове протягивает руку темноволосой девочке лет восьми:

— Прошу вас, сирра Мариэль. С чего начинается танец? Конечно же, с приглашения на него и первого положения. Ну, молодые люди, кто хочет первым научиться?

В знакомом классе, только сейчас его стены выкрашены в белый цвет, а не затянуты гобеленом, Илария и незнакомая женщина, похожая на Армана, улыбаются, глядя на топчущихся мальчишек.

— Иди ты первый! — говорит светловолосый темноволосому, постарше. — Ты же умеешь!

Тот подходит к девочке и становится напротив. Смотрит своими глазами цвета серого хрусталя на девочку, протягивает руку. На щеках девочки расцветают розы.

Учитель вкладывает девочкины пальцы в ладони мальчика, выравнивает их спины и подбородки:

— А сейчас мы с вами сделаем первые шаги. Запоминаем: ведёт в танце всегда мужчина — нажатием руки на руку партнёрши показывает, куда нужно повернуть. Сир всегда шагает с левой ноги, сирра — с правой. На счёт один-два-три вы делаете один шаг. В любую сторону. Напоминаю: мужчина ведёт. Приготовились! И-раз-два-три-шаг!

И мальчик с девочкой сталкиваются лбами. Позади них смеются женщины и светловолосый мальчуган.

— Мужчина ведёт! — учитель Лойн разводит детей и снова ставит им правильно руки. — Сейчас просто ходим, мужчина учится вести за собой, дама учится понимать знаки партнёра. Начали! Раз-два-три...

Мальчик неловко ходит по комнате, а девочка, словно привязанная к его рукам, следует за ним, спотыкаясь. Учитель поощрительно хвалит детей и грозит пальцем хохочущему светловолосому зрителю.

Некто, показывающий воспоминания, не собирается останавливаться. По-детски округлое мальчишечье лицо в обрамлении светлых кудрей взрослеет — и Антуант из девятилетнего мальчика превращается в подростка лет тринадцати. На его лице к знакомой безмятежности добавляется ленивая внимательность: он делает вид, что ему всё равно, однако блеск в глазах выдает нетерпеливое желание поскорее включиться в игру. «Какой он был замечательный! — думает Мари, любуясь братцем. — Что же изменило его, превратило в развязного и вульгарного?»

Антуан стоит всё в том же классе из прошлого сна, оперевшись бедром о парту. Стены и занавески поменяли цвета, добавился шкаф с учебниками и две парты.

Посередине отведённой для танцев площадки четырнадцатилетний Арман, он более собран, в чёрном костюме, подтянут, и знакомая чёлка падает на глаза.

Г-н Лойн взмахивает рукой, как дирижёр, над сферой в граммофоне, и начинает литься музыка. По небольшому пространству скользят Арман и Мариэль. Тонко улыбаются друг другу, и наблюдающая за ними во сне взрослая Мариэль снова умиляется: так они чисты, наивны и прекрасны в своей детской непосредственности.

На половине композиции Арман передаёт девочку брату, и теперь тот ведёт Мариэль в танце, чуть менее ловко, но всё же умело. Музыка остановилась, учитель аплодирует ученикам.

На душе от увиденного светло, а на руках выступили мурашки. Хочется смотреть такие сны ещё и ещё. «Пожалуйста! Покажи, что было дальше!»

Огромная белая лестница, в два раза шире, чем у них дома. Де Венетты всей семьёй поднимаются по ступеням.

— Благодарение Владычице, у тебя наконец-то появится подруга! — говорит матушка, обращаясь к дочери.

Мариэль оборачивается: за ними поднимается Арман в сопровождении матери и мужчины в военном жюстокоре. На девичий взгляд юный Арман (кажется, ему шестнадцать) подмигивает и посылает движением губ: «Как дела?» Мариэль прикусывает губу, чтобы не рассмеяться. Но это очень торжественный день. Шалить нельзя. Де Трасси, вернувшись недавно в родовое поместье, пригласили соседей, феодалов по обязательству Контратата, составленного ещё прадедами.

По обеим сторонам широких дверей, ведущих в зал, замерли двое слуг в расшитой золотом парадной ливрее и белых париках. Мариэль в дверном проёме не выдерживает и снова оборачивается на Армана — не потерялись ли другие гости, не случилось ли заминки?

Взрослые представляются друг другу, подводят детей, чтобы познакомиться. И Мариэль видит её — самую красивую на свете девочку с золотистыми волосами и огромными глазами цвета утренних васильков, ямочками на щеках, изящную, как кукла.

— Одним ранним утром два кролика белых... — весело говорит она и протягивает руки сначала Мариэль, потом Антуану и, наконец, замешкавшемуся Арману.

Арман пытается сохранить невозмутимое лицо, но от улыбки новой соседки расцветает, забыв о своей обычной сдержанности. Мариэль на минуточку отвлекается на взрослых, и Люсиль уводит Армана в сторону. Они хохочут, забыв о том, что не одни.

Глаза Мариэль наполняются слезами, скупающий Антуан замечает это, берёт сестру за руку, но она нервно отдёргивает.

Наблюдающая со стороны за героями воспоминаний, Мари не смогла сдержать вздоха сожаления: матушка называла те чувства детскими, но разве от возраста они стали менее значимыми? Ревность всегда есть ревность, а боль — всегда боль. «Значит, ожесточение во мне было связано всего лишь с ревностью?» — спросила она у «кинопроектора».

Картинка светлого зала потемнела. Мари решила, что сны закончились, но на самом деле начинался новый сон, действие которого происходило поздно вечером.

Единственное светлое пятно — огонёк свечи, колеблющийся впереди. Потому что его кто-то несёт. Присмотревшись к темноте, она видит: по ночному коридору шествуют две пары в тёмных одеяниях наподобие плащей. Лиц не разобрать, но Мари знает: первая пара — Люсиль и Антуан, за ними идут Арман и Мари. Вечер горги в замке Делоне, два года назад.

Антуан гудит, изображая страшное привидение:

— Я, горги, мне тысяча веков, сегодня я спустился во Всемирье, чтобы наказать вас или вознаградить за ваши грехи...

— «Вознаградить за грехи»? — давится смехом Люсиль. — Перебор, Анчи!

— Да, я вознаграждаю за грехи... некоторые, — не смутившись, братец продолжает играть роль. Начинает перечислять: грех за съеденную сладость до завтрака, грех крепкого сна во время урока, грех поцелуя в темноте, когда никто не видит...

Все смеются. Мариэль хихикает вяло, больше от желания скрыть смущение — Арман слишком крепко прижимает её руку, просунутую под его локоть, и как-то незаметно успел обхватить её пальцы своими в замок.

— И какое же вознаграждение за эти грехи? — смеётся Люсиль.

— Самое справедливое. За сладость — сладость, за сон — больше сна, за поцелуй — второй.

Люсиль вдруг останавливается и с вызовом говорит:

— Я не верю, страшный горги, в такое суровое наказание!

В тёмном коридоре повисает тягучая пауза, все останавливаются.

— Так вкуси же, дочь люмерийская, справедливую кару и моё возмездие! — в темноте, конечно, плохо видно происходящее, но тем не менее картина кажется очевидной. Антуан набрасывает на свою голову и голову Люсиль полу своего плаща, и парочка замирает.

Пальцы Армана на мгновение отпускают девичьи, а в следующее — в раскрытый от удивления рот Мариэль с силой впечатываются губы. Они не целуют — просто прикасаются.

— А теперь ужасное вознаграждение за грех! — предваряет очередную паузу Антуан.

— Вознаградишь? — с притворной усмешкой спрашивает Арман.

— Ты дурак, верно, как мой братец, — отвечает в его подставленные губы Мариэль, а у самой коленки дрожат. Поцеловала бы, да не так, как случился этот «грех», а по-настоящему. Но в метре от них хихикает Люсиль, фальшиво и громче, чем стоило бы, отбивая всякое желание.

Процессия двигается дальше, доходит до какой-то двери. Люсиль поворачивается к остальным:

— Сейчас каждый из нас войдёт в комнату к о-очень мудрой ведунье. Она ответит на ваши вопросы и даст предсказание. Чур, я иду первая!

Она заходит в комнату, оставляя троицу в коридоре...

Резкая смена кадра: тот же вечер, другая комната, освещаемая десятком свечей, поэтому отлично видны лица. Только что была рассказана шутка, и четвёрка смеётся.

— А сейчас, внимание! Главное блюдо сегодняшнего вечера — предсказания! — Люсиль поднимает над собой сферу, внутри которой переливаются картинки.

Мариэль соскакивает и пробует забрать сферу, златовласка не отдаёт, бросает шар Антуану, и братец активизирует. Из сферы появляется пучок света, как в кинотеатре, и посередине комнаты появляется уменьшенная, но объёмная картинка: в затемнённой комнате «мудрая ведунья» беседует с первым посетителем — Антуаном.

— Я не умею доставать козявки из носа, — паясничает он, — скажи, о великая, приобрел ли я такой дар?

— Я дам тебе волшебную траву, завари и выпей вар из неё носом, и дар тебя настигнет! — ведунья бьёт Антуана по голове сухим букетом.

В животе Мариэль холодеет. Все в комнате смеются, кроме неё. Значит, Антуан подговорил Люсиль, или она его. Но Мариэль-то поверила, наговорила всякого мнимой ведунье! И это не была Люсиль, как в случае Антуана! Возможно, одна из служанок де Трасси, подговорённая своей хозяйкой...

Вторым сфера показывает Армана. Он признаётся в любви некоей девушке и спрашивает, ответна ли его любовь. Ведунья важно молчит, а затем даёт какую-то неразборчивую мелочь:

— Сбудется моё пророчество срок в срок. Приходи в назначенный час в назначенное место, и ты узнаешь!

Арман благодарит, прижимает к груди кулак со сжатым подарком и уходит. И с Арманом была Люсиль...

Последняя должна быть Мариэль, и девушка бросается на сферу, пытаясь забрать её. Антуан перехватывает сестру и прижимает к себе.

— Ну, Мари, это же смешно, право! — с укором говорит Люсиль.

Слезы начинают наворачиваться раньше, чем все слышат откровение.

— Назови мне имя, — ведунья с ней совсем по-другому говорила, невозможно было поверить, что это шутка, — и я скажу тебе, будете ли вы вместе...

Сердце останавливается на секунду перед позором.

— Арман Делоне, — звучит её робкий голос в изображении сферы.

Антуан начинает тонко хихикать ей в шею, продолжая крепко удерживать. Арман закрывает лицо ладонью, Люсиль дирижирует, предупреждая о забавной шутке.

Ведунья некоторое время смотрит в переливающуюся сферу на столе, затем важно вещает:

— Не вижу я вас вместе. Но вижу ясно другое. Ты встретишь мужчину королевской крови. Вы полюбите друг друга, о да, ясно вижу!

Антуан прыскает так, что его слюни брызгают на Мариэль, она вырывается, а братец валится от гомерического хохота на софу.

Мариэль обводит взглядом смеющихся, Арман хмурится и кусает губы.

— Я ненавижу вас всех. Ненавижу! — она бросается к двери и успевает выбежать.

— Мари, ну, прости, если обидела! Я клянусь, найду тебе принца, самого настоящего! — кричит вдогонку Люсиль, и в её обещании отголоски смеха.

Высокая заснеженная гора. Далеко за ней тонкая полоска рассвета. Где-то кричит, надрывая голосовые связки, женский голос. Он просит об избавлении от страданий и позора — о смерти. И спящие птицы испуганно взмывают в небо. Но в противоположную сторону, вниз, падает тёмная тень на неё — ту, что призывала страшное.

Мариэль узнаёт свой голос. Так же кричала она, узнав о том, кто должен умереть. Крик разрывает сердце, вспарывает живот, заставляет сжаться и кричать вместе с ним. Гора сотрясается, сбрасывая с себя обломки вниз, в пропасть — в чёрную реку.

— Госпожа, госпожа, проснитесь, умоляю! Вам снится кошмар! О, белая Владычица, освободи из плена сновидения мою госпожу! — последняя фраза помогла, выдернула Мариэль из липких воспоминаний, и девушка села резко на кровати.

Отчего лицо холодит? Мари провела рукой по лицу — мокрое. Как и подушка. В пальцах судорога, словно пыталась разорвать покрывало.

— Вот, выпейте воды, госпожа! — Жанетта всунула ей в руку кубок.

Немного жидкости по расцарапанному криком горлу, и стало легче. Мари вернула кубок:

— Скажи, ты знала, что я была влюблена в Армана?

Субретка помотала головой:

— О, что вы! Когда я сюда пришла, на кухне болтали всякое, и сир Антуан намекал, но вы никогда не подтверждали его слова. Насколько я знаю, вы были увлечены Его высочеством, с которым вас познакомила сирра Люсиль, но и это ... простите, со стороны казалось, будто вам просто скучно. А что случилось?

— Вспомнила кое-что, — Мари вернулась в горизонтальное положение, отбросила мокрую подушку и подтянула другую. — Не поеду я никуда сегодня.

Жанетта всплеснула руками, принялась убеждать. Но как ей, не знающей ещё пока всю правду о договоре с Вестником, можно было объяснить сложные вещи?

От прежней Мариэль «по наследству» к её обновлённой версии передалась одержимость Арманом и так, по мелочи, — любовь к танцам да страх перед развесёлыми вечеринками. Бедная, несчастная девочка, над чувствами которой посмеялись!

Она глубоко вздохнула, разгоняя воздухом сбивающуюся тяжесть в груди.

И, получается, что старые воспоминания, на самом деле, никому не нужны были. Зачем всё это помнить? Снова ненавидеть всех? Только сегодня помирилась с Антуаном, некогда внесшим свою лепту в её ненависть. Как относиться к Люсиль и, главное, Арману? Он точно

всё забыл и поэтому легко простил её, сжёг листы дневника, когда узнал, что прошлое не вернётся?

Как теперь разговаривать с ними? К чёрту вечеринки, к чёрту поиски выхода! Ей просто нужно время, чтобы разобраться в себе, — неделя, две, три. Спокойный месяц. До смерти всё равно ещё минимум полгода...

— Госпожа, а как же Изель? Она просила вас быть у Делоне!

Изель... О ней сегодня тоже не хочется думать. Мари молчала. Жанетта вздохнула, не дождавшись ответа, и вышла из комнаты.

Но госпожа зря с облечением решила, что её оставили в покое. Вскоре здесь появилась Тринилия. Молча села на софу и скрестила пальцы, терпеливо ожидая внимания к себе.

Невозможно было не почувствовать пронзительный взгляд, сверлящий спину, и Мари повернулась, а, увидев бабушку, села на кровати, натягивая покрывало на согнутые в коленях ноги:

— Вы пришли меня уговаривать поехать?

Тринилия неторопливо разлепила сжатые губы:

— Нет. Ты можешь остаться дома. Но спать ты будешь в моей комнате.

— Почему?

— Я вспомнила, чем закончился подобное веселье два года назад, и не хочу повторения. Вижу, прошлое к тебе возвращается, и я сожалею об этом, — бабушка пристальным и суровым взглядом буравила внучку, крутящую в руках мальвэн.

— Я тоже сожалею об этом, — тихо согласилась девушка с Тринилией. — Они разбили мне сердце, — она подняла голову и задала тот же вопрос, что и Жанетте. — Бабушка, скажите честно, ведь вы всегда говорите правду, какая она есть. А вы знали, что я была влюблена в Армана? Что это за сумасшедшее чувство было?

— Ты и сейчас его любишь, дурочка, — глаза Тринилии улыбнулись. — После того, как ты пыталась прыгнуть с горы, но твой брат вместе с Делоне оттащили тебя, я предлагала твоей матери отправить тебя на юг, к племяннику. Но ты не захотела. В этом году мы решили подождать до бала. Если тебе никто не приглянется, уедешь в Лапеш. Там тебя до лета подготовят к Академии, помогут вспомнить всё нужное и забыть ненужное. Я уже отправила письмо, жду ответ.

Уехать отсюда в самый нужный момент? Мари выпросталась из-под одеяла:

— Я не поеду ни в какой Лапеш!

Бабушка улыбнулась так, что не оставалось сомнений: «Обязательно поедешь, уж я-то найду способ!» — добавила вслух:

— Я возлагала на тебя большие надежды. В твоей крови слишком заметен был огонь, доставшийся тебе от прадеда. Но ты потратила его на бессмысленные вещи. Надо уметь забывать, если тебя чувства убивают. И прощать, если обидел родной человек. А не умеешь идти дальше — беги, сверни на другую дорогу, но останься в живых. Поэтому я настаиваю на том, чтобы ты уехала на юг, ты сама поймёшь, что тебе это нужно. А мне нужны живые внуки... Ужин будет в обычное время, прошу не опаздывать.

Тринилия поднялась, тяжело опираясь на подлокотники, и пошла к двери. Мари захотелось её окликнуть, попросить ещё поговорить, но что-то остановило. Она положила руки на колени и в такой задумчивой позе дождалась вернувшуюся Жанетту.

— Давай одеваться, Жанни. Антуан ещё не уехал без меня? — на вопросительный взгляд служанки ответила Мари. — Я хочу быть сильной. И постараюсь ею быть.

Долгие сборы привели к тому, что не успели выехать засветло. На двор опускались сумерки, окрашивая утоптаный снег в мутную синеву. Брат с сестрой уселись в сани, слуги укрыли их меховой накидкой, и Мариэль сразу спрятала лицо: рассеянный глубокий вдох вечернего воздуха уколол лёгкие тысячью игл. Антуан последовал примеру, склоняя голову к лицу сестры. Сани медленно тронулись, покидая двор.

Оказавшись за пределами замка, возница хлестнул лошадей, и сани понеслись, подпрыгивая на неровностях дороги: после доставки хозяев нужно было ещё вернуться домой. Мариэль вцепилась в Антуана, уж очень подвижно вихляли сани по хрусткому насту. Через некоторое время сани замедлили ход, и Мариэль выглянула одним глазом наружу, показалось, что подъехали к развилке. Оказалось, та осталась позади, и возница теперь правил аккуратно, чтобы не перевернуть сани на мосту через реку Лонию.

Над путниками возвышались холмы, в сумерках выглядевшие чёрными рваными скалами. Мариэль высунула голову, любопытство оказалось сильнее коварного мороза и пронизывающего ветра. Однако рассмотреть всего решительно не получилось: было слишком темно. И всё же каким-то интуитивным чувством она узнала гору из сна. Это ж сколько нужно было ярости, чтобы забраться на эту вершину по морозу и в темноте!

— Почти приехали, — сказал Антуан, выныривая из-под накидки и проследив за направлением взгляда сестры.

— Что случилось два года назад?

— Ты просила не напоминать.

— Скажи!

Брат помялся:

— Ты психанула, — сани неожиданно заскользили ровно, как по отшлифованной глади, и Антуан приспустил покрывало: ветра здесь почти не ощущалось из-за растущих справа от дороги высоких деревьев и призамковой стены слева.

— И?

— И мы еле тебя догнали. Не знаю, что тебе пришло в голову... В общем, успели оттащить от пропасти.

— А потом?

— А потом в тебя будто шархал вселился... Заметь, ты сама спросила! — с некоторой досадой поморщился Антуан. — Мы порадовались, что ты забыла, а ты, оказывается, помнишь. Извиняться не стану: надоело.

Вместо ответа Мариэль взяла брата за руку, но сказать ничего не успела, потому что сани въехали в раскрытые ворота, а с крыльца навстречу сбежал слуга. Работы ему не досталось: Антуан сам помог сестре выйти из саней.

Их ждали. В относительном тепле и в свете ярких ламп, после морозной прогулки выступили слёзы. Пока слуги забирали плащи и перчатки, набрасывали на плечи длинную шаль, Мариэль потёрла щёки и глаза:

— Держи! — Антуан сунул в руку платок.

— А вот и завидная невеста прибыла! — громко сказал насмешливый и, однако, с некоторой холодностью, баритон сверху.

К ним спускался по лестнице мужчина лет пятидесяти, в глухом чёрном костюме.

— Благостного вечера, сир Марсий, — поздоровался Антуан с хозяином замка.

— И вам благостного вечера, — не сбавляя уровня иронии в голосе, мужчина подставил

локоть Мариэль. — Позвольте вас, юная сирра, проводить лично к столу. Надеюсь, Антуан, вы не обидитесь: была бы у меня дочь, я бы предложил вам ту же услугу.

Мари взялась за локоть отца Армана, растерянно оглядываясь на брата, а тот скорчил гримасу, мол, бзик хозяина дома обсуждению не подлежит.

— Признаться, ждал вашего появления с особым нетерпением, слишком противоречивы были слухи о вашем приобретении, Мариэль, — они подошли к лестнице, сир Марсий отпустил руку гостыи и дотронулся до её локтя, поддерживая, чтобы помочь, если девушка оступится. — Но я рад видеть вас в добром здравии.

Далее последовали незначительные вопросы относительно дороги и здоровья родителей. Перешагнув порог гостиной, Мари остановилась. Но сир Марсий не дал замешкаться, увлѣк к фигурам, сидящим в креслах в жѣлтом окружении свечных бликов: бледной маленькой женщине рядом с Арманом, Люсиль, сиром де Трасси и учителем танцев Сер'ддором

Быстрее всех вспорхнула златовласка и бросилась обнимать оцепеневшую подругу, отвлекая своей нежной улыбкой от возникшей холодной тяжести в груди.

«Это безумие какое-то!» — Мари заставила себя перевести взгляд с Армана на женщину, поднявшуюся с помощью руки сына. В дневнике ей был присвоен эпитет «безумная», но вряд ли именно сейчас он подходил. Это была красивая дама лет сорока, несколько бледная и со сдерживаемой тревогой во взгляде. Арман определённо походил на неё, цветом волос и глаз и, отчасти, улыбкой. Антуан приветствовал всех, называя по имени, в том числе и сирру Элоизу, — за себя и сестру, проглотившую язык.

Волноваться было от чего: к сумасшедшим ударам сердца примешивалась неловкость от всеобщего внимания. Мари казалось, будто её оценивают и ждут малейшей оплошности, чтобы сказать: «Ну, мы так и знали!»

— Что ж, раз все в сборе, прошу к столу! — сир Марсий снова подставил локоть Мари и указал другой рукой на двери, ведущие в смежную комнату.

Там смущение только повысилось градус: хозяин дома неожиданно усадил Мари по левую от себя руку как самого почётного гостя. Напротив оказался сир Аурелий с его пронзительным взглядом, учитель Сер'ддор, Арман и Люсиль. Слава Владычице, брата посадили рядом с сестрой, и, едва Мари опустилась на предложенный стул, снова вцепилась в Антуановскиую руку, лежащую на его коленке. Он ответно пожал, прибавляя уверенности.

Сир Марсий сказал небольшую речь, благодаря собравшихся за компанию, и приступили к ужину. Болтовня рассыпалась на диалоги между сидящими, хотя Мари не оставляло чувство, что к её разговору с хозяином дома прислушиваются все.

— Расскажите, юная сирра, как уживаются оба ваших дара? — на тарелку сир Марсию и, кажется, ему единственному положили плохо прожаренный кусок мяса. Нож отрезал от него кусок, и на тарелку вытекла струйка то ли крови, то ли красного соуса. Мужчина невозмутимо положил мясо в рот, успевая задать вопрос.

— Не могу пока сказать, — ответила Мари, замечая всё тот же любопытный взгляд сидящего напротив сира Алтувия. — Чтобы разобраться с ними, потребуется некоторое время.

— Кому много даётся, с того многое спросится, — сир Марсий взглянул тѣмными глазами на собеседницу. Властность и беспощадность к врагам — вот что читалось в его облике. Несколько тяжѣлая челюсть и взгляд давали понять, что привести в трепет собеседника ему ничего не стоило. Крупный прямой нос определённо по наследству

перешёл к Арману. — Вам несказанно повезло: унаследовать матушкин дар и вашего прадеда Ригхана — великая честь.

— Я бы предпочла иметь более скромные способности.

Как можно было жевать в присутствии всех этих людей? Сир Марсий заботливо положил ей на тарелку угощение, заметив, что гостя неактивно управляется вилкой:

— Отчего ж, юная сирра? Разве вам не хотелось бы научиться управлять людьми? — Делоне-старший мимолётно переглянулся с герцогом. — Мы, менталисты, можно сказать, держим руку на пульсе событий Люмерии. Владением огнём, безусловно, — полезная штука, но что может сравниться с властью? Научиться видеть суть людей и их желания. Влиять на их настроение и подталкивать к тому выбору, который выгоден вам. Очаровывать и завлекать. Играть с людьми. Как ваши браслеты, кстати, сирра Мариэль? Помогают ли они вам сдерживать ваши желания?

Где-то слева громко звякнула вилка. Прислуга тут же подскочила, заменяя упавший прибор сирры Элоизы на чистый. Мари показалось, будто слова сира Марсия относились и к супруге, только значение для неё они имели другое, отличающееся от того, что было предназначено для Мари. У сира Алтувия на губах мелькнула ироничная улыбка, учитель Сер’ддор нахмурился, Арман бросил быстрый взгляд и теперь смотрел на свою мать. Одна Люсиль с любопытством и фирменной обворожительной улыбкой поддерживала подругу.

Мари глотнула сок, напоминающий компот, заставила себя прямо посмотреть в чёрные насмешливые глаза сира Марсия:

— Возможно, кому-то это удовольствие кажется желанным, сир Марсий. Но не мне. Получать удовольствие от склонения воли другого человека в угоду собственным амбициям, мне кажется, может только человек с заниженной самооценкой. Я за свободу воли и выбора.

Вот теперь точно все устали на неё. Даже Арман.

— Вот как! Признаться, вы меня удивили, юная сирра. Откуда истекает столь глубокая философия в юной голове? — Делоне-старший весело и торжествующе обратился к присутствующим, хотя вопрос явно относился к Мари.

— Личный опыт, сир Марсий, и сожаления, — она заставила себя взять в руки столовые приборы, чтобы показать увлечённость едой.

— Вот так! Уделала! — засмеялся мужчина, сбрасывая напускную свирепость. — Ну, с этим сложно поспорить. Но я буду плохим хозяином, если ради диалога о высоких материях лишу вас полноценного ужина. И настаиваю на продолжении занимательной беседы после.

Двусмысленный диалог, который каждый из присутствующих за столом понял по-своему, завершился. Мари надеялась, что г-жа Делоне сможет в прозвучавших словах услышать извинения за поведение прежней Мариэль и обещание более не пытаться навредить Арману.

Сир Марсий разговорился с соседом справа и учителем, на время «забыв» о Мариэль и давая ей передышку.

После ужина все вернулись в гостиную, где произошло небольшое изменение. У одной из стен появилась импровизированная сцена — столик с проигрывателем и большие вазы с цветами по бокам.

Желание Сер’ддора порадовать присутствующих музыкой озвучил де Трасси. Концерт начался. Учитель исполнил несколько композиций разных тональностей, минорных, надо сказать, было на порядок больше мажорных. Получив бурю оваций от растроганных слушателей, кашлянул:

— А сейчас я приглашаю мою лучшую ученицу! — учитель протянул руку, приглашая к себе Люсиль. Взмах руки — из усилителя граммофона полилась музыка, и девушка запела.

У Люсиль был отличный голос, профессионально берущий ноты разных высот, и Мари поддавалась очарованию, простив златовласке свои обиды. А когда, после её выступления поднялись мужчины, аплодируя и выкрикивая: «Бьян-фэ!» — Мари непроизвольно сделала то же самое, в порыве обожания. Как можно было тягаться с обаянием Люсиль и обвинять её в чём-либо? Тот, кто умел так петь проникновенно о чувствах, разве мог лгать и обманывать?

— Что ж, думаю, настало время, которое наши новобранцы ждут с особым нетерпением, — сир Марсий вновь взял бразды управления праздником в свои руки. — Позволим им в последний, я надеюсь, раз наиграться в детство. Отпустим их на волю. А нам, старикам, думаю, по душе придётся легаж под аккомпанемент марсалы, любезно переданной сиром Рафэлем...

— Благодарение Владычице, в конечном итоге мы свободны! — подхватывая Мари под руку, шепнула Люсиль. — Пойдём, я расскажу тебе новости, от которых ты сойдёшь с ума от счастья!

Четвёрка покинула гостиную, Арман привёл гостей в комнату, находящуюся неподалёку от гостиной со взрослыми. Люсиль усадила Мари рядом с собой и собралась было рассказывать новости, от которых подруга должна была потерять рассудок, но в комнате появился знакомый слуга, седовласый мужчина лет шестидесяти с перекинутым через руку ворохом чёрной ткани. Мари вспомнила его, это был воспитатель Армана, Вернер, привозивший господина к де Венеттам на комбат-де-бу.

Вернер отдал лёгкую ткань Арману, ею оказались мантии, и объявил:

— Сирра Элоиза устроила вам небольшое традиционное развлечение в честь праздника. В соседней комнате вас ожидает госпожа, готовая ответить на любые три вопроса каждого из вас.

Молодые люди переглянулись.

— Я тут не при чём! — Люсиль подняла обе руки и осторожно посмотрела на побледневшую Мари.

— Никто не при чём, — улыбнулся Арман. — Матушка действительно решила сегодня нас удивить, она предупредила меня об этом. Какой же Вечер горги без щекочущих нервы сюрпризов?

Антуан полез в карман, достал монету:

— Отлично, бросим жребий, кому идти первым. Потом составим маршрут. Эх, прощай моё детство! — он накинул на себя одну из чёрных мантий.

— Эйгель, — Арман встал рядом.

— Без проблем, блезон — мой.

Люсиль развела руки:

— Эйгель, конечно.

Все ждали выбора Мари, но она пожала плечами, не понимая, о чём идёт речь.

— Пусть тоже будет блезон, — Антуан подбросил монету.

Арман подставил руку, поймал монету и показал свидетелям:

— Блезон!

— Так, я — блезон, Мари — эйгель, — Антуан второй раз подбросил монету и озвучил результат. — Эйгель. Сестрица — ты первая!

Разыграли остальные ходы. Получилась следующая очередь: Мари, Люсиль, Антуан и Арман.

— Не пойду я никуда, не хочу! — Мари задвинулась поглубже в угол софы и скрестила руки.

Под натиском возбуждённых воплей сдалась. Но во второй раз на знакомые грабли она не наступит, не скажет ничего лишнего о себе. Перед тем, как слуга открыл дверь в соседнюю комнату, обернулась на троицу, облачившуюся в чёрные мантии. Ей замахали руками: «Иди, не бойся!»

Скрепя сердце, она вошла в тёмную комнату с единственным источником света — горевшей на столе свечой. За столом сидела женщина в мантии, похожей на ту, что принёс Вернер, слуга Армана.

— Подойди, дитя, ближе! — раздался знакомый голос.

Мариэль повиновалась, а когда присела на стул перед столиком, женщина откинула с головы капюшон:

— Слава Владычице, боялась, ты не приедешь! — Изель протянула руки через стол к Мари.

Глава 22. Правило невмешательства

Ромео

Я к танцам не способен. Дай мне факел.

Да будет свет, когда душа во мраке!

Меркуцио

Нет, решено: ты будешь танцевать!

У. Шекспир «Ромео и Джульетта»

Перед лицом смерти человек стремительно взрослеет, отменяя интерес к малозначимому. Не исключено, именно поэтому происходящее и традиции празднования кануна нового люмерийского года казались настоящим детским садом. Расслабиться после разговора с Изель не получалось.

Ведунья знала всё или почти всё. Одного не могла понять, почему видела в своей сфере, как одна Мариэль стирается, и на её место приходит другая — белая вместо чёрной.

— Кто ты? Тебя освятила Владычица? — спросила женщина.

— Я Мариэль. Была ею и остаюсь, — вздохнула девушка, для которой перенос сознания между мирами уже стал простой деталью, а не причиной.

Но первым делом Изель приступила к поручению от Великого Некроманта. Даг метаморфа, это было видно, поразил ведунью, а то, что эта тайна легко ей досталась, в свою очередь неприятно поразило Мариэль. На Жанетте до сих пор держалась печать клятвы, а теперь ещё один человек знал об этом. Значит, до выполнения обета Вестнику повышалась вероятность раскрытия.

— Ты должна понимать, что многоликость — истинный дар Владычицы, а не наследственный, как твой ментальный и огненный. Я не удивлюсь, если тебя сопровождает Матушкин свет. Постараюсь объяснить. Белый свет настолько всеобъемлющ, что ему подвластно преобразование в любой — синий, красный...

Мари осенило. Этот физический закон был одним из тех, которым учила Машина мама, являвшаяся по совместительству домашним учителем. А ведь и в Люмерии могли действовать те же законы, что и в *том* мире.

— Я знаю, что преломление видимого света через призму даёт лучи семь цветов.

Изель не совсем поняла реплику девушки, но основу уловила. Кивнула одобрительно:

— Верно. Поэтому отнесись к нему с бережностью как к самому ценному дару, используй только во благо. Нам не дано видеть все хитросплетения временного пространства, но Владычица-то видит всё, и нам остаётся поблагодарить её за провидение и довериться.

Изель попросила показать возможности. Мари закрывать глаза не стала, чтобы сосредоточиться: выбранный объект сидел напротив. Увидев свою, без видимых усилий воссозданную, копию, Изель не смогла скрыть удивления:

— Повидала я немало удивительного, но то, что сейчас передо мной, вызывает желание пасть ниц перед тобой, дитя! Воистину, многолика...

— Не отказывай, дитя, себе в этом желании, — с полуулыбкой произнесла вторая Изель, заставляя первую сотворить знак перед собой. Пожалев о шутке, вернула свою личину.

Отерев лицо и сделав два глубоких вдоха, ведунья приступила к главному. Теперь она

ясно трактовала увиденное, прежде сомневаясь, правильно ли поняла явившееся ей откровение. Возможность делиться даром в прямом смысле не существовала, тем более матушкиным. Зато проблему решал даже самый простой вид морока, который требовал обязательную жертву. Например, для поддержания морока нужно было отдать нечто ценное от личины метаморфа. Очень сильные маги могли создавать другой морок, при котором достаточно было артефакта, удерживающего новую внешность. В случае же с Мариэль, загвоздка была в адресанте морока — Жанетты, которая магом не была, а следовательно, второй вариант с ней бы не сработал либо слетел бы в момент наисильнейшего волнения. Уж это субретке отлично удавалось. И поэтому Изель предложила простой, надёжный способ.

— Что это может быть? — пока условия были непонятными. — Моя одежда? Мои воспоминания?

— Я бы предложила волосы, но... — Изель сочувственно посмотрела на девушку, — как вы объясните родным, куда они делись?

Мариэль потёрла лоб:

— Волосы — ерунда. Мы что-нибудь придумаем. И что я должна буду с ними сделать?

Ведунья задумалась ненадолго, но мысли её перебил стук в дверь и вкрадчивый голос Антуана: «Эй, вы про нас не забыли?» — а за ним взрыв смеха.

— Вот что, — ведунья положила ладонь на руку Мариэль, — я тоже буду думать. Давай отложим разговор, как всё придумаю, пришлю тебе птицу... Но есть ещё одна вещь, которая меня беспокоит, — она пристально рассматривала лицо юной многоликой, — видела я твою тревогу. Матушкин свет, который имеет необыкновенную силу, отравить легко: не терпящий зла и тьмы, он убивает своего носителя. А можно и захлебнуться светом, если не уметь его правильно расходовать. Я вижу в тебе и то, и другое, поэтому хочу помочь. Поведай, что гложет твоё сердце, дитя, что его разрывает? Я слышу такой крик отчаяния, что моя душа содрогается.

Мари поняла, о каком отчаянии идёт речь, но ответить не смогла, в горле возник предательский ком. В дверь снова постучали, на этот раз Изель гневно отозвалась:

— Ждите терпеливо! — и снова тревожно взглянула на девушку, лицо которой красноречиво говорило: ведунья права. — Говори, дитя. Пока я здесь, я смогу тебе помочь.

Зачем об этом нужно было вспоминать, когда на время оно забылось? Мариэль отодвинула стул, желая сбежать:

— Два года назад этот вопрос ни к чему хорошему не привёл, — с трудом призналась она.

Изель задумалась ненадолго, поискала глазами в комнате нужный предмет, нашла пустой кубок, поставила его перед Мариэль:

— Давай попробуем очиститься, пока излишки ресурса не поглотили тебя. И не причинили вред другим. Расслабься...

Изель подошла сзади, положила руки на плечи девушке, заговорила мерным, убаюкивающим голосом:

— Сконцентрируйся на том, что не даёт тебе дышать. Представь это в виде воды, света — чего угодно. Ты должна поделиться этим, наполни своей болью этот сосуд...

Удивительно, но лежавший на душе осадок охотно послушался, заворочался, как клубится молочный туман над рекой поутру.

— Ты можешь поднести сосуд к глазам, рту... некоторых выворачивает в прямом

смысле... Или через руки. Почувствуй, как оно выходит от сердца через ладони...

Мари накрыла чашу кубка руками, закрыла глаза. Так вот оно что... Дома, после застольной ссоры и бейлара в сторону Антуана, внутри её тоже бушевала магия, только огненная. Оттого и стошнило...

И сейчас нестерпимо захотелось крикнуть, выкричать тот огонь, что хлынул по венам... Внезапно наступило опустошение и облегчение — мерцающий свет, похожий на то облачко, что наложило печать молчания на Жанни, заискрился на ладонях и полился в подставленный сосуд. А вслед за облегчением нестерпимо захотелось пить, даже язык обметало сухостью.

— Можешь открыть глаза и, на, выпей, — Изель сунула в руку флягу. — До конца.

Перед Мари стоял кубок, наполненный переливающимся светом. Изель с восхищением всмотрелась в содержимое, поднесла к глазам:

— Легче стало? — Мари кивнула, глотая предложенный отвар, напоминающий чай. Ведунья не могла отвести глаз от игры света в полупрозрачном кубке. — Ты не думай, что у всех так получится. Твоя ментальная магия позволяет делать чувства почти осязаемыми. Кстати, можешь вызвать огонь и ты увидишь, что он стал послушнее... Всё выпила? Хорошо, дай-ка мне. Не бойся, не буду использоваться это в своих ритуалах. Сохраню на память, вдруг пригодится тебе когда-нибудь...

Изель потрясла флягу, роняя капли отвара на пол, дунула в горлышко и потрясла снова. После в осушённую флягу осторожно перелила содержимое кубка и убрала в свой саквояж.

— Имей в виду, я лишь почистила твою душу, хотя мусором это не назовёшь. Но люди даже любовью травятся, иногда до смерти. Те, кто поумнее, выплёскивают через красоту, которую создают. Так появляется музыка, поэзия, чудесные здания. Любовь создаёт и строит. Магам она помогает увеличивать свою силу... — ведунья колебалась, говорить или нет, но, в конце концов, с улыбкой сказала: — а некоторым — делиться. Если сильный маг познаёт другого, я говорю о ночи любви, возможно заполнение пустого сосуда партнёра. Например, если магический резерв опустошён. Как он заполняется у тебя? Насколько часто? И как ты снимаешь отравление?

Мари пожала плечами. Сейчас на удивление ясно мыслилось, и даже о чувствах к Арману можно было рассуждать хладнокровно:

— Пока я *его* не вижу, мне легче. Но стоит *ему* оказаться рядом, вы правы, я чувствую, как сердце моё наполняется. Становится так больно, словно всему остальному, что есть в сердце, не находится места. Мне хочется кричать. А если *он* рядом в этот момент, я еле сдерживаюсь, чтобы не... — она покраснела.

Изель поняла, кивнула:

— Понимаю. Твоя молодость и страсть — марсала, которая ещё бродит. Тебе виднее, как ты будешь сбрасывать излишки матушкиного света. Будет сильно плохо — выпусти огонь, где-нибудь в безопасном месте, конечно. Можно лечить других...

Мари вскинулась:

— Я могу быть лекарем?

— Если будешь любить вечно и безраздельно, как Владычица, то, пожалуй, — улыбнулась. Прислушалась к происходящему за дверью. — Есть ли у тебя ещё срочные вопросы? Не дадут нам спокойно поговорить.

— Да, конечно. Мне нужен учитель. Чтобы научил драться на мечах.

Изель широко распахнула глаза: она-то решила, что на сегодня лимит удивления был

исчерпан:

— Ах да... В теле мужчины, не умея постоять за себя... — задумалась, потёрла пальцами губы, обернулась и посмотрела зачем-то на дверь за своей спиной. — Есть у меня нужный человек, тем более что ждал тебя. Не бойся, молчать будет, а захочет рассказать — сама всё узнаешь. В каком обличье будешь с ним знакомиться?

— Только в мужском. Больше никому ничего не скажу. Кстати, — великолепное чувство свободы и спокойствия напомнило о трезвом и логичном вопросе, — если сейчас кто-то из моих друзей спросит вас о том, например, что со мной происходит, что вы ответите?

Изель сложила пальцы домиком, усмехнулась:

— Я рада, что смогу просветить тебя и в этом вопросе. Если тот, чьё имя ты не хочешь называть, спросит меня, любишь ли ты его, я не смогу соврать, — она видела, как вспыхнуло лицо собеседницы: — Ибо это будет то, за чем он придёт ко мне — за ответами на свои три важных вопроса. И это будет всего лишь небольшое знание, сам пусть решает, что с ним делать. Но если попросит меня провести ритуал на разрыв, ему придётся дорого заплатить.

— И... и вы это сделаете? — холодея, спросила Мари.

— Дитя, ты должна понять: мы, слуги Владычицы и Хранители источников её света (я о нашем Ирминсуле говорю), не выступаем посредниками между людьми и не вмешиваемся в их дела без Матушкиных указаний. Я могу знать тайну мужа и тайну жены. Но если один из них заблуждается, — это не моё дело, помогать им не стану, они сами должны разрешить свою проблему. Главное правило невмешательства, слышала о таком? Нельзя сознательно вмешиваться в историю по своему желанию, даже если она приведёт к всеобщему благоденствию. Есть специализирующиеся на этом маги — это инквизиторы. Но у них особая привилегия, их работа — помогать другим, когда их об этом не просят и то, без одобрения Владычицы, они бессильны. А мы, оракулы Белой Владычицы, говорим туманно, чтобы заставить людей самостоятельно сделать выводы.

— А если я спрошу, где и когда я должна буду спасти ... человека, скажете? — Мари и хотела, и не хотела услышать ответ.

Изель посерьёзна, опустила глаза, разглядывая сферу:

— Меня просили помочь тебе в одном вопросе. Про то, как сжегивать лишнюю магию, рассказала по доброте душевной да памятуя об особом интересе к тебе Чёрного. Остальное мне знать не положено. Но если ты готова заплатить за ответ на этот вопрос, — ведунья подняла глаза, — тогда мы можем составить договор. Я скажу, но цена может оказаться слишком большой. Спасёшься сама — погибнет кто-то другой.

Мари отрицательно покачала головой:

— Нет. Да и правы вы, не стоит знать лишнего. Благодарю вас за помощь. Надеюсь, смогу отблагодарить вас когда-нибудь, — поднялась, расправляя юбку.

— За тебя уплачено, не переживай, дитя, — правильно поняв решение Мари покинуть комнату, спохватилась. — А помощник у тебя будет. Тот, кто тебе нужен в качестве учителя, каждое утро до рассвета бывает рядом с водопадом. Запомни фразу, по которой он тебя узнает: «Все мы однажды нуждались в помощи, и не всегда святые приходили на помощь». Запомнила? А теперь ступай. Хочется на всю компанию посмотреть, давно не видела. И не думай обо мне. Лишнего никому не скажу: твои тайны будут только твоими.

— Благостного вечера, — поклонилась Мари и вышла, легко преодолевая магическую плёнку шатра безмолвия перед дверью. За которой, что было неудивительно, припав к

дверной щели, находился Антуан. Удар по лбу неожиданно распахнувшейся створкой стал наказанием для шутника.

После частных диалогов с ведуньей четвёрка пребывала в задумчивом состоянии, правда, недолго, пока Антуан не вернулся к своим прямым обязанностям веселить остальных. Сразу перешли к следующему пункту плана: торжественно со свечами обойти тёмные углы замка, завывая и распугивая прятавшуюся нечисть. Люсиль привычно схватила главного шута, чтобы возглавить процессию, но Мари холодно остановила её, портя четырёхлетнюю традицию:

— Я пойду с братом.

На полпути, вывернув из-за угла, столкнулись с Вернером:

— Полночь скоро, — без предисловий и расшаркиваний предупредил он.

— Вернер, ты сам как горги, напугал! — фыркнул Антуан и обернулся к парочке, обнимающейся позади. — Идём назад?

— Идём! Но теперь я с Мари, — Люсиль отпустила руку Армана и схватилась за подругу. — Нам надо пошептаться.

— Ну и шепчитесь, мы тоже пошепчемся. Пш-пш-пш-пш? — Антуант передразнил Люсиль, подхватывая друга под локоть.

— Да-да! Пш-пш-пш! — серьёзно повторил Арман. Парочка, вихляя задами в мантиях и зная, что это вызовет смех Люсиль, двинулись в обратном направлении, в гостиную, где ждали взрослые для главного поздравления в эту важную ночь.

По дороге, периодически отвлекаясь на двух балбесов, Люсиль рассказывала про какого-то принца, с которым встретила на горячем магическом источнике. Лоуренс, так звали принца, якобы сначала: «... Как-то, понимаешь, странно о тебе отозвался... Вроде, и слушать не хотел...». Люсиль сделала большое отступление, попутно вспомнив нечто из другой темы, и вернулась к рассказу о Его высочестве, который всё-таки заинтересовался Мари: «... И он так посмотрел на меня!»

Мари слушала и незаметно от собеседницы в темноте закатывала глаза, желая, чтобы эта ненужная информация поскорей иссякла. Люсиль почувствовала безразличие и обиделась:

— Неужели тебе не интересно, Мари?

— Очень интересно, какие ещё новости? — сказала вежливо, но всё-таки не успела спрятать в голосе равнодушие. Люсиль не обратила на это внимание, с радостью продолжив болтать обо всём подряд, поддерживаемая периодичным вежливым «угу» от подруги.

Наученная Изель, Мари теперь чётко чувствовала, как меняется в ней пустота «сосуда». Взгляд на Армана — и теплота знакомо затопила сердце, сладко отзываясь на внимание к себе. А сейчас, стоило виновнику отдалиться, плеснулась, будто рыба выпрыгнула за кислородом и ушла на глубину, оставляя на поверхности круги.

Мари сразу отдала свечу брату, захотелось проверить урок Изель. Протянула руку перед собой и заставила отхлынуть от сердца к ладони источник сладкой боли. «Ф-фурх!» — выплеснулось фонтаном пламя, лизнуло руку и успокоилось. На сердце снова установилось спокойствие, «сосуд» опустел. Не забыв недавний случай, Антуан машинально отпрыгнул ся в сторону от близкой и неожиданной вспышки огня рядом с собой и выругался, поминая шархала:

— Ты хоть бы предупреждала!

Мари пообещала больше так не делать, но не прошло и пяти минут, как нечаянно столкнулась с Арманом из-за Люсиль, и в «сосуде» ёкнуло. Источник поистине казался щедрым, работая, словно перпетуум мобиле.

Идя под руку с Люсиль и рассеянно слушая про расчудесного принца, представила себе не огонь на этот раз — силу, которая обтекает, делает неуязвимой. Мешала рука Люсиль, прижимающая к себе. Забрала её, извинившись. Удивительное дело — снова наступило облегчение, и невидимый панцирь не исчезал, держался, пока Мари думала о нём, идущем рядом. Это было что-то новенькое. Всё-таки менталистом оказалось быть очень приятно. И, самое главное, браслеты на руках даже не потеплели.

В дверном проёме перед гостиной, Люсиль вцепилась в руку подруги, горячо шепнула: — Пресветлая Владычица! Он приехал! Мари! Ох! Его высочество!

«Он приехал, Мари, ох-ох-ох!» — передразнила мысленно, отвлекаясь и разваливая ментальную защиту. Навстречу вошедшим дамам поднимались сирсы Делоне, де Траси и молодой блондин лет двадцати, красивый, но в его чертах даже при вечернем освещении прослеживалось неприятное, хищное. В креслах остались сидеть г-жа Элоиза Делоне и незнакомая девушка, похожая на блондина с таким же высокомерным выражением лица.

Принца, как и его спутницу, вошедшим не представили, должно быть, они всем были знакомы. Лёгкие поклоны друг другу обозначили приветствие, и только к Мариэль он протянул руку, не поднимая её высоко, до обычного уровня рукопожатия:

— Благостного вечера, сирра Мариэль.

Она сделала книксен, будто не поняла, нужно ли приложиться к протянутой руке или пожать её. Отошла к Антуану, взяла брата под локоть. На эту заминку, кажется, никто не обратил внимания, потому что сир Аурелий сделал жест слуге возле двери:

— Всем марсалы! Близится полночь, и по этому случаю нашим новобранцам полагается кое-что... — он обернулся на Делоне-старшего, возившегося позади у небольшого столика-стойки с коробками. — Но сначала тост!

Слуга раздал всем по хрустальному кубку с рубиновой, как кровь, жидкостью. Пока разбирали кубки, Мари невольно обратила внимание на г-жу Элоизу, с тоской то и дело бросающую взгляды на огромные часы, которые украшали гостиную. Мать Армана что-то тревожило, и в этом побледневшем лице, плохо скрываемом страхе, возможно, находилось безумие, о котором Мариэль писала в дневнике.

Сир Аурелий поднял кубок, призывая всех ко вниманию. Его золотые волосы, тщательно уложенные, выправка в дорогом, расшитом серебряными нитями камзоле делали герцога похожим на царственную особу. Стоявший с ним бок о бок, принц Лоуренс выглядел на фоне провинциального феодала бедным родственником.

Все замолчали, и в тишине отчётливо стали слышны порывы завывающего ветра за окном. Госпожа Делоне слегка повернула на их звуки голову, прислушиваясь, затем перевела взгляд на часы — и снова на Армана.

И вдруг Мари поняла: это не то сумасшествие, которое пугало прежнюю Мариэль, это был безумный страх за сына.словно в доказательство правильной догадки зачесалась метка. Переложив кубок из правой руки в левую, Мари незаметно потёрла, успокаивая тихий зуд. Украдкой взглянула на Армана, тот стоял неподвижно, не выказывая беспокойства.

— ...Через несколько минут мы получим дополнительный повод для гордости, уважаемые господа! — первую фразу герцога Мари, конечно же, пропустила, думая о своём. Заставила себя сосредоточиться, хотя это было крайне сложно. — Люмерия официально

пополнится четвёркой юных магов, а Его величество — преданными слугами...

Сир Аурелий поклонился принцу, и тот вернул вежливость медленным кивком головы:

— Остаётся немного до полуночи, и я хочу сказать... Если у кого-нибудь из присутствующих прорезался дар, поторопитесь сказать об этом, ибо у вас всего несколько минут!

Шутка герцога вызвала смех: здесь, не считая застывших слуг в дверях, не было ни одного случайного люмерийца без дара. Сир Марсий подставил свой кубок Аурелию, и мужчины обменялись улыбками. Похоже, между ними не было натянутости, как между де Трасси и де Венеттами.

— Я благодарю нашу Владычицу за оказанную милость к нашим детям. И прошу вас, дети, не посрамите честь вашего рода, — сир Аурелий пристально смотрел на свою сияющую дочь, притягивающую улыбкой к себе взгляды всех поднявших кубки. — Пусть совершеннолетие не убавит вашего почтения к родителям, воспитавшим вас и передавшим дар ваших прадедов вам, дети мои...

Эх, а матушки с батюшкой здесь не было! Наверное, Антуан тоже об этом подумал, сжимая руку Мари. Вообще, этот вечер, если хорошо подумать, был немного подозрительным: можно было бы и дожидаться возвращения де Венеттов с источника. Мари почувствовала на себе хищный взгляд принца и нарочно опустила глаза, чтобы не давать повода для радости. Она, наконец, вспомнила историю Мариэль и Лоуренса, о чём вовсе не витиевато было изложено в сожжённом дневнике. Что ж, пусть разглядывает её, сколько хочется. Всё равно от розы, сто лет назад подаренной им, пепел успел развеяться через каминную трубу...

В оконный витраж стукнуло, должно быть, ветер бросил в стекло ветку. Звук напугал одну мать Армана, она вздрогнула, приложила ладонь к груди, успокаивая себя.

— ... поднимем наши кубки с благословенным вином! Возблагодарим Владычицу и наших предков. Восславим Его величество Роланда Третьего и его священную кровь... и наших новобранцев, конечно! Энон-эрит!

Радостный гомон и хоровое «энон-эрит» заглушили беснующийся вой за стенами замка. Глоток марсалы, как обычно, обжёт гортань. Мари, на всякий случай, не стала пить до дна, хотя остальные, похоже, это сделали. Сир Аурелий и сир Марсий после осушения перевернули кубки и потрясли ими, расхохотались и дружески пожали друг другу руки. Их дети последовали примеру — Люсиль бросилась к Арману с поздравлениями, до этого легко мазнув поцелуем в щёку порозовевшего от вина Антуана, а сероглазый Делоне-младший обнял девушку, однако не разрешая себе целовать её в присутствии родителей.

Так вот оно что! Ревность полоснула по сердцу: де Трасси и Делоне, по-видимому, уже видели в мечтах, как на их фамильных деревьях скрещиваются ветви! Неужели за пятьсот лет впервые Контратат, о котором рассказывала Жанетта, будет подтверждён? Две семьи воссоединятся, а в третьей останется третья лишняя... В ушах гулко ухнуло, Мари поэтому не услышала обращающегося к ней сира Лоуренса:

— Позвольте поздравить вас, сирра Мариэль.

Она обернулась. У Его высочества, оказывается, были зелёные глаза, как у Ленуара, похожий оттенок...

Она невольно прикоснулась к потайному карману в юбке, где лежало письмо с извинениями от инквизитора. Ещё пару часов назад казалось, что этот кусок бумаги станет амулетом, будет спасать от вредных мыслей, отвлекать — делать то, с чем молодой

инквизитор успешно справлялся в замке де Венеттов.

Лоуренс поднял руку, чуть повыше, давая понять, что в этот раз рукопожатия не избежать. Вспомнился стишок про кроликов. Так вот почему Его высочество пока не проявлял настойчивости, ждал знакомства с магией своей старой знакомой. В сердце которой в данный момент начиналась маленькая буря.

Принц ждал, его жест заметили, и сир Алтувий с любопытством развернулся к ним всем корпусом.

Мари медленно подняла руку. Боковым зрением заметила переглядки двух феодалов. Вот оно что! Они нарочно устроили вечер, чтобы в отсутствие родителей понаблюдать за юными де Венеттами! К голове прилила возмущённая кровь, заставляя щёки гореть и требуя защититься любым способом, дать отпор.

Ей хватило мгновения до прикосновения чужих кончиков пальцев, чтобы магия с готовностью отхлынула из невидимого внутреннего сосуда и покрыла собой хозяйку защитой — нерушимой магической плёнкой.

Прикосновение — и в следующее мгновение Его высочество бледнеет, отдёргивает правую руку, а левой тянется к горловине. Надо признать, с самообладанием у него получилось лучше, чем неделю назад у Мариэль, отравившейся магией Армана. Лоуренс справился, но выглядел при этом крайне измождённо.

— Присядьте, Ваше высочество! Кто бы мог подумать! — сир Аурелий подскочил первым и помог принцу упасть в кресло, подал кубок.

Удивлённый взгляд Люсиль и брата; раздражённый — сирры Элоизы; плохо сдерживаемая довольная улыбка сира Марсия и закушенный угол губы Армана со смешинкой в сощурившихся глазах. Какой странный оркестр эмоций прозвучал вокруг невинного факта: магия простой люмерийки отвергла ментальную магию потенциального будущего правителя.

Неловкость момента разбил сир Марсий, привлекая к себе внимание:

— Мы, с сиром Аурелием, взяли на себя приятную обязанность поздравить наших новобранцев небольшими, но весьма полезными подарками в честь их магического совершеннолетия.

Герцог оставил Его высочество приходить в себя и подключился к приятному этапу праздника. Люсиль получила из рук отца внушительный переливающийся всеми цветами радуги кулон-накопитель порталышка. Златовласка повесила на шею драгоценный подарок и расцеловала отца в обе щеки, а затем повисла на шее, вызвав добродушный смех у наблюдающих церемонию. Должно быть, накопители пользовались особым спросом и были дорогим удовольствием: дарить ерунду своей дочери да в присутствии важных свидетелей герцог бы не стал.

Сыну Делоне-старший вручил похожий кулон меньшего размера. Накопитель Армана светился голубым, намекая на магию воды. А сирра Элоиза со слезами на глазах повесила ему на шею продолговатый охранный артефакт, про который сир Марсий пошутил, что теперь-то матушка точно будет круглосуточно следить за своим чадом.

Стоявший рядом с сестрой Антуан почти незаметно вздохнул, он чувствовал себя неловко: при нём демонстрировали проявление родительской заботы и щедрости, вынуждая почувствовать себя лишним.

Сир Марсий ещё раз потребовал тишины:

— Возложенными на меня обязательствами в отсутствие наших уважаемых сира Рафэля

и сирры Иларины я так же хочу поздравить наших гостей, в каком-то смысле и наших детей...
Подойдите ко мне, юный сир де Венетт!

Делоне-старший повесил Антуану на шею кулон точно такого же размера, что и у Армана, но переливающийся оттенками от красного до чёрного:

— С совершеннолетием, сынок! — сир Марсий по-отечески обнял задохнувшегося от счастья Антуана.

Прежде чем броситься поздравлять новоявленного сынка, все ждали, что же подарят взрослые его сестре.

— А вам, юная сирра, с вашими *многочисленными* талантами, не нуждающимися с дополнительной поддержке... — сделав ударение на эпитете, сир Марсий в свойственной ему насмешливой манере, протянул книгу, — я бы хотел преподнести ценнейший экземпляр, выкупленный мною у одного прижимистого коллекционера... Это «Кодекс менталиста», от семисот восьмидесятого года Люмерийского летоисчисления.

Недоумённо переглядывающиеся молодые люди вздохнули с некоторым облегчением: подарок был действительно ценным, хотя бы в плане своей раритетности.

— ... И я бы хотел дать несколько рекомендательных советов по поводу вашего подарка, — сир Марсий взглядом остановил Люсиль, готовую подбежать к подруге. — Позвольте вас похитить у друзей, которые ещё успеют вас облобызать, — он дотронулся до локтя Мари.

— Подождите, — бледный родственник короля хрипло перебил Марсия. — Я тоже приготовил кое-что.

Он хотело было встать, но его шатнуло, пришлось аккуратно вернуться в кресло. Лоуренс вытащил из нагрудного кармана небольшую коробку и протянул прибывшей с ним девице:

— Глория, будь добра, вручи нашим друзьям... Это пропуск во дворец, в котором вы всегда будете желанными гостями.

Взрослые не ожидали такой милости, а Люсиль бросилась благодарить Его высочество, заражая восторгом Антуана. Арман также выразил признательность, однако сделал это крайне сдержанно. Как и Мари, попутно извинившаяся за случившуюся неприятность.

— Я хотел пригласить вас на первый вальс новобранца, но вы лишили меня этой возможности, — слабо усмехаясь, проворчал принц в ответ Мариэль.

— Эй, милый принц, сегодня не ваш праздник, — засмеялся г-н Аурелий, — это почётное право сегодня достанется другому... Сир Сер'ддор, прошу вас, музыку для наших начинающих магов!

До сих пор являвший собой незаметное приложение к гостиной, учитель музыки ожил. Он всё это время сидел рядом с граммофоном, как будто охранял ценный инструмент.

Мари поискала глазами брата, далеко ли он, но её коснулась другая рука — знакомые длинные прохладные пальцы.

— Почему ты?.. — не успела договорить она.

— Отец велел, — коротко объяснил Арман.

Сир Марсий не знал, что персональный «накопитель» Мари и без того был полон, иначе не стал бы испытывать силу воли. А может, и знал... Она обернулась на вторую пару, в которой Антуан со счастливой поволокой на глазах бережно вёл Люсиль к большой, не загромождённой мебелью, площадке возле окон. Зацепила взглядом сира Марсия, зачем-то надевавшего очки. Он, что, имел слабое зрение?

— Как в детстве? — улыбнулся Арман, вставая напротив и протягивая правую ладонь.

— Как в детстве, — шепнула Мари, страшась поднять взгляд выше шеи партнёра.

— Всё хорошо? У тебя трясутся руки.

— Это от счастья за подарок Его высочества, — усмехнулась Мари. «В самом деле, возьми себя в руки, пока не выдала с головой!»

Арман засмеялся тихо и тонко:

— Разделяю твою радость...

— Вальцэ, юный новобранцы! — выстрелил в воздух резкий голос учителя музыки, напоминая парам о важности правильного начала танца.

Огонь в светильниках и над свечами вспыхнул ярче, а под потолок взлетела записывающая сфера. Грянула музыка, сир Сер'ддор отрегулировал громкость, усилив каким-то образом звук и заглушая свист ветра за подрагивающими рамами.

В начале танца Мари немного запнулась, отвлекшись на г-жу Делоне, которая вцепилась в подлокотники кресла и застыла привидением.

— Смотри на меня, иначе гнев сира Сер'ддора... — предупредил Арман, подхватывая за талию.

Усилием воли, сопротивляясь накатывающей слабости в конечностях, так ненужной и опасной именно сейчас, она выполнила просьбу. И не смогла больше отвести взгляда, забыла обо всём, кроме того, кто вёл её в танце, управляя с помощью прикосновений к пальцам... ладоням... рукам... талии и спине.

«Нельзя! Нельзя!» — крикнула себе в отчаянии: танец только начался, а браслеты уже накалились. Плечо жгла метка. К горлу, губам и кончикам пальцев поднималась горячая волна мурашек. В голове отчётливо возникла картина, в которой она, в последнем завершающем па, на заключительных аккордах обхватывает руками лицо Армана и целует его. «Нельзя, я сказала!» — и сделала то, что получилось сегодня лучше всего — открылись шпюзы в сосуде, защитная, никому не видимая плёнка, хлынула потоком и обняла пару.

Метка на плече и боль в сердце отпустили, но... глаза, эти глаза, почувствовали: что-то изменилось в лице Армана, он перестал наблюдать за Люсиль. Защита получилась в прямом смысле нужная, удовлетворённо успела подумать Мари.

Вальс набирал обороты. Взгляды неподвижных наблюдателей были прикованы к двум парам.

Люсиль кружила с Антуаном, ловко успевая посылать свои улыбки зрителям и наслаждаться их восхищением. Юноша, наоборот, не мог отвести от взгляда от самой прекрасной в мире партнёрши, только что искры из глаз брата не сыпались от удовольствия.

Вторая пара не отвлекалась на зрителей, словно никого рядом с ними не было, их взгляды встретились и больше не разъединялись. Мариэль и Арман не осторожничали на поворотах, чтобы не врезаться во вторую пару.

— Не устану восхищаться вашими стратегическими способностями, — тем временем сир Аурелий вернул другу позаимствованные на время очки, которые сир Марсий снова водрузил на нос. — Сегодня вы выиграли пари, и я впервые рад проигрышу. Когда заберёте Адель?

— Всенепременно после рассвета. Не вести же кобылу в темноте, если только ваша дочь не пожелает воспользоваться своим подарком, — хохотнул сир Делоне-старший, продолжая неотрывно следить за своим сыном. — Хороша шархалья дочь! Эк она его! Великолепный

дар, ве-ли-ко-леп-ный... Но королевой ей, конечно, не быть...

Герцог хмыкнул, довольный намёком.

Часы в гостиной первым ударом оповестили о наступлении полуночи. Мари отдалённо слышала глухой звук, отозвавшийся в сплетении рисунка на плече. Магия взаимного неотрывного взгляда была прервана.

— У вас всегда так ветрено? — спросила у Армана, едва её руку снова перехватили и развернули к себе лицом.

— Да... как-то сегодня особенно, — успел ответить, поднимая руку и отталкивая от себя для следующего па.

Часы били последние удары, рядом тряслась рама. Мари во время одного из кругов заметила лёгкий испуг во взгляде Люсиль, тоже услышавшей ветер. Мелкие ветки бились о стёкла, невпопад аккомпанируя шедевру учителя Сер'ддора.

Протяжное бо-ом! Какой странный удар, почему он такой? Время замедлилось, позволяя рассмотреть во время поворотного па вокруг Армана всех и вся.

Недалеко от часов стоят переговаривающиеся, наклонив к друг другу головы, сир Аурелий и сир Марсий.

Справа от них кресла, занятые принцем Лоуренсом, его родственницей и г-жой Делоне, медленно поднимающейся с места.

Сир Сер'ддор с закрытыми глазами возле волшебного проигрывателя.

Угол гостиной. Витраж вполовину стены с беснующейся тьмой и огромным приближающимся к стеклу чёрным пятном.

Вторая половина витража.

Люсиль, чья улыбка немного поползла, и Антуан со знакомым обожанием во взгляде, замороженный обаянием партнёрши.

Дрожь ломающейся рамы от проникающего внутрь чего-то огромного и страшного она почувствовала до того, как тёмное пятно коснулось мозаичного рисунка. И в ту же долю мгновения защитный кокон встряхнулся. «Стоять!» — когда успела скомандовать, не поняла сама. Вытолкнула остатки из «сосуда», увеличивая толщину невидимого панциря. И одновременно потянула вниз Армана, толкая на пол и закрывая собой.

Скрежет над головой, ей казалось, никогда не закончится, как и звон стекла, осыпающегося на спину. Придавленный Арман попытался подняться, но Мари закрыла его лицо своим, прижимаясь щекой, и волосами.

Последние аккорды вальса заглушили крики. Скрежета уже не было, его сменил торжествующий и злобный вой ветра. Спина заледенела в миг, а в шею, плечи впились то ли осколки, то ли крупинки льда. Стоило пошевелиться — и в спину, ниже лопаток, упёрлось острое, цепляясь за ткань. Пришлось снова замереть.

Зато метка, отнимавшая до этого плечо, успокоилась.

Глава 23. Третий закон Ньютона

Изменение количества движения пропорционально приложенной движущей силе и происходит по направлению той прямой, по которой эта сила действует.

Исходная формулировка третьего закона И. Ньютона

Опасность миновала, поняла Мари, и осмелилась поднять голову над изумлённым лицом Армана. На его губе выступила капля крови, от неё до правого глаза, закрытого матушкиным амулетом, протянулась кровотокающая царапина. Юноша качнул головой, пытаясь убрать с глаза помеху, но не получилось:

— Ах-х-ш! — прошипел.

— Что такое? — Мари пыталась сдвинуть левую руку, но рукав зацепился за ветку.

— Глаз... горит, — Арман безуспешно тряс головой, амулет как прилип.

— Подожди, я уберу. Кажется, у тебя кровь под амулет затекла...

За спиной произошло небольшое шевеление.

— Дети, вы целы? — спросил тревожный голос сира Марсия где-то рядом.

— Целы, — отозвались вдвоём.

— Нельзя поднимать весь ствол, — послышался голос сира Аурелия: — поднимем вместе с ними.

— Немного подождите, шархалов ствол разнёс треть гостиной, — Делоне-старший разогнулся и крикнул в сторону. — Элоиза, всё в порядке... Проклятье! Успокойте её кто-нибудь!

Г-жа Делоне, на самом деле, рыдала так, будто в этой комнате все, кроме неё, умерли.

— Замри! — Мари подняла голову над лицом Армана и губами скинула амулет. Жирная капля крови тотчас медленно потекла к глазу, но не успела — язык осторожно её забрал на свой кончик. — Теперь мы с тобой одной крови. Лишь бы только нос, огромный, как у тебя, не вырос. Знаешь, если бы не было так тесно, не заметила бы.

Арман проморгался — глаз, слава Владычице, видел. Хотя и немного — всего лишь девичье лицо сверху. Замешкался от ремарки про нос, не представляя, как отшутиться.

— Почему не поднимут это шархалово дерево над нами? — спросил в губы Мари.

— Наверное, сир Марсий ждёт, когда ты сделаешь предложение самой завидной невесте Лабасса. Поторопись, а то у меня шея затекла.

— Похоже, у меня нет выбора, — хмыкнул Арман. Пошевелился. — Отец давно хотел эту липу убрать, матушка не давала: фамильное древо пяти поколений всё-таки.

Шея устала, и Мари опустила голову рядом с головой Армана:

— Хорошо, что не убрали... Когда бы я ещё с тобой так полежала рядом, то есть сверху. А дерево... всё равно новое посадите. Скрестите сосну де Трасси и ель Делоне. Хорошее дерево получится — сосель... Спорим, Люсиль тоже об этом сейчас думает.

— Зараза ты, Мариэль, — в голосе послышалась улыбка.

Над головой послышалась возня, как если бы пилили ствол дерева. Мелкие ветки рядом с лицом затряслись, и сук, уперевшийся в лопатки, завибрировал. Мари закусила губу от боли, но стон всё равно прорвался.

— Что такое?.. Тебе больно?.. — у Армана наконец получилось вытащить правую руку ценой куска ткани от рукава. — Я одну руку освободил. Что надо сделать?

— И почему не ты сверху? — на глаза навернулись слёзы от боли: сук методично

вспарывал через ткань кожу на спине, — я бы поменялась...

— Всё-таки ты сумасшедшая, — Арман выпростал вторую руку, для этого пришлось приподнять левый бок, но лежавшая сверху Мари вдруг обмякла, — не время шутить!

Провёл руками над спиной девушки, отодвигая ветки, нашёл коварный сук и всё понял, с рычанием поднял вверх, насколько это было возможно, навалившуюся массу из веток.

— Вверх! — крикнул кто-то, и разом над головой освободилось пространство.

— Арман! — к нему бросилась Люсиль, но её остановили.

В нишу залез Антуан, вдвоём они вытащили Мари, застонавшую от прикосновения к спине. Ветвистый ствол рухнул на опустевшее место, дробя обломком пол.

К целому и невредимому Арману бросились рыдающая г-жа Делоне и Люсиль, которая также успела всплакнуть, за компанию.

— Выбросим это шархалово отродье! — за спиной скомандовал сир Марсий.

Он, сир Аурелий, Лоуренс и его сестра в четыре пары рук подняли дерево и вытолкнули через обрушенный витраж на улицу — в ветер, который по странному совпадению успокоился, как будто понял, что натворил. Дыру на месте окна затянули магическим щитом, и в гостиной сразу стало тише, безветренной и относительно теплее.

Мари пришла в себя, с трудом приподнялась в кресле, при помощи брата.

— Ты как? — перед креслом присел на корточки Арман.

— Ненавижу эти ваши Вечера горги, — девушка поморщилась, закусил губу от боли, потянулась к ноге, — что за садист пишет вам сценарии?

Юноши переглянулись.

— Она сошла с ума, — предположит серьёзно Антуан.

— Определённо! — кивнул Арман, сдерживая улыбку.

Подошедшая Люсиль возмутилась:

— Вы оба чуть не умерли, а шутите! Надо отнести Мари в комнату и осмотреть раны. И твои, кстати, тоже Арман!

Раненая поморщилась, попыталась встать, но острая боль в ноге отдалась во всём теле:

— Нас теперь можно в одну комнату: лично я успела привыкнуть. А так-то хочу домой, Жанетта мне поможет. Можешь перенести меня в мою спальню? — подняла поцарапанное лицо на Люсиль.

Подожли освободившиеся мужчины. Сир Аурелий незамедлительно принял решение: разрешил дочери построить портал в гостиную де Венеттов и пообещал утром привести лекаря, господина Майна. Люсиль попросилась остаться с подругой до утра, в этот момент в диалог вмешался Его высочество.

— Я сам приведу господина Майна, мне только нужно знать точку портала. Иду с вами.

На том и порешили: Люсиль переносит всех и остаётся у де Венеттов, затем Лоуренс возвращает сира Аурелия домой, а сам — в Люмос, за лекарем Майном.

Антуан подхватил сестру на руки, златовласка построила портал, и пятеро шагнули в него. Арман остался с родителями успокаивать истерику Элоизы, которая до сих пор не могла поверить в то, что опасность для её сына миновала.

Люсиль лежала рядом. По своим комнатам отправились Жанетта, Нана и бабушка. Раны Мари были промыты, покрыты мазью, завязаны чистой тканью, а сама она напоена снотворным лечебным отваром.

— Знаешь, о чём я мечтаю? — спросила Мари, сонно глядя в лицо Люсиль, лежащую на

соседней подушке. — Выспаться. До обеда хотя бы. Потом что-нибудь съесть, выпить, почитать хорошую книгу у камина и снова уснуть. Надоели приключения. Пусть они найдут чью-нибудь чужую задницу и прилепятся к ней.

Она закрыла глаза. Люсиль улыбалась, гладила подругу по волосам:

— Смешная ты стала. Вы оба смешные с Анчи. Похожие на сира Рафэля... Спи дорогая, — Люсиль зевнула. — Хорошо, что раны небольшие, через два дня танцевать на балу будешь, целая и невредимая. Благостной тебе ночи...

В ответ прозвучало согласное мычание.

Ближе к утру Мари проснулась. Тело ныло, хотелось пить и, заодно, по нужде. Удовлетворила одну потребность, взялась за вторую — налила себе из кувшина воды. Глотнув, поморщилась: дар огня есть, а пьёт холодную воду, от которой озноб... Стуча зубами, взяла кубок и пошла к камину. Потянула за собой свёрнутое на краю кровати покрывало, кое-как накинула его на плечи, ногой подпнула к камину пушистый коврик и уселась рядом с самым тёплым местом в комнате.

Обхватив ладонями кубок с водой, пожелала нагреть, но магия молчала. Возле камина было хорошо, заколдованные дрова могли потрескивать до утра и давать жар. Забылась на время, пока ноющая спина не напомнила о себе. Горячего чая захотелось ещё больше.

Занесла кубок над красными углями. Огонь дремал.

— И ты Брут, — проворчала она.

Магический резерв был опустошён после нескольких минут удерживания защиты себя и Армана от толстых веток, способных придавить если не насмерть, то покалечить точно. Из-за пустого «сосуда» даже царапины выглядели как свежие, хотя прошло несколько часов, а всё тело и подавно болело.

Подумалось, что если утром явится господин Майн и отошлёт на источник, как и матушку? Выбросить из жизни целых три дня! Какая жалость, что сир Марсий — любитель символизма. Прагматичность сира Аурелия сейчас бы сыграла на руку, но где взять накопитель для менталиста? Был бы дома, наверное, матушка никуда бы и не поехала...

Изель предупреждала: при нулевом резерве нужно пить больше. Но сейчас душа просила именно горячего или просто тёплого. В то же время никого не хотелось будить: пусть все помощники спят.

Она, морщась, короткими глотками осушила кубок. От холодного жажда не только не прошла — кажется, горло запершило. Поднялась и, таща за собой шлейф покрывала, отправилась относить кубок на столик, потом — под одеяло и попробовать уснуть.

По дороге зацепила краем волочащегося покрывала оставленный на софе жюстокор сира Марсия. Делоне-старший из лучших побуждений решил, что раненой Мари холодно, укутал, а потом забрать забыли. На удивление, вечно собранный сир Аурелий ушёл рассеянным.

Подбросить упавший кафтан на софу, где тот лежал до этого, не хватило сил — свалился на пол, брякнуло что-то тяжёлое в карманах. Хотела было оставить валяться на полу до утра, но совесть заставила второй раз наклониться, аккуратно повесить на спинку.

Шаг — и чуть ногу не подвернула, в последнюю секунду соскальзывая ступнёй по хрустнувшему предмету на полу. Находкой оказался футляр с очками, должно быть, выпал из жюстокора. Просто удача, что не раздавила. Положила на столик: лучше потом в руки отдать ценную вещь.

Взъерошенное отражение в тёмном зеркале, освещаемом одинокой свечой на столике, выглядело уныло: ему тоже хотелось горячего чая или молока. В тусклых отблесках свечного пламени на зеркальной поверхности напомнило о себе знакомое пятно на уровне лица. Мари присмотрелась, и воспоминание вызвало слабую улыбку. С помощью покрывала стёрла следы преступления двухдневной давности, про которые забыла, а Жанетта не заметила

Что ни говори, а метаморфность была самым забавным даром. И жизненно важным. Если Арман не навестит её или лекарь Майн отправит на источник, все планы сорвутся...

— Ну вот, — с сожалением сказала вслух. Нельзя было думать о *нём*, нельзя. Потому что, начиная, остановиться было сложно.

Если бы не случившееся, наверняка перед сном позабавлялась бы, тренируясь в надевании разных личин. Как минимум одной, самой важной, самой любимой... Знакомые мурашки окатили с плеч до пояса.

В зеркале отражался Арман. Мари пощупала укоротившиеся волосы и, спохватившись, обернулась на кровать: спит ли подруга?

Трансформация состоялась, когда даже бытовая магия молчала! Матушкин многоликий, как его назвала Изель, дар. Удивительный, прекрасный и пугающий...

Она ждала секунду, десять, полминуты, думая, что сейчас, вот-вот точно, *Он* исчезнет, забрав последний резерв. Или Мари рухнет от бессилия, а проснувшаяся Люсиль найдёт в спальне своего жениха в женской сорочке и женским телом ниже пояса...

Арман в зеркале тревожно вглядывался в Мари. «Хороший мой!» — не удержалась, провела рукой по холодной глади. Там, где была щека с царапинкой, погладила большим пальцем. В груди потеплело.

Покрывало скользнуло на пол. Арман в женском платье смущал. Кое-как стянула ночную тонкую сорочку, оголяя перевязанный повязкой торс. Провела руками по плечам, упёрлась ладонями в зеркало, как недавно Лемуар прижал «Жанетту» к стене...

И вдруг в опустошённый сосуд хлынуло. Из ничего — от одного взгляда на *Него* рождался свет. Знал бы Арман, как прикосновения к нему помогали Мари под завалом! Магия била фонтаном и сразу уходила на защиту — от этого становилось щекотно и смешно. Наверное, если бы поцеловал, она бы вообще в одиночку отшвырнула дерево в сторону...

Подумала о поцелуе — и еле сдержала стон: внутренний накопитель заполнился, поэтому тело требовало освобождения. Губы сами собой потянулись к отражению, но спящая Люсиль в самый ответственный момент всхрапнула. «Ну да, принцессы не храпят!» Личина исчезла, улыбнувшись напоследок и оставляя после себя в отражении обнажённую девушку с длинными до пояса волосами, закрывающими полушария груди.

Мари подняла сорочку, собираясь снова её надеть. Боль напомнила о себе, но нежная ткань сорочки погладила царапины, и девушка села на кровать, для устойчивости: если не получится задуманное и станет хуже — так она хотя бы упадёт на мягкое.

Задумала проверить предположение Изель о лечебной силе резерва, да и г-н Майн что-то такое говорил про возможности магов исцелять себя.

Представила себе, как резервная сила растекается по телу, омывая собой раны. Свет откликнулся, и появилось ощущение лёгкости в спине и в ноге, в которую несколько часов вцепилась сухая ветка. Мариэль не видела, но чувствовала: края ран стягиваются, боль уходит... Замедлила поток, нужно было кое-что и про запас оставить, а заодно проверить восстановление дара огня.

Когда горячий пар за клубился над поверхностью наполненного кубка, улыбнулась:

«Действие равно противодействию». Довольная собой, напилась горячей воды и легла в постель. Теперь можно было дальше спать...

Прошло достаточно времени, но сон всё не шёл. Какая всё-таки поганая привычка — задавать себе в кровати вопросы или думать о сложном! Мари поругала себя, но, делать нечего, любопытство пересилило, и Мари всё-таки забрала со столика футляр с очками сира Марсия в постель.

Очки. Похожие использовал Фелис Тирр, когда пытался определить магию Мариэль. А что рассматривал сир Марсий во время танца?

Мари водрузила их на нос. Поначалу ничего не происходило. Да и что она собралась увидеть ночью? Но, повернув голову направо, к Люсиль, с трудом удержала восклицание: над спящей колебалось марево.

«Это магические потоки!» — догадалась быстро. Как профессор Тирр, чуть ли не носом ткнулась в разноцветное мерцание, похожее на содержимое кулона-накопителя, который подарил дочери сир Аурелий. Но были в этом переливчатом мерцании и отдельные язычки пламени, розовато-перламутровые всполохи. Мог ли это быть второй дар Люсиль? Какой же?

Который раз за ночь выпросталась из-под одеяла, вернулась к зеркалу. Пододвинула на столике свечу, усилила свет, отмечая, что над рукой, проводящей поверх язычка пламени, появилась жёлто-оранжевая аура.

Саму Мари обволакивало мерцание двух преобладающих цветов: белого и нежно-сиреневого цвета с разноцветными прожилками-сплохами. Не могла не признаться себе, это выглядело красиво. Осталось последнее — проверить дар метаморфа.

Накинула любимую личину — и контур озарился светлым лазурным светом. Дар воды... Сменила на брата — и нежная аура Армана сменилась на ртутно-перетекающие потоки красного, коричневого и серого.

Выходит, при смене личины менялась и аура? Вот о чём говорила Изель! Значит, по этой причине Ленуар не опознал в Жанетте Мариэль? Впрочем, очков на нём в тот момент не было...

Утро вечера мудреней, наконец, решила Мари, сбрасывая личины и убирая очки в футляр.

Дождаться бы рассвета, чтобы пересмотреть ауру у всех, успеть сравнить. Пока не пришлось отдать жюстокор сир Марсию...

И всё-таки, что за дополнительная магия интересного цвета у Люсиль?

Желание провести спокойно несколько дней относительно осуществилось: переполох подняли внезапно вернувшиеся раньше срока родители, но, убедившись, что опасность для детей миновала, успокоились.

— ...Мы бы и ночью вернулись, как только получили письмо от госпожи Тринилии, но проводник ответил утром, — объясняла своё появление в утренних сумерках матушка, нежно глядя дочь по спине, на которой от кровавых борозд остались лишь небольшие покраснения.

Мари попросила отменить визит Майна, но Илария и слушать не хотела. Смущения родителям добавил Его высочество, доставивший столичного лекаря, а затем — удивлённый вердикт: сирра Мариэль здорова, магический резерв в норме.

— Молодость берёт своё, — с улыбкой подытожил он. Спокойный и не видевший

масштаба ночной катастрофы.

На этом переполох закончился, лекарь и принц отбыли, отказавшись от обеда; пострадавшую на всякий случай уложили в постель и велели отдыхать.

Люсиль удалилась, как только появилась Илария, и пообещала навестить позже. Предоставленная, наконец, самой себе, Мари принялась по собственному списку решать необходимые вопросы.

Для начала позвала Жанетту и долго не могла собраться с духом, чтобы в это заботливое и беспокойное лицо рассказать о грядущих событиях, к которым субретка имела прямое отношение. Рассказала...

А после долгого монолога служанку пришлось успокаивать и даже пообещать не выпускать из комнаты, пока та не придёт в себя.

Арман — незавершённый обет — поездка в Лапеш вместо хозяйки...

— ... Зато твоя мечта исполнится чуть раньше, чем ты планировала, — Мари налила Жанетте пуаре, не зная, чем ещё сбить истерику, и заставила выпить до дна. И теперь, взяв её руки в свои, монотонно перечисляла плюсы ситуации. — Ты получишь образование, у тебя будет много свободного времени для развития...

— А если вдруг обман раскроется? — всхлипнула субретка.

— Если ты не постарайся, то не раскроется. Родственники в Лапеше меня никогда не видели. В крайнем случае, сбежишь, потом спишем на сумасбродство, мол, захотела вернуться домой и всё тут. По дороге тебя похитили, чуть не увезли на необитаемый остров... Жанни, я же пошутила!

Мари легонько похлопала по щекам служанки, собирающейся упасть в обморок.

— Ты только представь: по дороге в Лапеш увидишь всю Люмерию. Кому из наёмниц представлялась такая возможность, сама подумай.

— Но вы будете в опасности, моя госпожа, а я не смогу вас защитить! — Жанетта помотала головой.

Мари умилилась и обняла служанку, чем добавила нравственных страданий:

— Родная моя! То, что ты уедешь и будешь прикрывать меня, и есть твоя защита. Обо мне не беспокойся. Я обзаведусь защитниками, вот увидишь!

— В теле простолюдина? Кто же вас защитит, думая, что вы просто мальчишка-а-а? — Жанетта расплакалась: пуаре подействовало на голодный желудок, и теперь девушка пьяно растирала по лицу слёзы.

Час уговоров, аргументов — и Жанетта сдалась. Сразу попросила дать сложные задания, чем Мари воспользовалась, отмечая в уме пункты своего списка необходимых дел. Затем немного «поиграли» с очками сира Марсия, разбираясь в изменениях ауры при перевоплощениях. Вопросов было много, а задать их было некому. Кроме Ленуара.

Мари отпустила Жанетту думать над поручениями и написала письмо единственному знакомому инквизитору. Без обиняков спросила про цвета, которые имеет каждая магия. Ответ пришёл так быстро, как будто Анри сидел возле почтового портала и ждал письма.

«Зачем Вам это надо?»

«Вопрос чести», — написала ответ на том же листе и отправила. Напиши «Вопрос жизни и смерти», ещё примчится выяснять, что случилось...

Шкатулка-портал дзынькнула через минуту. На дне лежала небольшая книга и записка с добавлением: «На сутки».

Мари успела прочитать пару страниц, как на клочке бумаге рукой Ленуара пришло

новое: «Вы себе не представляете, какое прекрасное зрелище можно наблюдать на балу с помощью инструмента, который, я надеюсь, Вы заполучили в свои ручки законным путём. Вам интересно?»

Невольно улыбаясь, отправила ответ: «Цена?»

«Она Вам известна», — пришло через пять секунд.

«Дорого», — отправила следом.

«Из вас получился бы отличный торговец. Хорошо. Я согласен на три».

«Два и не больше».

Нарочно подождал, как будто обдумывал. Прислал ответ, когда Мари уже увлеклась процессом чтения: «Я согласен».

К обеденному времени все важные моменты были прилежно законспектированы в тетрадь, книга отложена, и Мари задумалась. Только со стихийниками всё было просто: голубой и его оттенки — вода. От жёлтого до красного — огонь. Зелёный с чёрным — друиды. Коричневый с красным — металл. Светло-голубой — воздух. У менталистов преобладал фиолетовый цвет, но его оттенки, разумеется, зависели от направленностей: влияние имело оттенки красного (это Мари у себя тоже нашла), интуиция — зелёные, стратеги и близкие к логистике маги — чёткие контуры чёрных линий. У порталщиков магия переливалась всеми цветами радуги, но...

«Что обозначает перламутровый цвет?» — всё-таки спросила, мало ли.

«Какой именно оттенок?» — нет, Ленуар точно сидел с почтовым порталом в обнимку.

«Розовый».

«Влияние. См. признаки красного и мутационные оттенки».

Значит, у Люсиль был дополнительный ментальный дар. Но Ленуар тут же огорошил, прислав вскоре: «Так же можно увидеть у влюблённых».

Было, над чем подумать.

Влюблённость Люсиль являлась общеизвестным фактом, но почему тогда ни у Армана, ни у Мари подобных вкраплений не было? Перламутровый белый свет она видела у себя, даже ослепляющий в момент сброса резерва. Он же присутствовал в ауре Армана, в незначительном количестве, но на фоне синих оттенков смотрелся гармонично. Такой же нашёлся и у Жанетты, влюблённой в конюха, и у Антуана... Странно, но в руководстве говорилось, что именно мутационный, то есть, перламутровый белый был признаком сильных чувств, как у неё, Мари. И никак не розовый.

Она вздохнула, расправляя плечи и покрутив затёкшей шеей. Возможно, требовался отдых и время, чтобы переварить всё это. Положила в шкатулку книгу и лист с перепиской, черкнув в конце: «Спасибо».

Чуть позже приехали Делоне всем семейством. Как объяснил Арман у входа, полдня сир Марсий и слуги убрали сухие деревья вокруг замка, несмотря на трескучий мороз.

Мари подозревала, что г-жа Делоне с удовольствием осталась бы дома, но приличие требовало личной благодарности соседям за спасение сына. Расположились в гостиной, и Мари была притянута матушкой к себе на одну софу. Напротив госпожа Элоиза так же не выпускала руку Армана из своей.

Сейчас, при дневном освещении, Мари рассмотрела мать Армана. Он действительно был почти копией Элоизы, если не считать крупного носа, доставшегося от отца. Та же миловидность, тёмные, почти чёрные, волосы, мягкие черты, серые глаза и аккуратный рот.

Однако сирра Элоиза, в отличие от уверенного и невозмутимого сына, напоминала усталого и нервного зверька. Когда Илария, светло улыбаясь, выразила своё облегчение:

— Слава Владычице, всё благополучно закончилось... — и далее в этом же духе, в этот момент щека сероглазой гостьи дёрнулась вместе с глазом. Мари была солидарна: ничего не закончилось, всё только началось с полуночным боем фамильных курантов; обретшая чёткий контур метка Вестника подтверждала это.

Право, смотреть на Элоизу было жалко. Даже учитывая тот факт, отношение к Мариэль, кажется, не особо поменялось. Другая мать за своё чадо простила бы его бестолковой подруге многое после случившегося, но улыбка г-жи Элоизы всё так же казалась натянутой и неискренней. «Уж не думает ли она, что это я зашвырнула дерево на третий этаж?» — мысленно хмыкнула Мари.

Зато сир Марсий радовался за двоих — себя и супругу. Сразу по приезду Жанетта принесла ему жюстокор, и, вместо того, чтобы отдать одежду Вернеру, прибывшему с ними, Марсий забрал его с собой, в гостиной повесил на спинку кресла, вытащил футляр и переложил в карман сюртука, в котором приехал.

Сидевшая рядом Мари поймала скользкий взгляд мужчины на себя во время этого переключивания. Не могла не родиться мысль о том, что, возможно, Делоне-старший специально подложил инквизиторский инструмент для каких-то своих целей. Да и, ко всему прочему, сир Марсий напомнил о том, что хотел кое-что присовокупить приватно к своему подарку. Де Венетты любезно разрешили гостю похитить дочь в другой угол гостиной.

— Я бы хотел вам, юная сирра, особо указать на первый параграф в «Кодексе». Он гласит о законе невмешательства. Известно ли вам о нём? — сир Марсий открыл свой раритетный подарок на нужной странице.

Мари кивнула. Об этом рассказала Изель вчера, а матушка — утром, как только узнала о браслетах. Молодых и даже опытных магов (что случалось реже) не наказывали сильно за бессознательное использование магии. Потому что только осознанное причинение вреда признавалось преступлением. Менталисты с даром влияния подлежали обязательному контролю со стороны государства, и браслеты надевались для того, чтобы молодые маги смогли принять всю степень ответственности за свои желания и поступки.

— Не переживай, милая. Как только ты научишься контролировать себя, браслеты сами собой спадут. Я за месяц управилась, — успокоила матушка.

За месяц! Которого у дочери не было. При смене личины браслеты оставались, как Мари ни меняла объём в руках. Они только растягивались, поэтому избавиться от них нужно было раньше.

Но к чему клонил сир Марсий? Он оценивающе смотрел на Мари с минуту, полез в карман, где лежал футляр, достал и снова убрал, пытаясь в вопросительном ожидании собеседницы уловить нужную эмоцию.

— Прекрасно! — наконец изрёк. — Благодарю вас, вы избавили меня от необходимости рассказывать. Я лишь скажу... возможно, вам понадобится время, чтобы понять меня. Скажу одну вещь. Знания не всегда несут возможности, именно из-за кодекса невмешательства. Порой мы видим новый путь, однако он продолжает оставаться для нас запретным. Тем не менее, умный человек всегда найдёт выход. Не так ли, сирра Мариэль?

Она подняла непонимающие глаза на Делоне-старшего:

— Вы о чём, сир Марсий, простите?

Лёгкая усмешка сошла с его губ, сир ответил серьёзно:

— Мне нравится ваша настойчивость, сирра Мариэль. Всегда нравилась, но в последние дни особенно. И мне хотелось бы, не скрою этого, чтобы вам хватило терпения.

«Обалдеть! Это он только что предложил мне соблазнить Армана?» — Мари вспыхнула, не зная, как отреагировать и что сказать. Союзник — это, конечно, прекрасно, но всё же очень сильно похоже на манипулирование.

— Благодарю вас, сир Марсий, за пожелания. И я обязательно буду чтить кодекс о невмешательстве. Не люблю, когда человека принуждают к решению, — Мари не старалась смягчить резкий тон.

Но Делоне-старший вдруг просветлел лицом, как будто с ним поделились замечательной новостью, и предложил вернуться к компании.

Там, за неспешной беседой, Мари успокоилась. Сирра Элоиза рассказывала о злополучной липе, давно внушавшей опасения. Посаженная два века назад, она имела полувысохший ствол с отверстием в сердцевине. И только каким-то чудом до кроны доходили соки, поддерживая рост зелени. В это широкое отверстие Арман любил забираться в детстве, прятался от матери. Элоиза рассказывала, и воспоминания о беззаботном прошлом украсили её лицо доброй улыбкой.

Арман скорчил рожицу Мари, вот, мол, какое у меня было интересное детство. Заставил под рёбрами подпрыгнуть светоносного щекотунчика. И вообще... снова захотелось шутить.

— Ну, жалеть нечего, дорогая, — заметил философски сир Марсий. — По весне посадим новое дерево для будущих внуков, — а поворачивая голову к Арману, зацепил взглядом Мари.

«Почему он ведёт двойную игру? Общается с де Трасси так, словно уже породнился, а меня просит проявить настойчивость...» — это никак не укладывалось в голове.

По гостинной вдруг прошла лёгкая воздушная волна-ветерок: из портала в дверях выпорхнула Люсиль. И через несколько минут Мари получила ответ на свой вопрос.

Глава 24. Подготовка

*Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлете,
Неизменившие друзья
В потертом, красном пререплете.
Марина Цветаева*

На неё напала бессонница. В голове по сотому кругу крутились мысли не столько о подготовке к белому балу, сколько к обмену личинами. Хотя, кого она обманывает? Грядущий бал вызывал беспокойство, особенно после просьбы матушки присмотреться к незнакомым молодым людям.

И, однако, дело шло к тому, что поездка в Лапеш уже виделась неизбежной. После визита Делоне, во время которого Мари позволила себе лишнего, матушка поговорила с дочерью по душам, чтобы убедиться: она опоздала бороться с детской влюблённостью и недетской ревностью.

...Выпорхнувшая из портала Люсиль осветила всех своей улыбкой, поздоровалась с каждым и даже обняла мать Армана, за весь визит впервые улыбнувшуюся ненапрянуто и забывшую о тревожных думах.

— Госпожа Нисса только что отбыла, и наши с матушкой платья готовы, — объяснила своё опоздание Люсиль, сделала паузу на тот случай, если своим визитом прервала разговор. Но все любовались златовлаской и с удовольствием переключились на новую тему.

Получив негласное разрешение поднимать болтовнёй настроение, она обратилась к Мари:

— А вы уже готовы к балу? Это, наверняка, будет нечто волнующее: маски, шатры в зимнем саду... Послезавтра вы увидите, как получилось красиво и уютно. Можно будет подышать свежим воздухом в саду и не замёрзнуть. Отец вызвал из Люмоса лучших оформителей...

Мари с трудом сбросила с себя прекрасный морок: хотелось слушать только златовласку и внимать её сладкому голосу. Взгляд, не без труда, сместился на Армана, и лишь тогда Мари почувствовала, что может мыслить критически. Если Люсиль имела дополнительный ментальный дар, какое-нибудь обаяние, то это многое объясняло.

— Госпожа Нисса обещала завтра к нам приехать. В этом году мы решили сэкономить на нарядах ради благотворительности, — ответила за Мари матушка: — Мы обновили готовые платья, зато купили в два раза больше продуктов и товаров для раздачи нуждающимся.

— О! — Люсиль округлила глаза, но сразу же просияла, — как это мило!

Сложила ладони в умилении:

— Ваш поступок достоин уважения и послужит примером для других! — она погладила нежно руку г-жи Делони, рядом с которой села, сместив Армана на кресло.

Поговорили о благотворительности и подарках нуждающимся. Сир Марсий похвалился: в честь священного октагона лумерам графства Делоне было разрешено забрать все сваленные за сегодня деревья.

— ...Таким образом, мы сэкономили рабочую силу и время, — довольно улыбнулся сир Марсий. — Иначе на расчистку территории ушло бы не меньше месяца. Но нам спокойствие дороже. А дрова запасём весной.

Элоиза благодарно улыбнулась мужу. Так разговор снова повернул к теме несчастного случая. Люсиль обвела слушателей своим неизменным лучистым взглядом и обратилась к подруге:

— Ах, я сегодня целый день не могла не думать об этом! Спрашивала себя: что бы я делала, окажись под деревом? Как ни представлю себе — мороз по ногам!

«Если меня об этом будут спрашивать на балу, я разозлюсь!» — подумала Мари. Тема счастливого спасения, слабо говоря, успела за день поднадоесть. Событие мусолили все: от родителей до самого последнего слуги в замке.

— Ну, отчего ж, — медленно сказала она, приказывая себе не засмеяться, — всё было не так страшно. Единственное доставляло неудобство: *кое-что* упёрлось в меня, я хорошо чувствовала это, и, наверное, *он* проткнул бы меня насквозь, если бы Арман не справился с собой. *Он* был вот такой, — Мари показала пальцами расстояние примерно в десять сантиметров.

В гостиной вдруг воцарилась тишина, Антуан резко встал, извинившись, и вышел похрюкать за дверьми.

— *Он* был намного больше, — заметил, Арман, скрывая улыбку рукой, подпиравшей голову. Зато глаза его смеялись: «Зараза ты, Мариэль!»

— Тебе, конечно, видней. Я же его только чувствовала... Но было о-очень больно.

— Кхм, ты о чём, милая? — озвучила мысли остальных Илария.

Мари удивлённо повернула голову к матушке:

— Разве я не сказала? Сук упёрся мне прямо в спину, — она показала себе на лопатки, — вот сюда. Какая-то толстая ветка обломилась и... — Мари вздохнула. — Слава Владычице, всё хорошо закончилось...

Щека и глаз г-жи Элоизы в очередной раз синхронно дёрнулись. Косноязычие Мариэль заставило её и без того покрыться пятнами.

— ... Надеюсь, на балу будет присутствовать Её высочество Глория. Она помогала нам наравне с мужчинами, и её выдержке остаётся только позавидовать, — Мари улыбнулась Люсиль, подняла руки и, отодвинув ткань на рукаве, потёрла браслеты. Нужно было отвлечь мать Армана от мыслей о злом роке и заодно заразить подругу мыслью об инквизиторских украшениях, которые, к слову, не потеплели, ибо их хозяйка, что делала.

Госпожой Делоне намёк на истерику был понят правильно, и, чтобы скрыть негодование, она схватилась за кубок с пуаре, рассматривая через хрусталь игру янтарного света.

Мужчины успели перекинуться парой фраз, когда до Люсиль дошёл посыл Мариэль. Златовласка округлила хорошенькие губки и широко открыла глаза, обращаясь к подруге:

— Мари, а что ты будешь делать с браслетами?! На балу, я имею в виду. Закроешь их лентами?

На самом деле эту проблему успели сегодня решить: Илария подарила дочери прехорошенькие кружевные перчатки с дополнительным аксессуаром, позволявшим скрыть «украшение», даже если пришлось бы стянуть саму перчатку. Но Мари, предупреждая сжав пальцы матушки, улыбнулась:

— Я не собираюсь их закрывать. Ведь они явно указывают на мой магический

потенциал: был бы дар слабый, не пришлось бы прибегать к их помощи. Кроме того, мне нравится рисунок на них. Мы даже подумывали нанести рядом смывающуюся татуировку — с руной огня и руной власти...

Вернувшийся несколько минут назад Антуан фыркнул: сестра сегодня была в ударе, но к чему вели её словесные выходки, он пока не понимал.

Улыбка Люсиль поблекла тем временем. Вместе с Арманом, Антуаном и сиром Рафэлем она не могла отвести взгляда от танца жестов сидящей напротив подруги, пальчики которой рисовали на коже рядом с браслетами невидимые узоры. Элоиза так же невольно следила за Мариэль, не без раздражения.

И только сир Марсий наслаждался происходящим. В начале небольшого монолога Мариэль он поднялся, самостоятельно налил себе в кубок вина, нацепил на нос очки и, будто бы читая книгу, найденную на подоконнике в гостиной, рассматривал магические потоки, выпущенные дерзкой девчонкой. Знала ведь, что присутствующие менталисты не поддадутся на её провокацию, но и не предадут. Бабушка и матушка только переглядывались, недоумённо поднимая брови.

— ... Они настолько прекрасны, что просто обязаны войти в моду, — продолжала Мари. — А тебе, Люсиль, дорогая, надевали браслеты? Твой дар такой сильный, как же ты с ним справишься?

Люсиль слабо улыбнулась на комплимент:

— Он раскрылся под наблюдением, и мне сразу наняли консультанта, он научил, как случайно не попасть в портал.

— А второй дар, дополнительный? — Мари продолжала гладить запястье, не показывая виду, насколько замерло в ожидании нужного ответа сердце.

— Дополнительный? — Люсиль задумчиво поправила складки на пышной юбке, — ... он не настолько меня беспокоил, чтобы прибегать к браслетам.

Мари плавно опустила руки, сцепила пальцы в замок, вздохнула, отпуская флюиды рассеянности восвосяи:

— То есть, я хотела спросить, есть он у тебя или нет. Прости, я сегодня косноязычна. Это всё, наверное, из-за успокаивающего отвара...

Антуан перевел взгляд с рук сестры на Люсиль:

— У тебя есть второй дар? Какой? Ты не говорила... — юноша был задет за живое и не скрывал этого.

— Я знал об этом. У Люсиль, похоже, дар сира Аурелия, интуитивная ментальность, — спокойно встал на защиту любимой Арман.

Делоне-старший за спинами сидящих кашлянул, захлопывая книгу:

— Ну что ж, полагаю, нам пора и честь знать: скоро стемнеет, а что происходит в наше отсутствие с уборкой мусора после нашествия лумеров — большой вопрос.

Делоне отказались от приглашения на ужин. Прощаясь, бледная сирра Элоиза сердечно обняла Люсиль, прильнувшую к ней. Наблюдая эти нежные знаки внимания, сир Марсий попросил разрешения, в свою очередь, обнять Мариэль, выразив тем самым ещё раз свою благодарность:

— Ваша способность быстро реагировать, юная сирра, в минувший вечер затмила прославленную интуицию сира Аурелия, — громко и с нотками иронии сказал он, легко прикасаясь пальцами к спине девушки и не обращая внимания на недовольный взгляд супруги. — Надеюсь, вы не растеряете своей расторопности.

После отъезда Делоне, перед тем, как построить портал домой, Люсиль, вернувшись к прежнему светлому расположению духа, взяла Мари за обе руки и спросила:

— А хочешь, я тоже надену браслеты? Не такие, как у тебя, но подберу похожие. Если над тобой кто-нибудь посмеётся, ему придётся иметь дело со мной!

— ...И с твоими браслетами, — улыбнулась Мари.

Так что же получалось? Сир Марсий намеренно подкинул очки Мари, чтобы она что-то разглядела. И, судя по его довольной физиономии, она справилась. Закон невмешательства был соблюден: Люсиль сама призналась, хотя реплика Армана портила чистоту картины.

Но Делоне дружил с де Трасси не просто так. Люсиль ещё ночью объяснила Мари: у их отцов были общие дела, приносящие доход. Сир Марсий ментальным даром военного стратега отлично дополнял интуицию сира Аурелия, что им позволяло брать заказы на сопровождение дорогих сделок.

И всё-таки после ухода соседей Мари никак не могла уловить логическую связь между дружбой Делоне-де Трасси и желанием обоих глав дома разорвать отношения между Арманом и Люсиль руками Мариэль.

Озарило ночью, во время бессонницы: де Трасси вовсе не собирались родниться с Делоне!

Люсиль с детства готовили в принцессы, окружали роскошью, дали соответствующее образование... Брак с провинциальным женихом перечеркнул бы все усилия и затраты. Но разорвать связь, запрещая влюблённым видеться, де Трасси не могли, помня о многовековом предании. Разбитые сердца двух влюблённых из семейств, связанных обязательствами по Контратату, привели едва ли не к вырождению трёх знатных родов.

Поэтому Люсиль сама должна была бросить Армана. Или он её. Но лучше всего для этого дела подходила настырная Мариэль де Венетт. Сир Марсий тем более не возражал против такого исхода: магический потенциал Мариэль как невестки его устраивал.

Когда она успела стать пешкой в чужой игре? Этого Мари не знала. За Армана она, конечно, боролась бы до конца. Но и разбивать ему сердце не собиралась. Мама Маши, которую бросил отец после рождения дочери, часто говорила: «На чужом несчастье своего счастья не построишь». Отец ушёл к другой женщине и однажды погиб в автомобильной катастрофе, сев за руль пьяным.

Не была Люсиль интуитом. Перед ней стелили дорожку, ведущую к трону, на котором она смотрелась бы идеально: порталыщица и просто красавица, которой достаточно было открыть рот, чтобы дар обожания (или как он там назывался?) приводил людей в блаженный транс и заставлял служить безоговорочно. «Но это ужасно знать, что тебя любят благодаря твоему дару!» — Мари пожалела Люсиль, мысленно извинилась перед той за свою проделку.

Возможно, Люсиль не отдавала себе отчёта в масштабах обмана своего обаяния, ничего же страшного с людьми не происходило. Однако надеть браслеты златовласке тоже бы не помешало. Не будь сир Аурелий таким тщеславным, он давно бы решил свою проблему. Возможно. Ибо нельзя было отрицать простого факта: Арман и Люсиль взаправду, без всякого магического вмешательства, могли полюбить друг друга.

Об этом всю ночь думала Мари, задремав от усталости под утро. Жанетта, вошедшая с крупным узлом в одной руке и кувшином — в другой, увидела, что госпожа, обещавшая дожидаться, спит. Осторожно поставила воду на столик и пошла к платяному шкафу спрятать

принесённую одеждой.

— Ну, кто он? — сонно села на кровати Мари.

Жанетта должна была ранним утром съездить к водопаду, чтобы посмотреть на человека от Изель. Она убедила конюха Джерома в том, что вода из священного источника обязательно поможет госпоже. И сделать это, по одному из народных поверий, обязательно нужно было до рассвета. Джером охотно согласился сопроводить к водопаду и, кажется, миссия осуществилась ценой опухших губ хорошенькой субреточки.

— Ах, вы не спите, госпожа? — Жанетта присела на край кровати рядом с Мари. — Мы, то есть, я видела его. И, признаться, секрет не удивительный. Это Вернер, слуга Армана.

Вторым заданием Жанетты было достать мужскую одежду. Субретка написала своему брату Луи, работающему наёмником в Нортоне — провинции, граничащей на севере с Лабассом. Тот через грузовой почтовый портал по одной вещице переслал два простых костюма и пару зимней обуви. Армяк в ящик для пересылок не влез, и Жанетта ненадолго задумалась:

— Вот что, госпожа Мариэль, вы не волнуйтесь, я придумаю что-нибудь. Через два дня у вас будет всё необходимое. И ещё вам нужен парадный костюм. К сожалению, у брата был только один. Можно было бы переделать что-то из старой одежды сирра Антуана, но, я боюсь, когда вас увидит наш управляющий, то заподозрит в краже. Память у него — ух, какая! А пока я вам подошью эту одежду.

Мари переделалась в принесённую мужскую одежду, и Жанетта взялась намечать края, подлежащие подвороту.

— Жанни, для всего этого нужны деньги, а у меня их нет. Сможем ли мы продать какое-нибудь моё украшение?

Субретка категорично замотала головой с зажатými в зубах булавками:

— Смилуйтесь, госпожа! Меня первую обвинят в краже... Деньги у меня есть, на всё хватит! — намечая нужную длину штанов, она спокойно говорила, не видя выражения лица хозяйки. — Я год копила на обучение, а теперь в этом нет необходимости. И не уговаривайте меня не помогать вам — то, что предложили мне вы, стоит намного дороже.

Жанетта доделала необходимое и выпрямилась. Увиденное её потрясло. Мари невидящим смотрела куда-то сквозь своё отражение, сцепив руки. На её лбу выступила испарина, а на щеках слёзы проложили свои дорожки к подбородку. Субретка взяла госпожу за руку и почувствовала дрожь:

— Что с вами?!

Что с ней?.. Пока представляла себе, фантазировала, уговаривала, планировала — будущее казалось маревом, колебавшимся позади занавески — то ли грёза, то ли явь. Но вдруг вот оно — драпировка упала, и будущее обрушило позади землю, оставляя один тонкий мост.

Ей стало страшно до невозможности, до сих пор молчавшее малодушие завопило: «Что же ты делаешь?! Ты сошла с ума?! Остановись!»

Жанетта поняла, взяла каменное лицо Мари в свои тёплые ладошки, ласково заглянула в бездну почерневших глаз:

— Всё ещё можно отложить, госпожа Мариэль. Можно придумать более безопасный способ. Мы сделаем это вместе, я помогу, жизнь за вас отдам! Пусть Изель на меня морок накинет, и я спасу сира Армана.

Имя молодого человека прозвучало как отрезвляющая пощёчина.

— Нет, — Мари отёрла слёзы. — Я должна пройти этот путь. Но... знаешь...

— Да, моя госпожа, — Жанетта достала платок из кармана и помогла высушить лицо.

— Перед... — чуть не сказала «смертью», вовремя остановилась, — опасностью так хочется чего-то особенного, согревающего душу. Такого, чтобы потом не страшно было, понимаешь?

Жанетта улыбнулась:

— Понимаю. Скажите, чего вам хочется, я всё сделаю. А если передумаете, мне тоже станет легче.

— Дурёха ты моя, — Мари обняла Жанетту, и на душе потеплело. — Знаешь, чего хочется больше всего? Чтобы, пока я была... в чужой жизни, другим человеком, то есть, чтобы меня, Мариэль, ждали и вспоминали добрым словом. Так было бы легче всё вынести. Как солдатам важно знать, что их ждут и верят в их возвращение невредимыми домой... Понимаешь?

Субретка кивнула, в её карих с серыми прожилками глазах поселились звёзды:

— Понимаю, — шёпотом сказала она из-за кома в горле, — только я не поняла, кто такие солдаты?

— Это воины, прости, слово перепутала. Вот послушай, — Мари взяла компаньонку за руки и, глядя в её блестящие глаза, — тихо продекламовала:

Жди меня, и я вернусь.

Только очень жди,

Жди, когда наводят грусть

Жёлтые дожди...

... Как среди огня

Ожиданием своим

Ты спасла меня.

Как я выжил, будем знать,

Только мы с тобой, —

Просто ты умела ждать,

Как никто другой.

Жанетта произнесла на последних строках тихое «О!» и расплакалась окончательно. Мари её обняла, покосилась в зеркало и вздохнула:

— Хочу, чтобы он меня вспоминал. Я — девочка, и желание у меня простое. Разве многого я хочу?

— Вы будете самой красивой на балу, я вам обещаю! — всхлипнула Жаннета, будучи не в силах успокоиться.

Мари улыбнулась грустно:

— Самой красивой на балу будет Люсиль. И пускай, она к этому шла всю свою жизнь. А я... я хочу быть особенной.

Нисса приехала к обеду, отчего-то расстроенная, злилась на помощниц и, Мари показалось, будто портниха пытается кое о чём рассказать, но страшится.

Матушка до примерки своего платья дала дочери книгу «Каноны Люмерии», семейное

чтиво для второго октагона, и теперь Мари читала сказания вслух. Присутствовавший Антуан, первым померивший костюм, сказал, что наизусть знает «все эти сказки», «вырос из этой детской традиции», и сбежал, сославшись на срочную переписку с Диланом.

Рафэль сидел в кресле, просматривал новостные листы, присланные из столицы, а сирра Тринилия «контролировала» процесс финальной подгонки платья дочери, периодически отпуская свои замечания. В этом году она так же собиралась посетить бал из-за совершеннолетия внуков и, пожалуй, её платье обошлось дороже прочих нарядов: выезжать в люди она давно разлюбила, а её белый гардероб успел потемнеть до цвета топлёного молока и давно вышел из моды.

Мари были знакомы сказания благодаря книге Люсиль, они показались поначалу обычными детскими сказками. Но сейчас текст волновал: уроки матушки, Изель, Ленуара и даже Голоса не прошли даром. Философия люмерийской магии виделась немного странной и сложной для понимания:

— «Основание Люмерийского государства. Много веков назад было поселение, называвшееся Лумер, что значит «лишённый». Со всех сторон окружено оно было болотами, непроходимыми лесами, и оттого здесь почти никогда не появлялись чужестранцы. А те, кто случайно оказывался здесь, навечно оставались в Лумере: лес и болота не выпускали своих пленников.

Однажды в Лумер пришла юная дева в белых одеждах и жителям, потрясенным её красотой и величием, сказала, что отныне будет помогать им. И назвали лумеряне её Белой Патроной, «белой помощницей».

Перестали болеть лумерцы: Патрона лечила их прикосновением своих ладоней. Научила их простейшей магии огня, воды, земли, воздуха и света. И увидели лумеряне, что природа может быть милостива, болота — полезны, а тёмный лес приветлив.

Зажили легче лумеряне. И хоть лес по-прежнему не пропускал чужаков и не выпускал тех, кто желал узнать мир дальше него, это не беспокоило жителей поселения: многие теперь были счастливы, познали радость жизни и духовного развития. Добро и свет всеобъемлющей любви стали главной религией лумерян <...>

Белая Патрона не раз испытывала твёрдость духа и преданность духовному свету лумерян, признавших её своей королевой. Тем, кто не проходил испытания, она давала шанс исправиться или предлагала уйти в большой мир. Кто-то уходил, но никогда не возвращался и не приводил с собой врагов, потому что Владычица стирала их память о Лумере и благословляла на путь через лес и новую жизнь...»

— О чём задумалась, милая? — Илария спросила у остановившейся дочери.

Ночь, свирепый мороз и ветер в лицо, беснующийся в одежде и волосах. Но она не чувствует ничего, кроме трещин в сердце. Она кричит приближающимся к ней: «Я ненавижу вас, ненавижу! Уйди, ты! Я за тебя готова была умереть, а ты!.. Ты предал меня! Ты смеялся вместе с ними! Не-на-ви-жу-у-у!» Но Он не смеялся. Ему было стыдно и неловко.

С трудом вынырнув из отчётливо возникшего в голове воспоминания, Мари ответила:

— Я думаю, матушка, если у заблуждающихся не было поддержки, то разве можно их обвинять в ошибке?.. Например, прежде чем надевать браслеты, неужели сложно было объяснить, что не так? Или проще выгнать в лес, чем помочь?

Бабушка хмыкнула, опережая свою дочь с ответом:

— Ты подменяешь понятия, Мариэль. Те, кто уходил от Владычицы, знал о её канонах и это не может послужить оправданием для ошибки...

— А твои браслеты — ради твоего блага, милая, — добавила Илария: — Чтобы ты научилась слышать себя и свои желания.

Последние пассажи над платьем Иларии были сделаны, Нисса и Нана удалились за ширму переодевать госпожу.

Подчиняясь вопросительному взгляду бабушки, Мари продолжила:

— «... Со временем в поселении осталось только сорок лумерян, верных Владычице. Среди них были и дети. Шло время, Владычица выглядела такой же прекрасной, как и в день своего появления в Лумере, но она всё чаще стала говорить о своём сроке ухода. Лумеряне не верили этому, потому что надеялись на бессмертие своей королевы.

Но однажды Владычица призвала к себе лумерян и озвучила последнюю волю: она желала оставить после себя наказы и дар лумерянам как награду за верность добру. Так были записаны Каноны Владычицы.

После этого велела она каждому подготовиться к ритуалу принятия магии света. Каждый, входивший в её покои, делился небольшим количеством своей крови, присягая тем самым служению Канонам Владычицы, за себя и своих потомков. А она одаривала прощальным поцелуем, во время которого каждый присягнувший получил древнюю магию.

Сначала шли взрослые, Старшие Основатели. Последними к Владычице приводили детей и младенцев, у которых также взяли по капле крови. Дети стали называться Младшими Основателями.

С каждым своим поцелуем Владычица теряла силы, и, успев отдать последние искры магии, её душа покинула бренное тело. Её оплакали и погребли так, как она велела: опустили в землю и поставили в изголовье сосуд, наполненный клятвенной кровью. Едва последняя горсть земли улеглась на могилу, пошёл большой снег. Длился он восемь дней и ночей, за что был прозван октагоном — днями скорби и памяти об ушедшей Владычице.

Сомнения, страхи и разочарование преследовали некоторых Старших Основателей. Они пытались уйти в непроходимый лес, но тот не пускал, смыкал ветви, закрывая путь во Всемирье. Сильные уговаривали слабых довериться пророчеству Владычицы и потерпеть до весны...

Весной же увидели в изголовье могилы росток дерева. Стремился он ввысь с каждым днём так усердно, что те, кто потерял веру, обрели её вновь. Вспомнили обещание Владычицы о посланнике, связывающем мир подземелья Владычицы и мир живущих на земле. Как велела Владычица, так и назвали дерево — Ирминсульт.

Рос Ирминсульт, а рядом с ним земля покрывалась белыми цветами. И однажды утром, когда вершина дерева Владычицы коснулась неба, лумеряне увидели красоту вокруг себя. Тьма леса отступала, в болотах начала уходить вода, а кое-где забили горячие источники. Лумер превратился в край божественного покоя и свободы.

У тех из сорока, кто неизменно хранил в себе веру, проснулась магия, и радость этих лумерян достигала подземных чертогов Владычицы. Но ждали все другого пророчества: с приходом большого снегопада должна была пасть тьма и стать послушной тенью для света.

Настал срок. И большой снег пошёл, как после ухода Владычицы, длясь два месяца. А в последнюю ночь засиял вдруг Ирминсульт, и такой свет полился от него, что увидели лумеряне за исчезнувшим лесом горы и море.

Восемь дней и ночей боролся Ирминсуль с тьмой, и та пала ниц, запросила пощады. Эти дни были названы вторым октагоном, днями борьбы с тьмой и человеческими пороками.

Стали лумерцы свободными. После падения тьмы могли они преодолевать границы леса. А возле старшего Ирминсуля вырос город, названный в честь белого света, разливавшегося по миру, — Люмосом.

— «Таково было начало Люмерии, благословлённой Белой Владычицей светом и любовью», — последнюю строчку этого сказания Илария процитировала наизусть, дотрагиваясь до плеча дочери. — Ступай, Мари, примерь своё платье.

Девушка вернула книгу матери:

— Кое-что я бы хотела прояснить.

— Что именно, милая?

— Сейчас...

Нисса, ожидавшая следующую примерку, нервничала, возможно, она торопилась, поэтому Мари поторопилась за ширму. Там, помогая Жанетте себя переодеть, она спросила, чуть повысив голос, чтобы было слышно:

— Способ, которым Владычица передала магию, мне кажется... м-м-м... странным. И ещё этот белый бал... Почему все помешаны на поцелуях как средстве для чего угодно, кроме... Как-то это... слишком, по-моему...

Сир Рафэль, до сих пор хранивший молчание, крикнул, послышался шелест складываемых листов и звук, по которому можно было догадаться: отец семейства поднялся с кресла.

— Благодарю за чтение, дочь. Как в старые добрые времена... А сейчас, прошу меня простить, вынужден вас оставить: хочу написать письмо, удостовериться, что новость про арауканов не так дымит, как кажется.

— Что случилось? — отозвалась Илария, понявшая, о чём идёт речь.

— Снова требуют сменить посла в Сурье. Не дают им покоя наши рудники.

— О, Владычица!.. Мари, милая, одевайся пока, я сейчас вернусь...

Жанетта за спиной хозяйки хихикнула, развязывая шнуровку и помогая стянуть верхнее платье, тихо сказала:

— Ох, и горады вы смущать мужчин!

— Но я действительно не понимаю. И хотелось бы знать об этом до бала, а то, вдруг, на него вовсе не стоит ехать? Может, ты объяснишь, Жанни? — так же тихо спросила, чтобы не смущать ещё и бабушку.

Нисса громко то ли вздохнула, то ли ахнула, но никто на неё не обратил внимания. Жанетта надевала на Мари новое платье.

— Никакого секрета, госпожа. Вы же помните стишок про кроликов?

— Тот, где они дают другу лапку и знакомят свои магии?

— Да, моя госпожа. У детей магия обычно слабо выражена, и им достаточно поверхностного знакомства...

Мари хмыкнула:

— Ну, слава Владычице, что им хватает только касания. А взрослым, стало быть, обязательно надо целоваться?

Служанка прыснула в ладошки, быстро отсмеявшись, но с теми же весёлыми нотами в голосе попробовала объяснить:

— От чужой магии запросто можно пострадать, поэтому знакомство с ней обычно начинается как лёгкое отравление. Вы позволяете немного отравить себя, и ваша магия понемногу привыкает к этому. А потом вы уже безболезненно можете принимать большие потоки... Повернитесь, моя госпожа...

«Пока звучит как реклама прививки, — подумала Мари. — Но если с Его высочеством всё понятно: я сама его «отравила», то почему Арман спасал, кхм, превысив «дозу»?» Вспоминая о *том моменте*, она не могла не признаться себе: в целом поцелуи были хороши, но ощущения страсти не возникло. Как в Ахматовском «Вечере»:

*... Так не похожи на объятья
Прикосновения этих рук.
Так гладят кошек или птиц,
Так на наездниц смотрят стройных...
Лишь смех в глазах его спокойных
Под лёгким золотом ресниц...*

Почему после поцелуев в гроте Арман выглядел невозмутимо, будто сделал нечто будничное и не изменил Люсиль? Сейчас она примерно понимала: он лечил Мари магией, а не пытался доставить ей и себе удовольствие. В его улыбке на шутку про сук, уперевшийся в спину, эмоций было больше, чем в гроте. Какие кошмарные «средства»!

Она поморщилась от неприятных мыслей.

— ... есть три типа отношений. Поверхностное — между двумя знакомыми, близкое — между друзьями, когда они могут даже лечить друг друга своей магией, и глубокое, полное — между супругами... — продолжала Жанетта.

Мари перебила:

— В смысле «лечить друг друга»? Поцелуями?.. Сложно представить, как, например, сир Аурелий лечит сира Марсия, в случае чего...

Жанетта присела от смеха, громкое хмыканье послышалось со стороны Наны и бабушки. Одна Нисса вымученно улыбнулась.

— К чему этот интерес, Мариэль? — поинтересовался невозмутимый голос Тринилии.

— Хочу знать, как избежать лишнего впрыскивания чужой магии в мою. Владычица раздавала её Основателям — это вымысел или на самом деле можно передать свой дар, хотя бы частично? — Мари выразительно посмотрела на Жанетту.

— Дар полностью передать невозможно, — отрезала бабушка. — Об этом мы поговорим с тобой позже, а сейчас не будем заставлять краснеть госпожу Ниссу.

Жанетта приблизилась к Мари и шепнула на ухо:

— Сир Рафэль — маг металла, а у сирры Иларии есть дополнительный дар воздуха. И они поделились магиями друг с другом. Поэтому ваша матушка по желанию может и с металлом иметь дело, а ваш батюшка — с воздухом...

Мари вспомнила, как по движению руки Иларии на загоревшегося во время обеда Антуана обрушилась вода из кувшина, металлического, кстати. Сосуд просто вылетел из рук слуги.

— А ещё, госпожа Мариэль, обмен возможен только между мужчиной и женщиной, — прибавила Жанетта, полагая, что достаточно смутила хозяйку, искавшую способ передать своей субретке дар метаморфа, «хотя бы частично».

— Хватит шептаться, покажите платье! — требовала бабушка.

Жанетта откликнулась, мол, всё готово, и повела Мариэль к зеркалу.

Творение рук госпожи Ниссы заслуживало похвал. Была деталь, которую Мари с удовольствием бы убрала, вернее, наоборот, добавила, но матушка настояла: плечи должны быть открытыми. Тем более если это красивые плечи. Широкий круглый вырез открывал шею, нежные девичьи ключицы и плечи, не доходя, по счастью, до метки Вестника. Лиф с имитацией застёжки из пуговиц спереди подчёркивал грудь и обхватывал талию весьма удобно, не стягивая её, но и не позволяя образовываться свободным складкам. И эта застёжка наверняка была той самой изюминкой, о которой в день первой примерки постоянно твердила главная портниха Лабасса.

Пышная милая юбка лежала свободными складками, подъюбника не предусматривалось, чтобы не утяжелять вид, и оттого платье казалось воздушным, невесомым. Рукава доходили до локтя, что опять же устраивало Мариэль: даже если никто, кроме неё самой, не видел метку (пока не видел), то это не значило, что можно щеголять ею на балу.

— Мне нравится, благодарю вас, сирра Нисса, — Мари улыбнулась отражению бледной портнихе позади себя. — Ничего больше переделывать не нужно.

Жанетта подошла и ловко скрутила распущенные локоны госпожи, показывая, как на одном из плечей будут лежать завитые волны.

Никто не ожидал того, что произойдёт сразу после похвалы Мариэль. Нисса вдруг всхлипнула:

— О! Простите меня великодушно! Я виновата... — и упала плашмя в обморок.

Вовремя появившаяся матушка бросилась помогать служанкам и дочери приводить портниху в чувство.

Глава 25. Белый бал

Вы умеете так любезно исправлять свои ошибки, что хочется поблагодарить вас за то, что вы их совершили.

А. Дюма «Граф Монте-Кристо»

Сани скользили, с хрустом разрезая комья мёрзлого снега и подпрыгивая на ухабах. Вокруг разлеглась колкая зимняя чёрная ночь, поэтому перед санями Джером, на лошади и с факелом в руках, указывал путь: в такой тьме не составляло труда съехать с заметённой дороги в сугроб.

В первых санях ехали бабушка, отец и Антуан, в следующих за ними — Илария, Мариэль и Жанетта. Каждый думал о своём.

Сир Рафэль изо всех сил старался подавить жгучее желание бахнуть марсалы. За ужином была выпита норма, но этого показалось недостаточно для утешения после случившегося утром. Ехать на бал в расслабленном состоянии тоже нельзя было, поэтому он утешал себя фантазиями, как по приезду (и ничего, что будет поздно вато для перекуса) закончит дрянной день с закуской да марсалай... Эх, каков этот золотой куль — Аурелий! Завернул:

— ... Однако мы не можем обвинять детей за их естественное желание казаться лучше других и уловлять нужных нам потенциальных партнёров даже с помощью такой мелочи, как платье. Дамы меня поймут. Поэтому закончим миром данный инцидент и сделаем выводы, госпожа Нисса, не так ли?

Уязвил, так уязвил. Бедная Мари от его заковыристой фразы готова была сорваться, Рафэль слишком хорошо знал свою дочь. Но она, умница, сдержалась. Рафэль, как только де Трасси ушли через портал, а портниха ретировалась, расцеловал благоразумную дочурку...

Тринилия привыкла в это время видеть сны. Но, несмотря на то, что сегодня и днём не спала, её ментальная магия с уклоном в прозорливость бродила молодым вином. Разыгравшийся театр позабавил, взбодрил и заставил беспокоиться. Что-то происходило, чего она не знала. После обморока портнихи, которая никогда не нравилась за свою болтливость, Тринилия настояла: де Трасси должны узнать незамедлительно о случившемся. Лучше сейчас разобраться, чем позориться на балу. Опомнившаяся Нисса, едва услышала об этом, повторно изобразила обморок и почти весь диалог напоминала протухшую рыбу, которая не отвечает за свои действия.

На короткую записку Иларии примчалась вся семейка. Хитрый лис Аурелий, его жёнушка, отдавшая под королевским Ирминсулем свой дар взамен на благословение дочери, и сама вертихвостка Люсиль. От сирры Камиллы, кроме её истерики, требований заменить платье и вообще сшить новое до вечера, ничего другого и не ожидалось. Но Аурелий удивил. Выслушал всех и обратился не к своей дочери — к Мари! Что этому лису надо от внучки, Тринилии хотелось знать больше всего.

— ... Что вы думаете, сирра Мариэль? Предлагаю вам как первой пострадавшей вынести решение.

— Я полагаю, белый бал проводится в первую очередь ради памяти о нашей Владычице и её Канонах. Вспомним, даже Основатели теряли веру при более трагических

обстоятельствах. Поэтому воспринимаю это как испытание и не вижу ничего зазорного в том, что две подруги решили показать свою дружбу, намеренно явившись на бал в одинаковых платьях. Но если моё видение ситуации каким-либо образом уязвляет самолюбие моей лучшей подруги, мы найдём выход. Жанетта превосходно шьёт, до вечера мы решим проблему.

Тринилия гордилась внучкой, которая всегда была остра на язык, а сегодня одним махом поставила на место выскочек де Трасси. Лисьяра Аурелий не позволил своим и рта раскрыть, сразу сказал:

— На том и порешим: наши девочки будут в одинаковых платьях. Однако мы не можем обвинять детей...

Это сказал человек, который год трепал нервы из-за золотой кобылы? Но страннее была реакция Мари на его согласие. Что же он имел в виду? И почему девчонка сжала кулаки, со своего места Тринилии это было превосходно видно. Что ж, сегодня она будет наблюдать за всеми особенно пристально, и горе де Трасси, если они посмеют насмехаться над де Венеттами!..

Антуан, не смотря на лютый мороз, высунулся из-под меховой накидки и наслаждался ночной вылазкой. Оставалось несколько месяцев до поступления в Академию. Там начнётся другая жизнь, терпеть всего-то ничего. И сегодняшней день начинался так весело, но нет, на пустом месте нужно было устроить трагедию!

Впрочем, девчонки — всегда девчонки, наивные верят, будто в платье дело. Антуан хмыкнул. Женщина без платья гораздо интереснее выглядит. Уж он бы посмотрел... Дилан обещал кое-что привезти с собой, что позволит насладиться женскими силуэтами. Это поможет Антуану определиться, кого он поцелует первую, кого — вторую, кого — десятую, на сколько сил хватит.

И сестре бы не мешало выпустить пар, давно уже неудобно перед дружищем Арманом... Психанула сегодня как натурально! После того, как де Трасси исчезли, заявила, что уедет в Лапеш до конца октагона. Неужели правда уедет? Бред. Ещё недавно он, Антуан, многое бы за это отдал, а теперь жалеет. С Мари в последние дни было весело и... безопасно: ни одного злобного розыгрыша, подставы и ядовитой реплики. Нужно будет рассказать об этом Люсиль, пусть она поговорит с Мари. И Арман пусть уже поцелует сестру, чтобы она наконец поняла: нет у неё с ним никакого будущего. Не потянет его вода неуправляемый огонь Мариэль...

Илария грустила. Дочь трогательно обняла её под накидкой, наверное, тоже думала о скорой разлуке.

— ... Матушка, пообещайте мне, что я смогу уехать с Жанни домой в любой момент, когда мне станет невыносимо...

— Хорошо, милая, хорошо, только не разбивай мне сердце...

Итак, отъезд в Лапеш стал очевидным. После визита Делоне и шуточек Мари, мать решила поговорить с дочерью откровенно. Илария желала знать, почему изменившаяся в лице дочь, явно расстроенная, вдруг начала успокаивать зарвавшуюся портниху и взбешённых де Трасси. Это была не та Мариэль, которую знала Илария, а значит, нужно бить тревогу. Однако ответ от дочери, против всех ожиданий, получила простой.

— Моё сердце разбито, матушка. Мне всё равно. Никогда он не обратит на меня

внимание, и ничто не изменит безответности. Одинаковые платья не уравниют нас с Люсиль, я всегда буду хуже её. Поэтому я еду туда только ради вас и сделаю всё возможное, чтобы вы мной гордились.

Дурочка, застрявшая в детских чувствах! Илария всплакнула, в то время как пустой взгляд дочери, не намекающий и близко на слёзы, напугал. Лучше бы поревела, чем в себе замыкаться. Ей и так несладко пришлось, а ещё эта бестолковая найла Нисса со своими объяснениями: мол, компаньонка принимала заказ де Трасси, и в прошлогоднем каталоге Люсиль выбрала именно этот проклятый эскиз платья, которое заказчица не надела.

Илария посоветовалась с Тринилией и окончательно согласилась: надо было отправить Мариэль к брату ещё два года назад. Теперь бы самой успокоиться и смириться с тем, что она не будет видеть дочь несколько месяцев. Материнское сердце ныло, предчувствуя горькие перемены...

Радость Жанетты плескалась в такт цокоту копыт. С ума сойти от последних событий! Благодаря им Жанни поняла, чего ей не хватало — приключений. Когда-то она с братом мечтала о том, что бытовая магия позволит вырваться из бедности и покажет мир, огромный и прекрасный. Сегодня она была удостоена чести увидеть праздник господ, и госпожа подарила ей прелестное платье, в котором Жанни будет похожа на сирру. Не белое, конечно: Жанни не собирается крутиться между господ, зато можно будет немного погулять по замку де Трасси как свободная компаньонка, время на это по приезду будет.

К двум приятным сюрпризам прибавился третий: Джером, узнав об отъезде, неловко и мило признался в любви. Мол, пристаиваясь к другим служанкам пытался привлечь к себе внимание. От воспоминаний о поцелуе примирения на конюшне подгибались колени. Жаль, что чувства открылись так поздно: судьба подарила Жанни счастье, но без Джерома. Хотя, возможно, это и к лучшему. Пусть его чувства пройдут проверку. Когда она вернётся из Лапеша, обязательно узнает: сдержал ли он своё обещание, остался ли ей верен.

— Мы позаимствуем у Антуана прошлогодний костюм: все чёрные жюстокоры — на одно лицо. И будем считать сегодняшний вечер генеральной репетицией... Я найду предлог, чтобы уехать с бала пораньше. Ты будешь ждать меня в комнате Люсиль, я договорюсь с ней. В нужный момент я приду, и ты поможешь мне переодеться. Затем возьмёшь мои вещи и уедешь с Джеромом.

Ещё нужно сделать так, чтобы одна лошадь осталась на конюшне де Трасси. Скажешь, что она для тебя, так как ты вернёшься позже, после моего поручения. Думаю, я задержусь на час, не больше. Поднимешься в мою комнату и будешь там ждать. Если не вернусь до рассвета — бей тревогу. Будем надеяться, конечно, что этого не произойдёт.

Над головой, в залитом чернилами небе, недвижно светили два небесных спутника Всемирья — Иль и Эль. Крупный с желтоватыми пятнами Иль, символ мужского начала, и неподалёку — в два раза меньше — светлая Эль. Двое влюблённых, которым суждено смотреть друг на друга и никогда — прикасаться. Только в последний день Всемирья, когда рухнут небеса, Эль сможет поцеловать Иля, а может, и он её...

Мари, приспустив меховую накидку с лица, смотрела на небо, смаргивая влагу, выступавшую на глазах, кажется, от мороза. Сегодня нахлынуло умиление от единения семьи, готовой порвать грозных де Трасси за неё, глупую виновницу. Сразу согласилась бы сшить новое платье, и ничего этого не было бы. Выпендрилась, называется.

Чувство вины за обман, пусть даже сплетённый в благих целях из правды (ничего не было сказано от лукавства!), будет её преследовать до последнего дня. Она бы ради каждого сделала бы то же самое, если бы кому-нибудь угрожала опасность. Слышала Владычица её молитвы или нет, Мари не знала. Да и легче не становилось. Потому что на сегодня в списке вынужденных обманов были отмечены лишь первые пункты, а нереализованных оставалось столько же.

Как говорится, не намеки сир Аурелий на их общую тайну, ни за что бы не решилась. Мерзавцы... Сир Марсий, более чем очевидно, поделился «радостью» с другом, и теперь ещё и отец Люсиль подталкивал. Решить свои проблемы за её счёт — как это благородно со стороны честных сиров! В самом деле — не думал же сир Аурелий, будто Мари специально сшила похожее платье? Ну, да чёрт с ними! Сегодня всё равно узнают о Лапеше, пусть «порадуются».

Сани ускорили ход, теперь в транспортной предосторожности не было необходимости: дорогу обозначали факелы на столбах слева и справа. Началась территория де Трасси.

Чем ближе подъезжали к замку, тем становилось светлее. Вот сани завизжали полозьями по мостовой, вычищенной от снега. Ради лошадей пришлось спешиться, но необходимость прогуляться до парадной лестницы только добавила восторга.

— Лошади не замёрзнут? — спросила Жанетта, подумав, конечно, и о Джероме.

— Там купол, сохраняющий тепло, — Рафэль показал на мерцающую круглую верхушку за деревьями слева от замка. — О лошадях позаботятся, как следует.

Над дорожками и фигурно стриженными кустами летали разноцветные огоньки, вежливо расступаясь перед подходящими к ним. Статуи были подсвечены так, что угадывалась идея скульптора и оформителя. Владычица с чашей, например, светилась белым, и над её чашей вверх поднимались лучи. Статую мужчины с посохом окутывал мягкий лазуревый свет, наверняка какой-то персонаж, связанный с магией воды. Мари поделилась догадкой с матушкой, и та подтвердила. Отец услышал их диалог и вдохновенно начал рассказывать о каждой встречавшейся на их пути мраморной фигуре.

Приблизившись к первой террасе, Мари покраснела. На этих небольших участках стояли удобные то ли лавочки, то ли диванчики, рассчитанные на двоих. Перед ними возвышалась чаша, отбрасывая огонь. А само место для поцелуев было накрыто магическим мерцающим шатром. Антуан нырнул в такой, и прозрачная пелена мгновенно потемнела, скрывая своего гостя и показывая тем самым для оставшихся снаружи: шатёр занят.

— Слышно было, что я вам кричал? — вернувшись, спросил Антуан, чьи глазки уже масляно светились, не хуже того огня в чаше. — Внутри тепло, кстати...

Никто его не слышал, а значит, подозрения Мари снова оправдались.

Перед лестницей, по которой поднималось несколько гостей, бабушка остановила всех:

— Смею ли я надеяться на благоразумие всех, стоящих рядом со мной? Не посрамите честь де Венеттов! Ведите себя пристойно и помните: наш род такой же славный, как и этого дома. Ваши прадеды были одними из Основателей Люмерии, да не будет память о них попорана легкомыслием и неподобающим поведением!

— Энон-эрит, — отозвались хором все, только Мариэль немного запоздала.

— Идёмте же и покажем, что такое де Венетты! — Тринилия величественно указала двери, то и дело распахивающиеся перед гостями.

Антуан подставил бабушке локоть, сир Рафэль подал руки супруге и дочери.

Сразу за дверьми подбежавшие слуги приняли плащи и шассюры, меховые ботинки, обуваемые поверх парадной обуви во время зимних поездок.

— Потом не запутаются, где чья обувь? — тихо спросила Мари у Жанетты.

Та улыбнулась:

— Они поставили метку на вещи и на их хозяина.

— Когда успели?.. — и Мари забыла про «гардеробщиков», переключившись на лестницу, перила которой были убраны гирляндами из белых и розовых цветов. — Жанни, смотри! Их как будто только что сорвали!

— Это ползучие рампанты. Я уже видела их, но то был совсем маленький куст. Говорят, что за одну ночь они могут оплести небольшой дом, если хорошо подкормить земляной магией. Смотрите! — Жанетта указала под лестницу, под которой стоял большой горшок, от него вверх тянулась гирлянда.

Мари наклонилась, чтобы рассмотреть чудо, но была одёрнута г-жой Иларией:

— Девочки, ведите себя, как подобает сирре... и достойной компаньонке.

Сладковатый аромат от рампантов витал над перилами, Мари, поднимаясь по ступенькам, не удержалась, провела рукой по цветам и отдёрнула, почувствовав уколы десятков маленьких игл, проникающих даже через перчатку.

— Они, как и все растения, выращенные с помощью магии, признают только друидов, — объяснила Жанетта. — Так что, на всякий случай, не трогайте зелень.

«Молодец, вовремя предупредила», — усмехнулась Мари, потирая пальцы.

На лестничной площадке перед входом в зал стояли колонны с другими цветами, напоминающими жёлтые розы. Кажется, эти не так одуряющее пахли, но Мари не стала проверять: мало ли что с этой красотой не так.

В бальном зале, в отличие от весеннего фойе, царило зимнее очарование: первым бросался в глаза задумчивый снег, падавший под спокойную музыку с зачарованного потолка и растворявшийся над головами гостей. Причудливые гирлянды по периметру стен больше напоминали живые снежные узоры, реагирующие на лёгкий ветерок, гуляющий под потолком и заставляющий снежинки кружиться.

— А это тоже друиды делают?

— Нет, это маги воздуха и воды. Смотрите, там сир Сер'ддор! — Жанетта кивнула на балкон, где несколько человек водили руками над сферами, должно быть, музицировали. И ещё один мужчина в белом сюртуке наблюдал за гостями, периодически посматривая на потолок.

К ним подошла хорошенькая блондинка и пожелала де Венеттам благостного вечера. Мари узнала в ней Адору, служанку Люсиль. Адора, как договаривались, должна была отвести Жанетту в специально отведённую комнату.

— Благослови вас Владычица, повеселитесь на славу, — шепнула Жанетта, уходя. Теперь задачей субретки будет осмотреться, вернуться к Джерому, чтобы забрать свёрток с мужской одеждой, и ждать Мариэль.

У крайней стены зала выше человеческого роста возвышались три арки. Цветов на них не было, и они смотрелись несколько аскетично на фоне изящной магии вокруг.

— Что это? — Жанетты рядом не было, пришлось отвлекать матушку, которая узнала кого-то из присутствующих.

— Это, милая, порталы для гостей из столицы. Старайся не удивляться, как будто

видишь впервые. Я, конечно, понимаю тебя, — Илария мягко положила свою руку в перчатке на руку дочери. — Пойдём, поприветствуем барона Кюри и сира Шерка.

Возле уже знакомого инквизитора Лабасса, сира Шерка Дюпея, стоял рыжеволосый господин, похожий на Дилана. Отец успел с ними поздороваться, пока дамы осматривались, а Антуан — исчезнуть из поля зрения. Мари покрутила головой и увидела в дальнем углу, недалеко от порталов, смеющихся брата, Дилана и незнакомую девушку.

Почувствовала лёгкий укол зависти: никого из присутствующих здесь, кроме тех, что успели за неделю побывать у де Венеттов, она не знала, а Люсиль и Армана, как и их родителей, в зале пока не наблюдалось. Кстати, о знакомых. Обмениваясь с сиром Дюпеем дежурными вежливыми фразами, спросила, появится ли профессор Тирр с учеником.

Дюпей присмотрелся к изображённому с помощью морозных узоров дереву на противоположной стене и кивнул:

— Да, скоро порталы запустят.

Мари невольно обернулась на рисунок и только сейчас заметила в его кроне большие круглые часы. По-видимому, дизайнеры намекали на вечность и постоянное течение магии, связанной со священным деревом.

Она равнодушно слушала разговор взрослых, внимательно скользя взглядом по гостям и рассматривая лица для расширения «каталога» личин. Из всего этого многообразия потом она создаст своего голема, ибо воспользоваться целиком чужой внешностью было бы чревато лишними вопросами и подозрениями.

«Ух, какое незаметное лицо! Час будешь пялиться на него и не вспомнишь потом!» — восхитилась одним из гостей, разговаривающим с молодым человеком лет тридцати. А глаза-то у невидимки цепкие какие, вроде бы, никого специально не замечает, но успел поймать любопытный взгляд Мари и задержаться на ней своим тёмным взглядом. Даже неприятно стало. Она отвернулась, пытаясь сосредоточиться на политическом споре мужчин. Обсуждались какие-то арауканцы, плетущие интриги против короля и подставленный посол.

Между лопаток жгло, будто невидимка на неё продолжает смотреть. Появились слуги, несущие на разносах хрустальные тонкие кубки с содержимым разных цветов. Мари взяла первый попавшийся — с зелёным отливом, по вкусу напоминающий лимонад с мятой, извинилась перед взрослыми и направилась к Антуану, попутно разыскивая глазами невидимку, покинувшего своё место у символического Ирминсуля.

Не успела дойти до брата, как внутренний голос заставил остановиться и развернуться к дверям. В зале появились Делоне. Бледная и неулыбчивая, как всегда, сирра Элоиза покорно шла в том направлении, куда её вёл сир Марсий. Арман же остановился, осматриваясь, и заметив Мари, направился к ней, по дороге перехватив у слуги кубок с прозрачной жидкостью.

— А матушка обещала, что меня никто не узнает, — усмехнулась она, как только Арман приблизился. Показала рукой в сторону, где находился брат. — Вон мальчишки.

— Я подойду к ним позже. Люсиль здесь? — он покрутил головой, но безуспешно: ни одной золотой головы в зале не наблюдалось.

— Ещё не видела, — Мари разочарованно уставилась в кубок, боковым зрением заметила невидимку, примкнувшего к одной из групп. На него никто не обращал внимания, будто его и не было рядом. Пусть Арман идёт искать Люсиль, а она просто обязана рассмотреть это чудо поближе и понять, что из внешности создаёт эффект человека-тени.

— Где чудо? — Арман проследил за заинтересованным взглядом Мари.

Она, что, это вслух сказала? Удивительно, но человек-тень снова поймал её взгляд, пришлось спешно отвернуться.

— Не важно. И да, к слову о неважном, спасибо за комплимент.

— Какой? — Арман улыбался, разглядывая гостей поверх головы Мариэль.

— Который ты мне сделал сразу, как только подошёл. «Прекрасно выглядишь и бла-бла!» — она развела руки, давая возможность оценить пуговицы на лифе. Залпом допила лимонад, от которого побежал жар в желудок, и жестом остановила промелькнувшего слугу в белом камзоле. Вернула на разнос пустой кубок, нацелившись на красненький лимонадик.

Арман мягко остановил, взял прозрачный и вручил Мари:

— Не бери цветные, тем более не смешивай, развезёт быстро. Пойдём к нашим. И да, извини, ты прекрасно выглядишь, стоило сразу об этом сказать. И маска у тебя оригинальная. Это шипы? — он взял Мари под локоть, разворачивая к углу, в котором болтала вперемешку с тихими взрывами смеха компания знакомых весельчаков.

— Это антипоцелуй. Сам иди. Я хочу туда, — она отняла локоть, пальцем сдвинув с него руку Армана, и снова поворачиваясь к невидимке, который ... которого уже не было там, где он стоял минуту назад: «Какой занятный дяденька! Точно тень». Отличный повод был не думать об обиде и желании разреветься, спровоцированным проклятым лимонадом.

Успела сделать два шага, как её остановили:

— Так. Давай начнём сначала! Я приношу свои извинения: думал о своём. Пойдём-ка со мной...

— О! Вон Люсиль! — сквозь пелену на глазах увидела за спиной Армана золотоволосую подругу. Кому есть дело до одинаковых платьев, если одни волосы могут сиять, как солнце, притягивая к себе взгляды? — Оставь меня и иди к ней.

Как всё прекрасно получалось! Галочку рядом с пунктом «показать себя расстроенной и уехать пораньше» можно было смело рисовать. И как под этой маской можно вытирать слёзы? Едва их сморгнула, как они потекли противной щекочущей дорожкой по щекам под маской.

Внезапно что-то изменилось в зале, голоса разом смолкли, пронеслась воздушная волна от порталов. Стоящие рядом с ними расступились и образовали коридоры для гостей, приглашённых из столицы. В этой суматохе Люсиль успела добраться до друзей, поприветствовать их и получить комплимент от Армана. Ещё несколько секунд — и рядом Антуан с Диланом, притянутые магнитом золотой красоты. Даже свою знакомую бросили...

Из порталов появлялись персоны, Люсиль тихонько комментировала, называя то какого-то посла, то герцога, то подругу королевы.

— Ну, наконец-то! — с облегчением вздохнула Мари, не обращая внимания на весёлый взгляд Люсиль и внимательный от Армана.

Из портала посередине вышел Его высочество Лоуренс, и одновременно из-под соседней арки вынырнул Фелис Тирр, за ним — Лемуар, которому обрадовалась Мари.

— Ваше Высочество, рада вас приветствовать, — присела в реверансе Люсиль. Принц, как ледокол, рассекающий толщу льда, шёл не сворачивая по расширяющемуся коридору, по середине которого и оказалась юная де Трасси.

Она, обворожительно улыбаясь, выслушала приветствие и очередной заслуженный комплимент в свой адрес. Развернулась корпусом, желая представить друзей, но рядом никого не оказалось: коридор образовался слева и справа от Люсиль. Но она не растерялась,

предложила Лоуренсу чего-нибудь освежающего.

— А вы, оказывается, от принцев быстро бегаєте, — над ухом Мари прозвучал насмешливый голос Ленуара.

— Я его боюсь. Благостного вам вечера, — не оборачиваясь, улыбнулась она.

За спиной Ленуар обменялся рукопожатием с Арманом, оказавшимся рядом из-за потеснившей его толпы, и обратил прерванное внимание на Мари:

— Благостного и вам. Не буду уточнять ваши слова, хотя мне жутко интересно узнать подробности. Позвольте рассмотреть вас не только со спины?

Столичные гости, наконец, обзавелись собеседниками, и в толпе появилось пространство для манёвров. Мари медленно повернулась.

— Вы прелестны, как нежный рампант, — зелёные глаза непритворно улыбнулись.

— Который колетса и ползёт? — она вспомнила о цветочных гроздьях, не позволяющих трогать себя.

— Который благоухает и сводит с ума своим ароматом. Но да, вы правы: ваша маска лишает меня надежды на исполнение нашего договора.

Мари покосилась на Армана:

— Как мало надо слов, чтобы сделать девушку счастливой! Благодарю вас, сир Анри. Кстати, мы сегодня с Люсиль изображаем сестёр, так что не удивляйтесь. Почти одинаковые платья, браслеты. Не перепутайте нас.

Ленуар засмеялся, показывая свои прекрасные белоснежные ровные зубы:

— Я не заметил ни малейшего сходства, ибо смотрел только на вас. Но благодарю, буду впредь внимателен к деталям. Чтобы случайно не потребовать с сирры Люсиль того, что с неё причитаться никак не может.

— Вы о чём? — Арман рассеянно встрял в разговор, следя за перемещением золотого пятна в толпе. Его высочество нагло похитил Люсиль, а она вырваться от этого шархала не могла.

Повисла пауза. Анри, невольно подняв брови, наблюдал за маленькой трагедией двух взглядов, прожившей за три или четыре мгновения. Сделал вид, будто ничего не заметил:

— Мариэль, у меня есть к вам предложение. Пока порталы открыты, предлагаю прогуляться по королевскому дворцу. Разумеется, после того, как сир Аурелий скажет проникновенную речь, ну, и ещё кто-нибудь, — лёгкая ирония слышалась в его словах.

— У тебя есть пропуск? — равнодушно спросил Арман.

— Конечно, дружище. Но тебе не предлагаю, ибо не тот вечер. Даже не проси.

Арман всё-таки рассмеялся, отвлёкся от ревности к Его высочеству и похлопал инквизитора по плечу:

— Упаси Владычица от твоих влажных фантазий! Удачи с рампантами. Не уколись! — проигнорировав лёгкий удар женской руки в живот и продолжая смеяться, направился в сторону Люсиль с твёрдым намерением отвлечь её от венценосной особы.

Музыка стихала. Сир Аурелий поднялся на небольшой выступ у одной из стен и терпеливо ждал, пока на него обратят внимание. В ожидании его взгляд скользил по гостям, остановился на долгое мгновение на Мариэль, и поплыл дальше.

— Можно я обопрюсь о вас? — она шепнула Ленуару.

— Что случилось?

— Зелёный нелимонад со мной случился.

— Вам нужно на свежий воздух, — Анри тут же взял под локоть, помогая развернуться

и пройти через толпу.

По пути к выходу Мари успела перехватить, помимо родительских, вопросительный взгляд сира Марсия, Люсиль, принца, а обернувшись в дверях, ещё и сира Аурелия.

— Пожалуйста, пойдёмте на улицу, здесь невозможно дышать, — накатила тошнота, как это было всегда в случае переполненного резерва из-за испытанных эмоций. Браслеты нагревались, напоминая о себе: она опять потеряла над собой контроль. Проклятый лимонад!

Глава 26. Три поцелуя

*Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.
А. Пушкин «Евгений Онегин», 8 гл.*

Чтобы восстановить утраченные воспоминания Анри перепробовал все средства, какие знал, кроме обращения к учителю. Почему-то не хотелось Тирру рассказывать о своём провале, но больше всего — заинтересовывать странными вещами, которые творились в замке провинциального феодала.

Собрал корзину с деликатесами и отправился к Хранителю, которого обхаживал, начиная со второго курса Академии. Выпили хорошо, закусили ещё лучше, и Хранитель подобрел, сбросил напускную и столь необходимую для его должности неприступность и суровость. Анри ненароком рассказал недавний забавный случай, в котором его облапошили, немного преувеличив удар от разгневанной кухарки.

Хранитель посмеялся, а на сетования инквизитора по поводу так и не восстановившейся памяти, достал из верхнего отделения шкафа, в котором аккуратными рядами стояла разнообразная тара с трудно различимым содержимым, один из мешочков. Развязал неторопливо, серебряной ложкой набрал порошка, взвесил на миниатюрных весах, убрал с них лишнее. Отмерянный порошок высыпал в кусок чистой белой ткани, завязал узелком и положил перед Анри:

— В следующий раз не юли и сразу говори, зачем пришёл.

— Так я и сказал, — усмехнулся юноша, убирая средство Хранителя в глубокий нагрудный карман.

— Имей в виду: если не поможет, значит, Старшие вмешались. А это, как ты понимаешь, хоть у Матушки проси, никто своего не сдаст... Что ж, раз не торопишься, расскажи ещё, — осклабился Хранитель, намекая на то, что после полученного просители обычно сразу уходили.

Анри достал непочатую бутылку, откупорил и разлил по кубкам:

— Сколько угодно. О чём желаешь услышать?

Хранитель поднял кубок, стукнул по подставленному, дождался, пока собеседник начнёт пить:

— До дна! — Лемуару пришлось выпить всё, и только тогда Хранитель осушил свой кубок, отёр губы и подхватил с доски, на которой была разложена принесённая снедь, кусок. Зажевал, пристально глядя на юношу. — Когда приведёшь?

— Кого?

— Её.

— Зачем?

— Любопытно посмотреть.

Анри фыркнул и пьяно потянулся за бутылкой, наполнить кубки:

— Тебе-то с чего любопытно? И не таких видел, — намекнул на то, что к Хранителю часто приходили влюблённые парочки, чтобы под королевским Ирминсулем узнать, верно ли составлена пара.

Приходили, на самом деле, относительно редко, ибо у Хранителя было непреложное правило: для каждого из пары существовал единственный шанс побывать здесь. Ошибся или ошиблась — двери для любовных проблем навсегда закрываются, ибо дерево Владычицы не для легкомысленных дурней.

Но сейчас Хранитель явно на что-то намекал, оттого каждое его откровение стоило выпитого полного кубка. Он издевался над интересом гостя, зная о кодексе инквизиторов — быть всегда в ясном уме.

Пришлось выпить. Хранитель наколот кусок синей рыбы на вилку и протянул опьяневшему Ленуару:

— На! Двадцать лет назад... одна сирра, — Хранитель многозначительно постучал себя по носу, намекая на прозвище сестры короля, — вымаливала себе потомство. Никак не получалось понести...

— Бывает, — Анри тряхнул головой и попытался сфокусироваться на подъехавшем к нему наполненном кубке. — Сюда... эта... приходила?

Хранитель отрицательно покачал вилкой:

— Стеснялась поначалу. Потом пришла. Но сначала поехала в Лабасс к нашему малышу, завернула к логову серебристых. Но, самое для нас интересное, пожертвовала малышу кое-что из семейных ценностей. Весьма ценное. Тамошняя хранительница мне написала полтора октагона назад, что матушкины птички эту вещь унесли. Чуешь, к чему я?

Ленуар с трудом перевёл глаза от снеди на Хранителя:

— Сест-ра коро-ля ро-дила? Ло-лоу-рен...

— Никаких имён! — остановил инквизитора Хранитель, напоминая об ещё одном обязательном правиле, на сей раз относящимся к застольным сплетням. — За короля и его наследников!.. Ни-ни-ни... за Его величество надо!

Отказаться не получилось, и Ленуар выпил, а потом потянулся за любимой коробочкой. Рассыпал палочки на столе, одну засунул в рот, остальные пришлось собирать неловкими пальцами. Тянул время, пока к нему, занятому, не приставали с выпивкой.

— И-и что я... ик-бр... должен чують?

— Дурень ты, — осклабился Хранитель, — любому кулю понятно, что это кое-что у твоей, этой...

— Ма-ри-эль.

— Угу. А теперь представь, если она нацепит это кое-что на себя и попадётся на глаза, — Хранитель постучал Анри по носу. — С-с-скандальчик!

— П-почему это?

— Фантазируй сам. Ещё будешь пить?

— А н-надо? — Анри разочарованно наблюдал, как его сотрапезник, не выдержав возни, ловко собирает неуловимые жевательные палочки и складывает в коробку, фыркнул. — Что т-ты мне про этих... — мазнул себя по носу, — р-рас-сказыв-ваешь? Н-не интер-ресное...

Хранитель, потянувшись над столом, засунул коробку в карман Ленуара:

— Птички Владычицы не просто так туда-сюда таскают добро. Ничего, проспийся — поймёшь. Последний раз спрашиваю, будешь пить или нет?

— Н-наливай, — кивнул Анри, немного не рассчитав амплитуды кивка: правая рука от резкого движения головы съехала с края стола, с большим трудом удалось её вернуть.

Сотрапезник, всё это время нарочно спаивавший инквизитора, восхитился, прищёлкнул

языком:

— Красавец! Одна беда в вашем образовании — пить правильно не учат. Задавай свой последний вопрос и проваливай. Мне возле Ирминсуля храпящий инквизитор не нужен. А то, может, и под себя сходишь, не услежу.

Ленуар пьяно растянул губы в улыбке, и это отняло у него последние силы, выделенные на сопротивление. Обречённо выпил из наполненного до краёв кубка, закусил подставленной ко рту снедью, икнул. Хранитель оскалился довольно.

— Й-есть вап-рос, — Ленуар слабо поднял указательный палец, покрутил им, — ес-ли приве-ду е-ё, это те-бе на-до бу-дет или м-мне?

— Абитат* как есть... Тебе, конечно. Как положено: это будет первая и последняя, кого ты мне покажешь. Ты думаешь, единственный, кто мне сюда корзины таскает? Мои правила непреложны. Сделаешь одному исключение — говорить начнут, мол, Хранитель сам свои правила нарушает. А там и до отставки недалеко. Хочешь, чтобы сюда, на моё место, Хранителя из Сурьи перевели?

— Тык-ты с-сам п-предложил... Н-не хочу, ос-с-ставайс-ся. З-злой он, к-как ш-шархал...

— Именно. Кто в здравом уме поменяет матушкину грудь на батюшкин подзатыльник? Так что приводи, но без исключений из правил.

Хранитель позволил закусить и выпроводил гостя, набросил ему плащ на плечи, видя, что Ленуар не в состоянии одеться самостоятельно. Поржал, наблюдая, как инквизитор зигзагом преодолевает расстояние от дома Хранителя до каменной стены, ограждающей территорию ирминсулиума.

Вывалившись за ворота и окончательно пропав из поля зрения Хранителя, Ленуар остановился, выплюнул мелкий коричневый шарик, спрятанный за щёку, пока Хранитель отмерял зелье. Застегнул плащ на все пуговицы и накинул капюшон, закрывая лицо. Сменил палочку на свежую и ровным бодрым шагом направился к выходу из королевского парка.

*Абитат** — магическое существо, известное своей хитростью и коварством, похоже на кота.

На балу Мариэль была одета изящно и по-провинциальному просто. Никаких королевских украшений на ней не было. Знать бы ещё, на что именно намекал Хранитель. А связь между девушкой и Лоуренсом всё-таки была, не ошибся белоглазый. Между тем Анри не понял, почему Мариэль боится принца, в этом ещё предстояло разобраться, но не сейчас.

Он усадил Мариэль на софу в первом же шатре, а сам погрел руки над огнём. Пока спустился со ступеней до шатра, прочувствовал на себе всю прелесть северного мороза. Под тем плащом, который сейчас был накинута на Мариэль, в столице можно было спокойно пропотеть. Но в шатре девушке тоже стало жарко, она скинула плащ на спинку софы, затем сняла маску, отбросив её на сидение, отёрла лицо и закрыла глаза:

— Простите, мне нужно немного прийти в себя. Не понимаю, зачем нужны маски, если всё равно все друг друга узнают.

Анри достал очки и водрузил на нос. Магия Мариэль фонтанировала, её резерва на двоих бы спокойно хватило. В белых сполохах металась светло-фиолетовые ментальные ленты и оранжевые, признаки огненной магии. И вдруг замерли, что-то случилось. Белый свет набрал силу, волнами поднимаясь к голове. «Сбрасывает излишки!» — догадался Ленуар и торопливо сказал:

— Минуточку, Мари, позвольте?

Она открыла устало глаза, взгляд сконцентрировался на юноше, и девушка улыбнулась:

— Вы всё-таки взяли их. Исследуете меня?

— Это вас не пугает? — он присел рядом.

— Ничуть, — Мари полуобернулась к нему, в глазах вяло плескались любопытство и усталость. — Дайте мне минуту, пожалуйста. Мне это требуется, другого способа пока я не знаю, а поджигать здесь ничего не хочу.

— Хорошо, я подожду, — пообещал Анри, и едва девушка закрыла глаз, потянулся к ней, притянул к себе и коснулся губами её губ.

Мариэль вздрогнула, однако не оттолкнула.

— Я знаю ещё один способ, — прошептал Анри, медленно целуя неподвижные губы в углы и заставляя их слегка приоткрыться.

Лёгкий вдох и выдох коснулся его лица, Анри слегка прихватил нижнюю губку, задержал на мгновение и усилил напор, требовательно целуя послушные уста. Левая рука скользнула по спине, прижимая к себе. Правая поднялась под распущенными волосами до затылка и обхватила его, не давая девушке вырваться. Это было грубовато для первого поцелуя, но Лёнуар чувствовал, что перестаёт соображать. Пока Мари его не оттолкнёт, он будет действовать, как того потребует желание.

Девичьи губы дрогнули, несмело отвечая на прикосновения, и замерли, будто испугавшись собственной реакции. Анри поцеловал и подождал — она ответила, прикоснулся ещё — и снова получил поцелуй. Сильный аромат, похожий на сладкий запах рампантов, мимо которых спускались по лестнице недавно, обрушился на Лёнуара. Тягучий, как мёд, и одуряющий, как вино, он ударил в голову, и потёк по горлу, сладко обжигая и устремляясь по желудку вниз, щекоча бабочками.

Анри застонал, сильнее обхватывая девичьи затылок и спину. Губы ему отвечали снова и снова, опалая дыханием, и он, доведённый от исступления, осмелился просунуть язык. Мариэль вздрогнула, замерла, позволяя себя ещё некоторое время целовать, а затем попыталась отстраниться.

— Хватит, — прошептала она умоляюще, Анри открыл глаза и увидел напротив испуганные карие. — У меня спина затекла и руки...

Он только сейчас сообразил, что прижал девушку к себе, сидящую вполоборота. Юноша убрал руки, и Мари с облегчением развернула корпус, расправила плечи. Глупая мысль возникла в голове: кабы не эта софа, они бы до сих пор целовались...

— Мне лучше, спасибо, — Мари прикрыла улыбку пальцами в перчатке.

Она могла говорить, Анри — нет: сбившееся дыхание восстанавливалось с трудом. И, танцуй шархал, Анри не хотел, чтобы оно вернулось в прежний ритм!

Юноша сместился на колени перед сидящей, забрал её правую руку, медленно стянул перчатку. Горячие пальцы поразили, Анри прижал их к своему лицу, невольно закрывая глаза.

— Вы замёрзли? — прошептала Мари, не отнимая свою руку от прохладной кожи, минуту назад касавшуюся её, но тогда, во время поцелуя, эта прохлада не так была заметна.

Анри сместил горячую ладонь выше к своему виску и опустил к губам, перехватывая пальцы и целуя их. Движение прерывистого воздуха коснулось его лица, и Анри поднял глаза: губы Мари были приоткрыты, а взгляд... Юноша зацепил край второй перчатки и ещё медленней, чем прежде, потянул вниз, обнажая нежную кожу. Невольно удивился, почему

прежде не уделял внимание простому движению, от которого спазмы сжали горло: так много было личного в этом малом знаке.

Не выдержал — прижался губами к освобождающейся от кружева коже, лёгкими поцелуями касался руки, обойдя тёплый браслет и остановившись на ямочке в центре ладони.

— Ваши браслеты нагрелись, — шепнул в ладонь, целуя её и касаясь пальчиков.

Мари долго не отвечала:

— Мы с вами в расчёте? — потянула руку, забирая её у Ленуара.

Анри поднялся и присел на софу, улыбнулся одними зелёными глазами:

— Не совсем. Остался ещё один...

Мари даже откинулась на ручку софы:

— Прошу вас, не надо, — выставила умоляюще ладонь. — Признаю, это было неожиданно, я... потерялась... Вечер только начался, а у меня уже...

— Что? Расскажите... — руки девушки дёрнулись, не позволяя дотронуться, и всё, что ему досталось — перчатки.

— Я не хотела этого... — она прямо взглянула в ответ, — простите... Нам лучше вернуться.

Она взяла маску, а Ленуар улыбнулся:

— Если вам в ней неудобно, просто воткните в волосы или на платье белый цветок. Вот в эту петличку. Вы же знаете, для чего она?

— Зачем?

— Когда поцелуй удался, сирра цветком как бы объявляет, что спутник найден и больше никому не позволит себя поцеловать. Я вас уверяю: никто не осмелится к вам даже наклониться.

Мари хмыкнула, продолжая завязывать ленты под причёской:

— Это ваш-то поцелуй удался?

— Вы меня провоцируете! — Ленуар убрал перчатки себе в карман. — Оставляю себе залог для второго поцелуя. И посмотрим, каким он получится.

— Да бросьте. Вы действительно хотите, чтобы я в начале бала нацепила цветок? Что обо мне подумают? — Мари поднялась, поправила юбку, распушивая складки. — Но за подсказку спасибо... И вообще, вы обещали мне показать что-то очень красивое.

Ленуар накинул спутнице меховой плащ, подал руку, и они покинули тёплый шатёр.

В зале начались танцы. Музыка было слышно ещё на лестнице, где Анри остановился, покрутил головой, рассматривая коридор, а затем уверенно потянул Мари к одной из дверей сбоку от зала. Открыл дверь, заглянул и удовлетворённо кивнул:

— Пойдёмте, это вход на балкон.

Они поднялись по лестнице к музыкантам. Там Анри жестами показал, мол, мы тихо, не помешаем, и потянул Мари вдоль стены, за спинами мужчин, управляющих музыкой. Учитель Сер'ддор сердито блеснул глазами разного цвета, но Мари приложила палец к губам: «Молчу, молчу!»

Они устроились в углу, рядом с портьерой и подальше от музыкантов. Маску пришлось снова снять, очки не надевались поверх, а в сложенном виде дужки закрывали стёкла. Ленуар надел на Мари очки и развернул за плечи, встал позади замеревшей девушки, не отпуская рук.

Внизу, в центре залы, кружились пары, и магия разноцветным шлейфом вилась между ними. Те, кто спокойно стоял возле стен, был окутан неподвижным ореолом. Но над всеми, там, где вился зачарованный снег, плясало самое настоящее северное сияние. Мари перевела взгляд на балкон и снежного дирижёра. Радуга раскинулась над командой Сер'ддора, а от рук водяного мага тянулось множество нитей к искусственному снегопаду. «И как они не устают?» — она невольно посочувствовала непростому труду этих людей.

Вернулась к исследованию зала и уже целенаправленно стала выискивать знакомых. Первым делом, конечно, нашла танцующих Люсиль и Армана, который победил принца в неравной схватке и отвоевал первый танец.

Завихрения цветной ауры Люсиль с множественными розовыми лентами обнимали Армана. Однако (и это было странно) в его ауре не было розового цвета, так что Мари хмыкнула: кажется, её предположения всё-таки оказались верными.

Она скользнула взглядом по другим парам. Нашла Антуана, Дилана, принца с аурой, похожей на ту, что была у Люсиль, своих родителей, де Трасси и родителей Армана. Матушка, находившаяся среди наблюдающих, почувствовала на себе взгляд и удивлённо заозиралась, не догадываясь посмотреть вверх. Мари отпрянула к портьеру, толкая Ленуара. Он понял и отстранился к стене, перехватывая девушку за талию и прижимая к себе спиной:

— Вас кто-то заметил?

— Матушка почувствовала... Хочу посмотреть на одного человека, отпустите! — пальцы юноши как-то уж слишком сомкнулись на её животе, да и дыхание у него снова изменилось.

Прикрывшись портьерой, Мари осторожно выглянула: никто не смотрел на балкон. И она безбоязненно покрутила головой, выискивая человека-тень, человека-невидимку. Нашёлся он не сразу, потому что стоял в толпе, за спиной крупного мужчины, незнакомого Мари. Аура у него была серая. Точно тень...

— А бывает магия серого цвета? — обернулась она к Ленуару и едва не коснулась его лица, так близко стоял.

— Бывает, но не у люмерийцев, — подумав, ответил он с долей удивления, — где вы такую нашли? Покажите.

Мари сняла очки и вернула их Анри:

— Правый угол, чуть ближе. Стоит за толстым высоким сиром.

— Я не вижу.

Невидимка исчез. Мари безуспешно выискивала его глазами до тех пор, пока не наткнулась на изумлённый взгляд сира Аурелия, заметившего её на балконе с инквизитором.

— Мы раскрыты, — с сожалением признал Анри. — Придётся спуститься. Простите Мари, внизу нельзя будет пользоваться очками. Вам нельзя. Мне — можно.

— Благодарю за зрелище, я увидела всё, что хотела, — Мари протянула руку за маской. — Пойдёмте, пока у моего учителя музыки не случился припадок.

Они осторожно протиснулись между музыкантами и стеной, а едва Ленуар вторым шагнул на лестницу, за их спинами мигнул всполох: сир Сер'ддор запечатал магией дверь на балкон.

— Прекрасно! — останавливаясь в полутьме, рассмеялся Анри и потянул к себе девушку, разворачивая.

Было понятно, к чему идёт дело, поэтому Мари не стала задавать глупый вопрос. Здесь было тепло, звучал вальсирующий шедевр Сер'ддора, и Анри наложил печать на входную

дверь, предупреждая появление кого бы то ни было лишнего.

Тёплые пальцы коснулись бархатистого лица, скользнули по шее и плечам, задержавшись на них, погладили ключицы и скользнули вниз, по рукам — к ладоням, обхватывая пальцы в замок.

Голова юноши наклонилась, губы коснулись плеча и медленно начали путешествие к лицу. У Мари ноги подкосились от хлынувшей к ним слабости, но Анри не дал сползти, отпустил одну руку и придержал за талию. Мари сама не поняла, как отпущенная на волю рука поднялась к голове юноши, и пальцы зарылись в короткие волосы на макушке, минуя хвост из собранных волос. Анри сразу откликнулся, поднимая голову и приближая своё лицо к другому — с полуоткрытыми губами и опущенными ресницами.

— Дайте мне свою руку, — с трудом хрипло сказал, убирая руку с талии и снова перехватывая послушные слабые пальцы в замок.

Губы Анри накрыли полуоткрытый рот, замерли от прикосновения и пустились в пляс. Вверху, над головами, вальсировала магия звуков, и поцелуи подстроились под ритм: то нежно, еле заметно, прикасаясь, то покусывая губы, начинавшие отвечать смелее, чем в шатре. Сладковатый аромат белых цветов проснулся и поплыл в воздухе, обнимая пару. Анри начал задыхаться от переполнявшего чувства, его магия вскипела и требовала показать причину волнения.

Помня о неудачном прикосновении языка, не решился на эксперимент — участил поцелуи, сбивая дыхание в том числе и у Мариэль, дрогнувшей и попытавшейся опять сползти по стенке. Сделал небольшую паузу, расцеловал плечи, ключицу и свободную ложбинку. Губы хотели большего, но тугой лиф от одного желания не желал сползать вниз. Разочарованный, вернулся к губам, встретившим охотно и жарко соглашающимся на любые движения. Анри кончиком языка провёл по её зубам и столкнулся с неуверенным языком. Они замерли, изучая друг друга. Аромат рампантов распался, становился нежнее, сладость уходила, замещённая небольшой терпкой горечью, ощущаемой даже не обонянием, сердцем. Знакомый запах королевского вишнёвого цветущего сада после грозы...

Он застонал, слыша ответный призыв и чувствуя, как в него хлынула волна нежности и переплелась со страстью. Анри ощущал внутренний свет, заливавший всё его нутро, в ладонках щекотала магия. Это была его женщина, он нашёл её, которую однажды уже целовал. На прекрасном грязном холодном полу кухонного коридора.

Девичий всхлип и пальцы, пытающиеся выбраться из оков, слегка привели в чувство. Он отпустил их, и руки вспорхнули, жадно обхватывая голову, глядя лицо и зарываясь в волосы. Анри обалдел, пару мгновений не зная, отвечать или просто наслаждаться прикосновениями — и сорвался. Откликнулся на поцелуи, захватил рот совсем уже бесстыдно, отдаваясь танцу языков, один из которых учился, повторял движения вторгающегося. Юноша оторвался на миг, чтобы перевести дух, прижался щекой к щеке, машинально замечая, что та мокрая, Мари не выдержала взрыва нежности и ласк.

— Мари... — хотел ещё что-то сказать, но слова застряли в груди, растворились и создавали новое сочетание, никогда и никому не произносимое. Слова готовы были выплеснуться в полумрак, но девушка сказала их первая.

— Я люблю тебя, родной мой, — всхлипнула Мари, чьи пальцы блуждали по волосам, и добавила, — Я люблю тебя, Ар... Родной мой...

Это было похлеще скоровородки в руках тётушки Гато. Магия моментально скрутилась, резанув под дых. А тонкие пальцы продолжали преследовать его затылок, вдобавок

притянули лицо, и жадные губы прижались к его, неподвижным и раскрытым от удивления.

Он позволял себя целовать, чувствуя, как слабеет напор, — и вдруг всё прекратилось.

Они молчали, всё ещё касаясь друг друга и тяжело дыша. Анри с ужасом ждал последствий, боясь истерики и заранее не представляя, как нужно реагировать.

— ... Простите... — прошептала Мари, — я...

Ноги её подкосились, а Ленуар, будучи в оторопи, не сумел подхватить — девушка опустилась на ступень, ничего, кроме «простите» и «мне стыдно» не могла сказать. Судя по приглушённым звукам, она закрыла руками лицо.

Анри сел рядом, нащупав рукой край ступени, дыхание выравнивалось, а разум хохотал в порыве безумия. Юноша, с трудом подавив желание выйти из комнаты, спросил как можно спокойнее:

— Вы так сильно его любите, что представили вместо меня? — а сердце предательски сжалось.

— Простите, ради бога... Владычицы, простите... — безумно шептала она, закрывая лицо руками, хотя в темноте не было необходимости в этом жесте. — Я... хочу уехать, немедленно...

Ленуар рывком поднял её, встряхнул и прижал к себе, что, наоборот, добавило эмоций. Девушка разрыдалась у него на груди. Рука невольно потянулась к её голове, погладила.

— Вот ещё глупости, — пробормотал он. — Я — король дураков, это я виноват, простите меня... Я всё исправлю...

Но Мари зарыдала ещё горше, не зная, как избавиться от стыда.

— Замрите, пожалуйста, сейчас всё пройдёт, — он прижал девушку к груди, зашептал: «Тихо, прошу вас, тихо...».

Призвал магию без особого труда. Резерв был полон с лихвой, ибо Мари в шатре щедро поделилась своим светом, Анри это почувствовал.

«Ну, давай же!» — приказал сплетению двух пучков — светлого и тёмного, взорваться, окутать хозяина и прижимаемую к нему девушку. Магия хлынула, откликаясь в голове Ленуара головокружением...

Знакомое ощущение выворачивания наизнанку, но оно скоро пройдёт, как только время остановится. У Мари потом немного будет болеть голова, зато сотрётся лишнее. Помнить всё будет один Анри.

Вращение изнанки замедлилось. Они снова стояли на балконе.

— Благодарю за зрелище, всё было восхитительно, — Мари шепнула ему на ухо, протягивая руку за маской. — Надо идти, пока сир Сер'ддор не скинул нас с балкона вниз.

— Он может? — не успев отделаться от головокружения, слабо улыбнулся Анри, держась за портьеру.

— Запросто. И заберёт мой мальвэн, который подарил мне, — Мари взяла юношу за руку и потянула за собой.

Как только они протиснулись мимо возмущённых музыкантов и закрыли за собой дверь, всполох опять запечатал дверь, учитель музыки, на счастье, оказался предсказуемым.

Но основательно менять прошлое, даже если это всего несколько минут, нельзя было. Когда Анри только начинал познавать дар, жестокий урок по откату усвоил быстро.

— Прекрасно! — Анри остановился в полутьме, развернул к себе Мари и прижал к стене. — Самое время для второго поцелуя.

Прижался губами, впечатывая их. Мари пискнула и замерла, не пытаясь вырваться,

несколько удивлённая проявленной грубостью после невесомых поцелуев в шатре.

Чёрно-белая магия удовлетворённо сворачивалась, восстанавливая дыру во времени. Но должно было прозвучать имя, важный момент прошлого.

— Я вас никуда не выпущу, пока вы мне не назовёте имя того, в кого влюблены, — спокойно сказал Анри. — Просто назовите его имя.

— Что? — изумилась Мари, в полутьме пытаюсь разглядеть выражение лица юноши, шутит он или нет.

— Я делаю вам предложение руки и сердца и готов увезти вас отсюда немедленно к жрецу. Вы согласны? — разочарование обязательно должно было наступить, но если Мари сейчас заупрямится и не назовёт имя...

Она молчала. И Анри коснулся пальцами плеча и провёл линию от шеи до изгиба локтя:

— Вы мне очень нравитесь, и, если нет соперников, я бы хотел попробовать завоевать вас, Мари.

— О господи, Анри! — девушка оттолкнула его и прикрыла ладонью лицо. — Как мне стыдно! Простите, ради всего святого, ради Владычицы... Простите, что я подала вам повод надеяться, я сама не знаю, что на меня нашло!

— Имя?

— Арман... Простите! Но не говорите ему, пожалуйста! Я... я не хочу. Нельзя!

Временное пространство затянулось почти бесшовно, Анри вздохнул с облегчением:

— Даю вам слово, никому не скажу. Послушайте, хочу загладить свою вину. Ещё час назад я собирался вам предложить одну небольшую прогулку, пока открыты порталы. Хотите посмотреть на королевский Ирминсуль?

— Что? — снова изумилась девушка, не зная, как реагировать на эту странную смену настроения инквизитора.

— Идёмте. Мне нужно на свежий воздух. А вы покажитесь в зале, вас наверняка потеряли. Я скоро вернусь и похищу вас. Обещаю, никаких попыток поцеловать вас с моей стороны больше не последует. Долг с вас списан.

Юноша вывел спутницу в коридор, ослепивший своими огнями после полумрака комнаты. Мари тоже потёрла глаза:

— Странно, минуту спускались, а как будто час там сидели. Поможете закрепить маску?

Маска успешно была возвращена на лицо, Мари отправлена в зал, а юноша стремительно слетел по лестнице к выходу. Выскочил под невозмутимые взгляды прислуги на мороз, кинулся к перилам парадной лестницы и наклонился через них. Вырвало моментально.

Ослабев после отката, ещё и зазнобило от злющего мороза, кое-как спустился по ступеням к шатрам. Нашёл небольшой сугроб, набрал снега, вытер лицо и руки, взял в рот немного, чтобы перебить сухость.

В тёплом шатре погрелся над чашей и, когда почувствовав себя более уверенно, вернулся в замок. Остановил первого встречного слугу с разносимыми напитками, выпил подряд три кубка воды, а четвёртый взял с вином.

Глава 27. Тайна Ирминсуля

*Идём, рассудим обо всём, что было.
Одних — прощенье, кара ждёт других.
Но нет печальной повести на свете,
Чем повесть о Ромео и Джульетте.
У. Шекспир «Ромео и Джульетта»*

Матушку устроили объяснения дочери, внезапно исчезнувшей из зала: всему виной были злополучный зелёный коктейль и желание проветриться после него. Мари поклялась пить одну воду, а также постараться вытерпеть до конца бала со всеми вытекающими последствиями. Только пообещала — подошёл Арман и пригласил на следующий танец — прованс*.

Оказывается, на небольших столиках, расставленных по углам зала, лежали односторонние буклеты — оформленные от руки списки последовательности танцев. Между ними отводилось несколько минут для передышки танцующих и возможности подобрать партнёра, чем и воспользовался Делоне.

Ознакомившись со всем списком, Мари ужаснулась: на последних уроках сира Сер'ддора повторили всего три танца, а здесь числилось целых восемь наименований!

— Я... не помню, как танцуется прованс, — растеряно возвращая буклет, ответила на приглашение Армана.

За его спиной, у противоположной стены, Мари заметила троицу — Антуана, Люсиль и Лоуренса.

— Это самый простой танец, не бойся. Будешь смотреть на других и повторять, — Арман протянул руку, а сам с неудовольствием рассматривал губы девушки с отчётливой розовой каёмкой, без сомнения успевшей поцеловаться с инквизитором. Это взбесило немного, но Делоне себя одёрнул: ему-то какое дело должно быть до этого? Напустил на себя холодность, чтобы не сорваться в лицемерное осуждение или высмеивание. Сам только что мечтал о тайном уголке, где можно было бы остаться с Люсиль наедине.

Мари обернулась на дверь и толпу — Ленуара не было видно. Как-то с ним спокойнее было, чем с Арманом да под наблюдением тех троих. Люсиль помахала рукой, принц поднял кубок, брат подмигнул... Всё ясно. Отъезд в Лапеш больше не являлся секретом, а кое-кто наверняка разжалобил Армана, попросив уделить внимание бедной сестрёнке. И почему Мари не сомневалась в этом? Меньше всего хотелось вызывать жалость к себе.

— Я, пожалуй, не буду рисковать, — Мари вежливо отказалась и сделала вид, будто рассматривать незнакомых гостей интереснее.

Юноша настойчиво протянул руку:

— Это вопрос доверия. Ты мне доверяешь? — по лицу Армана не читалась причина его приглашения: спокоен, вежлив и привычно сдержан.

Большая часть его улыбок и эмоций, не связанных с забавными ситуациями, посвящалась Люсиль. Подумав об этом, Мари простила ситуации её искусственность. Вот если бы друг подошёл радостный, как факел, тогда можно было бы забеспокоиться...

— Почти всегда, — она вложила пальцы в его ладонь и спохватилась: перчатки остались у Анри. На руках красовались сдерживающие браслеты. От желанных татуировок

пришлось отказаться по единственной досадной причине: в Лабассе никто временных рисунков на коже не делал, а служанки хной не подводили брови и даже не знали о существовании такого красителя.

— Почти? — улыбнулся Арман.

— Исключая случаи, когда мой братец подбивает тебя на подвиги.

Они заняли место в центре залы, до начала оставалось время. Играла промежуточная композиция, пары определялись.

«Если сейчас он спросит про Лапеш, то завтра я немножко оторву братцу голову», — Мари молчала, рассматривая кого угодно, кроме Армана, и кусая губы. Те горели, продолжая помнить поцелуи Анри, и от воспоминания о них на лице невольно выступил румянец. А ещё всплыл диалог с совестью, и душу обожгло дежавю. Одна её часть была бы непротив ещё раз «отдать долг», а вторая...

Да, она позволила себе расслабиться, иначе и не могло бы быть рядом с опытным Анри, наверняка, перецеловавшим половину девушек Люмерии. Но в самый ответственный момент её рациональная часть закатала рукава, поправила на носу очки и скомандовала: «Удачный момент, начинаем эксперимент!» — и Мари выпустила накопившийся свет, позволила ему перетечь в Анри. Отклик незримых сполохов свёл её с ума.

Если это было то самое, о чём предупреждала матушка... Нечто живое в области сердца зашевелилось, спрашивая, надо ли делиться. Не опомнись Мари, всё могло бы случиться — в этом она не сомневалась.

Голос совести был прав: ей никогда не стать честной по отношению к другим. Что бы ни происходило, ложь была её постоянным спутником. Каждый день приходилось бороться с собой, разменивать правду на сотню мелких оправданий.

Кого она обманывает? Она — настолько великий маг, что одним своим желанием — взяла бы и отлила ментального дара Арману? Стыдно, боже, стыдно! И как загладить теперь вину перед Анри? Хотелось просить прощения у всех подряд. И Армана, конечно же, она не была достойна.

Лицо пылало. Мари машинально подняла прохладную руку партнёра и приложила её тыльной стороной пальцев к скуле. Миг — и опомнилась:

— Прости, я задумалась, мне жарко, — извинилась перед изумлённым взглядом серых глаз.

— А на вопрос ответишь? Или будешь загадочно молчать? — флегматично спросил Арман, продолжая держать за руку.

— О чём?

— Когда уезжаешь?

Она пожала плечами:

— На этой неделе точно.

— Зачем?

Что можно было ответить? Какую часть правды, или снова лепить из неё ложь?

— Не хочу это обсуждать: надо, — она снова безуспешно искала глазами Анри и заставила себя посмотреть на партнёра. — Моя личная необходимость никого не касается, не так ли?

Арман охотно согласился. Ему тоже не особо хотелось это обсуждать.

Зазвучала музыка, более медленная, чем вальс. Движения в самом деле оказались простыми, напрягаться не пришлось. Одно создавало трудности: во время танца

приходилось поворачиваться слишком близко друг к другу, лицом к лицу. Резерв грозил переполниться, затопив собой совесть. Как же тяжело было сдерживаться рядом с *ним*!

Она заметила среди зрителей Анри. Он пил вино, наблюдая за нею через очки. И от этого почему-то стало спокойней. Танец закончился, Мари поблагодарила Армана и направилась к Анри как к спасительному щиту.

— Ого, у вас не только глаза зелёного цвета, — пошутила она, заметив вблизи нездоровый цвет лица Лемуара. — Теперь моя очередь выводить вас на свежий воздух?

— Я там был, восстановлюсь быстро, — Анри отдал кубок стоявшему позади него слуге. — Готовы к путешествию?

— Более чем. В списке следующих танцев нет тех, которые бы я помнила.

Анри обернулся к слуге, забрал у него женский плащ, бутылку вина и протянул свободную руку Мари:

— Тогда идём. Я надену вам пропускной браслет. Он легко снимается, пожизненно ходить с ним не придётся.

Мари заметила пробирающихся в её сторону принца с Антуаном:

— А мы не можем сбежать быстрее?

— Запросто, — Анри взял её за руку, и они, выписав дугу по зале, оказались перед мерцающим порталом. На руку девушки в одно мгновение сел браслет, и парочка шагнула в марево, оставляя позади себя озадаченных «преследователей».

Портал по ту сторону вытолкнул в огромное фойе, которое даже на первый взгляд по убранству превосходило парадные комнаты де Трасси.

— Это публичная часть королевского дворца, галерея памяти, — пояснил Анри. — Через неё мы попадём в королевский сад, а там до ирминсулиума рукой подать. За час успеем вернуться.

Маску Мари спрятали в ближайшей нише, недалеко от портала, чтобы не носиться с ней. По дороге Лемуара вдруг качнуло, и Мари остановила его. Спросила, хорошо ли он себя чувствует.

— Ерунда, подсадил незапланированно силы, а накопитель оставил в кармане рабочей одежды. Ничего страшного: восполню в ирминсулиуме.

Но когда юношу шатнуло второй раз, Мари категорично схватила Анри за рукав:

— Позвольте хотя бы попробовать вас поддержать до Ирминсуля.

— Ну, валяйте, — добродушно сказал юноша. — Покажите, как вы это делаете.

Она знала два способа: через поцелуй, как это случилось час назад, и объятия, — как это было под упавшим деревом. Обняла Лемуара и, не обращая внимания на руку, поползшую по спине, омыла выплеснувшимся накопленным светом.

Всё закончилось, и она попыталась освободиться из объятий, Анри неохотно отпустил:

— Мариэль, вы — ходячий накопитель, — на лице его появился лёгкий здоровый румянец. — Я чувствую себя превосходно! Расскажите секрет.

Она пожала плечами, собеседник настаивал. Тогда пришлось поклясться, что все опыты с новой магией проходили больше интуитивным путём, чем по чужой подсказке. Лемуар выслушал, остановился и придержал перед собой:

— Мари, мой вам совет — не показывайте того, что вы только что сейчас сделали, никому больше. По крайней мере, так открыто.

— Почему?

— Все маги умеют восстанавливать своё резерв, но так быстро, как сегодня это делали

вы, — это слишком подозрительно и небезопасно для вас. К моему несчастью, я знаю... видел, благодаря чему, вернее, кому... ваша аура менялась, — его речь замедлилась. Зелёный взгляд блуждал по краснеющему лицу Мари. — Видел там, во время танца. Я не знаю, как это у вас получается, но... Очень сожалею, поверьте. Я бы попытался вас завоевать, но...

Девушка подняла на него вопросительный взгляд. Анри сделал шаг в сторону, и был остановлен:

— Но что? Что вы увидели? Скажите, мне это важно.

Юноша помолчал, ответил неохотно:

— Вы зависимы от него. Ваша магия тоже. К моему великому сожалению.

Мари отпустила рукав Анри и медленно пошла по коридору, рассеянно рассматривая портреты:

— Благодарю вас, вы очень точно описали мою одержимость. И я пока ничего не могу с этим поделать... Кто это? — остановилась перед большим портретом, в полный рост, светловолосого мужчины.

Анри пробормотал:

— Это... какой-то Основатель, ещё один... К шархалу их! — развернул к себе девушку одной рукой, — Мари! Да неужели вы не почувствовали? Возможно, у вас есть шанс стать свободной от вашей, как вы говорите, одержимости! Ваша неопытность играет ему на руку, и, я подозреваю, не нужна вовсе.

Девушка сделала шаг назад, упираясь с портрет, юноша навис над ней, закрывая рукой путь к отступлению переброшенным через локоть плащом и вздетой бутылкой:

— Возможно, вы правы, — призналась она, облизывая пересохшие губы. — Вы мне нравитесь, но...

— Это другое «но», не как у меня?

— Армана я знаю с детства, а о вас — почти ничего.

— Почти ничего? И магия вам ничего не подсказывает? — лицо его наклонилось. Два дыхания смешались.

Мари сглотнула. Губы приближались к ней, и больше всего на свете именно в этот момент хотелось впиться в них, позволить безумству управлять в этом безлюдном помещении. Как вдруг память ехидно подбросила образ Армана, и желание отступило, совсем немного, но этого было достаточно, чтобы присесть и вынырнуть под свободной рукой Анри:

— Подсказывает. Вы — опытный дамский угодник, и реакция моего тела предсказуема. Если вы меня завлекли сюда для своих целей, прошу вас, давайте вернёмся.

Анри зарычал, чуть было не хлопнул кулаком по портрету, важно наблюдающему за болезненно поморщившимся лицом юноши. Тот с трудом нашёл силы развернуться и взять себя в руки:

— Я готов принести клятву, вы как менталист можете это сделать, я вас научу...

— Не надо, пожалуйста! Вернёмся!

Анри выдохнул шумно, решительно набросил плащ на плечи Мари:

— Идёмте в ирминсулиум. Я вас больше не трону, пока вы не попросите сами. Но знайте, я подожду три года. Когда вы окончите теоретический курс, я снова задам вам вопрос. Надеюсь, к тому времени ваша одержимость сойдёт на нет.

В пустом королевском замке, не смотря на позднее время, всё же находилась стража,

Мари ошибалась, когда думала о свободном путешествии. Их пару раз останавливали, но узнавали Анри и, ухмыляясь, пропускали.

В сумерках, поглотивших королевский дворец, особенно нечего было рассматривать. Сад точно так же спал и чем-то был похож на парк де Трасси, только что шатры не стояли: статуи, стриженные фигурно кусты, деревья за ними и освещавшие территорию лампы на витых подставках-столбах.

Единственная большая разница не осталась незамеченной: в столице зима протекала намного мягче. Снег не лежал под кустами и на холодных скамейках. Анри шёл рядом без плаща, на вопрос Мари, не холодно ли ему, ответил отрицательно. Впрочем, она сама это чувствовала: ноги в лёгких бальных туфлях шагали по нагретой земле.

— Это из-за горячих источников, — объяснил спутник поднимающееся от земли тепло.

У входа в Ирминсулиум, возле арки, изображавшей дерево с огромными корнями, стояло двое стражников. Они, как и предыдущие, поздоровались с Ленуаром. Он им вручил бутылку, и посетители были беспрепятственно пропущены внутрь с пожеланием удачи.

Их встретил крупный мужчина, на голову выше Ленуара, с несколько отталкивающей внешностью: абсолютно белыми волосами, спадающим на плечи рваными локонами, как если бы их отрезали неаккуратно ножом, тяжёлой квадратной челюстью и нависающими надбровными дугами. Но самым пугающим были его бесцветные глаза на бледном лице.

Анри представил друг другу Хранителя и свою спутницу, и жутковатый охранник с интересом бесцеремонно осмотрел девушку, улыбаясь звериной улыбкой.

— Ты принёс мне прославленное венецское вино? — спросил Хранитель у невозмутимого Ленуара.

— Отдал страже. Тебе каждый день корзины носят, — хмыкнул юноша, напоминая о высказанном пренебрежении в адрес его гастрономических подарков.

Хранитель не обиделся, засмеялся и протянул руку, приглашая пройти под аркой:

— На всякий случай напоминаю: под деревом не целоваться, ничего не просить, листья не подбирать. У вас несколько минут.

Они оказались в очень странном помещении. Точнее, Мари так подумала в первое мгновение, уперевшись взглядом в сероватую с неровностями стену. А потом поняла: это был ствол огромного дерева. Его крона уходила высоко вверх, плотно закрывая ночное небо. На верхних ветках сидело несколько птиц, похожих на тех, которые носили Изель сокровища. Птицы с любопытством смотрели сверху и не двигались.

Светильников здесь не было, и тем не менее, было светло, как днём. Множество светлячков покрывали ствол дерева и его ветви, некоторые огоньки витали в воздухе и над чисто выметенной, без единого упавшего листа, землей под деревом.

С ближайшей ветки поднялась небольшая тучка любопытных светлячков и замельтешила над головами троих, позвенивая тоненько. Хранитель будто бы не собирался сопровождать гостей, однако остался наблюдать за порядком.

Мари рассматривала дерево, пятая секунда, шестая — и невольно схватила Анри за руку, вдруг разобрав в колокольчиках смешливые детские голоса:

— Посмотри! Она пришла!

— Они обе пришли!

Они говорили о ней?

«Она смешная!» — «Подойди к нам ближе!» — «Кто, кто это с ней?» — «Это и есть

Предвестник? Невозможно!» — «В ней дар от нашего малыша!» — «Расскажи про него расскажи!»

Мари обернулась вопросительно на мужчин. Хранитель оскалился:

— Ты их слышишь? Малыш — это ваш Лабасский Ирминсуль.

— Я ничего не слышу, — на вопросительный взгляд Мари ответил Анри. — Что они говорят?

— А почему я их слышу? Кто это?

Хранитель поднял руку и позволил сесть на неё огонькам:

— Это матушкины голоса, я так их называю. Можешь им не отвечать, они и без тебя всё знают, любят шутить. У матушки чувство юмора превосходное. А почему их слышишь ты, сама скажи.

Ленуару было очень интересно происходящее. Он нацепил свои очки и благодаря им рассмотрел светлых мушек, кружащихся над гостями, сидевших на рукаве Хранителя и как будто с любопытством тянущихся от ствола к девушке.

— Может быть, потому что я уснула под нашим Ирминсулем? — предположила неуверенно она, боясь пошевелиться. Огоньки подлетели к её лицу, рассматривая.

Огоньки захихикали: «Она сказала «нашим»!», «Она назвала малыша «нашим»!»

— Простите, — пробормотала Мари. — Конечно, я имела в виду, нашим общим. К нему приходят все желающие, стены нет, но относятся со всем уважением. В тёплое время года его поливают водой из водопада. А лесная знахарка следит за чистотой подарков и кормит птиц.

«Стены ещё нет!» — «Наш малыш популярен!» — «Мальшу хорошо у вора!» — «Простим вора!» — «Искупления! Искупления вору!» — загалдели весело голоса.

— Что? — девушка в крайнем изумлении обернулась на Хранителя. — О чём они говорят? Про какого ещё вора?

— Вора? — эхом поддержал Анри вопрос.

Хранитель хмыкнул и обратился к огонькам, сидевшим на его руке:

— Расскажите ей.

Детские голоса-колокольчики зазвенели, торопясь опередить друг друга. Поначалу Мари ничего не могла понять, переспросила несколько раз, и голоса успокоились, менее сбивчиво повторяя историю. Повернувшись к Ленуару, единственному, кто не понимал «матушкины голоса», Мари медленно стала переводить.

Местная легенда приукрасила подвиг сира Алтувия Трасси и скрыла позорный проступок сира Ригхана, прадеда Мариэль, чей дар вдруг проявился в ней.

Алтувий собирался посадить Ирминсуль у себя в поместье. Но дерево засыхало, не смотря на заботу и магическую поддержку. Жившая в то время лабасская прорицательница объяснила: Ирминсуль не мог выжить без постоянной подпитки родственной магии и магии хранителей. Поэтому советовала либо вернуть в Люмус, либо посадить в соседнем графстве, возле серебристого водопада.

Сиру Алтувию очень не хотелось делиться славой, и он придумал выход. Составил Контратат, по которому две семьи — Трасси и Делоне должны были объединиться в случае успеха. Ирминсуль перевезли из сада Трасси к водопаду, залили водой из Волчьего логова. На следующий день увидели — малыш сбросил сухие листья, и на их месте появились свежие почки.

Де Трасси и Делоне ликовали. У Алтувия была дочь, у Жозефа Делоне — сын. Родители

решили их поженить согласно Контратату, предварительно расторгнув помолвку между юным Делоне и дочерью графа де Венетта, влюблёнными друг в друга.

Возможно, заговор бы удался, но оскорблённый прадед Мариэль, сир Ригхан, решился на преступление: ночью пересадил дерево на опушку своего леса, а в качестве компенсации дереву за перенесённый стресс отдал свой самый сильный дар.

Когда утром ничего не подозревающие Алтувий и Жозеф приехали на осмотр дерева, то застали шокирующую картину: охранники спали мёртвым сном, дерева не было. Нашлось оно быстро, но в третий раз выкопать себя не дало. За ночь непостижимым образом его крона украсилась густой листвой, а корни глубоко проникли в землю.

Лабасская прорицательница сказала, мол, делать нечего — Ирминсуль сам выбрал себе место. Так легенда была изменена ради чести предков. Алтувию пришлось включить в Контратат и де Венеттов, у которых изначально было четверо детей, а осталось...

Последние фразы Мари произносила сквозь рыдания, Анри прижал её к себе.

— Что случилось с влюблёнными? — осторожно спросил он, успокаивая девушку поглаживаниями по спине. — Я так понимаю, они не поженились? Иначе де Трасси приходились бы как минимум дальними родственниками Делоне.

Вместо ответа девушка осела, Анри успел её подхватить на руки и заозирался, не зная, куда положить или покинуть территорию ирминсулиума. Хранитель, переставший скалиться, отошёл от арки, выпуская юношу:

— Неси ко мне.

В домике Хранителя положили девушку на грубо сколоченную кровать хозяина. Тот достал из шкафа порошок, разбавил с тёплой водой и влил в рот Мари:

— Она скоро очнётся. Матушка не рассчитала силы, — Хранитель отставил деревянную кружку и сел, уперевшись руками в колени. Юноша сверлил его злым взглядом. — Я не знал подробностей, нечего тут зыркать своими буркалами. Померли герои-любовники и вся история. Сначала он, потом она сбросилась со скалы.

— Как, шархал побери, умер Делоне?

К Хранителю вернулось обычное расположение духа. Он достал бутылку и два кубка, разлил:

— Выпьешь?

— Нет. Мне ещё возвращаться. Завтра приду.

— Тогда завтра всё узнаешь, — ухмыльнулся Хранитель.

Анри хмуро смотрел на него, скрестив руки, но это не изменило самодовольства белоглазого. Тот залпом выпил вино, причмокнул соблазнительно и медленно отёр челюсть:

— Ладно, скажу. Всё равно от неё узнаешь. Любящая матушка прокляла парня, когда он наотрез отказался жениться на девчужке Алтувия. И в ночь, когда де Венетт спаивал охрану да выкапывал дерево, влюблённые хотели сбежать. Только парень дальше своего поместья не уехал. По дороге лошадь понесла, и незадачливый любовник свернул шею. Нашли его в речке уже, того, мёртвого.

Анри глубоко вздохнул, разглядывая скалящегося визави, пересел на кровать, возле девушки, взял за руку. От прикосновения она пошевелилась, не открывая глаз, пробормотала что-то. Анри наклонился, прислушался, снова вздохнул шумно. Протянул руку к кубку и осушил его.

— Шархалье ты отродье, Хранитель, порождение бездны!.. Ответь мне на один вопрос, — юноша перевернул кубок, показывая, что тот пуст: — Есть у тебя душа? Ты

прислуживаешь дереву, несущему свет, а душа у тебя грязная, как копыта моей кобылы. Хотя раз ты по доброй воле помог кому-нибудь? Впрочем, можешь не отвечать. Прощай.

Анри накрыл девушку плащом, подхватил её на руки и понёс к выходу. У ворот юношу остановил окрик, Анри повернулся. Хранитель шагал не торопясь и с грозным видом. Приблизившись, положил поверх девушки кусок свёрнутой ткани:

— Пусть передаст хранительнице малыша, давно она у меня просила, оказии не подворачивалось. А ты — молокосос, чтобы учить меня, что делать и чего не делать! Мой дед написал Кодекс о невмешательстве, а не ваши шархаловы законники! Мне решать. Понял? Учить он меня ещё будет! Чтобы я тебя в ирминсулиуме полгода не видел!.. Жратву он мне носит, думает, за кусок рыбы Хранитель честь свою продаст...

Последнюю фразу Хранитель произнёс, повернувшись спиной к Ленуару и шагая к своему домику, а потом ещё и кулаком в воздухе потряс, не оборачиваясь.

Анри улыбнулся углом рта и понёс девушку прочь от запретной территории. Уложил Мари на скамью, голову устроил у себя на коленях. Свежий воздух вскоре сделал своё дело. Мари очнулась, и юноша помог ей сесть, ничего не говоря, подождал, когда она окончательно придёт в себя.

— Благодарю, — обратилась она к Анри, — благодарю вас. Если бы не вы, всё было бы неопределённо. Теперь я знаю правду... И причину.

— Что будете делать? И могу ли я вам помочь?

Девушка покачала отрицательно головой:

— Я сделаю всё сама. Послезавтра уеду в Лапеш.

— В Лапеш? Но это же шархал знает, где! — воскликнул Анри изумлённо. Потом подумал и согласился. — Хотя, наверное, вы правы, это к лучшему. Незакрытое проклятие останется на потомках, пока не будет поставлена точка... Но мне вас жаль, правда. Мои губы в вашем распоряжении, если это поможет вам справиться с горем.

Мари слабо улыбнулась, положила ладошку поверх руки юноши:

— Поверьте, я счастлива, пусть даже завидовать этому счастью не стоит. Дайте мне... полгода, год... Прошу вас не писать мне писем и не приезжать в Лапеш.

— Это невыполнимая задача.

— Вам тоже это нужно, — она погладила Анри по щеке, и тот закрыл глаза, перехватил пальцы. — Мне так будет спокойнее... Нам нужно возвращаться.

Анри спохватился, протянул свёрток от Хранителя, объяснил, что нужно с этим сделать. Не удержался и развернул: в чистой тряпице лежало несколько листьев Ирминсуля.

— Зачем? — удивилась Мари. — Как будто у нас своих не хватает.

— Хранитель не зря ваше дерево малышом назвал. Ему надо ещё лет пятьсот, чтобы силу набрать. А из этого, — Анри кивнул на ценное содержимое свёртка, — снадобья разные делают. Сами не пытайтесь: опасно. Вы обещаете мне сделать всё в точности, и я могу не беспокоиться за вашу жизнь? Или мне самому отдать этой вашей Хранительнице?

— Глупости какие! Сейчас жизнь мне нужна как никогда, я сделаю это завтра же. Тем более вы дороги не знаете.

— А вы знаете, значит? — хмыкнул Анри.

— Инквизиторам туда дорога заказана, — пошутила Мари, поднимаясь. — Один раз была, случайно рядом оказалась. Не бегаю я по знахаркам, правда... А ноги у меня замёрзли. Пойдем быстрее, чтобы согреться.

Анри убрал листья за пазуху, пообещав вернуть их Мари по первому требованию. По

дороге к portalу юноша рассказывал о дворце, портретах Основателей, и Мари отложила тяжёлые думы после королевского Ирминсуля до спокойного часа, чтобы осмыслить не торопясь.

Дошли до конца галереи, забрали маску из ниши.

— Не хотите нацепить цветок или продолжите носить свой антипоцелуй? — посмеялся Анри, слыша тихие ругательства Мари, надевающей маску. — Времени прошло достаточно, вас поймут.

— Ничего, помучаюсь, недолго осталось, — она тихо обругала скользкие крепления, — скоро сниму.

— Давайте помогу, — Анри зашёл со спины, убрал волосы Мари через плечо, помедлил, проведя пальцами по шее и обнажённым плечам, соединил крепления и вернул волосы на спину. И неожиданно развернул Мари за плечи. — Вы цело... вы проверяли магию на совместимость?

Девушка попробовала движением плеч освободиться, но Ленуар держал цепко:

— Что вы имеете в виду? Отпустите!

— А то, что вы можете себе сколько угодно фантазировать и внушать любовь, но если ваша магия не совместима, хоть с той же скалы бросайтесь — ничего не изменится.

— Бросалась и ничего не изменилось, — Мари улыбнулась иронично. — И поцелуй был, наверное. Не знаю.

— Э-э-эп, а ну-ка быстро всё рассказать!

Анри насильно оттащил Мари за руку к одному из диванов, стоящих по периметру порталной комнаты. Не желая затягивать возвращение, девушка коротко рассказала про воспоминания о худшей Ночи горги, своей истерике, об отравлении магией Армана и спасении в гроте де Трасси. Закончила, улыбаясь:

— Вас, может быть, удивит мой спокойный рассказ, но всё это в прошлом.

Анри, слушавший внимательно и не перебивая, кивнул:

— Ваше спокойствие говорит о том, что вы помирились с прошлым. Без этого ни настоящего, ни будущего не построить. Вы поступили мудро. И всё-таки я скажу вам кое-что. Поверьте, знаю, о чём говорю. То, что был конфликт между огнём и водой — естественно. У Армана магия воды была достаточно развита, а ваш дар на тот момент был похож на Лабасский Ирминсуль в сравнении с королевским. Поэтому Арман показал вашему огню, как его вода может подчиняться, что она не опасна для вас. И, подозреваю, это стало причиной вашей одержимости. Поэтому вам необходимо ещё раз скрестить магии, так, чтобы они схлестнулись, а там будет видно. Либо разойдутся в разные стороны, и вам станет легче, и тогда ни в какой Лапеш ехать не нужно. Либо, наоборот. Для этого случая я дам вам совет...

Анри задумчиво смотрел на Мари, изучающую с равнодушным видом обстановку порталной залы:

— Если вдруг почувствуете совместимость... как со мной... не делитесь даром, слышите? Вы же чувствовали это, верно? Как будто ваша магия стремится объединиться? — по медленному повороту головы и округлённым глазам было понятно: Мари прекрасно понимает, о чём идёт речь.

— Почему? — спросила севшим голосом.

Анри взвёл глаза к потолку, достал любимую палочку, сунул в рот:

— Вы меня удивляете, Мариэль! Это всё равно что подарить свою чистоту до брака

первому попавшемуся. Поверьте, так часто бывает: магия может принимать не одного. Один мой знакомый трижды чувствовал слияние магий, на третьей девушке женился. До брака делать роскошные подарки, тем более тому, кто не оценит, не стоит. Вы согласны со мной?.. Вот и хорошо. Не делайте ненужных глупостей, — Анри поднялся и подал руку Мари.

— А бывают нужные глупости?

— Разумеется. И я бы вам сейчас это продемонстрировал, но ваши так называемые снежинки на маске, боюсь, испортят эффект. Какой из меня инквизитор, если я лишусь зрения? Спасибо, кстати, что дали рассмотреть в зале. В темноте бы точно напоролся...

Подшучивая друг над другом, они нырнули в портал. А в зале де Трасси едва не столкнулись с танцующей парой. Звучала залихватская музыка, разогревшиеся предыдущими танцами пары отплясывали нечто, похожее то ли на польку, то ли на гокак.

— Да что с вами такое? — Анри оттянул Мари от несущихся на неё очередных танцоров.

Та, схватившись за левое плечо, искала в вихре пляшущих знакомое лицо. Не нашла — скользнула взглядом по аплодирующим и покрикивающим наблюдателям у стен.

— Армана здесь нет, вон Люсиль и Антуан, — Анри чуть громче, чтобы услышала Мари, сказал ей на ухо и показывая пальцем на одну из скачущих пар.

— Не ходите за мной! — неожиданно сказала она, отталкивая юношу и пробираясь к выходу.

Должно быть, королевский дворец был защищён от посторонней магии, потому что боль в метке Мари почувствовала сразу, как только миновала портал и оказалась у де Трасси. Плечо жгло в той же степени, как и за мгновение до падения дерева.

Но где и как искать Армана в этом огромном дворце? Паника накрыла одновременно с этим вопросом. «Спокойно! Спокойно!» — сказала себе, вздохнула, собралась и протянула правую руку, представила выпущенный клубок: «Ищи его!» Клубок метнулся к лестнице, оставляя за собой хвост. «Быстрее! Быстрее, пожалуйста!» — она задыхалась от бега по ступеням, но всё равно казалось, что указатель слишком медленно ищет.

— Ох! Простите! — огибая угол, Мари налетела на мужчину, по-видимому, так же торопящегося, но в противоположную сторону. Удар болезненно отозвался в правом плече, незнакомец схватился за грудь и выругался неразборчиво.

Мари подняла на него глаза и остолбенела: перед ней стоял человек-тень. Он тоже её узнал, испугался ещё больше и шарахнулся к противоположной стене коридора, по стенке добрался до лестницы и помчался вниз. Она подавила острое желание последовать за ним и помчалась за клубком, окончательно замершим у одной из дверей. Будто поняв, что хозяйка его увидела, он просочился сквозь дверь.

Секунду решаясь, Мари дёрнула на себя ручку: по ту сторону слышались громкие голоса. За дверью врезалась в мужскую спину, как если бы её обладатель закрывал собой вход. Мужчина пошатнулся и неожиданно растянулся на полу. В комнате на мгновение стало тихо. После освещённого коридора глаза пытались привыкнуть к полумраку.

— Сирра Мариэль! Как вы удачно зашли! — хрипло сказал знакомый голос принца Лоуренса, и её невидимой силой дёрнуло в воздух. Она не поняла, как оказалась напротив двери, в нескольких метрах. В талию больно сцепились пальцы. — Пропусти нас, иначе одной малышке будет очень и очень плохо!

Перед дверью поднимался Арман. Таким взбешённым Мари его никогда не видела.

Прованс(авт) — аналог немецкого танца лендлера, который переводится как сельский*

танец. Он медленнее вальса и проще по движениям.

Глава 28. Интриганы

Самый серьезный недостаток в разведывательной работе, порождающий больше ошибок, чем любой обманный маневр или интрига иностранного государства, — это предубежденность.

Аллен Даллес, «Искусство разведки»

Арман ждал Люсиль в кабинете сира Аурелия, где тот обычно проводил переговоры. В комнате находился стеллаж-ширма, отделяющий потайной закуток для архива документов, сфер, а так же сейфа.

— Жди меня в нашем укромном местечке, — шепнула Люсиль на ухо, когда терпение юноши готово было лопнуть из-за назойливых поклонников златовласки. — Я отделаюсь от всех и приду.

Отделаться нужно было минимум от троих: отца, бдительно следившего за дочерью, Антуана, увивавшегося рядом и постоянно смешившего Люсиль, но, главное, от приглашённого принца Лоуренса — шархал бы всех забрал. Были и другие претенденты на времяпровождение с Люсиль, но их можно было не учитывать, Его высочество успешно справлялся с ролью отпугивающего кавалера.

Люсиль до праздника успокоила Армана, сказав, что всё предусмотрела, и, как минимум, каждый чётный танец — его, потому что Его высочество будет с Мариэль, к которой в последнее время проявлял повышенный интерес. Весельчака Анчи познакомят с Глорией, сестрой Лоуренса, и поручат почётную миссию развеселить принцессу-несмеяну.

Глория не явилась, очевидно, брезгуя сельским балом, а Ленуар, которого не учли, захватил Мариэль. Таким образом, вокруг самой красивой девушки на балу не вращались только слепые, пожилые и инквизиторы.

Во время третьего танца успели договориться: Арман уходит первым, Люсиль под предлогом поправить причёску — следом. Юноша не знал, что сир Аурелий, заметивший лукавый взгляд дочери и догадавшийся о цели побега, перехватил её в дверях для доверительной беседы, после которой вручил новому кавалеру, робко попросившему разрешение на танец. После него сир Аурелий терпеливо повторил процедуру привития послушания, и Люсиль смирилась, надеясь, что Арману надоест ждать, и он догадается вернуться. А обменяться поцелуями можно будет и позже.

Он ждал терпеливо, вспоминая, как три года назад в этом закутке Люсиль подарила ему первый поцелуй, второй и третий... Их было много в тот день, и Арман окончательно потерял голову от новой хорошенькой соседки. Позже, для того, чтобы освежить воспоминания, они не раз прятались здесь, в их «гнездышке», подслушивая переговоры важных сиров, появлявшихся у де Трасси, и испытывая ни с чем не сравнимое преступное удовольствие, которое называют адреналином.

Затем устал, сел на пол, прикрыл глаза и не заметил, как задремал. Разбудили голоса за перегородкой. Перепутать один из них было бы невозможно: в кабинете находился принц Лоуренс, раздражавший Армана с первого дня их знакомства.

— Это вы называете мерами предосторожности? — резко сказал незнакомый Арману голос с сильным южным акцентом.

— А вы бы предпочли явиться сюда порталом? — с долей ихищества спросил Лоуренс.

Перед носом Армана опустилась магическая плёнка, кто-то из двоих в кабинете накинул шатёр безмолвия, а значит, разговор намечался необычный. Юноша сдвинулся так, чтобы попасть под полог.

— Я не об этом, — продолжил голос с акцентом, — откуда в этой глуши инквизиторы пачками? Вы обещали мне приватность, а вместо этого я вынужден галопировать по залу в надежде найти укромный уголок, пока Его высочество соизволит начать переговоры.

В тишине послышалось звяканье, должно быть, Лоуренс наливал собеседнику горячительно-успокоительное.

— Успокойтесь, Кхар, это же бал, тут даже лошади пляшут, — принц засмеялся своей шутке. — Инквизиторов было всего двое, и то они свои, прикормленные.

— А девица-инквизитор, которая с меня не сводила глаз? Вы беспечны, мой принц, как арауканцы могут вам доверять?

На слове «арауканцы» Арман вздрогнул. Последние новости, связанные с воинственными соседями, были у всех на слуху. Юноша осмотрелся, нашёл на полке чистую сферу и включил её для записи внутри полога.

Принц фыркнул:

— У вас морок от испуга. Какая девица-инквизитор? Давайте уже перейдём к делу. Какова моя доля? Что вы собираетесь мне предложить?

Арман внимательно слушал, пока не понимая, о чём идёт речь. Принц торговался, выбивая себе некие привилегии, его собеседник выдвигал претензии, чтобы сбить цену на услуги. Но когда прозвучало имя посла в Южной Сурье, всё стало ясно, как день.

Полуостров Сурья и остров Южная Сурья на юге Люмерии, рядом с провинцией Лапеш были главным источником добычи кристаллов, из которых изготавливали накопители и специальное стекло для учёных, лекарей, инквизиторов и прочей братии, работающей с магическими потоками. С помощью кристаллов в том числе делали порталные рамки, примеры которых сейчас находились в бальной зале замка де Трасси. То есть сами по себе кристаллы не обладали магической силой, но умели собирать её, хранить и перераспределять.

Арауканцы, чья территория находилась через пролив на юге, неоднократно предпринимали попытки отвоевать Южную Сурью, где было разработано больше рудников, чем на севере. И где двадцать лет назад погиб дед Армана — сир Вэн.

Затем, после безуспешных попыток, перешли в режим холодной войны, тайно вмешиваясь в политику с помощью подкупов, внедрения своих агентов в Правление Сурьянской провинции и прочих способов, вплоть до постройки подводных туннелей для откачки первородных жидких кристаллов.

Как понял Арман, Лоуренс присоединился к очередной игре арауканцев, целью которой было поставить своего посла, сместив прежнего, а затем через него контролировать добычу кристаллов. Последствия в случае успешных переговоров (почему-то думалось, что Лоуренс только для виду торгуется) для Люмерии могли стать катастрофичными: от влияния на экономику до наращивания военного потенциала арауканцев и войны с ними. Странно, что, несмотря на слаженную работу инквизиции, имеющей в своём штате от блестящих провидцев до логистов, связь Лоуренса с арауканцами не была установлена. И сейчас нагло, фактически на глазах у толпы, заключался договор между потенциальным наследником и врагами Люмерии.

Сфера записала достаточно для обвинения, да и Арман запомнил всё, но, сдерживая

жгучее желание выйти и придушить принца вместе с арауканцем, он продолжил ждать. «Не лезь на рожон, если битву можно выиграть, не вытаскивая меч, — было одним из важных уроков отца по тактике: — Надо — брось песок в глаза противнику, не геройствуй». Уроки честности и прямоты от слуги Вернера были больше по душе Делоне-младшему, но в сегодняшней ситуации он вынужден был признать: ожидание принесёт больше пользы.

Сфера будет передана сиру Фелису Тирру, за принцем установят слежку и аккуратно выведут на чистую воду его сообщников, а по записанному голосу — арауканца. Знать бы ещё, как он выглядит...

На одной из панелей с этой стороны стеллажа имелся глазок, который — можно было не сомневаться — Аурелий использовал для некоторых своих мутных делишек. В этот глазок подсматривали Арман и Люсиль во время тайных встреч.

Он нашёл панель, отодвинул её и припал глазом. Арауканец сидел в кресле спиной к нему, и всё, что было видно — жидкие волосы до плеч, небольшая залысина на макушке и узкие плечи. Наверняка он был среднего роста, если судить по высоте спинки кресла, и худощав. Лоуренс подписывал бумаги напротив, сидя за столом Аурелия.

Вдруг арауканец выдал фразу на своём языке, и принц поднял голову, внимательно посмотрел на стеллаж, за которым прятался Арман. Тот почувствовал, словно его лица коснулся лёгкий ветерок. Это была ментальная поисковая магия, а значит, он был раскрыт.

Быстро засунул сферу в один из ящичков и толкнул панель для поворота двери в стенке. «В ситуации, когда противник раздумывает, нападай первым! Иногда первый удар решает всё!» — юноша, призвав магию в кулак, присел, чтобы избежать предсказуемого удара в голову, и вывалился с переворотом в кабинет. Ожидаемо сверху просвистел сгусток и врезался в стеллаж с документами, обрушивая за спиной Армана папки на пол.

— Анда бодох, хиланхак масалан ини!* — взвизгнул арауканец, оказываясь возле двери.

Арман вскинул вторую руку — и арауканец повторил движение принца, схватился за горло, как будто ему накинули на шею удавку.

Шатёр безмолвия лопнул.

Его высочество вдруг закатил глаза и обмяк, падая на пол, Арман перевёл взгляд на Лоуренса — и сильный толчок по ногам Армана заставил их согнуться. Связь с противниками оборвалась. Арауканец взмахнул рукой, нанося пространственный удар в живот и откидывая юношу назад, к открытому стеллажу.

— Темуи аку ди тампа ками!** — крикнул Лоуренс, каким-то образом оказавшись за спиной поднимающегося Армана и заноса над ним растопыренные пальцы.

— Темукан сияпан мунеримнэ!*** — бросил последнюю фразу арауканец, скрываясь за дверью.

Странное было чувство, как будто в голове кто-то грубо орудует, переставляя и выворачивая мысли. Взбешённый Арман зарычал и ухватился за одежду стоящего позади, рванул на себя, и двое молодых людей покатались по полу. Мгновение — и они снова стоят напротив друг друга, Арман — заслоня собой дверь, принц — возле камина.

«Бей! — сказал в голове голос отца, — не дай себя отвлечь разговором!»

Копошение в мыслях не уходило, наверняка принц услышал это, потому что одновременно оба зависли в неестественной позе с вытянутыми руками. Хрипел Лоуренс, хрипел Арман. С трудом отрывая левую руку от горла и закатывая глаза, Лоуренс дотянулся до кармана, судорожно достал нечто, и Армана откинуло назад. Принц пытался отдышаться: продолжая держать правую руку вытянутой.

— Вот для таких случаев нужны подарки! — зашёлся он в каркающем смехе и показал теряющему сознанию юноше сияющий кристалл. Подошёл поближе. — Жаль, хотелось бы романтики, верить в то, что ты тайный агент, а ты всего лишь ждал девку... Ах-ха-хар-р-р...

Лоуренс закашлялся, и в этот момент дверь открылась. Гость сшиб Армана с ног, заваливая его на пол. Связь снова разорвалась, на этот раз к счастью для Делоне.

Но реакция принца была достойна похвал — он выбросил ментальные ленты, подхватившие невысокую женскую фигуру и рванувшие её к хозяину, чтобы принести добычу. Увидев, кто это, Лоуренс готов был расхохотаться, однако горло продолжали терзать следы магии Делоне.

**Вы идиот, устраните сами проблему!*

***Идите, встретимся на нашем месте!*

**** Узнайте, кто его послал!*

— Сирра Мариэль! Как вы удачно зашли! — прохрипел ехидно, покрепче обхватывая талию и прижимая к себе девушку.

Тем временем у двери Арман поднимался на колени. Лоуренс не собирался оставлять его в живых, и сейчас был отличный момент добить соперника, но жажда поглумиться, поиграть со слабостями — всё, что прежде доставляло удовольствие — пересилила инстинкт самосохранения. Тем более всколыхнулся гнев на Мариэль, ловко обходившую последние с ним встречи.

— Пропусти нас, иначе одной малышке будет очень и очень плохо! — Лоуренс лизнул ухо вздрогнувшей девушки.

Движением руки Лоуренс откинул Армана к стене, не давая подняться в полный рост и прижимая руки над головой к стене. Юноша коротко замычал и сцепил зубы, очевидно, боль была сильной, потому что он с трудом открыл глаза. Мари дёрнулась было в его сторону, но принц усилил хватку.

— Видишь, в чём преимущество менталистов перед стихийниками? — тихо хохотнул он на ухо девушке. — Они же младенцы со своей магией: руки связаны — ничего сделать не могут.

— Так и вы руками машете, как мельница, — девушка пошевелила плечами, пуговицы на одежде принца впивались в спину, а метка горела, хотелось прикоснуться к ней.

В ответ Лоуренс хмыкнул и развёл руки. Убежать не получилось: невидимые ленты привязали её к стоящему позади, и попытка Мари насмешила принца:

— Доказал? А ты хитрая стала... Признаюсь, не поверил Люсиль, когда она сказала, что у тебя отшибло память. Расстроился даже немного...

Мари подумала об Анри: она слишком неожиданно выбежала из зала, наверняка он бросится вслед. Почему-то была уверена, что начинающий инквизитор не уступит по силе принцу и навалит, как следует, не посмотрит на королевскую кровь.

Девушка закусил губу, нужно немного потянуть время... Но Его высочество прочитал мысли:

— Спасибо, что предупредила. Специально для тебя — демонстрация без рук, почти, — он положил ладони на грудь девушки, наблюдая за реакцией побледневшего от злости Армана, замер, уткнувшись в волосы Мариэль, и внутри комнаты раскинулся шатёр

безмолвия. Один слой магической плёнки, и поверх ещё один. — Знаешь, что это такое? Это безмолвие тишины. Теперь нас не только не услышат, но и мимо пройдут. Ни у кого не возникнет желания даже остановиться возле двери, потому что разум будет говорить им: «Здесь никого не-е-ет!»

Лоуренс шумно вдохнул запах девичьих волос, поиграл лицом в них:

— Так что ты помнишь, Мариэль-малышка?

— О вас — ничего.

Мысли метались. Страшно было от того, что Лоуренс читал мысли, а значит, любая попытка вывернуться будет пресечена.

— Лжёшь, — промурлыкал принц, — не смей меня обманывать...

Руки Его высочества тем временем нагло скользили по телу вздрагивающей от прикосований Мариэль. Арман пытался освободиться, но каждый рывок причинял ему боль, отражаясь на лице.

— Я читала свой дневник, — вспомнила Мари.

— И что же там написали твои маленькие шаловливые пальчики?

— Всякую хре... ерунду, простите. Воспоминания были настолько мерзкими, что я сожгла дневник... Почему бы вам просто не уйти порталом? Я обещаю, что никому не скажу про ваше самоуправство. Можете даже наложить на меня печать молчания. — И она расслабилась для доказательства послушания.

Лоуренс шумно втянул воздух, потянулся, не убирая рук от девушки:

— Не врёшь, умница! Быстро поняла, что лгать бесполезно. Почему не могу уйти своим порталом? Я бы с удовольствием, но сир Аурелий перебдел ради безопасности гостей: территория замка заблокирована, официальные порталы только в танцевальной але. Забавно, правда? Ха. Ха! Так что придётся идти через толпу. Жаль, нет времени с тобой покувыркаться здесь, доставить удовольствие твоему другу. Давай, перебирай своими ножками!

Они сместились ближе к двери, которую наполовину закрывал Арман.

— Что вы собираетесь делать? — она вспомнила дневниковую запись о самом странном свидании Мариэль с принцем, который страдал манией величия и пробовал на вкус садизм. Обдумывать идею времени не было, и она запричитала, — пожалуйста, ваше высочество, отпустите нас! Мы сделаем всё, как вы скажете!

Арман от неожиданной смены поведения Мари сначала удивлённо поднял глаза на подошедших, а потом поморщился.

— Позвольте, я сотру Арману память, он не вспомнит о том, что здесь случилось, и, Ваше величество может быть спокойным, я никому ничего не скажу. Будьте милосердны, Ваше величество! О, я вас прошу, умоляю! — она подогнула колени, «обессилен» от страха.

Расчёт оказался верным, принц содрогнулся от накатившего возбуждения, спросил осипшим голосом:

— Малышка-Мариэль, маленькая лгунья, ты помнишь, что нравится твоему принцу... Пойдешь со мной?

— Пойду, ваше высочество, — с придыханием ответила, — я жажду вашего поцелуя, смилуйте над своей верной служанкой!

Наверное, это были какие-то особые рычаги воздействия на Лоуренса, потому что он рыкнул и совсем бесстыдно погладил пятернёй девушку по животу. Руки Армана оторвались от поверхности, упали вниз, и юноша потёр кисти, но это не осталось незамеченным.

Лоуренс толкнул Мари на колени, перед Арманом, вновь распиная его руки на стене:

— Будет тебе поцелуй, маленькая лгунья, а сейчас сама сотри память своему бывшему маленькому другу, последнего часа жизни будет достаточно, — и резко опустился за девушкой, забирая в плен объятий сзади, — а я тебе помогу...

Мари и сказать ничего не успела, её правая рука сама собой легла на лоб Армана, поверх её руки принц положил свою ладонь. Девушка ненароком оперлась свободной рукой на грудь молодого человека, призывая свет к действию и надеясь, что принц не поймёт, какой силе была отдана команда.

Свет хлынул, и Арман это почувствовал, вздохнул так, будто получил долгожданную порцию кислорода. Как вдруг свет замер — боль пронзила правую ладонь Мариэль, а браслеты на запястьях обожгли кожу, словно и без них мало было пыток: метка весь диалог с принцем пульсировала. Мари невольно вскрикнула:

— О, ваше высочество!.. Мои браслеты! Мне больно!

— Конечно, будет больно, — засмеялся Лоуренс, — ты собираешься причинить вред. Но, знаешь, обмануть браслеты легко. Если сначала заставить жертву жаждать эту боль, всё получится по обоюдному согласию, не так ли?

Принц правой рукой схватился за волосы на затылке жертвы, замер на мгновение, промышчал понятное ему одному. Мари не могла видеть выражения лица Армана, слёзы брызнули из глаз, лицо и лоб покрылись испариной.

Свет бесновался, не понимая, что ему делать: отдавать силу или удалять память. Принц, положивший сверху свою ладонь на руку Мари, через неё направлял ментальную магию и попутно заставлял подключаться помощницу. Минута странных ощущений, как если бы рука стирала с поверхности доски написанное мелом, — и дело было сделано.

Лоуренс не торопился подниматься, насмешливо наблюдал за результатом. А взгляд Армана, от взбешённого и измождённого, изменился сначала на бессмысленный, и, наконец, вопросительный. Попытался что-то сказать, но из горла выдавился хрип. С потерей памяти сил не прибавилось, наоборот, они словно в песок уходили. Глаза закрылись устало, и голова склонилась на бок, руки отлипли от стены, упали безвольно. Метка на плече взбесилась, выворачивая плечо. Дело было плохо, Лоуренс обманул.

Принц поднялся сам и рывком поднял Мариэль, схватил за руку:

— Пора! Уходим, моя маленькая лгунья!

— Подождите, ваше высочество, я сниму маску, не могу в ней дышать, — пробормотала она, нервно дрожа. Кажется, Арман слишком быстро терял силы.

Лоуренс отпустил руку, и его незримые ленты тоже успокоились, зато вторая рука еле заметно шевелила пальцами над головой полулежащего юноши.

— Давно бы сняла, — расслабленно и отчего-то довольно сказал принц.

Через секунду удар маской пришёлся по его лицу, и он взвыл, хватая воздух перед собой. Следующий удар распахнул дверь, и от сквозного движения по двойному шатру безмолвия прошла рябь. Лоуренс взревел, отрывая маску от лица, но слов его никто не услышал: шатёр продолжал служить создателю, а Мари стояла в коридоре возле раскрытой двери с закрутившимся в ладони бейларом. Принц вскинул свою руку, но всё, чего добился — от его движения лопнул шатёр, магия не добралась до девушки, зато полетевший навстречу бейлар успешно преодолел расстояние. Рассыпался искрами о невидимую преграду перед Лоуренсом. Сейчас, когда звукового барьера больше не существовало, вопль пронёсся по этажу:

— Иди сюда, с-сука!

Эхо заставило опомниться принца, он изменился в лице, расхохотался притворно весело:

— Ах ты... умница! Талантливая! Ну, иди же ко мне, милая! Поиграли — и хватит. Ты прощена! — и замолчал, глядя на кого-то позади девушки.

От внезапного голоса рядом Мари присела, закрывая голову руками и не узнавая говорящего.

— Какого шархала тут происходит?! — возмущённо спросил Анри. Рядом с ним стоял запыхавшийся Антуан. — Мы тебя по всем этажам ищем! Мариэль! Я с кем разговариваю?. О, ваше высочество!

Не дожидаясь, пока ситуация разрешится, девушка бросилась к Арману, рывком опустила его на пол и приложила обе ладони к груди. Свет хлынул потоком прорвавшейся дамбы. Боль в плече отступала, а значит, опасность для жизни миновала.

— Ну и дела! Опять моя сестрёнка сверху, а этот тип снизу, — засмеялся Антуан, заходя в кабинет. Увидел перевёрнутую мебель, отодвинутый стеллаж и разбросанные бумаги, присвиснул, повторяя с другой интонацией: — Ну и дела...

— Она мне маской лицо поранила! — пожаловался Лоуренс молчаливому Анри, изумлённо, как и Антуан, разглядывавшему погром.

— Хоть на что-то она сгодилась, — пробормотала девушка и полуобернулась к инвизитору. — Лоуренс приставал ко мне и хотел убить Армана. Я требую наказания, мне плевать, кто он — принц или король!

Анри перевёл взгляд на Лоуренса и шагнул в его сторону:

— Это правда, ваше высочество?

— Разумеется, нет, — Лоуренс промакивал платком кровоточащие царапины на лице, — признаюсь, мы повздорили из-за одной дамы... Слово за слово, наговорили лишнего... Я готов принести свои извинения и пройти проверку на ложь. В качестве примирения отказываюсь подавать иск на собственное покушение. Вы видели, как Мариэль запустила в меня бейлар.

Ленуар и Антуан нерешительно переглянулись. Арман шумно вдохнул воздух, отвлекая на себя внимание, закашлялся.

— Жив, слава богу, жив! — Мари порывисто наклонилась, обнимая лежащего, — как ты меня напугал...

Лоуренс спокойно убрал платок в карман, достал кристалл, зажал его в руке и замер. Царапины на его лице затянулись. Затем принц с непроницаемым выражением лица одёрнул на себе задравшиеся полы жюстокора и обратился к Анри:

— Что ж, недоразумение благополучно завершилось, все живы, и мне пора. Господин Ленуар, будьте любезны, сопроводите меня к порталу как должностное лицо. Это мой приказ.

Инквизитору пришлось выполнить требование. В дверях они столкнулись с Люсиль. Девушка запыхалась, лучезарно обвела смеющимся взглядом всех, кто находился в поле зрения:

— Я сбежала от отца! Как хорошо, что нашла вас быстро!

Лоуренс протянул златовласке руку:

— О, милая Люсиль, не проводите ли меня до портала?

Одновременно с Люсиль, дающей согласие, резкий голос Мари, сидящей на полу,

заставил вздрогнуть Антуана и Анри:

— Нет! Сир Анри проводит его высочество. Люсиль?

— О, Владычица! Что случилось? — златовласка всплеснула руками, бросилась к Арману, пытающемуся сфокусировать взгляд. Опустилась с другой стороны от подруги, но та уже вставала с помощью брата.

По счастью, принц не стал комментировать реплику Мари, заложил руки за спину и спокойно пошёл по коридору, намурлыкивая какую-то мелодию.

Девушка отряхнула руки и хладнокровно осмотрела испачканное платье, порванное на плечевых швах, когда Лоуренс тянул к себе. За это время Антуан и Люсиль успели дважды спросить о случившемся, и даже Арман задал похожий вопрос.

— Сволочь, — Мари рассматривала маску, расколовшуюся пополам, — и мразь этот ваш принц. Страшно подумать, что будет с Люмерией, если он сядет на престол.

Она в общих чертах обрисовала ситуацию. В итоге получалось, будто молодые люди поссорились из-за ревности к Люсиль. Мари не стала разубеждать подругу: интуиция подсказывала, что ссора возникла по другой причине. Но добиться истины теперь было бы сложно, если только не существовало способа восстанавливать память.

Арман смог подняться, его усадили в кресло, налили вина, но он отказался, сославшись на то, что этот сорт вызывает лёгкую аллергию. В это время Люсиль спешно наводила порядок в тайнике отца, чтобы скрыть преступление.

— Я уеду домой, в таком виде нельзя показываться в зале, — Мари задумчиво смотрела на два кубка, валяющихся на полу. — Антуан, проводи меня в комнату к Жанетте.

Мари, выглядевшая уставшей, ухватила за подставленный локоть брата, махнула друзьям рукой на прощанье. И ушла, провожаемая взглядом Армана, так же обратившего внимание на кубки.

— Отец нас накажет! — простонала Люсиль, прикидывая, успеют ли слуги навести порядок до того, как сюда вздумает появиться отец.

Дойдя с помощью Антуана до комнаты, где ждала Жанетта, Мари подумала, а не погорячилась ли она с планами на вечер. Сил не было совершенно, «сосуд» был пуст, почти всё передала Арману. Секунды прикосновений к Арману до появления Люсиль восполнили резерв, но, очевидно, для энергичных действий их бы не хватило.

Жанетте потребовалось время, чтобы переварить увиденное: господин приводит госпожу в испачканном и разорванном платье, сажает её, шатающуюся, на кровать, начинает распрашивать, а та устало машет рукой. Какой ужас! Но Мари остановила её жестом, спокойно обратилась к брату:

— Говори родителям, что хочешь и как хочешь, но чтобы они не поехали за мной сразу после твоей новости. Можешь сказать, что я нарасхват и сижу в пузыре для поцелуев, а перед ним целая очередь желающих.

— В пузыре? — Антуан расхохотался, — понял!

Он ушёл, и Мари, как сидела, так и опрокинулась на кровати, раскинув руки. Изнывающая от любопытства Жанетта примостилась рядом. Мари стала рассказывать с момента начала бала, минуя некоторые подробности вечера, в частности, поцелуи Анри. Дошла до королевского Ирминсуля и поняла, что нет желания делиться предысторией Лабасского Контратата. Субретка взмолилась, но так и осталась в неведении: слова как застряли — то кашель напал, то сдавило горло...

В дверь постучали. Это был Анри.

— Почему я не могу рассказать Жанетте про ту историю, которую узнала у Ирминсуля? — с порога огорошила его Мари.

— Я не накладывал на вас печать молчания, если вы об этом. То, что узнают под Ирминсулем, всегда остаётся там, — не спрашивая разрешения, Анри присел рядом. — Что случилось между вами, Арманом и Лоуренсом?

Мари рассказала всё в подробностях, разрешив Жанетте присутствовать при разговоре, чтобы потом не повторяться. Вспомнила про два кубка и открытый тайник, который сегодня перестал им быть.

— Мы испробуем все средства, чтобы восстановить Делоне память, — пообещал Анри, весь монолог Мариэль не прекращая перебирать во рту любимую зубочистку. — Шархалов Хранитель... не сунешься к нему теперь... Послушайте, Мари!

Он достал из-за пазухи завернутые листья Ирминсуля и протянул их девушке. Та показала листья Жанетте, и субретка благоговейно поцеловала их, не веря своим глазам.

— Хранительница, которой вы завтра отдадите листья, — сильный маг? — зелёные глаза сосредоточенно путешествовали по лицу Мари, заметили пятнышко, и рука потянулась, отгёрла его.

Жанетта рот открыла, видя этот доверительный жест, доказывающий, что инквизитор и хозяйка помирились.

Мари кивнула:

— Думаю, да. Уверена.

— Тогда попросите её приготовить порошок из этих листьев. Скажите, нужно средство «Истина Ирминсуля». Она должна знать, что это такое.

— А что это такое?

Анри усмехнулся:

— Ко встрече с истинными желаниями и воспоминаниями, которые хотелось забыть, нужно быть готовым. Некоторых медитация после вара из этих листьев меняет сильно. Почему вы так на меня смотрите? — юноша улыбнулся. — Ну да, я пробовал.

— Вспомнили?

— Нет. Зато познал более важные вещи, — зелёный взгляд остановился на губах девушки, а потом резко скакнул на краснеющую служанку. — Брысь отсюда! Вернёшься через минут... полчаса...

— Не «брысь»! — Мари фыркнула. — И вообще, вам срочно надо идти, а мне переодеться, то есть, одеваться и уезжать.

— Поедете домой в таком виде?

— А кто под плащом увидит?

— Логично, — Анри поднялся, собираясь уходить. — До встречи? Не вижу смысла больше находиться здесь. Загляну кое к кому и, пожалуй, вернусь в Люмос. За Его высочеством установим слежку, а если будут новости, я вам сообщу. И, на всякий случай, я бы посоветовал вам сменить комнату до тех пор, пока не прояснится ситуация. Лоуренс был у вас дома, а защиты на замке нет.

Мари переглянулась с Жанеттой, та кивнула:

— Я приготовлю вам другую комнату, госпожа, — обратилась к Анри. — Благодарю вас, сир Анри, за заботу о моей госпоже. Да благословит вас Белая Владычица!

— Уже, — хмыкнул Анри. Поклонился девушкам и пошёл к двери. Взявшись за ручку,

обернулся. — Вы можете не беспокоиться относительно моей памяти. Пробелы остались, за исключением одного забавного случая при участии вашей кухарки. Не знаю, как вы это провернули, но восхищён вашей изобретательностью. До встречи, сирра Мариэль, прошу вас, не гуляйте больше по ночам без сопровождения.

Анри подмигнул краснеющей Мари и вышел, не давая шанса обманщицам оправдаться.

Следом визит нанесла Люсиль, ненадолго, потому что торопилась. Её служанка Адора прибиралась в кабинете сира Аурелия, продолжая заметать следы драки. Ещё нужно было привести в порядок жюстокор Армана. Других слуг не подключали, желая избежать сплетен. Люсиль просила подождать Жанетту, чтобы потом с Адорой сходить за сменным платьем для Мари. А тем временем златовласка из всех сил будет отвлекать отца.

— Так в чём же дело? Давайте я помогу убраться? Вдвоём мы справимся быстрее, — предложила Жанетта, и Мари дала согласие.

Люсиль поблагодарила и, заговорщически делая глаза большими, сказала:

— Арман хочет с тобой поговорить, Мари. Поблагодарить тебя за помощь... Я попрошу тебя побыть с ним, пока его одежду приводят в порядок. Он всё ещё плохо себя чувствует, ему нельзя в таком виде появляться на балу. Хорошо?

Знала бы она, как ёкнуло сердце у Мари. Положить перед котом колбасу и попросить покараулить — хорошенькая задачка. Это в присутствии посторонних всё было в порядке, а наедине... Сердце зашлось от дурного предчувствия.

— Надеюсь, он придёт сюда не раздетый? Прости, ты как-то двусмысленно сказала о его одежде.

Люсиль посмеялась шутке и успокоила подругу: на устранение следов драки забрали только жюстокор и штаны, взамен последних выдали на время собственность сира Аурелия. Здесь, на служебной половине замка, герцог практически не появлялся, поэтому можно было не переживать за встречу юноши и хозяина штанов.

Златовласка и субретка ушли, но перед этим Мари попросила передать, чтобы Арман зашёл через полчаса, не раньше. Едва за ними закрылась дверь, Мари судорожно начала снимать верхнее платье, благо Жанетта научила расшнуровывать платье с помощью хитрого трюка бытовой магии. Нужно было успеть переодеться и улизнуть из комнаты до появления Армана.

— О чём ты думала, боже мой! — ругала себя Мариэль, запутываясь в юбке и торопливо разворачивая узел с мужским костюмом. — Язык мой — враг мой! Не могла сказать, что не при чём... Полезла обниматься!.. Проклятье!..

Кое-как сложила платье и натянула мужские подштанники. В дверь постучали.

— Мари, разреши войти, — попросил голос Армана.

Глава 29. Никогда не говори никогда

В любви бесит то, что в этом преступлении не обойтись без помощника.

Шарль Бодлер

Она замерла, как преступник, застигнутый врасплох. А как же полчаса? «Ну, Люсиль!» — Мари бессильно сжала кулаки. Откликнулась, прося дать ей минутку, убрала мужской костюм и заметалась в поисках чего-нибудь подходящего накинуть на плечи. Платяной шкаф был пуст: в этой комнате никто не жил. Стянув покрывало с кровати, закуталась и открыла дверь.

— Я не успела переодеться, — объяснила свой вид. — Здесь поговорим?

— Нет, это долго. Без свидетелей, — Арман устало улыбнулся, — прости, ты тоже выглядишь, как после хорошей драки, я понимаю: не до разговоров.

Дверь пропустила юношу внутрь. Он осмотрелся, присел, морщась от болезненного движения, на мягкую кровать, игнорируя жёсткий стул, и опёрся на руку.

— Если ты поблагодарить, то всё в порядке. Я тебе вернула должок, — Мари присела рядом. Болезненный вид юноши её беспокоил, и всё же от одного взгляда на него теплело в груди. Усталый, он казался ещё более милым и желанным. — Спина болит?

Арман качнул головой:

— Ерунда, домой вернёмся, матушка вылечит. Хотел я сказать... Знаю, ты сейчас разозлишься...

Мари его перебила:

— Подожди. Не могу на тебя такого смотреть, покажи, что со спиной? — щекочущий в груди свет рвался наружу, перехватив бразды управления над разумом и телом. Руки сами потянулись к сюртуку сира Аурелия.

— Антуан рассказал, как ты делилась со мной резервом, ты истощена. Что ты хочешь сделать? Отдать последнее, чтобы сюда пригласили из зала господин Майна? — Арман придержал руку девушки.

На него воззрилось сердитое лицо:

— Я похожа на человека с пустым резервом? Не заговаривай мне зубы, показывай свою спину. Его мразочество тебя приложило о косяк, я же видела. Лучше я, чем сирра Элоиза: тебе хочется слушать её слёзную истерику?

Юноша подумал и начал расстёгивать болтающийся на нём сюртук. Мари помогла снять его, а потом задрала рубашку на Армане сзади и охнула: по всей спине, от плеча до бёдер шла толстая синюшная вздувшаяся полоса. Заставила Армана лечь животом на кровать, занесла руки над спиной:

— Так о чём ты хотел поговорить?

Приятная прохлада, идущая от рук вместе со светом, медленно успокаивала рану, синева бледнела, но не желала сдавать позиции без боя. Тем не менее, юноша промычал расслабленно:

— Приятно, уже не так горит... У тебя открылся ещё и целительский дар?

— Не проверяла на всех подряд, но, думаю, вряд ли, — Мари кусала губы, присматриваясь к процессу заживления, — после липы попробовала на себе и получилось... Сир Майн у-ди-вил-ся...

Она отстранилась, чтобы посмотреть на результат издалека. Получалось неплохо. Два сантиметра раны почти сошли на нет. Осталась сушая ерунда — ещё три десятка сантиметров... Подняла руки и остановилась: Арман глубоко вздохнул и мерно засопел. Уснул!

Продолжила в тишине заживлять рану, спина под руками дышала, еле заметно поднимаясь от дыхания спящего и опускаясь. В комнате разлилась тишина, стало так спокойно и хорошо...

Девушка скинула с плеч мешающее покрывало. Установила в комнате шатёр безмолвия, чтобы внезапно вошедшая Жанетта не разбудила Армана, и вернулась к работе. Не удержалась — погладила спину. Арман глубоко вздохнул во сне.

Она поддалась приливу нежности, наклонилась и легко прижалась губами к пульсирующей ране. Его гладкая кожа, его спина, его тело — от осознания того, что она рядом и касается, захотелось стонать. Браслеты нагревались, приводя в чувство.

Мари отстранилась, нужно было взять себя в руки, пока Арман не проснулся. Вздохнула глубоко дважды и открыла глаза. Посередине багровая полоса обрывалась, там находилось розовое пятно, без синевы и припухлости, как и в том месте, где успел поработать свет от рук.

«Так будет быстрее», — успокоила она себя и браслеты. Те подумались и остыли, соглашаясь на компромисс. И Мари потянулась, удобнее устраиваясь над Арманом, начала от верхней синей точки, спускаясь ниже, не запоминая, где губы только касались дыханием, а где нежность превращалась в другое чувство, более насыщенное и требовательное — там язык касался кожи, чувствуя особенную пульсацию затаившейся боли. Вот остался последний участок размером с поцелуй — и девушка с сожалением остановилась, не поднимая губ над кожей спины.

Дыхание спящего на середине процедуры изменилось, но лекарь, поглощённый процессом, не заметил этого. С трудом Мари заставила себя распрямиться. И без разглядываний спины знала — рана затянулась. Нельзя было туда смотреть! Не оборачиваясь, протянула руку и накрыла исцелённую спину рубашкой.

— Я против, чтобы ты стала лекарем, — Арман медленно приподнялся на руках и сел рядом, одёргивая закрутившийся край рубашки.

— Почему? — она боялась взглянуть в его сторону.

— Не хочу, чтобы ты лечила таким образом всех подряд, особенно мужчин.

Мари кивнула, в горле пересохло. С резервом всё было в порядке и даже слишком, не смотря на потраченную только что часть...

Юноша поменял положение, разворачивая корпус к Мари и рукой заставляя девушку сделать то же самое. А когда она повернулась, обхватил обеими руками оголённые предплечья и потянул к себе, замечая и то, как просвечивает ткань нижнего платья, и то, как бьётся нервно жилка на шее под виновато опущенной головой:

— Зараза ты, Мариэль... Прости, но мы должны проверить наши магии на совместимость.

— Чтобы убедиться, что не подходим... они не подходят друг другу? — она кивнула, не смея поднять глаз.

— Да.

Дрожь её тела, ощущаемая подушечками пальцев через тонкую ткань, упавшие на лицо локоны... Арман приподнял подбородок — на опущенных ресницах повисли упрямые капли.

Он смотрел на девушку с любопытством и без сочувствия, не зная, верить ей или нет.

Да, сейчас она не была похожа на ту Мариэль, которая некогда лукаво выпросила поцелуй и потом истерила, играла с ним и выводила из себя. А эта... эта не играла?

Разительная перемена случилась с ней после сна под Ирминсулем, но Арман не помнил истории, в которых бы проявившаяся магия меняла суть человека. Возможно, именно потеря памяти пошла на пользу, и сейчас перед ним та девочка, которую он знал с младенчества. Но...

Обновлённая Мариэль казалась ему интересной, и всё же прежний опыт общения с ней пугал перспективой оказаться в дураках и, что ещё хуже, последствия могли зацепить Люсиль. Воспоминания к Мариэль хоть и медленно, но возвращались, и если он сейчас даст ей надежду или, ещё хуже, поддастся в игру, — что будет потом?

Ведунья, которую матушка для развлечения пригласила на злополучную Ночь горги, увидела эти сомнения, хотя он не спрашивал про Мариэль. Он вообще ничего не спрашивал: больно надо играть в детские игры! Сел напротив, позволил изучать себя, ведунья рассматривала его долго, пристально, удовлетворённо кивнула, как будто её мысли совпали с наблюдениями, спросила:

— Хочешь что-нибудь узнать?

— Нет, — просто ответил он. За двадцать лет ему суеверий матери хватило с лихвой. Не хотелось перебирать это добро ещё и на стороне.

Ведунья легко усмехнулась:

— Хорошо, молодец. Тогда прими совет просто так. Человек способен побороть свои слабости, но порой сложно отличить слабость от силы, а сомнение от рассуждения. Помни в этих случаях: не совершает ошибок тот, кто ничего не делает. Выводы рождаются от действия...

Он тогда плечами пожал, не придавая значения пустым словам, а сегодня, когда на него надели трое: Антуан, беспокоившийся за сестру, рациональный Ленуар и даже Люсиль, уставшая от выходов Мариэль, — с такой поддержкой легче было решиться. В то, что результат может получиться неожиданным, он не верил. В *крайнем* случае, сказал Анри, подразумевая под этим словом совпадение магий, нужно помнить, что даже магия может ошибаться. Главное — не дать Мариэль ложной надежды. Всё пройдет, как надо, если он сделает всё правильно, хладнокровно и не торопясь.

— Ты боишься? — спросил, внимательно разглядывая лицо; пытался найти признаки притворства и не находил. Её растрёпанные локоны качнулись неопределённо. — Всё будет хорошо. Ты получишь ответ на свой вопрос, Мариэль, и тебе станет легче.

«Или вам всем станет легче?» — договорила про себя она. Значит, Ленуар убедил Армана — какая подлость! Доброжелатели спасают её чувства, одновременно не щадя их.

Слёзы обиды сорвались с ресниц, и следом набухли новые. Арман тыльной стороной руки отёр её лицо:

— Успокойся. Это займёт несколько минут, — он запечатал дверь от вторжения, улыбнувшись пологу тишины, притянул было девушку к себе, но она непонимающе отстранилась. — Иди ко мне, я не хочу, чтобы ты отвлекалась на неудобное положение.

Подхватил Мари и усадил себе на колени. Можно было приступать, но он медлил, ибо видел: та, что неотступно преследовала его несколько лет, не готова. Не готова, шархал побери! Так играет или нет? Эта мелкая дрожь под тонкой тканью, закушенная губа и руки, висящие плетьюми... Играет?

Он провёл большим пальцем по губам, расслабляя их. Мариэль подняла ресницы, и её взгляд обжёг, не насмешкой, не страстью — что-то похожее на страх, неуверенность и страдание плескалось в глазах, смешиваясь. Она боялась его? Она, час назад ударившая принца, перед которым лебезили все? Она, которая там, под ветками дерева, шутила и дразнила его? Или это страх перед поражением?

О, Владычица, пусть она не просит дополнительной попытки, когда увидит, что их, Армана и её, магический свет разный!

Арман приблизил к ней своё лицо, а она немного отстранилась. Он ждал, прикрыл глаза, чтобы не смущать её взглядом, и Мари потянулась, медленно. Сначала одна рука поднялась, скользнула по локтю, к плечу, неловко пальцем коснулась шеи, не подозревая о мурашках, устроивших марш по проложенному рукой маршруту, и зарылась пальцами в волосы, перебирая короткие пряди. Вторая рука повторила путь первой. Это было приятно, но, слава Владычице, не лишало разума.

Поднял взгляд — глаза в глаза. Она искала что-то в его лице, как будто пыталась запомнить. Нужно было расслабиться, и Арман погладил тыльной стороной согнутых пальцев скулу, щеку девушки. Глаза её сами собой закрылись, голова повернулась и поймала губами руку, поцеловала и потёрлась щекой об неё. Одна из рук Мари перестала гладить волосы и перехватила его пальцы у своего лица.

Он наблюдал странную игру с его рукой — лёгкие, как прикосновения снежинок, поцелуи подушечек пальцев, кисти, ладони и попутное трение щекой о них, как это делают абитаты, ласкаясь к хозяину. Выглядело несколько забавно, необычно и... контроль над телом пропадал, неудобно стало сидеть. Арман с трудом заставил себя остановить эту отвлекающую от главной цели игру и забрал руку.

Потянулся вперёд и нажал рукой на спину в области дрожащих лопаток, чтобы не убежала, не отвернулась в нужный момент. Приблизил лицо.

Губы соприкоснулись дыханием, щекоча чувствительную кожу. Мари не поддавалась, не делала первого шага. Да сколько можно тянуть? И он накрыл своими губы Мари, одновременно ощущая и то, как они раскрываются, и то, как её пальцы перебирают его волосы на затылке, несмело надавливая на него, намекая на желание усилить прикосновения.

Зараза Мариэль! Иная, не похожая на Люсиль, вечно дразнящая, выводящая из состояния равновесия. Заставляющая испытывать набор эмоций, к которым он не был готов. Выбешивающая и постоянно испытывающая его.

Как было просто и понятно с солнечной Люсиль, согревающей своим взглядом и обволакивающей своей улыбкой! Поцелуи с ней успокаивали, дарили надежду и не порабощали его тело до безумия, что ему нравилось. Люсиль позволяла ему сохранять хладнокровие — то, к чему он привык и в чём нуждался. Золотоволосую не хотелось догнать и отшлёпать за шалость. Её просто не хотелось обижать.

Но эта же, зараза, напрашивалась. С тех пор, как приехала Люси! Ревновала по-детски глупо, делая так, что на неё невольно обращали внимание, отрываясь от созерцания солнечной красоты милой послушной девочки. Порой Арман не знал, как реагировать на её выходки, потерялся и сейчас.

Арман не хотел, но знал, что без полного расслабления свет магий не раскроется, не пойдёт навстречу друг другу. Поэтому позволил затянуть себя в омут чувственности, чтобы ускорить событие, ведь магия Мари начинала откликаться, а он всё ещё находился на стадии

сомнения перед главным прыжком.

Поцелуи становились глубже, дыхание (его или её?) сбилось на нет, теряя привычный ритм, а когда стон извне проник внутрь и смешался с его — Армана выкинуло в другую реальность.

Он стоял босиком, в коротких летних штанах и тонкой рубашке на мягкой, ласкающей ступни, траве. Перед ним и вокруг него благоухал весенний сад в цветочной пене, взбитой солнцем. Перепутать было невозможно: то были розовые вишни, деревья с тонкими стройными стволами, тянущими свои руки к небу. Лёгкий бриз нежно подхватил немного лепестков и закружил вокруг Армана. От этого аромата волна щекотки поднималась в животе, дошла до грудной клетки — и затопила счастьем.

Он раскинул руки и упал в щедро посыпанную лепестками траву, улыбаясь: во всём теле перекачивалась волнами лёгкость.

— Отдаю тебе большую часть дара по собственной воле, прими его! Бери и помни! — шепнул знакомый голос-ветерок над его губами, и Арман вздрогнул от нового ощущения наполняемости чем-то значимым, тягучим и одновременно прозрачным — божественно прекрасным, как жидкие сурьянские кристаллы.

Незнакомая сила заполняла его изнутри, и он жадно прислушивался к себе, своему резерву, пока не догадался — Мари поделилась с ним своим даром, сделала то, что позволяют себе только супруги для подтверждения идеального слияния магий.

Зараза! И сумасшедшая! Всё-таки стоило доверять интуиции и опыту. Мариэль снова его подчинила себе, инициировала первый этап обручения.

Стоило разозлиться — и его выбросило из благоухающего сада в реальность. Придя в себя окончательно, он ужаснулся, увидев Мари под собой, на кровати, а не на коленях. Перевалился на бок, освобождая лежащую девушку от массы своего тела. Когда они успели?.. Он не помнил, когда его рубашка полетела на пол. И почему исчез шатёр безмолвия.

Слов, таких, которые можно было бы сейчас озвучить вслух, у него не было. Он молча натянул рубашку, камзол, поправил одежду.

— Ты должна знать, что полное слияние может случиться с разными магами, — Арман старался не смотреть на Мариэль, расслабленно лежащую на спине на кровати.

— Я знаю, — спокойно откликнулась девушка, и юноша удивлённо обернулся на неё:

— Так зачем же ты?.. Ты сама понимаешь, что сделала?

— Поделилась даром, чтобы следить за тобой, — серьёзно сказала Мариэль, зевнула скучающе и села на кровати, потягиваясь. А затем рассмеялась, бросила подушку в онемевшего Армана, стоящего посреди комнаты неподвижно. — Пошутила я. Не умею я такого да и не смогу теперь сделать. Всё в порядке, ты же так обещал мне? Ну да, слияние было — и что? Для меня это ничего не меняет. Я всё равно уеду в Лалеш. А ты останешься тут. Что-то мне подсказывает, что его мерзотнейшество вернётся, и я хочу, чтобы у тебя хватило сил ему противостоять. С ментальным даром ты навалеешь ему, и я буду гордиться тобой.

Она поднялась с кровати, поправила сбившееся постельное, накрыла покрывалом — и всё это спокойно, с хладнокровием, которое только что изменило Арману. Юноша рывком развернул к себе Мариэль:

— Ты сумасшедшая! — а глаза невольно опустились на просвечивающую рубашку.

— И зараза, — она погладила Армана по щеке. — Мы же друзья, верно? А друзья помогают друг другу... Ещё одна просьба — не рассказывай никому про мой подарок. Будет

столько шума, что сир Марсий точно заставит тебя жениться на мне. Или ещё что-нибудь плохое произойдёт. Пользуйся с толком, чтобы мне не стыдно было за тебя. А теперь давай-ка прощаться. Своим интриганам можешь сказать, что миссия провалилась, и я успокоилась. Теперь пусть настанет их черёд успокоиться.

Мари протянула руку Арману:

— Да? Мир, дружба и береги свой длинный нос.

Юноша с оторопелым видом пожал руку, но задержал рукопожатие, не отпуская пальцы и чувствуя борьбу желания одной половины разума, созерцающего свободную одежду, снять которую — дело одного движения, и второй половины разума, сдерживающей, хладнокровной:

— Ты... Я не знаю, что сказать.

— А ничего не нужно говорить. Всё, пока! Благостного вечера, — Мари подтолкнула юношу к двери, тот послушно дошёл, открыл дверь.

Сразу послышался голос Жанетты:

— Я вам платье принесла, госпожа. Позвольте, сир Арман? — субретка посторонилась, выпуская юношу из комнаты и с любопытством пытаясь по его вытянутому лицу понять, что его удивило.

Он вышел в коридор, служанка проскользнула внутрь. Мари на прощание ему подмигнула и захлопнула перед ним дверь.

Арман медленно пошёл по коридору, переваривая случившееся. И вдруг развернулся, быстрым шагом преодолел расстояние до знакомой двери, не стучась, рывком открыл дверь и увидел: Мариэль сидит на краю кровати, уткнувшись лицом в подушку, и гасит с её помощью отчаянный крик.

Жанетта стояла рядом растеряная, положив руку на плечо госпоже.

— Пошла вон! — рявкнул Арман субретке. Её неторопливость взбесила, и он, схватив служанку за локоть, вытолкал за дверь. Размашистым движением запечатал дверь и повернулся к Мари, испуганно глядящей на него поверх подушки мокрыми глазами.

Глава 30. Тринилия

Я заметил, что даже те люди, которые утверждают, что все предрешиено и что с этим ничего нельзя поделать, смотрят по сторонам, прежде чем переходить дорогу.

Стивен Хокинг

После бала все отсыпались до обеда. В комнате, где ночевала Мари, не было зачарованного шнура для вызова прислуги, поэтому девушка, продолжая зевать, накинула на нижнее платье шаль. Нужно было умыться, подготовиться к очередному дню, проверить почту и сделать ещё кое-что важное. В коридоре разлеглась тишина, а за матушкиной дверью слышался приглушённый разговор Илари и Наны.

Мари подавила желание постучаться и повернула к бабушкиной двери. Тринилия была безукоризненно одета, причёсана и писала, сидя за конторкой. Два готовых письма лежали рядом. Мари показалось, что бабушка расстроена, но визит внучки удивил, неопределённые эмоции на лице перемешались.

— Хотела пожелать вам благостного дня, — девушка обняла бабушку, вставшую из-за конторки. — Простите меня, я мало уделяла вам внимания последние четыре года.

Тринилия за плечи отодвинула внучку и всмотрелась в её лицо:

— Лиса, говори, что случилось, — бесспорно, слова Мари её порадовали. — Ты всё вспомнила?

— Расскажу, но сначала разрешите, я умоюсь у вас? — не дожидаясь позволения, пошла в туалетную комнату.

— Что случилось с твоей комнатой, и почему ты до сих пор выглядишь неподобающе сирре?

Мари улыбнулась: наконец бабушка вернулась в своё перманентное состояние, и это приятно напомнило о стабильности.

Впервые после обморока под королевским Ирминсулем она почувствовала изменения, названия которым смогла дать, только основательно выспавшись. Владычица подарила ей гармонию — то, о чём говорят: «Всё встало на свои места».

Не было сомнений в душе. А восстановившиеся люмерийские воспоминания прежней Мариэль объединились с воспоминаниями Марии. Мысленно помолилась, поблагодарила Владычицу за очередное чудо и, особенно, — за отсутствие грязных картин о прошлом: всё, что сгорело вместе с дневником, так и осталось памятью о прочитанных записях из чужой жизни.

В жизни Мариэль было два периода: до Люсиль и после неё. В первый она была дружна с бабушкой, обожаема членами семьи и слугами. Тринилия знала все секреты внучки, и они часто вдвоём шептались перед сном. Мариэль тайком прибегала полежать с бабушкой под тёплым покрывалом, а то и уснуть ненароком. Поддержку, которую бабушка пыталась дать после появления солнечной Люсиль, Мариэль отвергла, замкнувшись в себе и обидев этим. Но сегодня настал день, когда эту ошибку можно было исправить.

Умывшись, вернулась к Тринилии и застала её за согреванием травяного настоя. Утреннее чаепитие с бабушкой перед общим завтраком — что могло быть лучше? Конечно, время было далеко не утреннее, но какая разница? Мари с удовольствием примостилась в кресле за столиком, где стояли две приготовленные чашки с танцующим над ними паром.

— Пока не забыла, бабушка, скажи, как зовут сира, среднего роста, с проседью? Танцевал с супругой, у которой на платье, вот тут, был вышит цветок. Ещё у него на пояском гербе вилась необычная себристая полоска. Кажется, прибыл порталом из столицы... Он показался мне странным, и я его запомнила.

Цепкая память Тринилии выдала имя — сир Хэллар. Мари повторила имя, запоминая. В письме к Анри обязательно нужно будет написать об этом господине, без сомнения, хорошо знающим принца и того странного человека-тень.

Генеральная репетиция метаморфных способностей удалась на славу. Сначала пришлось выяснить отношения с Арманом, в результате которых он всё-таки вышел из себя, а потом жалел остаток бала, это читалось на его лице и в нервных ответах к матери. Знал бы он, что стоящий рядом мужчина неопределённой внешности еле сдерживается, чтобы не хлопнуть парня по плечу и не сказать: «Да прости ты эту заразу!» Находиться рядом с Арманом в чудой личине было... необыкновенно комфортно. В этом призналась себе Мариэль и успокоилась относительно своего плана на будущее.

Тогда, вернувшись и застав её в истерике, Ар всё понял. И потребовал забрать назад ментальный подарок.

— Ты хочешь повторить то, что было? — не отпуская подушку, словно щит, спросила она, боясь произнести слово.

И юноша, впавший в ступор от вопроса, с минуту смотрел сверху вниз на Мари, а потом процедил:

— Значит, и в этот раз всё было просчитано? Мы ходим по кругу? — напомнил о прошлом шантаже, и его кулаки машинально сжались. Стукнул по стене так, что Жанетта забарабанила в дверь, забеспокоилась, всё ли с госпожой в порядке. — Невероятно! Мариэль, ты неисправима! Ты готова пожертвовать даром, чтобы снова поиграть со мной?! Ну, отлично! Сделаем по-твоему!

И он отшвырнул подушку, сграбастал Мариэль, больно впился губами в сопротивляющиеся губы, потянул к кровати.

Пощёчина в некоторой степени привела в чувство, но яростность продолжала бесноваться в серых глазах и на поджатых губах.

Мари не знала, как опровергнуть и доказать невиновность: всё сказанное прежде относительно подарка было чистейшей правдой. Если не преимущество, то равные условия перед Лоуренсом повышали гарантии безопасности. Всё, что волновало её — его жизнь. Даже утренние планы подарить ему ментальный дар для того, чтобы сопротивляться магии очарования Люсиль, — даже это отошло на задний план после случая с принцем.

Мари молчала, и Арман презрительно смотрел на неё. Выждал время для оправданий, не получил их и бросил:

— Я найду другой способ вернуть тебе твою собственность. Удачи в Лапеше! — и пошёл к двери.

Она смотрела, как он уходит, и жгучая боль скрутила живот и лёгкие. Вот он снимает печать и открывает дверь, за которой хлопает глазами испуганная Жанетта.

— Стой, подожди! — она бросилась вперёд и закрыла собой выход. — Жанетта, у тебя есть нож, я знаю. Дай!

— Зачем, госпожа?

— Не придумывай, Мариэль, мы попрощались!

Одновременно сказали двое, но у обоих выиграло любопытство. Мари выхватила складной нож, один из нескольких вспомогательных инструментов, которые служанка носила на пояском кармане, закрыла дверь собой, не давая Арману выйти, и полоснула по ладони. Почему это сделала и откуда знала, что именно делать, поняла много позже: после Ирминсуля забытые знания только ждали подходящего момента, чтобы проявить себя.

— Я приношу клятву на крови и требую справедливого суда над моей честью! Клянусь, что не замышляла дурного во время передачи дара, и он отдан добровольно для поддержки сил.

Жанетта за дверью простонала, услышав, о чём идёт речь. Струйка крови от сжавшейся ладони потекла по поднятой руке к локтю. Арман смотрел и играл желваками: он всё ещё не верил.

— Клянусь также, что ни при каких обстоятельствах я не стану... — она подбирала слова, не зная, как сформулировать клятву, а лёгкая усмешка и сощуренные глаза только сбивали с толку, — я не стану делать того, в чём меня только что обвинил сир Арман Вэн Гхариат Делоне, а именно — добиваться его внимания и поцелуев сомнительными средствами. Пока сам сир Арман Вэн Гхариат Делоне не изъявит желания и не подтвердит свою волю. Беру в свидетели Чёрного Некроманта. Энон-эрит!

Огонь в комнатных светильниках вскинулся. Рубиновая струйка на руке замедлила ход, поднялась в воздух, зашипела, превращаясь в серебристый пар. Опустилась на запястье, рядом с браслетами. На коже проступил рисунок древесных корней — символ Некроманта, и исчез.

«И всё-таки ты сумасшедшая!» — читалось в глазах юноши, чей гнев понемногу уступал место сожалению о срыве. Мари открыла дверь перед ним:

— Уходи, мы попросились! — повторила его слова, и уголки её губ предательски дрогнули, опускаясь. — Ты всё услышал, но можешь не извиняться. Возможно, я бы тоже так подумала на твоём месте. Если бы не помнила слова о доверии.

Дверь в очередной раз закрылась перед носом Жанетты.

— Признаю, был не прав, — юноша придержал рукой дверь, — но какого шархала ты используешь тёмную клятву?

— Потому что ты снова отравил во мне свет, — призналась она, глядя на подушку, — как два года назад.

Она уже чувствовала, как её менялся свет, который не повредило даже чувство горестной потери после желанных прикосновений; в нём начинала клубиться тьма, оседая муťou на дне сосуда. К горлу подкатила тошнота: магия пыталась избавиться от отравы.

Мари метнулась к туалетной комнате, и там её вывернуло, едва успела склониться над чашей для омовения. А после стояла, пытаюсь отдышаться и понять, закончилось ли всё или только начинается.

— Дай руки, — сказал рядом спокойный мужской голос, заноса над чашей кувшин с водой. Юноша помог умыться, сам вытер лицо Мариэль, налил в кубок воды, протянул: — Выпей. В комнате все светильники погасли. Зачем нужно было сбрасывать резерв?

И правда, горела единственная свеча на столе, видимо, Арман сам зажжёт её. Мари равнодушно промолчала, дошла до кровати, подтянула подушку и легла с ней в обнимку, скручиваясь в позу эмбриона. Теперь придётся ждать, пока резерв восстановится, а свет поймёт, что случившееся — ошибка. В этом состоянии безразличия было всё равно, ушёл Арман или остался. Идёт где-то там бал или нет. Уснуть здесь или вернуться домой.

— Иди ко мне, я помогу, — вздохнув, сказал юноша, садясь рядом, — с тобой не соскучишься... зараза...

Она молчала, не двигаясь. Юноша вздохнул ещё раз и лёг рядом, так, чтобы видеть в полумраке её отсутствующий взгляд, остановившийся на одной точке.

— Ну, прости. Был неправ, — он неловко погладил Мари по щеке, и девушка дёрнулась, как от удара током, тихо застонала от боли. Клятва работала. — Что происходит?

Следующее прикосновение дало похожий эффект. Арман не понимал, что делает не так.

— Знате, сир Арман, я вас, конечно, уважаю, но и вам глупости не занимать! Так что лучше бы вам уйти, — тихо сказала вошедшая Жанетта. — Вы причиняете боль моей госпоже. И я это тоже чувствую. Вы не можете больше её касаться просто так.

— Почему?

— Потому что не осознали свою волю и не подтвердили её вслух, — удивляясь невнимательности господина, Жанетта зажгла светильники и встала возле двери. — Госпоже нужно одеваться и ехать домой.

Арман сел на кровати и взлохматил волосы, покачал головой:

— Почему с вами так сложно? Выйди. Я замутил это болото, мне его и чистить...

Завершить диалог с Арманом на мирной ноте не получилось. Мари как-то не учла, что, призвав в свидетели Чёрного Некроманта, тем самым предоставила ему шанс повеселиться за чужой счёт. Тёмная сущность, едва её призвали в свидетели, неотлучно находился в комнате, наблюдая за происходящим и перебивая диалог двух незадачливых любовников так, что его, Некроманта, слышала одна Мариэль, а Арман не понимал странных фраз девушки.

— Покажи мне огонь, я хочу убедиться, что с тобой всё в порядке, — потребовал Арман, слегка потерявший терпение от диалога, заметно переходящего в абсурд.

— Со мной всё в порядке! — она вытянула руку и призвала огонь.

Вспыхнувший яркий шар на ладони вдруг пшикнул и выбросил струйку дымка. Вместо того чтобы расстроиться, Мариэль улыбнулась и посмотрела куда-то в пустоту, как будто рядом с юношей находился некто третий.

— Твоя ментальность поддерживала огонь, — вынес вердикт Арман, испытывая сильнейшее чувство вины, — ты должна забрать свой дар. Это вопрос твоей безопасности, почему так сложно это понять, упрямая ты?

— Хорошо, давай об этом завтра поговорим, — спокойно согласилась Мари и указала на дверь. — А сейчас я хочу уехать домой.

Опустила руку, и с той слетел на пол щёлкнувший браслет. За ним покотился второй, заставляя юношу побледнеть.

«Вот такие финалы драмы я люблю!» — в голове Мари гоготнул голос Некроманта, снявшего браслеты. Если бы можно было ударить эту сущность, невидимую никому, кроме самой девушки, она бы это сделала с особенным наслаждением.

Впрочем, появившаяся Жанетта успешно справилась с задачей по изгнанию непрошенных некромантов, начав молиться и призывать Владычицу. Чёрный провокатор ретировался, и Армана с трудом выставили за дверь.

Мари с удовольствием глотала ароматный травяной вар из неглубокой чаши, поставив локти на столик и по-рассеянности демонстрируя руки без украшений.

— А где твои браслеты? — Тринилия сразу заметила и нахмурилась. Что успело

случиться с несносной девчонкой? Илария месяц тренировалась сдерживать желания, а наследнице её дара понадобилось меньше недели.

— Обещаешь не ругаться? — Мари колебалась, не зная, до какой степени откровенности стоит пойти.

— Посмотрим, — бабушка подпёрла щеку ладонью. — Конечно, юный помощник сира Фелиса постарался? Ты весь вечер посвятила ему, я надеялась увидеть тебя порхающей по залу со сверстниками, но нет — всего один танец с Делоне, и тебе стало скучно... Как этот Ленуар тебя развлекал? Ладно, ладно... говори всё. Догадываюсь, не удержались и поцеловались, — покрасневшая и опустившая глаза в чашу внучка подтвердила бабушкину догадку. — Каков он?

Мариэль похлопала по горящим щекам, смущаясь. Жанетте пересказывала — уснуть потом не могла, и опять беречь душу?

На периферии зрения произошло шевеление, как если бы покрывало на бабушкиной кровати само собой задвигалось. Девушка повернула голову и взвизгнула радостно:

— Сир Мату! Абитат! Абитатик! — сорвалась с места и сграбастала питомца, прижала к себе, целуя в притворяющуюся недовольной морду.

— Слава Владычице, ты его заметила! — усмехнулась добродушно Тринилия. — А уж он как по тебе скучал!

Похожее на кота существо, маскирующееся на поверхности, подобно хамелеону, за счёт изменения цвета короткой шерсти, затарахтело, милостиво позволило уложить себя на колени и почесать живот.

— Не отвлекай, хитрюга, — сказала Тринилия абитату, — я всё ещё жажду услышать подробности.

Оттягивая момент с откровением про качество поцелуев, Мари рассказала в общих чертах о своём впечатлении от королевского дворца, ночного парка и Ирминсуля. Тринилия вдруг подобралась, спросила, повёл ли молодой человек туда Мари, чтобы установить истинность их пары. Внучка вторично вспыхнула:

— Ой, бабушка! Все нет!.. Не знаю, — под пронзительным взглядом сдалась, — не знаю... Мы просто собирались посмотреть на Ирминсуль, Анри пообещал.

— Что ты узнала? — напряжение во взгляде бабушки выросло.

А Мари как на стену налетела. Вспоминать откровение не хотелось: от тех картин, что были ей показаны, плакать можно было не переставая:

— Что происходит под Ирминсулем, остаётся под ним, — ответила тихо, сосредотачиваясь на тарыхтящем абитате, — я не могу это рассказать.

— Связано ли это с нашим Ирминсулем? — дрогнувшим голосом спросила Тринилия.

Мари удивлённо подняла голову и увидела: с бабушкой происходит то, чего она себе никогда не позволяла на людях, — волнение в крайней степени. Руки девушки разжались, и Мату шлёпнулся на пол:

— Ты... ты тоже знаешь? — в положительном ответе можно было не сомневаться: страдание на лице Тринилии ответили за неё, и Мариэль бросилась к ней, обняла её колени, — бабушка! Бабушка! Как хорошо, что ты тоже... знаешь...

В комнате искрило напряжение, но у абитата было своё мнение на этот счёт. Всхлипывания двух женщин его не волновали, животное разыгралось, носясь по комнате. Запрыгнул на конторку, схватил одно из писем, свёрнутое в трубку, и утащил в центр комнаты, подбрасывая бумагу и кусая ленту, обхватывающую письмо.

— Я знаю, что делать, бабушка! Я всё сделаю! — шептала Мари, голову которой гладили дрожащие пальцы.

Сдержанная на людях Тринилия взорвалась слезами, и сквозь горловые спазмы хрипло выдавила:

— Моя умница...

Абитат тем временем собрался, кажется, сожрать письмо целиком. За этим незатейливым делом животное и плачущую Тринилию застала вошедшая Илария. В первые мгновения она не заметила дочь, стоящую за столиком на коленях и склонившую голову на бабушкины руки:

— Не могу найти Мариэль, на её двери отслеживающая печать. Жанетта, говорит, что она ночевала в другой ко... Это ещё что такое? — Илария забрала у абитата уцелевшей клочок бумаги, вопросительно посмотрела на Тринилию, протянувшую в мольбе руку, как будто прося: «Не читай!». Заметила дочь у ног бабушки: — Мари, ты здесь? Мама, что происходит?!

Илария перевела взгляд на бумагу, развернула, всмотрелась в буквы:

— Это... прощальное письмо? Мама? — и по лицу матери она всё поняла: что-то случилось. Или мать только ждала этого дня, чтобы попрощаться с семьей. Неужели не смирилась со смертью отца?

— Да ты с ума сошла! — рявкнула Илария. — Сейчас, когда всё хорошо? Ты поэтому поехала с нами на бал с нами, чтобы попрощаться?

За спиной Иларии синхронно ахнули два голоса — Наны и Жанетты. Мариэль ошеломлённо уставилась на лицо сжавшей губы Тринилии. Разразившиеся одновременно голоса служанок и Мариэль напугали абитата, тот забился под стол, ближе к ногам хозяйки.

Илария с трудом установила тишину, прикрикнув на присутствующих. Мариэль было приказано привести себя в порядок, Нане — сообщить на кухню, что завтрако-обед откладывается на два часа, и мужчин нужно накормить так, чтобы они к обеду не потеряли аппетит.

— И пока я не разберусь с тем, что происходит в нашем доме, никакого обеда и ужина! — Илария грозно осмотрела собравшийся женский клуб. На сунувшегося в комнату свой нос супруга прикрикнула: — Не сейчас, милый! Оставь нас!

Жанетта стонала всю дорогу до комнаты, причитая и молясь Белой Владычице. Прежде чем открыть дверь в комнату Мариэль, осмотрели следы на поверхности:

— Это вашей матушки, — Жанетта, вздыхая, указала пальцем на белые разводы. — Если бы чужой кто открывал, были бы чёрные.

Мари открыла двери, не торопясь заходить. Присела на корточки:

— Смотри! Он всё-таки был, — показала на перевёрнутые две небольшие плоски и разлитое на полу масло. Зашла, присматриваясь к масляным следам на полу, — сволочь, он подходил к моей кровати!

— Его в-высочество? — заикаясь, спросила Жанетта.

— Скорее всего, он, — Мари кивнула, кусая губы. — Мне нужно написать Анри и Арману. Приготовь пока воду для купания, пожалуйста. И масло надо собрать, чтобы мы обе тут не растянулись.

Субретка взялась за работу, а Мари тем временем отправила записку сначала Лемуару, а потом Арману. Метка не зудела, значит, г-жа Элоиза сделала всё, как посоветовал ей на балу

незнакомец, посланник Вестника.

Ответ от Анри пришёл быстро, не успела отойти от конторки: «Буду в 4 часа с другом. Никуда не уезжай. К Хранительнице тоже не ходи без меня. Поняла?»

«Поняла. Жду».

До четырёх оставалось немного. Сколько займёт разговор с матушкой, Мари себе не представляла. К проблемам добавилась ещё одна, связанная с бабушкой, собравшейся то ли уехать, то ли ещё что сделать пострашней, — от всего этого точно можно было сойти с ума.

Разговор, как и ожидалось, получился непростым. Мари было интересно, как можно рассказать о тайне, если сделать это даже теоретически невозможно: все секреты Ирминсуль хранил самоотверженно, наказывая любителей решить дело по-быстрому жестокими откатами. Онемение губ, кашель, удушье — все эти прелести она испытала на себе.

Поэтому беседа трёх менталистов походила на игру, в которой нужно было догадаться, что имеет в виду собеседник. Бабушка начала разговор, обратившись к дочери, так:

— Помнишь ли ты, как тебе в детстве рассказывали про заколдованное королевство?

— В котором у каждого жителя было по проклятию? — Илария кивнула. — Я ненавидела эту историю: от неё несло безнадежностью.

Мари нахмурилась: память на запрос об этом выдала чистый лист.

— И поэтому я не рассказывала её тебе, — Илария объяснила дочери, заметив её выражение лица: — Считаю, не нужно забивать голову детям бессмысленными страшными историями. Так что, мама, к чему эти страсти?

— Сказку рассказывала мне моя мать, а ей — её. Ты нарушила *традицию*, — сурово ответила Тринилия, выглядевшая, как обычно: ни тени лишней эмоции на лице.

Нана и Жанетта следили за разговором, подобно зрителям на теннисном корте, успевая только вертеть головой на перемещение мяча и пытаясь понять, что скрывается за интонациями игроков.

Час, наполненный намёками и фразами, на первый взгляд, бессмысленно вырванными из постороннего контекста, — и матушка, кажется, догадалась, что имеет в виду Тринилия. Кровь отлила от лица Иларии, и она сдалась, попросила время на обдумывание.

На этом словесную экзекуцию можно было бы закончить, но требовалось ещё подготовить к появлению Ленуара и возможным последствиям его визита.

Мари рассказала о неожиданном событии минувшей ночи, уж оно-то не облагалось удушающими откатами, и не забыла упомянуть следы ночного гостя в своей спальне.

— ...Я доверяю каждому из вас, — девушка заключила монолог в гробовой тишине, — молю вас о взаимном доверии. Что бы ни произошло в будущем.

— А что может произойти в будущем? — склонив голову на бок, осторожно поинтересовалась Илария.

Мари посмотрела на Тринилию, получающую несказанное удовольствие от поведения своей внучки, та явно повзрослела на несколько лет.

— Я хочу выбрать своим семейным поверенным бабушку. Только она будет знать, что происходит. И, если посчитает нужным, сообщит вам всем, включая отца и Анчи.

— Почему бабушку? — Илария обиделась за свою материнскую гордость.

— Потому что я больше не хочу слышать про право умирающего, — Мари порывисто встала со своего места, села перед Тринилией и прижалась щекой к её рукам. — Потому что моя бабушка — самая сильная из нас.

Нана и Жанетта, не сговариваясь, шмыгнули носом и потянулись за носовыми платками.

«Право умирающего» — это был один из самых грустных магических обрядов. Считалось, что умирающий получает от самой Владычицы разрешение облегчить душу, и поэтому он может передать членам семьи самую страшную тайну, если знание способно спасти семью. Так сделала много лет назад бабушка Адерин, намеренно уйдя в небытие незадолго до замужества Иларии и научив дочь Тринилию, как обезопасить брак внучки Иларии и влюблённого в неё юноши. Подобно ей собиралась поступить сирра Тринилия ради своих внуков. Де Венетты с готовностью жертвовали собой ради потомства. Не в этом ли была их главная магия?

Ленуар прибыл пунктуально, ровно в четыре въехал во двор. Собранный, серьёзный, лишь жадная зелень глаз охватила фигуру Мари при встрече, на мгновения позволила забыть их хозяину о цели визита. Представил друга — младшего мастера Оливера Отиса:

— Доверять ему можно и нужно, как мне, — дал чёткую необходимую рекомендацию.

Оливер выглядел сверстником Ленуара, такой же подтянутый, с холодным тёмно-голубым взглядом на обманчиво расслабленном выражении лица. Гостей пригласили на пуаре, но Анри отказался, попросил горячего отвара согреться с дороги. Оливер не смог построить портал сразу в замок де Венеттов, поскольку ни разу тут не был, зато был знаком с местной придорожной харчевней, где наняли повозку и добрались сюда.

— Обрато порталом? — завистливо спросил Антуан, обрадованный появлению Ленуара и не знающий, как угодить гостям. Тот пожал плечами, мол, посмотрим.

Пока ещё один счастливый человек в замке, тётушка Гато готовила стол для гостей, Анри с товарищем и Мари осмотрели её спальню.

— Следы зачищены качественно. Тот, кто приходил, знающий маг, — Оливер облазил все углы и полежал на полу, разглядывая нечто, одному ему известное. — Могу назвать время — между четырьмя и пятью часами. На этом у меня всё. Блокировать замок будем весь или только этаж?

В названное время Мари ещё находилась у де Трасси в личине человека-тени, а ловушки в комнате расставляла Жанетта по указанию за два часа до этого. Делиться такими подробностями, естественно, не стала.

— А если он появится ещё раз? Ведь мог подумать, что мы вернулись позже и поэтому не застал. То, что явился не через гостиную, а напрямик сюда, пугает меня, — и Мари предложила устроить засаду для ночного гостя. — У нас есть шанс его поймать, не так ли?

— Не геройствуйте, сирра Мариэль, — Анри, усевшись за конторку, играл крышкой от порталной шкапулки, раздумывал. — Тот, кого вы хотите поймать, если мы верно рассуждаем, в состоянии разнести эту комнату и переместиться вместе с ней. Поэтому поставим блок локально, изнутри. Пока временно.

— А может, останетесь до завтра? — с надеждой предложил братец, предвкушая интересный вечер.

«Попросила бы ты — остался», — сказал прищуренный взгляд Анри, направленный на девушку, но вслух молодой человек отказался:

— Пока в команде маловато людей, чтобы можно было расслабляться. Так что в другой раз, дружище.

Сира Рафэля в известность об истинной причине визита двух молодых людей не

поставили. И, кажется, о нападении Его высочества на Армана не знал только глава семьи. Мужчины согрелись за столом, перекусив по-военному быстро, не поддаваясь на добродушные провокации хозяина, попытавшегося затянуть долгий разговор и сподручить визитёров.

Нужно было ехать к Делоне, а из записки Армана стало понятно, что у сирры Элоизы очередной приступ страха за сына, и ему категорически запрещено покидать замок.

— Мы быстро, не расстраивайся, — Мари утешила Антуана, которого Ленуар убедил не ездить к Делоне, а к их возвращению списаться с Люсиль и узнать все подробности того, что происходило у де Трасси после драки и бала в целом.

Возможность лишней раз пообщаться со златовлаской утешила братца, настроившегося на активное участие в детективе. Не нужно было Антуану видеть, как Мари идёт с Анри в лес.

Кроме того, Анри попросил посвящать в дело как можно меньшее количество людей. Для г-жи Тринилии сделал исключение, по просьбе Мариэль. Удивился выбору поверенного, однако быстро изменил своё мнение, поговорив с бабушкой тет-а-тет.

— Теперь понятно, в кого ты такая... рассудительная, — выйдя от бабушки, юноша долго не мог стереть довольную ухмылку с лица. — Она меня дважды в багаж обыграла.

— А сколько было партий? — влез в диалог Антуант.

— Две.

Сани были приготовлены, Анри сел за возницу, чем удивил конюшего. Мари только успела подумать: «Замёрзнет ведь!» — как лошади понеслись со двора по знакомой дороге. На площадке перед Ирминсулем остановились. Ленуар и Мари отправились в лес, к Изель, а Оливер воспользовался возможностью познакомиться с местной святыней.

Глава 31. Вишня, липа и камин

Мефистофель:

*Часть силы той, что без числа
Творит добро, всему желая зла.*

Фауст:

Нельзя ли это проще передать?

Мефистофель:

*<...>Итак, я то, что ваша мысль связала
С понятием разрушенья, зла, вреда.
Вот прирожденное мое начало,
Моя среда.*

И. В. Гёте «Фауст»

Перед сплошной стеной валежника остановились, и сразу за ним послышался зловещий рёв и треск ломающихся веток. Анри задвинул спутницу за спину и вскинул руки, призывая магию.

— Ты его не победишь, — флегматично сказала Мари, выпуская облачко морозного пара изо рта и потирая замёрзшие пальцы.

— Почему? Спорим?

— Не спорим, это сигнализация, — она засмеялась. — Там никого нет.

Анри хмыкнул, опуская руки:

— Однако попробовать стоило.

Прошло немного времени, валежник раздвинулся. Изель неспешно осмотрела поприветствовавших её гостей:

— Первый инквизитор за десять лет... Проходите...

В натопленной избе налила им в деревянные кружки горячего отвара, не обращая внимания на слова Мари: «Мы ненадолго». Подарку от Хранителя обрадовалась искренне, но сразу огорчила: на сушку листьев уйдёт не меньше недели.

— Нам надо быстро. Вопрос неоднозначный, — Анри ходил по избе, рассматривая убранство, — и касается безопасности нескольких людей. Что это такое? — потрогал сухую смесь в кадке, стоящей на лавке у дальней стены, взял щепотку, понюхал: — Зимняя полынь и ещё что?

— Прикормка для серебристых, — Изель бережно раскладывала листья на чистой тряпице, раскинутой на столе.

— Их же здесь нет. Кого прикармливать? Можно взять немного? Пахнет интересно.

Изель усмехнулась:

— Раз «интересно», возьми, шустрый какой. Платить чем будешь?

Анри снял заплечный мешок, достал свёрток и положил на стол, рядом с листьями:

— Хватит?

Изель поднесла свёрток к носу, усмехнулась и убрала в шкаф. Протянула Анри холщовый мешочек размером с кулак. Юноша набрал прикормки и убрал её в сумку:

— И всё-таки, зачем прикармливать хранителей, которых в Лабассе давно нет?

— Хранителем станешь — глупых вопросов поубавится. Если до конца октагона не

вернутся, буду ждать следующего года.

Мари отставила полупустую кружку, поблагодарила и поднялась с лавки возле стола:

— Анри, нам пора. Оливер замёрзнет и лошади.

Ленуар кивнул: он увидел всё, что хотел.

— Да. Идём. Два дня, не больше. Нам забористой не надо, новичку дадим, — юноше повернулся к Изель и слегка поклонился. — Благодарю за гостеприимство.

— Так бы сразу и сказал, что для новичка, — Изель ответила на поклон. — До встречи.

— Это вряд ли.

Анри открыл дверь перед Мари, выпустил её и собрался сам выйти, но Изель остановила его прикосновением к плечу. Протянула флягу в футляре из толстой тёмной ткани:

— Возьми, охранник, пригодится. Видимо, для тебя берегла.

— Что это?

Изель шепнула ему на ухо, брови редко удивляющегося инквизитора поползли вверх. Он ещё раз поблагодарил Хранительницу и последовал за Мариэль.

От Ирминсуля до моста через Лонию Анри гнал лошадей так, что сани даже на небольших поворотах грозили выплюнуть пассажиров в сугроб. А когда Мари припечатало к Оливеру, вцепившемуся в борт обеими руками, тот не выдержал:

— Сбавь обороты, дурень! — завопил Оливер, замечая впереди мост через реку.

Крик подействовал, и Ленуар взял себя в руки.

Несколько минут назад, по дороге от жилища Изель до площадки, Мари призналась в совершённом: и в переданном ментальном даре Арману, и в клятве на крови. Анри ожидаемо разозлился, но уж лучше до приезда к Делоне, чем там шуметь под бдительным оком сира Марсия и тем более матери Армана, так решила Мари.

— Я же не мозги передала, а всего лишь немного магии! — в итоге сама повысила голос. — Пока ваши листья будут готовы, он, возможно, что-нибудь сам вспомнит!

— Ключевое слово здесь «возможно», — Анри схватил её за плечи, морозный пар создавал между собеседниками дымку, — Возможно, ничего особенного не произошло. Если он вспомнит, что повздорил из-за Люсиль, заберёшь дар назад? Шархал... Я забыл, что он теперь до тебя дотронуться не сможет! Беспроигрышный вариант! — юноша язвительно раскинул руки.

— Нечего беситься! Я верю, что поступила правильно, — проворчала упрямо Мари, обходя Анри и шагая в сторону площадки, — нет, я знаю! Не может быть столько совпадений в неособенной ситуации. Самый подозрительный гость на балу — с принцем. И внезапное исчезновение мерзавца якобы по делам.

— Такое бывает: у Лоуренса немало обязанностей.

— Настолько, что он бросает их и является ко мне ночью в спальню?

— Ты его унизила в присутствии нескольких свидетелей. Переварил случившееся, выпил и отправился выяснять отношения, — Анри шёл рядом и выплёскивал гнев на ветки деревьев, сбивая с них снег.

— Угу. И тишину безмолвия тоже нормально накладывать, когда забираешь силы у умирающего? Если так можно, то хорошо, что браслетов у меня нет — тоже буду делать, что вздумается, а потом скажу, мол, случайно вышло, я не виновата.

Анри резко остановился:

— Как «нет браслетов»? Хм, так вот на что намекала сирра Тринилия... Мариэль, стоять! — он догнал девушку и прижал к стволу дерева. — Как ты их сняла?

Замерзшую кожу на лице обдало тёплое дыхание приблизившегося лица с сузившимися зелёными глазами, казавшимися особенно яркими на фоне чёрно-белого леса.

— Как ты их сняла? — изменившимся голосом, более спокойно, повторил Анри, опуская взгляд на губы.

— Не я, Чёрный Некромант... Он решил пошутить.

Анри несколько мгновений смотрел на девушку, а затем прижался лбом к шершавому стволу и застонал бессильно:

— А-а-а-а, ты в состоянии свести с ума любого! Как ты умудряешься влипнуть в опасные отношения?

— Ты тоже в этом списке, — ворчливо отпарировала Мари, пытаясь выбраться между деревом и приблизившимся Анри.

— С чего вдруг? — сменив тон на заинтересованный, юноша отстранился.

— Ни с чего, — девушка снова увеличила расстояние, и Анри только по голосу догадался, что она улыбается. — У меня ноги замёрзли. Руки замёрзли. Лицо замёрзло. А ты решил пообниматься с деревом. Подождал бы до весны...

Анри выпустил густой клуб морозного пара, подышал на руки, приложил их к ушам и помчался за ускори́вшейся Мариэль.

— Некромант является покровителем факультета, разумеется, некромантии. Но его все хорошо знают. И ни один умный люмериец не пойдёт с ним на сделку, чтобы ты знала. Пока клятва действует, он будет развлекаться за ваш счёт. Рассказывай, что ещё мне стоит знать?

Мари на ходу пожала плечами.

— Почему именно он?

— Первое имя, которое вспомнила, назвала.

Анри подавился колючим воздухом:

— Первое? Хорошие у тебя воспоминания! Надо заняться твоим образованием. С другой стороны, мне нравится, что ваши отношения пришли к разумной паузе. Кстати, вопрос личный можно задать?

Они вышли на опушку, откуда до площадки было рукой подать. Оливер прыгал возле саней, пытаясь согреться. Собеседница дала согласие, и Анри, перехватив её руку, остановил.

— Во время нашего поцелуя что ты увидела? — спросил он, становясь напротив, чтобы лучше видеть лицо.

— Не понимаю...

— Какая ассоциация возникла? Картинка.

Девушка смущённо отвела взгляд:

— Бабушка тоже спрашивала. Это имеет значение?

— Для меня — да.

Оливер заметил, что его спутники решили поговорить, как будто им не холодно было, и крикнул:

— Да вы издеваетесь!

Мари забрала руку и кивнула на друга Анри:

— Заморозим его, — пошла к площадке, чуть медленнее, чем прежде. — Я видела камин, прекрасную комнату с жарким камином. Возле него было тепло и уютно. Мне было

хорошо...

Лицо Анри, идущего на шаг позади, просветлело. Он сделал торжествующий жест, который Мари не заметила. Из любопытства спросил:

— А с ним?

Девушка остановилась, и Оливер, наблюдавший за ними, заворчал, поминая шархала.

— С ним, надеюсь, не так уютно было? — пояснил Анри интерес, задвигая совесть подальше в угол.

Мари нахмурилась, предел её откровений с Анри всё же был. Странно, что он, умный даже, пожалуй, умнее всех молодых людей, каких она встречала, задал такой некорректный вопрос.

— Это важно для меня! — крикнул Лемуар в спину побежавшей к саням Мари.

Она обернулась, раскинула руки, напоминая ему недавний жест:

— Липа! Вот такая большая! Цветущая липа. Ответ устраивает? — повернулась и понеслась в сторону Оливера.

— Подожди, ты сказала «цветущая»?

Она не ответила. Забралась в сани и укрылась меховой накидкой. Оливер сел рядом, и Мари поделилась покрывалом. А настроение Анри опустилось до градуса воздуха вокруг. Цветущая липа... Это значит случилось первое настоящее слияние для Делоне, и никакая Люсиль тут не при чём. Ничего у Делоне и де Трасси не получится... Потому что получилось у него с Мари, уже. Любое подталкивающее друг к другу событие, и они оба поймут, почувствуют то, что сейчас вымораживало сердце Анри. Его боль от намечающейся разлуки и страсть от одного взгляда на неё... Оттого и гнал лошадей, будто пытался догнать прошлое, которое, к сожалению, он изменить уже не сможет. Сам виноват, подтолкнул, вмешался. Инквизитор, а нарушил закон невмешательства... Возможно, произойди слияние позже, он бы успел завоевать её, у него бы получилось. Вот оно — наказание за вмешательство в чужие дела!

Но у него всё же есть шанс, хоть и небольшой. Первое слияние — ерунда. Без взаимного обмена переданная маг-сила исчезнет через полгода, а у дарителя восполнится в прежнем объёме.

Сиру Марсию нечаянное появление гостей молодой инквизитор объяснил своим желанием повидаться с другом. Якобы Анри задержался в Лабассе. Делоне-старший уточнил, не у де Венеттов ли тот провёл ночь, и Лемуар упомянул харчевню с гостиницей. Сир Марсий с некоторым облегчением откинулся на спинку кресла: дело молодое — после голодных балов хочется тратить сибериусы на сытную попойку. И гостеприимно предложил не стесняться в следующий раз, а остановиться у Делоне.

Пока Анри и Мариэль отвлекали хозяев, Оливер, сославшись на потребность вымыть руки, в сопровождении Армана отсутствовал некоторое время. По возвращении кивнул другу и незаметно от хозяев показал два пальца, что значило: ночных гостей было двое.

Не оттягивая время, Анри бесцеременно попросил разрешения удалиться с Арманом и Мари, оставив Оливера в заложниках сиру Марсию. Портальщик особо не расстроился потому что ему предложили аперитив, закуски и экскурсию по замку.

Троица расположилась в рабочем кабинете сира Марсия. Первым делом Анри достал очки и попросил Армана встать, чтобы рассмотреть изменения в ауре.

— Ну что, господин лекарь, пациент скорее жив, чем мёртв? — пошутила Мари,

наблюдая за деловитым Анри, приглядывающимся к тонким магическим потокам вокруг смущённого Делоне.

— Угу. Я надеюсь, не придётся переписывать свидетельство о способностях через полгода, оно отвалится само, — удовлетворив своё любопытство, Анри плюхнулся рядом с девушкой.

Она не совсем поняла его юмор, но не переспросила, и так даже легче было. Если ничего особенного больше между Мариэль и Арманом не произойдёт, то через полгода её подарок вернётся назад: без брачного договора ни одна маг-сила не закрепится в чужом теле. И это справедливо, слава Владычице!

— Так что, помогло, вспомнил что-нибудь? — спросил Анри у Делоне.

Тот уселся напротив:

— Ничего, спал белым сном почти весь день, в голове шум утих под утро.

— А пытался? — тоном учителя, перед которым топтался ученик, не сделавший урок, спросил Анри и закинул ногу на ногу, наклоняясь к Мари и кладя руку на спинку диванчика за девушкой.

Мари почувствовала неловкость, исходящую от Армана и вступилась за него, повернувшись к рядом сидящему:

— А разве дар не должен адаптироваться к новому хозяину?

— Хорошее слово — «дар». Подарок... Подарками надо уметь пользоваться, — Анри развернулся лицом к Арману. — Как ты мог это допустить?!

Визави раздражённо сжал кулаки на ручках кресла:

— Я готов вернуть дар! Не горел желанием заполучить его!

— Такого в моей практике не было, но я проконсультируюсь со знающими людьми. И если возврат будет возможен, я дам знать, — хладнокровие Анри собиралось ему изменить, ибо впереди ждала ещё одна претензия. Юноша вскочил, засунул большие пальцы в неглубокие карманы жюстокора и наклонился к Арману. — Ладно — дар во время неконтролируемого слияния, но почему ты ничего не сделал, чтобы предотвратить тёмную клятву, дру-жи-ще?

— Потому что я был зол, в чём раскаиваюсь, — ответил Арман бесконфликтно, однако желваки выдавали его бурлящие эмоции.

— И ты до сих пор не снял клятву?

— Я не знаю, как это делать.

— Но ты же видел, шархал тебя побери, как это сделала она! — Анри ткнул пальцем в сторону девушки.

Мари не выдержала и тоже поднялась, готовая встать между молодыми людьми:

— Успокойтесь оба! Вы не имеете права оспаривать мои решения! И вообще, давайте вернёмся к теме разговора, — взяла Анри за руку, заглянула в глаза, — пожалуйста!.. Научи его, как вспомнить, если это возможно, без «Истины Ирминсуля».

Анри ответил девушке долгим взглядом, раздумывая. Она полезла к нему в карман, достала коробку с сурьянскими палочками и протянула одну:

— Ты можешь, я знаю.

Юноша отвёл руку с палочкой и повернулся к Арману:

— Хорошо. Сейчас покажу несколько упражнений для концентрации, будешь повторять до самой ночи. И ночью тоже. Пока не вспомнишь хоть что-то.

Успокоенная Мариэль вернулась на софу, сунула зубочистку в рот. Выпала возможность

получить уроки от инквизитора, поэтому старательно запоминала инструкции. Дав немного теории, Анри заставил Армана сесть расслабленно, закрыть глаза, сосредотачиваясь согласно технике упражнения.

Анри вернулся к Мари, повторил свою прежнюю позу, наклоняясь к девушке и укладывая левую руку на мягкий верх диванчика, спросил негромко:

— Пока он занят, поговорим? — негромко

— О чём? — Мари покосилась на «уснувшего», — мы помешаем ему.

— На первом курсе менталисты сдают экзамен по концентрации, — Анри приблизил лицо, но и говорить стал тише. — Умение уходить в себя — ключевое для восстановления воспоминаний. Ни взрывы рядом, ни тем более голоса не должны помешать... На втором курсе добавляют тактильную проверку, это когда к погружённому в неосознанное прикасаются маркерами ощущений... в том числе раскалённым железом...

— Страшно, — Мари облизала пересохшие губы, представив себе эту картину и не в силах отвести взгляда от слишком близкого лица, на котором можно было рассмотреть мелкий, почти незаметный шрам на правом виске. — Стихийников тоже так испытывают?

— Нет. Только менталистов, а именно инквизиторов, — зелёные глаза блуждали по коже, дыхание девушки слегка сбилось, и Анри удовлетворённо улыбнулся. — Тебе это не грозит.

— Я не могу стать инквизитором?

— Я не позволю.

Он оттягивал момент, невесомо путешествуя дыханием над девичьим лицом.

— А если я захочу? — непослушно спросила, отворачиваясь, чтобы посмотреть на Армана. Тот был погружён в себя, не замечая происходящего перед собой.

Анри прикоснулся губами к уху с простенькой серьгой и потянулся к шее, носом отодвигая упавшую на неё прядь:

— Я надена на тебя такие браслеты, что не захочешь.

— Никаких больше браслетов...

— Хочешь сказать, что научилась себя контролировать? — хитро спросил на ухо.

— Почти... Пожалуйста, — опуская ресницы и закусывая губу, попросила она, — остановись... он смотрит...

Анри повернул голову, бросил мимолётный взгляд на юношу, сидящего с закрытыми глазами, и усмехнулся:

— Лгунья ты, — повернул за подбородок её лицо и накрыл губами, подстраховывая поцелуй левой рукой, которая скользнула по спинке софы и прижалась к выющимся локонам, слегка привлекая к себе голову. Правая рука для верности обняла плечи.

Слабый стон и рука, поползшая от животу к груди, умножили желание — и Анри увеличил напор, чтобы вынудить приоткрывшиеся губы пустить глубже. В этот момент ему остро захотелось, чтобы Делоне увидел это и понял бы: Анри плевать на совпадение магий его, Армана и Мари; понял бы, что Ленуар не отдаст свою находку, и, самое главное, она не против.

Ладонь надавила ему на грудь, пытаясь оттолкнуть, но губы-то не лгали! Анри улыбнулся в них и поудобнее перехватил ослабшее под его руками тело, сместился, чтобы не получилось, как в прошлый раз: «Затекла шея, спина...» Он своё неудобство выдержит как-нибудь, только бы не останавливаться...

— Он... — воспользовавшись паузой, которую Анри дал ей, чтобы вздохнуть, девушка

попыталась повторить, — смотрит...

— Пусть смотрит, я не против, — он жадно прошёлся по щеке до уха.

— Некромант? — слабо спросила Мари.

— Где? — разом напрягся Анри, не убирая губ от мочки уха с серьгой.

— За Арманом... Он сейчас что-нибудь сделает, надует ему мысли... Я знаю, он уже так делал.

Анри отстранился, никого лишнего в комнате не увидел, но глубокий вдох принёс тонкий запах серы. Тёмный точно здесь был, Мари бы не стала врать. Вон в глазах шархал знает что творится — стыд, страх и неуверенность. Анри понимал её смешанные чувства, и если бы не три года противостояния всего инквизиторского факультета и Чёрного шутника с его порой жестокими розыгрышами, тоже смутился бы.

— В подземелье Владычицы его! Иди ко мне! Не обращай на него внимание, — руки притянули к себе девушку, обхватывая в кольцо. — На чём мы остановились?

Ощущения были не те: Мари словно одеревенела. Тогда Анри мысленно обратился к Некроманту, желая ему провалиться в подземелье и застрять где-нибудь на полпути, так, чтобы... Закончил неприличной фантазией. Короткий хмык в голове доказал: чудовище его слышало.

— Послушайте, если вы хотели остаться наедине, надо было просто сказать об этом, — ровный голос Армана заставил руки инквизитора дрогнуть и неохотно отпустить девушку, с готовностью отпрянувшую на другой край софы. Арман сконфуженно потирал переносицу, не желая видеть ни смущения Мариэль, ни небрежной позы друга. — Я ничего не могу вспомнить. Обещаю, что постараюсь до завтра хоть что-то...

Ленуар встал, одёрнул жюстокор и протянул руку Мари, помогая встать:

— Отлично, как вспомнишь, напиши.

Мари остановила пристальный взгляд на чём-то, находящемся за спиной Армана, и оттолкнула потянувшую её к выходу руку Анри:

— Минутку...

— Не слушай его, Мари. Идём!

— Но он обещает, что Арман вспомнит!

— Кто? — юноша обернулся на шкаф с книгами, — кто обещает?

Анри рыкнул, выхватил из ножен кинжал и протянул Арману:

— Немедленно отмени клятву, отзови Некроманта!

Делоне с выразительным изумлением на лице принял оружие. Доверяя Анри да и будучи не против мирного завершения глупой ситуации, он поднёс лезвие к ладони:

— Охотно. Что говорить?

Но Мариэль бросилась к нему, схватилась за руку и вскрикнула от прострелившей тело боли, убрала пальцы:

— У нас есть шанс вспомнить!

— «У нас»? — Анри холодно кивнул Арману, а тот вдруг задумался, тень догадки мелькнула по лицу, поднимая выразительные брови и заставляя глаза широко открыться.

— Кхар? Я вспомнил имя... Такое чувство, будто в кабинете был человек с таким именем, — полуудивлённо объяснил Делоне своё замешательство, — дружище, работают твои упражнения!

И провёл лезвием по ладони, на порезе тут же выступила жирная капля крови, готовая упасть на пол.

— Варх. Кхар Варх, — девушка умоляюще повернулась к Анри, и он увидел решительный блеск в глазах, с каким она недавно предлагала устроить засаду для Его высочества.

Но имя-то было знакомое, где-то Анри его слышал. Юноша сделал знак Арману подождать и задрал голову к потолку, машинально потянулся за вспомогательной зубочисткой. Натренированная послушная память из тысячи имён малознакомых людей вытащила на свет:

— Арауканский шпион, метаморф...

Мари сделала торжествующий жест:

— Вот! Наверняка это был тот мужчина-тень, с которым я столкнулась возле кабинета.

Анри покачал головой:

— Это слишком невероятно, — и кивнул Арману, — давай! Повторяй: именем света Владычицы...

Но тот медлил, переведя взгляд на решительную Мариэль:

— Если есть способ вспомнить всё быстрее, каким бы он ни был, я согласен. Шпионы, метаморфы — звучит, как книжный детектив, но, учитывая последние новости, не такое уж и глупое предположение.

— Я против, ещё раз говорю! Никаких сделок с... — Анри поперхнулся, — ... мразь...

— Ты ставишь... своё эго... превыше интересов... государства? — вновь глядя в пустоту, произнесла Мари, словно повторяя чьи-то слова.

Арман поднял руку, разрешая крови потечь вниз:

— Давайте покончим с клятвой и перейдём к вашему способу. Именем света Владычицы...

Ленуар остановил его, испытывая дурное предчувствие. Мари снова уставилась на книжный шкаф, побледнела и медленно обратилась к Арману:

— Требуется твоё согласие... на условие...

— Даю согласие! Видели бы вы сейчас ваши лица, — спокойно кивнул юноша, веря, что в присутствии друга ничего дурного не может случиться.

За миг до того, как Мари бросилась к Анри, губы его побелели:

— Откажитесь, пока не ...

Девушка обхватила его окаменевшее лицо ладонями и расцеловала, а затем прижалась, содрогаясь от накатившего ужаса перед условием Некроманта:

— Прости, прости меня! Ты был прав! Я не хочу... Не хочу, чтобы ты это видел!

— Мразь, какая же ты мразь!.. Я клянусь тебе, что найду способ загнать тебя в подземелье черепом вниз! — слова Анри, судя по всему, не относились к бросившейся в его объятия девушке, а к кому-то третьему, о чьём существовании Арман не подозревал. Инквизитор обнял Мари и спрятал лицо в её волосы, ниспадающие на шею.

Арман шумно спустил воздух и потёр окровавленной рукой переносицу, спохватился, полез за платком.

— Други мои, вы меня извините, но я мало что понимаю из вашего диалога. Что происходит? Как снять эту шархалову клятву? Или уже не надо?

Он испытывал смущение, будучи вынужденным наблюдать чужие эмоции. А когда Мариэль повернулась к нему, и Анри поднял лицо, предзнаменование неотвратимой скверны, наконец, настигло и его. Делоне наклонил вопросительно голову:

— На что я подписался?

Анри отпустил руку Мари и, играя желваками, подошёл к столу сира Марсия. Взял оттуда песочные часы, поставил на столик рядом с диваном, на котором сидел недавно с Мари и отошёл к шкафу:

— Покончим с этим быстрее!

Услышав об условии, Арман пришёл в ярость, не желая продолжать разговор, готов был выскочить из кабинета, но дверь надёжно держала заключивших договор:

— Ты теперь меня понимаешь? — юноша ткнул кулаком в грудь Анри, отводящего взгляд и не отреагировавшего на грубое прикосновение. — Каждый раз это всё повторяется! Ар-р-х! Ненавижу, когда она меня использует!

Он швырнул в стену первый попавшийся под руку предмет.

Мари сидела на диване и, отвернувшись, беззвучно роняла слёзы. Лемуар подошёл к Арману, склонившемуся над столом отца, положил руку на плечо:

— Мне оно тоже не нужно. Да, я сплеховал. Но *этот* нас отсюда не выпустит, пока мы не покончим с этим. Сейчас не тебя — *он* меня хочет наказать.

— Кто?! Шархал вас обоих побери!

— Я потом скажу. Он наложил печать невмешательства.

Расстроенный как никогда вид Анри убедил: дело непростое. Арман шумно втянул носом воздух, кивнул на песочные часы:

— Все пять минут?

Анри кивнул, с ненавистью во взгляде пытаясь угадать, где находится Чёрная сволочь. Арман повернулся к Мари, увидел, что она слишком далеко от него, подвинулся ближе и занёс руку, чтобы развернуть девушку к себе, но вспомнил о принципе клятвы:

— Как я это сделаю, если не могу дотронуться?

— Rwy'n canslo fy ngair dros dro*, — донеслось хриплое от шкафа, где стоял Анри, — повтори трижды.

Арман повторил и добавил, вздыхая неопределённо:

— Я готов, — повернул к себе Мариэль.

Начинался ли с ней хоть один поцелуй, когда она не тряслась? Помимо неоднозначных ситуаций это выбеживало не меньше, как и слёзы, за которыми пряталось, шархал знает что. Протянул руку и перевернул часы, ненароком зацепил взгляд Лемуара, кивнул ему. Вздохнул повторно, ожидая, когда Мариэль вытрет мокрое лицо и успокоится.

Перевернутые часы замерли, не пропуская через воронку ни одной песчинки.

— Мариэль, — позвал её, — чем быстрее покончим с этим...

Она кивнула, ресниц не подняла — только подставила лицо так, чтобы Арман мог дотянуться до него. Где-то далеко рыкнул знакомый голос, и Мари отпрянула.

— Глупостей в этот раз не будет, обещаю! — разум Армана никак не хотел признавать случайную дурость, по которой он снова влип в непонятную ситуацию. И дал себе слово никогда не соглашаться на условия договора заранее, пока те не озвучены.

Коснулся равнодушно губами других, солёных, помедлил, собираясь с духом, но Мари пришла на помощь. Судя по её вздоху, обречённого мужества у неё было больше.

— Помоги, Белая Владычица... быстрее покончим с этим, — повторила фразу, ставшую заклинанием для троих.

Он смотрел, стоя с боку и не видя всех подробностей, но они ему и не нужны были. Две

пары рук, сначала застенчиво двинулись к чужим плечам, замерли на них. Прошла минута, и пальцы Мариэль погрузились в густые чёрные волосы, а руки партнёра уверенно легли на её спину и затылок, словно знали, как ей нравится.

Анри не выдержал, потёр рукой заледеневший лоб, позволив себе слабость, как ему казалось, на мгновение. В голове сразу ехидно гоготнули: Лемуар остановил падение песчинок, подарив целующимся дополнительное время.

Тогда он придумал отвлекать себя фантазиями о том, как найдёт способ стереть в порошок Некроманта. Стало легче, это отчасти помогло закрыться, и, надевший непрочную, но всё-таки броню разум вспомнил одну из самых неприятных королевских традиций.

При подборе пары для всех царствующих особ, в целях сохранения редкой магии, на проверке слияния присутствовало трое главных инквизиторов. Они фиксировали реакцию сталкивающихся сил, записывая в свиток поведение каждого оттенка в ауре, чтобы позже истрактовать его, как положено.

Анри как младший мастер никогда не присутствовал при этом, но Тирр предупреждал: рано или поздно юноша займёт высокий пост. И Лемуар схватился за спасительную подсказку, дрожащими руками достал футляр, надел очки. Картинка расплылась в мареве играющих аур. По статичной силовой оболочке прыгали всполохи, напоминая бегающих в догонялки зайцев.

Да, смотреть стало легче, но от сердца, ставшего внезапно стеклянным, от каждого удара по нему ползли новые трещины — звук шороха одежды под гуляющими руками каждый раз бил наотмашь. Анри относительно был готов к её голосу, потому что слышал его и знал все слова, которые могли выдохнуть её забывшиеся губы. Но *он...* С чего *этой* подыгрывает?

Анри представил, как погружается в куб с водой, приглушая слух, и теперь неосторожно выпущенные *ими* слова казались смазанными, как шелест листьев, и всё же следовавшие за ними звуки невозможно было ни с чем перепутать. Магия прикосновений действовала, поцелуи участились — и установилась звонкая тишина.

Стеклянное сердце разлетелось на миллиард осколков: два силуэта окутал белый свет, и синхронный стон подтвердил второе слияние. Арман, давший слово не делать глупости, поделился своим даром, закрепив связь... Неужели легенда про Лабасский Ирминсуль приобрела сейчас новое значение?

Анри отвернулся к шкафу, упираясь руками в книги. Странно, что голос Некроманта не прокомментировал очередную слабость. Лучше бы заржал, мразь, тогда Анри быстрее пришёл бы в себя.

Ему не нужно было вести Мари к Ирминсулю для доказательства правильности выбора: он и без дерева знал — это его половина, что бы ни напевали матушкины голоса.

Он готов был принести обет чистоты в зимнем вишневом саду Владычицы, не дожидаясь весны, когда стыдливые кроны укроются ароматной пеной и начнут привлекать к себе парочки для взаимных или односторонних клятв. Он бы выдержал три года, преодолевая страсть и её последствия, и не позволил бы никому коснуться её.

Но оказалось, что она родилась не для него, и теперь надежда ходила по пустой комнате, называвшейся прежде сердцем, собирала осколки.

Он обернулся, провёл пальцами под очками, убирая мокрую пелену, и всмотрелся в часы. Вечность застыла последними песчинками, невозмутимо ожидая, когда он переведёт взгляд на звуки, на которые отсчёт не распространялся. Анри заставил себя смотреть на

мареву, он и так *им* подарил непростительно много сверх положенного.

Машинально отметил изменения: тонкие лавандовые ленты в ауре Армана стали ярче за пятиминутную вечность, а у Мариэль к оранжевым сполохам добавились сопутствующие бледно-голубые. «Что же он натворил, вишня моя? — с горечью подумал Анри, — что натворили мы?»

Снял очки, и его сразу повело назад, прижимая к книжным полкам. Он слишком быстро отвык от чёткого контура силуэта: сцепленные в замок пальцы, склонившаяся к девичьей шее короткостриженная голова и локоны, змейками заползшие на чужие плечи. И слова, призывающие не останавливаться...

— Хватит! — хрипло сказал он, зная, что последние песчинки упали три-четыре мгновения назад. — Достаточно!

Силуэт замер, неохотно распадаясь на два, отдаляющихся друг от друга. Арман и Мари приводили своё дыхание к привычному ритму, страшась обернуться на того, кто медленно шагал от книжного шкафа.

— Он говорит, что не надо было его злить, — с трудом выговорила девушка, опираясь на спинку софы и вставая. Тяжело взглянула на Анри. — Прости... Ты был прав.

Анри молчал. Розоватая припухшая кайма вокруг её губ была красноречивей логики и побеждала хладнокровие, которое Анри холил в себе несколько лет по советам профессоров. Девушка, коснувшись его руки, пошла к выходу, вытирая губы. У двери остановилась, не оборачиваясь:

— Некромант тоже наказан. За вмешательство. Если это тебя утешит, — положила веер пальцев на полотно двери, медля её открывать.

— Если ты сейчас мне скажешь, что ничего не вспомнил, я... — Анри навис над лохматящим волосы Арманом.

Тот поднялся, отодвинув Анри рукой:

— К сожалению, я вспомнил всё. Нам нужно ехать к де Трасси. Мариэль! — Арман окликнул неподвижную девушку, но она не повернула головы. — Прости и ты меня. Возможно, ты спасла Люмерию.

Девичьи дрожащие пальцы толкнули дверь, и Мари вышла, не прощаясь.

**Я временно отменяю своё слово.*

Глава 32. Подарки

Как совершаются дела милосердия в этом городе? В безмолвии, как у нас, в Тибете, или о них говорят громко?

Редьярд Киплинг, «Ким»

Оливер расставил на спальном этаже антипортальные заглушки, как и в замке Делоне. Арман написал вечером коротко новости: сфера, на которую был записан разговор Лоуренса и арауканского посредника, нашлась невредимой и была передана Лёнуару.

От инквизитора записки не возвращались. Мари сама устала думать о случившемся, поэтому после третьего неответа решила больше не писать, дать Анри прийти в себя.

О причине своего расстроенного вида по возвращении от Делоне не поведала даже Жанетте, зная её способность остро реагировать на подобные вещи и неспособность справляться с отражающимися на лице эмоциями. Потому что если матушка от дочери не узнает, то догадается по поведению её компаньонки.

Одно нестерпимо хотелось выяснить — что имел в виду Анри, когда спрашивал про видения во время слияния. Перед сном зашла к бабушке. Нана уже приготовила ту ко сну и удалилась помогать Иларии.

— ... Это важно? — завершила Мари свой вопрос.

Тринилия, отложившая книгу при появлении внучки, притянула её руку к себе, ободряюще похлопала и погладила пальцами тыльную сторону ладони девушки:

— Конечно, важно. С помощью видений мы познаём суть, скрытую от нас.

— Но ты меня спрашивала об этом, а не объяснила. Почему?

Тринилия ответила вопросом на вопрос, улыбнувшись:

— Инквизитор твой, догадываюсь, интересовался? Раз задалась вопросом, теперь будешь думать. Нет секрета в этом. Камин и огонь — страсть, которую может тебе предложить твой знакомый. Человек он прожжённый в этом вопросе, но, да простит меня Владычица, верю ему — не испортит тебя.

— А липа? — нетерпеливо спросила Мари. Лёнуар, и правда, пока казался открытой книгой, и бабушкина трактовка его мастерства поцелуя не удивила. — Я её представила, потому что у *них* родовое дерево такое было?

Почему имя не выговорилось, сама не знала. Бабушка широко улыбалась, раздумывала перед ответом. Мариэль вздохнула, прилегла рядом, потеснив заворчавшего абитата. Придвинула голову рядом с бабушкиной, рассеянно глядя в потолок, на который светильники и камин отбрасывали рваные движущиеся тени. Бабушкина рука обняла её, погладила по голове:

— Деревья, они ведь за землю держатся, общаются корнями между собой. Так и вы с Арманом выросли вместе, как два дерева в одном саду. Цветение — знак его невинности, любить только учиться, страсти не поддавался, женщину не познал толком, другого я и не ждала от твоего видения.

— А если ... если бы цветов не было, а вместо них липкины серёжки, зелёные? То, значит, уже влюбился?

— Сама порассуждай. Дерево отцвело, дало семена — готовится дать плоды, какими бы они ни были.

Девушка вздохнула глубоко. Расскажи бабушке всю правду — отругает, наверняка. И достанется тогда не только Мари, обязательно поедет и расскажет родителям Армана.

Как хорошо было под той липой! Видение получилось правдоподобное: Мари в первый раз показалось, будто она даже аромат чувствует, плывущий от мелких желтоватых соцветий. Так прекрасно было дерево, что она не удержалась — коснулась лицом цветочной гущи, пачкаясь в пыльце. Увидела себя со стороны и рассмеялась. А дерево потянулось к ней мягкой зеленью, нежно поглаживая, именно тогда Мари опомнилась. Коснулась ствола обеими ладошками и передала силу ментального дара дереву. Листья трогательно зашелестели, и тонкая ветка перед лицом немного выросла, сбрасывая соцветия.

— Кто придумал эти поцелуи, проверку магий на совместимость? — пробормотала она, вздыхая. — Почему нельзя это делать, когда уже можно жениться? Как жить три года, до полного совершеннолетия, если в голове постоянно свербят и свербят эти воспоминания?

Тринилия весело рассмеялась, прижав внучкину голову к себе и поцеловав в макушку:

— На то и расчёт — чтобы чувства прошли проверку временем.

— И как их проверить?

— Приносят обет чистоты, — Тринилия поглаживала внучку по спине. — С этого дня пара обязуется хранить друг другу верность и беречь друг друга. Мужчина заботится о чистоте своей возлюбленной, она — о его.

Девушка поднялась на локте и заглянула в добродушное лицо, обрамлённое гладкими чёрными с проседью локонами:

— Это значит, что они больше не будут целоваться?

— Лучше не делать этого: от поцелуев страсть только разгорается, а потушить сложно, останутся один на один с этим испытанием, потому что никто из посторонних не имеет права вмешиваться.

— А если только один приносит клятву — так бывает? Что тогда делает второй? — Тринилия молчала, задумавшись, и Мари снова опустила голову на подушку, устраиваясь поудобнее и закрывая глаза. Уснёт — подумаешь, бабушка не выгонит.

«От поцелуев страсть только разгорается», — верно бабушка сказала, точнее бы Мари и не описала то, что было сегодня. Стыдно было поначалу, а потом мысли все улетучились, осталась одна, сосредоточенная на прикосновениях.

Во второй раз Арман был немного другой — внутреннее пламя полыхнуло, кажется, моментально, от прикосновения к коже возле уха, даже во рту всё пересохло и кожа на губах натянулась, как земля в пустыне, готовая дать трещину. Язык облизывал губы, но те высыхали снова и снова. Пока он не заметил это. Перед глазами возникшая липа сбрасывала цветы, и ветер разбрасывал её медонос, оставляя на ветках растущие семена...

— Твой дедушка, когда влюбился в меня, принёс клятву. Он был старше меня на три года, уже закончил первую ступень, а тут я, вертихвостка-новобранец, — Тринилия засмеялась, — знай, и я покуролесила немало. Досталось твоему деду...

Сонное состояние Мариэль исчезло, она рот открыла, изумлённо выслушивая признания бабушки, на людях всегда сдержанной и ратующей за нравственную чистоту.

— Нет, ты не думай, — спохватилась она. — Понравился он мне сразу. На тренировках махал мечом, как Белый Воин, — заглядение! Лучше его на факультете, кажется, и не было... А я, после того как мы почувствовали полное слияние, шутила над ним, делала вид, что другие тоже нравятся. Тогда-то он и принял обет чистоты, отваживал всех моих ухажёров, не подозревая, что только так я могу чувствовать его рядом — через заботу...

Голос Тринилии дрогнул, глаза её заблестели.

— Почему он... ушёл? — едва не вылетело «бросил». Мари вовремя поправилась, чтобы не ранить чувства бабушки. — Вы разлюбили друг друга спустя двадцать лет? Матушка говорила, что он, возможно, погиб в рудниках Южной Сурьи. А ты всегда о нём говоришь, как о живом. Почему? Если он живой, то, значит, бросил тебя. А это разве не смерть?

Тринилия вытерла слёзы и сердито проговорила:

— Живой он, я чувствую, как если бы рядом был. А ты иди к себе, улеглась в платье, умничают...

Мари улыбнулась, чмокнула бабушку в щёку и слезла с кровати, по пути потрепав развалившегося сира Мату.

— Благостной ночи, бабушка, — пожелала, останавливаясь перед дверью. — Конечно, он жив, обязательно должен быть жив.

Ночь прошла спокойно, делегаты Лоуренса если и были в замке, то никого не побеспокоили.

На следующий, шестой в последнем октагоне, день Илария запланировала благотворительность. После завтрака уселись в одни сани: Илария, Мариэль, Антуан и сир Рафэль за возницу. Вторые были завалены мешками с продуктами, горшочками с маслом и сиропом, сдоба тётушки Гато, запахом свёдшей с ума всех обитателей замка, отрезки ткани и прочая мелочь для детишек.

Из слуг хотели взять с собой расторопную Жанетту для помощи в достань-подай, но той срочно понадобилось ехать в Лабасс, чтобы забрать вещи, переданные братом для починки. Мариэль отвергла предложение Антуана взять другую девушку:

— Сами справимся!

И они таскали подарки, умиляя лумеров семейным единством. В одном из домов ждали лекаря: мальчишка лет двенадцати захворал, травы не помогали. Антуан шепнул, заметив, что сестра собирается подойти к больному: «Не ходи, он похож на заразного». «Сам ты заразный», — огрызнулась сестра и присела на край кровати. Взяла мальчишку за руку, скрестив пальцы его со своими и плотно прижимая ладони, свою, горячую, — к его, ледяной, как вода из Волчьего Логова. Вторую руку положила на худую костистую грудь.

Свет незамедлительно хлынул от сердца в ладони, согревая, а когда Мариэль закончила — мальчишечья ладонь потеплела, её хозяин вздохнул, не просыпаясь.

— Ты его лечила менталкой? — поинтересовался скептически Антуан, когда окончательно распрощались с хозяевами. — Приказала выздороветь?

— Как угадал? — Мариэль подмигнула.

Оставшиеся полдня посвятила лошадям. Джером учил надевать упряжь, в качестве экзамена Мари самостоятельно седлала Мечту, почти идеально затянув подпруги — сил чуть-чуть не хватило. После Джером составил компанию на прогулке. Доехали до Ирминсуля, здесь Мари спешилась, сняла седло и упряжь с кобылки, отпустила ту кувыркаться в снегу. Затем снова без помощи конюха, но под его бдительным контролем седлала Мечту. Когда в начинающихся сумерках вернулись домой, Мари завела матушкину драгоценность в стойло, закрепила урок, а после ещё и вытерла золотистую красавицу, расчесала ей волосы и дала корма.

— Ну вот, профессию конюха я почти освоила, — откидывая выбившийся локон со лба

тыльной стороной руки, остро пахнувшей лошадью, пошутила Мари. — Осталось научиться убирать навоз.

— Не знаю, зачем вам это нужно, сирра Мариэль, но я восхищён вашим упорством, — впервые за две недели внешне суровый мужчина поклонился уважительно.

Тело ныло от усталости, девушка поднималась по лестнице, мечтая о лохани с горячей водой и мылом. Из-за угла вылетел Антуан, принялся:

— День удался? — посмеялся, боясь приблизиться к испачканной сестре, наставившей на него растопыренные руки. — Не опаздывай к ужину. После него, это по секрету, будут сюрпризы. Бабушка приготовила дедушкин подарок. Понимаешь-ш-шь, о чём я?

Сир Рэймонд, муж Тринилии, незадолго до своего исчезновения оставил несколько вещей супруге, в том числе небольшой ящик-шкатулку, предназначенный для внука на его совершеннолетие. Что находилось в том ящике, никто не знал: тот был запечатан магией, и должен был быть открыт только наследником — внуком. День настал, и радость Антуана была понятна.

Мариэль ускорила шаг, действительно, ради этого события нужно было поторапливаться. Вошла в свою спальню, на ходу снимая верхнюю одежду для верховой езды, и резко остановилась, заметив на кровати разбросанные предметы, знакомые из московской жизни. Тетрадь, ручка, три конфеты, самые Машины любимые, — апельсины в шоколаде, и три nano-мандарина.

Вестник передавал привет от мамы. Либо Некромант пытался выпросить прощение.

Несмотря на все усилия, ящик с секретным подарком не открылся, и Антуан впал в убийственное расстройство. На грубую попытку «случайно» взломать потайной замок последовал разряд, отбивший желание состязаться с сохранившейся дедушкиной магией.

— Милый, должно быть, не настало время, — погладила его Илария по спине и привела несколько случаев, похожих на сегодняшний.

Рафэль вместо слов утешений подарил сыну оружие — арнаахальский нгерис, кинжал с ассиметричным клинком, и это подсластило осадок.

Мариэль досталось украшение супруги Старшего Основателя, от которого пошёл род де Венеттов. Девушка изобразила на лице радость и вернула коробку с просьбой хранить драгоценный дар предков в семейном сейфе. Даже не догадалась покрасоваться перед зеркалом, пока Илария не подсказала. Тринилия недоумевала: что с внуками не так? Один открыть ящик не может, вторая равнодушна к украшениям.

В завершении вечера Антуан подхватил ящик, который ему разрешили забрать к себе, чтобы проверять каждый день, и по дороге ненароком тряс его, пытаясь по звукам определить содержимое загадочного подарочного футляра.

Насыщенный событиями день, в конечном итоге, закончился. По дороге в комнату Жанетта развлекала рассеянную хозяйку историями, случившимися в прошлые октагоны, правда, не такими яркими и сумасшедшими.

— Смотри, энджел! — переступая порог, Мари сразу услышала тихое постукивание о стекло. — О, бедолага!

Замёрзшая в ожидании птица позволила взять себя в руки, не в силах влететь в приоткрывшееся окно. К лапке была привязана лаконичная записка: «Оно готово. Жду». Зелье из измельчённых листьев Ирминсуля ждало Мари, только был ли теперь от него прок, раз Арман всё вспомнил?

— Всё равно поеду, предупреди Джерома, выведу затемно, чтобы успеть до завтрака, — поколебавшись немного, решила Мариэль. — И надо приготовить что-нибудь для Изель, выпроси у тётушки Гато вкусное.

Птица отогрелась, вопросительно подождала, не привяжут ли к ней ответ, и тревожно забила у окна — её выпустили. Обсудив побочные вопросы, вернулись к главной теме — отъезду в Лапеш.

— Как представлю вас без этой красоты, сердце моё заходится, госпожа, — Жанетта расчёсывала волосы Мариэль, с искренним сожалением перебирая струящиеся по пальцам локоны.

— Сегодня останься, пожалуйста, со мной, — Мариэль задумчиво осушила кубок с водой, прислушиваясь к ощущениям неубиваемой жажды. — Поможешь кое-что проверить.

Предыдущую ночь она кое-как уснула в личине арауканского шпиона, чтобы проверить, не слазит ли она во время сна. Утром в зеркале отображалось то же серое лицо с незапоминаемыми чертами лица, но хотелось уверенности.

Очередное поручение поначалу позабавило Жанетту, в краску вогнало много позже. После купальни Мари надела мужские подштанники и тонкую нижнюю рубашу, купленные субреткой в Лабассе вместе с другими вещами.

— В Люмерии срочно надо изобрести резинку и трусы-плавки, — возмущалась Мари, завязывая тканевую верёвку, протянутую в поясе штанов. — И что, мужчины в этом спят?

— Мой брат точно. Что такое «резинка» и ... как?..

Начиная медленную трансформацию с укорачивания волос, она рассеянно пообещала:

— Я тебе как будущей белошвейке столько идей подарю...

Добавлять мужской личине возраста не стала: по меньшей мере странно, когда совершеннолетний мужик не умеет орудовать мечом, а юному лумеру с внезапно проснувшимся даром это было бы простительно. Хотелось загорелой кожи, но, опять же, чтобы снизить риск разоблачения в момент форс-мажора, а так же для поддержания легенды парня, жившего в Нортоне, пришлось оставить родной белый цвет, как у всех северян.

Удлинила лицо, обозначив скулы и подбородок. Добавила лёгкого пушка над губой и на подбородке, какой видела у Антуана. Нос удлинила и сделала более широким, бессознательно рисуя Армановскую лёгкую горбинку. Поправила причёску, обратив на неё внимание Жанетты: «Потом сострижешь мне волосы точно так же, хорошо?» — и взялась за глаза и рот.

Подгустевшие брови опустила, утяжеляя верхнее веко, густые ресницы оставила. Рот получился несколько чувственным для юноши, но Жанетта одобрила:

— Вы такая... такой красавчик! Юный и милый, — восхитилась результатом, подняла руки, чтобы обнять, и опустила, — и вы меня пугаете...

— Хочешь обнять? — меняя свой голос на баритон, Мари повернула голову и задорно рассмеялась, увидев смущение на лице субретки. — Шучу. Если суждено провести в мужском теле много времени, то я хотя бы не должна вздрагивать каждый раз, когда придётся смотреться в зеркало.

— Это вы правы. Но если вас не смутит внимание к вам девушек, то...

— Не смутит. Я принесу обет чистоты и нарисую себе руну на весь лоб, чтобы никто не смел приближаться. Кроме тебя, сестричка, — Мариэль засмеялась, приобнимая Жанетту, та машинально ударила кулачком по плечу лже-юношу и ахнула: «Простите, госпожа!» — но вызвала очередной взрыв смеха, оборванный внезапно. Мужской голос за её дверью мог

подслушать кто угодно.

Накинула шатёр безмолвия, предварительно отправив Жанетту посмотреть, нет ли кого в коридоре с удивлённым лицом и длинными ушами. Всё было благополучно, ибо за день устали все, кроме Тринилии, но и та рано легла спать, припозднившись сегодня из-за семейного торжества.

Усмирив бессознательное желание шутить, Мари вылила в кубок остатки воды из кувшина, второго за сегодня. Грешила на острую подливку тётушки Гато, поданную к мясному пирогу в обед, но, задумавшись, вспомнила, что ещё с утра будто пустыня во рту образовалась. На прогулке с Джеромом, пока Мечта кувыркалась в сугробах, смахнула верхний слой снега, добравшись до чистого, и лизнула с ладони, млея от талого привкуса.

Жанетта взяла пустой кувшин и пообещала скоро вернуться. Не дожидаясь её, Мари тем временем самостоятельно надела верхнюю одежду, желая познакомиться с окончательным образом. Организм, вымотанный поездками, упражнениями на конюшне и тратой резерва на заболевшего мальчишку, требовал здорового и длительного сна. Зевнула и потёрла глаза. Последний раз покрутилась перед зеркалом и медленно начала расстёгивать пуговицы на короткой, доходящей до бёдер, шерстяной котте*, меня попеременно цвет глаз.

Пальцы задумавшейся Мариэль замерли на четвёртой пуговице. Многолика — так называют лумеры Белую Владычицу. Среди прочитанных Канонов был упоминающий испытание одного из Старших основателей.

Говорилось в нём так: «Владычица пришла к нему в образе юной девы...» Метаморфность, не зависящая от основного резерва, от настроения, похоже, была естественным состоянием Владычицы. И она, возможно, приняла для древних лумерян привлекательный образ по той же причине, что и сейчас Мариэль создавала своего милого голема. А ведь Владычица могла бы быть и мужского пола, только об этом никто не знал...

Юноша в зеркале прикрыл глаза, глубоко вздохнул, расслабляя тело, разум и отпуская свет Владычицы на свободу. Стоял неподвижно, пока не почувствовал: изменения завершились. Открыл глаза — и отпрянул невольно. Тёмные волосы и брови побелели до цвета свежеснеженного снега, а светло-серая с лёгким зеленоватым отливом радужка глаз теперь напоминала ледяные глыбы, окаймляющие чашу Волчьего логова. Так ведь и Хранитель королевского Ирминсуля, вспомнилось, тоже был беловолосым, с бесцветными глазами, словно выгоревшими от света Ирминсуля, невидимого обывателю.

Звон у двери принудил вздрогнуть и испуганно обернуться на звук. На полу валялся кувшин с вытекающей водой, а над ним возвышалась Жанетта, прижимая ладони к груди.

— Разрешите представиться, — юноша с улыбкой поклонился, — Мар... ой...

Шлёпнул ладонью по лбу:

— Рене! Мне надо привыкнуть к новому имени.

— Ма-рой Ре-не, — ошеломлённо прошептала Жанетта, — госпожа, вы похожи на птиц Владычицы. Такая же, то есть, такой же беленький и нежный.

— На энджелов? — юноша обернулся к отражению. — Да будет так. Пусть напоминание Владычицы пребудет со мной как тот свет, которым она наградила меня. Я должна оправдать её доверие.

Новоявленный Рене Марой зевнул. Сил на то, чтобы утешать Жанетту, испытывающую целую гамму чувств, ни капли не осталось. И в последний раз присмотрелся к отражению. Белые ресницы, брови и волосы потемнели, убирая столь пугающий эффект альбиноса и окрашиваясь в более естественный вид.

— Так лучше, Жанни? — устало обратился к девушке, высушивающей край ковра протянутыми над ним ладошками. Та кивнула, розовая от усилий. — Ты тоже устала. Прости, я тебя ещё и бессонной ночью загрузила. Брось эту лужу, шархал с ней. Я уже столько воды выпила, что ночной заплыв мне обеспечен. Потерплю до утра — не помру.

Субретка помотала головой, продолжая сидеть на корточках и стесняясь поднять взгляд. Юноша подошёл к ней и силой поднял за руку:

— Эй, Жанни! Это же я! Хочешь, верну, как было? — светло-серые глаза заглянули в карие.

Жанетта энергично замотала головой:

— Простите, госпожа... Я привыкну! Но... я в кресле посижу.

Юноша рассердился:

— Ещё чего! Ты тоже имеешь право отдыхать. Давай, без лишних разговоров туши свет и ничего не знаю. Чем быстрее усну, тем тебе легче будет. Я тебе помогу немного.

Новоявленный Рене Марой залез в кровать, отодвинулся на один край, откинул одеяло с противоположного и похлопал рядом рукой. На несколько минут пришлось сбросить личину, чтобы Жанетта успокоилась, сняла верхнее платье и забралась под одеяло. Госпожа протянула руку, касаясь руки субретки, и отдала немного силы, чтобы поддержать. Через минуту на месте Мариэль лежал светловолосый юноша с безмятежным выражением лица и закрытыми глазами:

— Я снова Рене? — пробормотал он сонно.

— Да, госпожа, — шёпотом ответила Жанетта.

— Хорошо. Благодной тебе ночи, Жанни. Спасибо, что помогаешь.

На ответное пожелание юноша промычал и вскоре ровно засопел. Жанетта приподнялась на локте, осмотрела юношу, заметила, что его один бок не прикрыт тёплым покрывалом, укрыла получше, подтыкая под спящего. Долго потом лежала в темноте, разглядывая безмятежное лицо. «Я за вас, госпожа, жизнь отдам!» — подумала, умиляясь своим чувствам.

**котта — туникообразная верхняя одежда с узкими рукавами. Длина определяется социальным статусом.*

Глава 33. Предупреждение

Мы не знали, что подвиг надо сначала посеять и вырастить. Что зреет он медленно, незримо наливаясь силой, чтобы однажды взорваться ослепительным пламенем, сполохи которого ещё долго светят грядущим поколениям.

Борис Васильев, "Завтра была война"

Сон был настолько глубоким, что в первую минуту пробуждения Мариэль пыталась понять, снится ли боль в метке или на самом деле что-то происходит. Рядом беззвучно, с кулачками у лица спала Жанетта, но стоило пошевелиться, и она пробормотала:

— Сейчас... я сейчас...

Метка слабо зудела, пока ещё только предупреждая о грядущей опасности. Мари выпросталась из-под одеяла, постояла немного, пытаясь разбудить мозг — не помогло. Он фиксировал только знакомую жажду, и хотелось думать о ней и ни о чём больше.

Потирая плечо, подошла к зеркалу. Личина Мароя выглядела помятой, но, главное, сохранившей все зафиксированные в памяти черты, это ободряло. Потянулась к кувшину с водой на дне и с досадой, заранее зная, что это не поможет сбить засуху во рту и горле до конца, махом осушила кувшин. Зашла в туалетную комнату ополоснуть лицо, завистливо покосилась на кадку с чистой водой для ополаскивания. «Она, наверное, чистая, не из козлиного же копытца набирали, — соблазнительно предложил разум: — Попей, тебе легче станет...»

Покрутила головой в полумраке, пытаясь найти черпак, с которым Жанетта вечером смывала пену, но тот уточкой замер в бадье на поверхностной мыльной плёнке. «Пей, пей, пей!» — скандировал мозг, и Мариэль, мысленно плюнув на приличия (в конце концов, она видела, как пьют из аквариума, а здесь даже ничего не плавало), наклонилась над кадкой.

Тонкая аккуратная струйка фонтанчиком, едва вытянулись губы, плеснулась с поверхности и коснулась сухой кожи. Мари жадно глотала, примечая древесный, идущий от кадки, привкус воды, пока с облегчением не остановилась, отирая губы. И призадумалась: с каких пор вода её слушалась? Обескураженно занесла ладонь над ёмкостью, и жидкий хрусталь ласковой волной лизнул пальцы.

Страх за потерю дара огня захлестнул. Мари повернула руку ладонью вверх и призвала огонь. Бейлар беспрекословно загудел, нетерпеливо ожидая приказа. «Не нужно», — и шар оплыл, превращаясь в перчатку и исчезая. Не убирая от кадки руку, задала вопрос воде: «Что происходит?» — и та выплюнула фонтанчик, попытавшийся взобраться на ладонь, но соскользнувший через растопыренные пальцы. «Водяной бейлар? Серьёзно?» — опустила лодочку из пальцев в воду, воронка над ладонью доказала: что-то случилось с маг-силами. Достаточно было сосредоточиться, всего мгновение, и вместе с рукой, на ладони, поднимался над поверхностью ведра водяной шар, расплёскивающий мелкие брызги, как огненный бейлар — искры. Это было слишком невероятно, недопустимо!

Она облизывает пересохшие губы снова и снова: под липой становится жарко, солнце опалает даже сквозь густую крону. Уйти — нельзя: куда? Почему солнце не сжигает листву, а только её — изнывающую Мариэль? Губы Армана, неторопливо кочующие по шее, лишают её способности здраво мыслить, она забыла о чём-то, минуту назад бывшее

жизненно важным.

Пальцы пронзает боль. Она смотрит на них и видит, как пламя капризничает, кусается непослушным псом, голодным, требующим пищи. Нестерпимо больно — и стон-мольба о помощи вырывается вслух. Липа замирает, прекращая шевелить листьями. Чужое прерывистое дыхание замирает, прислушиваясь к её бессловесной молитве. На лицо падает первая капля дождя — иссушённых губ касается влажная прохлада.

Спасительный ливень поцелуев умиряет огонь-пса, пламя от попадающих в него капель не гаснет, не шипит встревожено — ласкается, превращаясь в послушную дрессированную собачку, признавшую хозяина.

— Раздели со мной мой дар... — барабанит ливень по листве. — Ты готова?

«Будь самой горькой из моих потерь, но только не последней каплей горя! И если скорбь дано мне превозмочь, не наноси удара из засады...» — огонь-пёс, огонь-собачка клубится в ожидании, вспоминая кем-то придуманную молитву. Липа прислушивается удивлённо.*

«...Оставь меня, но не в последний миг, когда от мелких бед я ослабею. Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг, что это горе всех невзгод больше... Что нет невзгод, а есть одна беда — любви твоей лишиться навсегда», — шепчет она готовую мантру в замершие губы с тёплым дыханием.*

— Ты точно сумасшедшая Мариэль, и это, кажется, заразно, — откликается весело липа. И губы истово захватывают её, вызывая истому во всём теле. Языки сталкиваются. Огонь и вода начинают танец примирения. Огонь сильнее, но он уступает стене из прозрачной, кристально-чистой воды, покорным псом ложась перед ней. Стена опадает, и морская волна накатывает, подбираясь к псу белой пеной и откатывая, — приглашая к игре. Пёс бросается в неё, но не гаснет, а плывёт, перебирая лапами.

Счастье заполняет её грудь, исторгая скопившуюся лаву стона. Вдруг выбрасывает из картины с липой — и Мари видит родные ресницы с опустившейся на них чёлкой, чувства обостряются, теперь она ощущает все прикосновения остро и терпко. С Арманом, кажется, происходит то же. Они отстраняются друг от друга, чтобы синхронно обхватить ладонями лицо напротив — найти в чужих глазах молчаливый ответ на свой вопрос.

А затем руки потянулись друг к другу, скрещаясь пальцами. Взгляд невольно прикипает к их движению. «...Мужчина учится вести за собой, дама учится понимать знаки партнёра. Начали! Раз-два-три...» — лёгкое надавливание на ладони, и Мари покорно откидывается на спинку софы. И только хриплый голос со стороны разбивает магию новых ощущений: «Хватит! Достаточно!»

Нельзя быть таким честным! Зачем? Мари обречённо рыкнула баритоном: «Не Мариэль, а ходячая коллекция даров!»

С момента пробуждения прошло несколько минут, а казалось — вечность. Которую она потратила на то, чтобы проснуться, понять и принять новость, не имеющую отношения к нарастающей боли в плече. Метка опять напомнила о себе!

Бросилась к вещам Рене, переключаясь на актуальное. Единственный вариант, который казался разумным и подходящим этому времени, — в замке Делоне находились нежелательные гости. Старые деревья в округе срубили, ветра за окном не было, сам замок снаружи и изнутри выглядел неприступной крепостью, не собиравшейся разваливаться... Значит, ловушки Оливера кто-то обошёл. Или «высадился» на другом этаже и в данный

момент путешествовал по замку в поисках цели.

Руку резко скрутило, и Мари заметалась, не успевая одеться полностью, а ноги отказывались попадать с первого раза в ботинки. От возни проснулась Жанетта, но её попытка понять, что происходит, лишь добавила сумятицы в мыслях и не ускорила процесс облачения.

— Там что-то происходит! Напиши Лемуару! — перед тем, как выскользнуть из комнаты, успел сказать юноша.

Бежала по коридору в сторону лестницы для слуг, лихорадочно представляя себе варианты действий: пешком не успеет — далеко; лошадь запрячь — долго... На всё требовалось время. В голове ехидно пульсировало: «Надо было сегодня туда ехать, не ждать последнего дня!» Но если Марой запаздывал, то как могло совершиться пророчество? Нужно было стать птицей, чтобы успеть.

— Не сегодня! Не сейчас! — значит, выход был, просто она его пока не видела.

Показалось, что целую вечность добиралась до хоздвора. Метка вопила. Даже если не так, как в тот момент, когда Лоуренс убивал Армана, забирая его силы, — всё равно дела у Делоне обстояли скверно, она чувствовала.

Дыхание сбилось на морозе, запустившем шипы в лёгкие. Кулаки сжались: ни одна из имеющихся сил не смогла бы перенести её за несколько миль отсюда — все были бесполезны. Невольно вспомнился Антуан с его детской мечтой стать порталщиком.

Дверь в воротах на хоздворе примёрзла, огорошивая этим обстоятельством до слёз. Решимости было столько, что она готова был перелезть наружу по сугробу, собранному недалеко от ворот у стены. Сегодня здесь по приезду от лумеров немного поиграли в снежки. Очень ловко, надо сказать, летели... Антуан проиграл под хохот г-жи Илари и сира Рафэля.

— Птички мои, снежные энджелы! — невероятная идея ударила в затылок. Мари протянула к сугробу руки, вспоминая, какие пассы делал пальцами Арман — это было нетрудно. Всё, что делал *он*, запоминалось моментально.

Снежный пласт заворочался, поднимаясь пылью и оформляясь в два странных силуэта, которые назвать птицами можно было бы с большой натяжкой.

Мысленный приказ заставил их порхать, корректировка желания — и два снежных энджела взмыли в воздух. Движение руки и представленная картинка окна Армана со стороны призамкового двора — силуэты растворились в темноте. Не особо веря в успех, но так было легче — она хотя бы предпринимала что-то, — создавала вторую пару. Эту запустила с приказом найти окно сира Марсия.

Ещё пара. И четвёртая! Сколько их получилось в итоге, Мари не считала. Сугроб заметно уменьшился, а она всё лепила и лепила снежных энджелов, вдруг какой-то из них рассыпется в воздухе, не долетит...

Жажда вернулась, напоминая о себе так нестати. Хоть сугроб доедай... Остановилась перевести дух и поняла — метка замолчала. Прислушивалась к телу какое-то время — нет, не показалось. Опасность миновала. Благодаря ей? Анри получил письмо и с Оливером уже там, у Делоне? Или, всё-таки, была ложная тревога? А может, и сами справились?

Резерв требовал пополнения. «Надеюсь, я не превращусь из-за тебя в водяного с обвисшим брюхом?» — мысленно проворчала в адрес Армана. На кухне всласть напилась и спокойная вернулась в комнату, по дороге предусмотрительно вернув образ Мариэль.

Да, Жанетта успела написать строчку Лемуару, однако дошло ли письмо по адресу?

— Ответил? — спросила Мари, снимая плащ и разуваясь.

Жанетта отрицательно покачала головой.

— Ложись, спи, до утра ещё далеко, — раздеваться не стала, легла в одежде поверх покрывала, зевнула. — Что это было, я так и не поняла...

Перебросились парой фраз и затихли. Жанетта уснула, на этот раз быстрее: рядом находилась госпожа, а не юноша. Вслед за субреткой провалилась в сон Мари, ненадолго.

Кажется, прошёл час, когда нечто толкнуло во сне, и она резко села, подчиняясь первой мысли о новой опасности. Но метка вела себя спокойно — зато знакомая жажда подступила.

«Куда ты деваешься, зараза?» — обратилась к выпитой воде, которой, наверное, уже можно было бы наполнить лохань для купания. Потопала в туалетную комнату, справила нужду и, ругая новый дар на чём свет стоит, поднесла лицо к кадке. Фонтанчик услужливо поднялся к губам.

Вдруг слух уловил мужское бормотание, доносящееся из спальни. Мари осторожно выглянула. У кровати стоял, покачиваясь, Лоуренс с бутылкой в руке. Он пьяно присел на край, а потом и вовсе разлёгся, опрокинувшись спиной и умудряясь даже в лежачем положении пить из горлышка.

— Ма-ри-эл-ль, малы-ышка мо-я! Про-сы-пай-ся! Твой-й хо-зя-ин при-шёл-л! — протянул он, переворачиваясь на живот и заползая рукой под покрывало, к ноге Жанетты.

Жанетта пискнула, рефлекторно подбирая ноги к животу и собираясь в комок. Как вдруг грубый бас, идущий от двери в уборную, скомандовал:

— Мариэль, не бойся!

В ментальном даре есть свои преимущества: бабушкина прозорливость и матушкино влияние действовали как катализаторы вариантов идей. Покажись Марой перед Лоуренсом, который ростом был выше Мариэль на голову, у принца было бы преимущество. А эту сволочь нужно было не удивить — напугать. Дать понять, что в эту спальню ему дорога заказана. И ещё лучше — обездвижить Его высочество, а потом передать в руки инквизиторов.

Одежда Рене не была рассчитана на тот объём, с помощью которого сейчас один разозлившийся метаморф собирался выбить дух из одного пьяного принца. Пришлось спешно избавляться от неё.

Лоуренс, услышав мужской голос, оставил свои шалости и вернулся в вертикальное положение, с интересом уставившись в сторону источника звука:

— М-мари-эль, — хихикнул, — ты раз-раз-вле-ка-ешь-ся без ме-ня? Н-ну, п-покажись ге-рой!

В комнату, нагибая голову под притолокой, шагнул Джером, широкоплечий, с голым торсом и бёдрами, обёрнутыми влажной простынёй, до этого сохнувшей рядом с лоханью.

— Не высовывайся, Мариэль, — пробасил он. — Ты кто такой, бессмертный, что ли?

Воспользовавшись паузой, Жанетта отползла к спинке кровати и прикрылась покрывалом, натягивая его испуганно на лицо. А Его высочество поперхнулся от удивления и забыл про цель визита, глядя снизу вверх на приближающееся тело со взбугтрившимися мышцами на протянутой руке. Мариэль, разумеется, никогда не видела Джерома раздетым, зато память Маши услужливо подсунула фотографии накачанных спортсменов-культуристов.

Лоуренс, от смеха хватая ртом воздух, вытянул руку с бутылкой:

— Т-ты жеко-конюх, н-нет? Ах-ха-ха, м-моя ма-лыш-ка любит б-большие размеры! —

повернулся к пискнувшей Жанетте и взмыл вверх. У мышц лже-Джерома было своё преимущество: рука легко оторвала принца от кровати, подняла над ней и отбросила к стене.

Вместо того чтобы атаковать магией, Лоуренс закатился смехом, подавился им, закашлялся и под взглядом конюха, скрестившего руки на груди, хлебнул из бутылки, жестом прося дать ему время прийти в себя. Как тут было не вспомнить версию Анри про униженного пьяного принца!

Джером нетерпеливо поднял сидящего так, что пуговицы, сопровождаемые треском одежды, посыпались с полурасстёгнутого камзола на пол.

— Ещё раз тебя спрашиваю, ты кто такой? — грозно спросил Джером, фиксируя горло Лоуренса у стены. Мариэль не знала, как сделать так, чтобы не убить сволочь, а лишь отключить его сознание. Поэтому тянула время. — Совсем страх потерял — строить порталы в спальни молодых сирр?

Лоуренс если и страдал, то от смеха. Выпучив глаза с навернувшимися слезами, простонал:

— Я — п-принц, а ты, хи-хи, — ко-ню-ух, — будучи не в силах прекратить смех, давился эмоциями. — М-мариэль, малы-ышка, так п-преданно защищала Делоне, а в результате п-ф-фыр — с конюхом! Н-надо ему с-сообщить, п-пусть перед смертью п-порадуется...

— Какая смерть? Ты что несёшь, уродец мелкий? Навоз ты венценосный! — в глазах Джерома промелькнул страх, пальцы разжались, и Лоуренс выскользнул угрём, заваливаясь в сторону и отползая. Нужно было разговорить его, понять, откуда ждать угрозы. И Мариэль-Джером стоял, будто бы в нерешительности. — О какой смерти ты говоришь, гнида? Не о своей ли?

Судя по наглости Его высочества, инквизиция позволяла ему верить в удачное стирание памяти Арману. А это значило, что попытки убийства будут продолжаться до тех пор, пока Лоуренс не поймёт: его участие в политическом заговоре раскрыто.

После этого ему с сообщниками останется думать о своей безопасности, а брату на душу ещё и грех убийства — зачем? Ментальность сделала вывод, ещё раз просчитала логику рассуждения. Мариэль уже собиралась сказать об этом Лоуренсу, сидящему в центре комнаты, ухмыляющемуся во весь рот и поглядывающему в сторону «Мариэль», прикрывающей лицо покрывалом, но он заговорил первым:

— В-вопрос времени, м-малышка, н-не сегодня, так завтра. Но перед этим он получит ещё п-подарочек... — Лоуренс пьяно засмеялся и, видя, как к нему тянется жилистая рука, сложил губы трубочкой, послал воздушный поцелуй Жанетте, — м-моя малыш-шка, н-наслаждайся п-пока!

Не меняя положения тела и не рисуя в воздухе символы, вот так просто, — исчез в обнявшем его портале в одно мгновение. В комнате повисла тишина. Лже-Джером ждал, вдруг его сволочейшеству вздумается возникнуть в другом месте. Но Лоуренс, кажется, испарился безвозвратно.

— Госпожа, я вам уже говорила, что вас боюсь? — пролепетала Жанетта, опуская покрывало от лица.

— По-другому не получилось бы, — Мариэль натянула влажную простыню на грудь, уменьшаясь в размере. — Подай мне рубашку. Кажется, ночь закончилась. Нужно уходить отсюда.

— Из комнаты? В ту?

— И из комнаты тоже... Вот сволочь! — наступал озноб, идущий от опомнившегося разума, но времени на истерику не было.

Она пригляделась к часам — стеклянной восьмёрке, напоминающей песочные часы с делениями и переворачивающейся, как перпетуум мобиле, едва матово сияющая жидкость полностью заливала нижнюю часть:

— Седьмой час. Подай, пожалуйста, костюм для прогулок. До завтрака у меня почти два часа. Еду к Изель, а ты меня прикрываешь. Спросят — расскажешь о Его высочестве, а я как будто после его визита прихожу в себя на свежем воздухе. Джерома, естественно, не впутывай: мы с тобой здесь вдвоём были. Не спросят — я сама, когда вернусь, расскажу. Нужно сделать так, чтобы в Лапеш мы уехали сегодня.

— А если принц про Джерома расскажет? — Жанетта помогала одеваться. — И с мороком как быть?

— Лоуренс был пьяный в стельку, кто ему поверит? Ну, если какой дурак и поверит, то Джером не подтвердит, как бы его память не проверяли инквизиторы. Мне жаль, Жанни, прости за личину Джерома. Я других таких, как он, высоких не знаю... Вспоминать и придумывать было некогда...

— Госпожа, — позвала Жанетта, оборачиваясь на чёрное окно, — может, вы обождёте немного?

— За меня не бойся: со мной огонь. И самое страшное уже случилось. А после новости о пьяном Лоуренсе мне тем более не дадут выехать дальше ворот без сопровождения.

Одевшись, Мари отправила записку Ленуару: «У меня в комнате был Лоуренс», — и приложила одну пуговицу с его вензелем в доказательство. Ответ пришёл, когда, потеряв надежду, девушка готова была выйти из комнаты. Короткое «Будем к обеду» разозлило. Ни «Всё в порядке?», ни что другое похожее. Мари обозвала его словом, отсутствующем в лексиконе воспитанных люмерийцев.

— Пусть только попробует ко мне подойти, — пообещала согласной с ней Жанетте.

Мечта обиделась: на внезапную ночную прогулку её не взяли.

— Прости. В следующий раз, моя хорошая, — погладила золотистую морду, пытающуюся зубами отодвинуть внешний засов на двери. — Я постараюсь с тобой попрощаться до отъезда.

Сонный Джером, не подозревающий о недавнем покушении на его честь, помог седлать Рома, не выражая ни осуждения, ни любопытства относительно ранней прогулки. «Сегодня уеду в Лапеш, поэтому хочу успеть попробовать погулять под светом Иля и Эля», — объяснила взбалмошная госпожа.

По мнению Джерома, она второй раз за неделю испытывала судьбу, желая свернуть себе впотьмах шею или сломать лошади ногу. Могла бы и не объяснять. Слугам нет никакого дела до господских причуд. Мужчина вспомнил, что с госпожой должна была уехать Жанетта, и мысли о странности богатых сразу покинули голову. Он потопал в комнату к красоточке уточнить её решение.

**Сонет 90 У. Шекспира*

Изель немного удивилась раннему визиту, и Мари коротко рассказала о ночных событиях, в заключении попросив воды. Ром на улице жевал брошенную ему охапку сена, в

домике по-летнему пахло травами и привезённой снедью тётушки Гато.

— Морочья основа готова, — Изель показала сеточку для будущего парика, — теперь нужны волосы. Ты должна их сама остричь. Вот этими ножницами.

Мари кивнула, глотая травяной отвар, протянула руку за светящимся инструментом и, не медля, начала отрезать локоны, примерно представляя себе необходимую длину причёски Мароя.

Изель наблюдала, выкладывая из корзины продукты:

— Имей в виду, как только морок будет наложен, изменить длину волос не сможешь.

— Обойдусь к тому времени, — аккуратно сложив отрезанные локоны на чистую тряпицу, погладила их, прощаясь. И вернулась к отвару. — Проклятая жажда. Не знаю, что с ней делать.

Ведунья добродушно рассмеялась:

— Это у того, кто тебе дар передал, спрашивай.

— А вы откуда знаете? — Мариэль поперхнулась.

Изель долила в кружку:

— Чёрный жаловался вчера. Наказание ему прилетело — на семь лет лишён власти, забылся, видно, дурень, раз в присутствии старшего инквизитора пакость вершил. Просил у тебя помощи, не откажешь?

Мариэль в изумлении открыла рот:

— Я?! Как я ему помогу?.. Подождите, какого «старшего инквизитора»? Анри, то есть, тот инквизитор, что был там, пока ещё младший мастер.

— С какого вопроса начать? Ну, да ладно, по порядку, — Изель убрала пустую корзину со стола, села напротив гостыи и подтянула тряпицу с локонами. — За одно благодарение списывается год. Беда Чёрного в том, что сделать он теперь ничего не сможет, без своей-то власти. Так что если его добрым словом кто по прошлым делам не вспомнит, то и нести ему наказание сполна. А на второй вопрос ответить не могу. Чёрный не стал бы придумывать: верно, повысили мастера твоего.

Мариэль вспомнила про последний ответ Анри, обидевший её. Усмехнулась горько:

— Нет разницы, как благодарить: вслух или про себя? — на положительный кивок Изель, загнула первый палец — Благодарю тебя, Чёрный Некромант, во-первых, за то, что снял с меня браслеты, которые помешали бы мне исполнить обет. Во-вторых, за то, что когда-то стёр Анри память о Вестнике. В-третьих, за мой новый дар. И, в-четвёртых, за поцелуй Армана, который бы не состоялся, если бы не ты.

Огонь в очаге взметнулся вверх, подтверждая принятие слов.

— Многовато у тебя накопилось благодарностей, знатно скостила срок, — Изель не смогла сдержать улыбки. Кивнула на волосы, вплетаемые в сетку с помощью иглы, отражающей огонь лампы. — Ждать будешь? Часа два уйдёт.

Мари согласилась подождать и попросила чернила с бумагой. В избе установилась относительная тишина, разбавляемая треском дров в очаге, еле слышным бульканьем готовящейся похлёбки да шуршанием «рукоделья» Изель. Та нет-нет да и поднимала глаза на задумчивую гостью, медленно писавшую прощальные письма родным. Два были написаны быстро, а третье, видимо, вызвало затруднение. Мари останавливалась то подумать, то вытереть слезу. Изель не спрашивала, кому предназначалось это послание. Однако когда оно было написано, Мари перечитала его и отнесла в очаг. Смотрела, как превращаются в пепел мысли.

— Не понравилось? — спросила Изель, подозревая об адресате письма.

— Я его, наверное, больше для себя написала. Когда всё закончится, это знать смысла уже не будет... — девушка вздохнула. Вернулась за стол, подумала и взялась за ещё одно письмо, очевидно, так же вызвавшее затруднение в формулировке мыслей. Мари вздыхала, не замечая этого.

В молчании прошло ещё полчаса. Игла в руках ведуньи сновала пауком, ткущим ловушку. Тишину прервала именно Изель, заметив, как вперемешку со вздохами девушка пару раз прикрыла пальцами зевок.

— Защитника-то своего покажешь? Вдруг встречу, да не узнаю, а попусту ворожить не хочется, — с шутливой интонацией спросила она.

— Да, конечно, — рассеянно кивнула гостя, продолжая думать над содержанием третьего письма. Не убирая кулачка, подпиравшего щёку, сменила облик. Быстро взглянула на Изель светло-серыми глазами и вернулась к делу.

Ведунья хмыкнула, рассмотрев визави:

— Яркий какой получился... Девчонкам хочешь понравиться?

Юноша поднял изумлённый взгляд:

— Нет, свет Владычицы сам раскрасил. Белый цвет оказался легче для восстановления. На тёмный уходит время.

Изель заставила себя не бросить работу, руки её отчего-то дрогнули. Опущенный взгляд и покачивающаяся голова указывали то ли на сожаление, то ли удивление. Юношу, видимо, отвлекла ремарка ведуньи, он бросил писать и воззрился на женщину:

— Спросить хотела... хотел... У Хранителя королевского Ирминсуля глаза и волосы тоже белые. Из-за света Владычицы? А почему у вас волосы и глаза тёмные? Сир Анри называл и вас Хранительницей.

Изель улыбнулась, будто ждала этого вопроса:

— Погоди, дошью морок, останавливаться нельзя, и покажу. К слову, снадобье заберёшь, али уже не надобны листья?

Юноша пожал плечами:

— Заберу, может, ещё пригодится. Мариэль уедет, кто потом передаст?

— Хм, верно. Заодно черкни-ка своему старшему инквизитору, чтобы не бегал ко мне по каждому случаю. Объясни, мол, законы у меня те же, что и у Белоглазого.

Марой фыркнул и вернулся к письму. Дописал быстро, сложил конвертом, не трубочкой, и потянулся, зевая. За его спиной у стены находилась лежанка, покрытая толстой мягкой шкурой какого-то мохнатого животного. Юноша спросил разрешение прилечь, перед этим напился воды из ковша и растянулся на лежанке. Отсюда хорошо было видно Изель за работой:

— Что оно вообще такое — эта «Истина Ирминсуля»? Я бы хотел попробовать.

Изель засмеялась:

— Забавное ты дитя. Дар два октагона как получила, а уже рвёшься в бой. Не по силам тебе такое испытание. «Истину Ирминсуля» на старших курсах инквизиторы используют, чтобы в себе открыть потайное и победить его. Не у всех получается, чтобы ты знала. Одна попытка, провалил её, не прошёл испытания — ходи думай, пока разрешение не дадут. А кто «Истину Ирминсуля» познал, тому назад в прошлое дороги нет. Другими людьми становятся.

Марой сел, опуская ноги на пол:

— Я справлюсь!

Ведунья качала головой, поражаясь самоуверенности гостыи в мужском обличье. Юноша резво вернулся за стол:

— Пожалуйста! Оружием я не владею, заранее предвижу свой позор, так хотя бы дух во мне сильный будет, а дороги в прошлое нет не по моей воле. Мне это нужно!..

Изель вплетала последние пряди, обреченно вздыхая от истовости желания юного метаморфа, продолжающего уговаривать.

— Время это может занять немало. Некоторые сутками бродят по лабиринту неосознанного, выбраться не могут. А тебе идти надо. Вот, уже почти доделала морок. Когда Истину познавать собрался... собралась?

Марой невольно содрогнулся от перспективы застрять во сне, сходил к окошку, всмотрелся в светлеющий клочок неба между макушками редких деревьев:

— Жаль... — уселся напротив Изель, — но я всё равно бы попробовал.

— Смотри-ка, куда дел девчонку? — улыбнулась ведунья. Наконец она отложила иглу, подняла парик на руке, встряхнула его, расправляя локоны и следя за выражением побелевшего лица юноши: — Страшно?

Тот кивнул.

— Научу, что надо делать. И помни, дорога назад будет одна: испугаешься, скинешь морок, потом сызнова мне мучиться.

Сложила парик всё в ту же тряпицу, завернула.

— Показать ещё что-то хотели, — напомнил собеседник.

Изель насмешливо протянула руки к волосам, закреплённым на затылке гребнем:

— Ну, смотри, любопытный. Не показала бы, если бы не твой интерес, — вытащила гребень. Волосы тотчас упали волнами на плечи.

Женщина медленно провела по ним гребнем, и от этого волосы посветлели. А когда последняя тёмная прядь выбелилась до цвета снега, произошли метаморфозы с лицом. Глаза обесцветились, как и брови с ресницами:

— Белоглазому нужно отпугивать от дерева Владычицы, а я пока сюда приставлена ухаживать за малышом. Простой люд пугать мне не с руки. И, упреждая твой вопрос, не метаморф я. То, что видел, — морок обыкновенный.

Закрутила волосы на затылке, воткнула гребень на прежнее место, и вернулась прежняя Изель.

— А Волчье логово? Кто его Хранитель, если не вы?

Эпилог, или Прощай, Мариэль!

*А может быть, созвездья, что ведут
Меня вперёд неведомой дорогой,
Нежданный блеск и славу предадут
Моей судьбе, безвестной и убогой.
Тогда любовь я покажу свою,
А до поры во тьме её таю.
Шекспир, сонет 26*

«Мальчишка, личину вернуть не забудь!» — на прощание пошутила Изель. За два часа, проведённые вместе, ведунья сказала слишком много, чтобы можно было сразу всё это переварить и сделать выводы. Изель не договаривала, как любой оракул, и Мариэль понимала: закон невмешательства обязывает хранить секреты, не подталкивая к решению тех, кто может повлиять на будущее.

Изель не просила за Некроманта — лишь поделилась новостью. Решение помочь зловредной тёмной сущности, напоминающей скучающего ребёнка, Мариэль приняла сама. Уж она-то знает: любому оступившемуся нужен шанс на прощение.

Хранительница показала суть себе подобных, однажды принесших присягу свету Владычицы. Можно ли было после этого сомневаться в своём предназначении? Мари сделала себе пометку на будущее: стоит перечитать внимательно Каноны про Хранителей, узнать, что они такое.

И, наконец, самое интересное. Волчье Логово находилось в Лабассе с основания мира, а после образования Люмерии и отступления тьмы на восток здесь была построена Белым Речником одна из первых крепостей — Лония, по названию речки, переводившейся как «исток, начало». Таким образом, Лабасс, на самом деле, не был рядовой провинцией Люмерии, и неспроста сир Алтувий Трасси пытался закрепить именно здесь влияние нового мира, новых законов, новой магии.

Изель не поведала легенду, объясняющую, каким образом серебристые волки стали Хранителями водопада. Упомянула Делоне, которые по наследственному территориальному праву считались исторически хранителями источника старой магии, однако забывшими древние традиции.

Оттого, давным-давно однажды зимой серебристые волки исчезли, и с тех пор Хранители Белой Владычицы пытались вернуть символы древности, — но пока безуспешно. Мариэль между сказанных строк поняла, будто существует некое пророчество на этот счёт, поинтересовалась, но Изель намекнула: гостье пора бы и честь знать. Значит, не Мариэль, а уже Рене Марой, должен будет разгадать этот ребус.

И на прощание назвала мальчишкой — не привычным «дитя». Мари давно почувствовала: в мужском теле ей спокойнее, не говоря уже о комфорте в одежде. На сегодня у Мароя оставалась одна проблема, о которой Мари боялась даже думать. Имея общее представление о строении мужских органов только благодаря иллюстрациям учебника по биологии, она дала себе зарок не забываться, избегать ситуаций, которые бы обнаружили этот недостаток в теле Рене. Объясняй потом, что ты не родился с патологией. Спихватилась, когда ушла далеко от избы: на эту тему надо было поговорить с Изель, ибо

только она, не смущаясь, могла отвечать на самые сложные вопросы и понимала Мариэль.

Деревья расступались — до выхода из леса оставалось несколько шагов, мысли Мари переключились на семью. Как тяжело будет Иларии без Мариэль! И как сложно будет Мариэль без матушки! Самое обидное, Илария знать не будет, что дочь рядом. Наверняка Рене выпадет не один шанс побывать дома, но в качестве гостя. Ни лишним словом перекинуться, ни обнять... Она глубоко вздохнула, приводя себя в чувство игольчатым воздухом, и облако морозного пара моментально заволокло обзор. «Жизнь как в тумане — не знаешь, что ждёт завтра», — подумала про себя, и, забавляясь, выпустила несколько коротких облачков, наблюдая за прозрачным узором.

Если бы она родилась мальчишкой, а не девочкой, сир Рафэль, наверное, был бы счастлив. Антуан, обаятельный голубоглазый блондин с чувством юмора, являлся любимчиком отца и, определённо, его копией в молодости. Послушный и почти всегда предсказуемый — родительская радость. Зато от дочери проблем было больше. Будь она сыном, на все приключения смотрели бы сквозь пальцы, и не замечала бы расстроенного взгляда матушки и «рассеянного» от батюшки. Сыну тот вправил бы мозги быстро, а на девочку боялся прикрикнуть, видя в ней отражение любимой супруги.

Интересно, как бы выкрутилась бабушка с дедушкиным подарком, если бы внуков было двое? Один не открыл, второй — открыл... Ревность, обида и зависть... Она резко остановилась, и Ром натянул повод, вопросительно фыркая.

Шархал побери! А ведь дедушка не знал (или знал?), что его внучка окажется не совсем внучкой... Что, если?.. Мари обдало волной мурашек на спине. Не по себе стало от предположения. Она подхватила снег с ветки и положила в пересохший рот. Холод отрезвил.

На площадке она привязала Рома и направилась к Ирминсулю. Нужно было — нет, не так! — хотелось получить благословения, и... Об этом она думала со вчерашнего дня, но укрепились в решении после того, как письмо Арману было написано и сожжено.

Снег возле уснувшего Ирминсуля оказался основательно утоптаным до скользкой корки. Осторожно сделав несколько шагов, Мари остановилась, протянула руку, вызывая огонь, и растопила тропинку. Приблизиться по ней к дереву без варианта растянуться уже не составило труда.

Приложила руку к стволу и дала волю свету. Ирминсуль и дар Владычицы узнали друг друга — молодое дерево жадно потянуло свет к себе. Мариэль физически чувствовала, как пустеет резерв: словно откачивали кровь через руку. Оторвать ладонь от ствола оказалось не так-то просто.

«Маленький вампир!» — с удивлением подумала про себя, вскидывая голову к кроне, огромной в сравнении с находящимися деревьями, но такой юной, поставь рядом с королевским Ирминсулем. А ведь когда-то предок Мари напитал своей магией огня тонкий саженец, и тот за ночь пустил новые корни.

Приложила руку к стволу, только на этот раз закрыла доступ к свету и осторожно, чтобы не оставить на коре ожог, направила магию огня, мысленно обратившись к Ирминсулю: «Ты помнишь, малыш?» В начале ничего не происходило, но Мари отчётливо разбирала настороженность, удивление и позже — узнавание. «Это был мой дедушка. Простил ли ты его?»

Под ладонью разлилось тепло, Ирминсуль отозвался привычным способом. Однако когда крона зашумела, роняя сухие листья, Мари поняла: он её услышал, узнал и принял, зов родственной магии всколыхнул воспоминания. И знакомое тянущее ощущение в руке —

отдёрнула ладонь. Свет не жалко было — он восстанавливался, а огонь — нет. Отдавший свой дар прадед стал лумером и свою магическую истощённость передал некоторым потомкам.

«Так не пойдёт. Мне не жалко, но я... не могу, поверь, — объяснила Ирминсулю, возвращая ладонь на шероховатую поверхность. — Если хочешь, могу приходить в гости и делиться матушкиным светом. Угощать». Подобрала подходящее слово и улыбнулась: все дети — вампирчики, любители вкусенького, даже если они всего лишь деревья с пятисотлетней историей.

Осторожно отпустила свет, дерево охотно приняло порцию вкусной магии и остановилось. «Понятливый!» — опять улыбнулась Мари. Не удивительно, что он отреагировал на неё, до которой большинство сюда приходило просить, умолять, обещать. Она тоже хотела бы узнать кое-что, покамест проверяя, возможен ли в принципе диалог с Ирминсулем.

Несколько раз в год, чаще летом, сюда привозили бочками воду из Волчьего Логова. Но около ста лет назад после исчезновения серебрястых Хранителей, как сказала Изель, вода из горной расщелины стала просто водой. Как бы ни верили и не молились бы посетители магического гнезда. Чувствовал ли Ирминсуль изменения? Именно это хотела узнать Мариэль. Спросила об этом, погладив кору и замерев в ожидании отклика. Дерево ответило теплом, но как можно было трактовать этот знак — как да или нет? «Я ещё вернусь к тебе, мы поговорим», — пообещала она, перед последним шагом.

Оставалось выполнить запланированное: на это сегодня уже времени не будет. Глубоко втянула воздух, казавшийся рядом с деревом не таким колючим, морозным, и сосредоточилась на молитве.

Дерево внимало, может быть, с особенным интересом, потому что сейчас рядом с ним стояла не простая посетительница. Последний раз обет чистоты приносили под Ирминсулем давно. И он чувствовал искренность обещания, ценность слёз, упавших с ресниц во время прикосновения девичьей головы к нему. Страсть, нежность, страх за другого и вера — каким соблазнительно вкусным десертом к этой встрече показалась ему молитва! Ирминсуль откликнулся теплом, говоря: обет принят.

На левом виске Мариэль, чуть заметная, проявилась руна верности — «пуритэ», вертикальная линия с отходящими вверх двумя отростками.

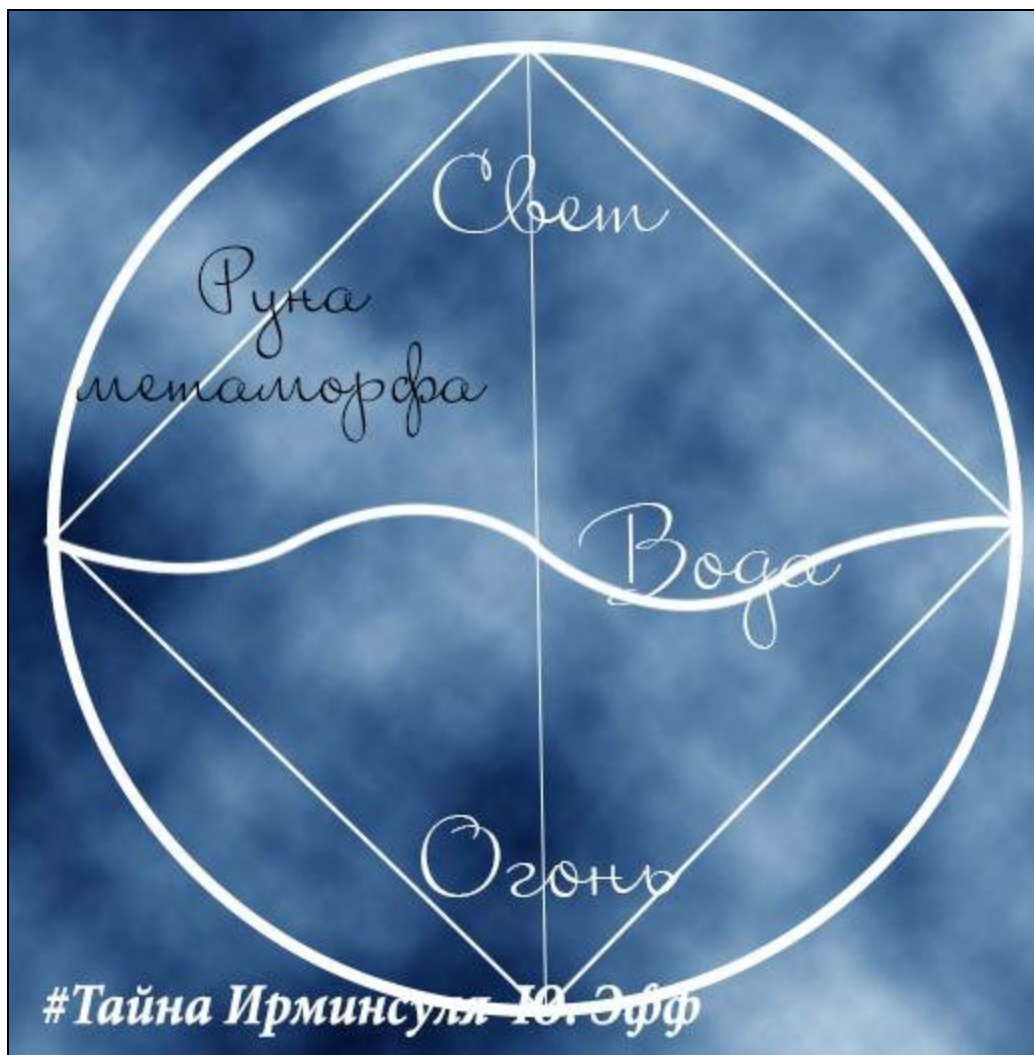
Теперь пора было возвращаться домой, где безусловно её ждали. Объяснения, просьба, слёзы... И обязательно — проверить догадку.

Она занесла над ящиком ладони. У того не было признаков наличия явного замка — одна щель между двумя частями доказывала, что это всё-таки ящик, футляр, сейф с возможным содержимым. Требовалось ли определённое заклинание или вид магии — Мариэль не знала. Никто из де Венеттов не знал. В данную минуту семья сидела за столом любезно согласившись подождать, пока опоздавшая дочь приведёт себя в порядок. Поэтому времени на подобные эксперименты с дедушкиным подарком, которые вытворял Антуан, не было. Либо ящик откроется и докажет, что она мыслила верно. Либо время не пришло, как и предполагала матушка.

По словам бабушки, у сира Рэя был ярко выраженный ментальный дар, передавшийся дочери — Иларии, и дар воды. Управление огнём Мариэль получила от другого деда — по материнской линии, того самого, что самовольно пересадил Ирминсуль. Огонь, разной

степени силы, передавался через два поколения, у кого-то был основным, у кого-то — второстепенным.

Начать стоило с ментального дара. Мари призвала его, тот неохотно, как ленивый или обидевшийся абитат, про которого забыли, пополз, спускаясь от головы к кончикам пальцев и центру ладоней. Хотя и ждала чуда, но когда оно случилось — оторопела. Нет, ящик не открылся — на поверхности крышки выступил объёмный, будто вырезанный из дерева, символ. Это была руна огня — три луча, идущие вверх от одной точки. На всех портретах, висевших в семейной галерее, в углу стояла руна, обозначающая тот или иной вид магии. Благодаря бабушке, выступившей в качестве экскурсовода, Мариэль запомнила все символы, что, в общем, было не сложно. В данный момент одно было странно — почему огонь? Если уж на то пошло, Антуан никогда бы не открыл подарок без помощи сестры.

Вызвала огонь, отозвавшийся мгновенно, еле успела задержать его, готового сжечь ящик дотла. Приказала только показать себя — и руна огня сменилась другой. Круг с волнистой линией — то, что поддерживает жизнь всего сущего — символ воды. Машинально вспомнила Армана и поразилась совпадению. Как дедушке в голову пришло устроить троекратную проверку будущему внуку? Если только он не получил пророчество...

Вода так же охотно проявила себя, уронив каплю в центр круга. Несколько минут назад Мариэль, зашедшая в дом по привычке через служебный вход, выпила ковш воды, чем дважды шокировала тетёшку Гато — своим внезапным появлением и неизбирательностью в

подавлении чувства жажды. Теперь воды в Мариэль было предостаточно.

Незнакомый символ, похожий на огонь, только перевёрнутый, сменил руны воды. Для дальнейшего решения дедушкиной головоломки вариантов у Мариэль не было — она использовала почти всё, что было ей даровано, кроме света Владычицы. Суть основательницы Люмерии мягко согрела прохладные пальцы и осветила руны. Одновременно с раздавшимся щелчком Мариэль поняла: перевёрнутая руна огня и была символом падающего света, ибо и сам огонь по сути освещал.

На крышке проступил финальный символ, объединённый из трёх предыдущих — «перевёртыш», одинаково выглядевший при переворачивании с ног на голову. Понадобилась минута, чтобы сообразить. Перевёртыш — иначе метаморф. На спине мурашки оформились в войско и потопали вниз, к ногам. Мариэль приложила руку к символу — и ничего не произошло. Наверняка нужно было продемонстрировать дар, и она сменила личину на мужскую, на «внука», которому дед завещал некую ценность. Рука приобрела более грубые очертания, и щелчок в ящике подтвердил: загадка сира Рэя была успешно разгадана.

Верхняя крышка поднялась, осталось её подцепить пальцем — и взору предстал лежащий в специальном углублении кинжал. Его рукоять и ножны были сделаны из материала белого цвета, напоминающего отшлифованную до гладкости кость. Филигрань на рукояти и наконечнике ножен напомнила морозные узоры — память о зимних октагонах Владычицы...

Не веря своим глазам, Мари трясущимися руками с трудом вытащила из ложементов оружие и обнажила клинок, любясь бегающим зеркальным блеском по его граням. У отца, сира Рафэля, были похожие клинки в коллекции, но этот выглядел особенным.

Где-то в коридоре послышались шаги, и Мариэль торопливо накинула двойной шатёр безмолвия — тот, что, по словам Лоуренса, должен был отвести от желания открыть дверь. Стоило поторопиться.

Клинком Мари поддела ложемент, вытащила его, чтобы забрать с собой. Достала на поясе сумочку, в которую предусмотрительно убрала подарки, переданные Некромантом в доказательство выполнения первого желания. То, что мама положила на могилу Маши, было утащено повелителем мёртвых в другой мир, по счастью, до того, как ему прилетело наказание за шутку над старшим инквизитором.

В опустевший ящик легли три мелких мандарина и три конфеты. Всё это хотелось съесть в первую же минуту, едва только увидела подарки на кровати, но что-то удержало, может быть, желание отсрочить удовольствие. В Люмерии не упаковывали сладости мелкими кусками в обёртку, как конфету. И не выращивали подобных фруктов. Так что «дедушкин» подарок, по идее, должен будет как минимум вызвать интерес и показаться особенным.

Затем завернула в шаль кинжал, ремень, так же находившийся в ящике и белыми узорами напоминавший филигрань на оружии. Прикрыла крышку ящика, убедившись, что тот не закроется снова. Прислушалась к звукам в коридоре и, поняв, что у её проделки нет свидетелей, выскользнула из комнаты брата, уничтожив предварительно «тишину безмолвия».

Интуиция похвалила хозяйку, верилось, что Мариэль сделала всё правильно, скрыв свою догадку даже от родителей, хотя в душе оставался осадок из-за обмана. Однако нужно было выживать. И появиться в своём же доме с известным всем оружием было бы фантастической глупостью. Единственно, Мариэль решила узнать у бабушки, помнит ли она какое-нибудь

особенное оружие, которым пользовался сир Рэй. Если белый кинжал всплывёт — тогда многое изменится. Но об этом думать не было сил: до одури хотелось взять в руки подарок и рассмотреть его как следует.

Умнице Жанетте удалось продержаться господ в неведении почти до самого завтрака. Она страшилась рассказывать про события минувшей ночи, зная, что обязательно расплачется да сболтнёт в расстройстве лишнего. И лишь когда Илария спустилась в конюшню проведать Мечту да обнаружила там тишину в стойле коня своей дочери Рома, появились вопросы.

— Ах, сирра Илария, прошу вас, не мучьте меня! — паника нахлынула быстрее, чем ожидала Жанетта. — Сирра Мариэль сама всё расскажет!

К часу, в который за стол села задумчивая Мариэль, подозрения о неладном, творящемся в семействе де Венеттов, распространились на всех. Заметив вопросительные взгляды, девушка поспешила предупредить: она желает после завтрака собрать всех в кабинете и сообщить кое-что без лишних ушей прислуги.

Новости о домогательствах Его высочества, очередном ночном появлении пьяного принца в спальне невинной девушки и, в подтверждение слов, демонстрация пуговицы с вензелем Лоуренса потрясли семейство.

— Я знала, что ничем хорошим ваше знакомство не закончится. Я всё думала, с какой стати эта вертихвостка вас сводила? — поджала губы Тринилия, плюнувшая в котёл общего негодования своё мнение.

Озадаченный вид Антуана, показывающий его относительную причастность к ситуации, стал дополнительным доказательством.

— Ты знал и не защитил честь сестры? — впервые за долгое время сир Рафэль выразил гнев в адрес сына.

— Я думал, они просто ссорятся, — на красивом лице Антуана появилось извиняющееся выражение.

Семейный суд длился бы долго, но Мариэль устало извинилась за своё грубое вмешательство в прения и объявила:

— Все, чего я хочу, — это успеть до вечера уехать в Лапеш. Мои вещи собраны.

Она ждала, что её начнут отговаривать подождать день-другой. Вот и Антуан спросил, не хочет ли она остаться хотя бы до своего дня рождения, «всего недельку». Но Мариэль отказалась, сославшись на то, что честь семьи ей дороже. Обнявшая её после этих слов Илария заметила руну на левом виске дочери и посетовала на то, что такое серьёзное решение та приняла без участия своих родителей.

— Простите, матушка, за самостоятельное решение, но так вы будете уверены в моём благонадёжном поведении вдали от семьи.

Такое признание растрогало взрослых, и утренняя прогулка без сопровождающих была прощена. Когда решение Мариэль было одобрено, в замке началась обычная для подобных мероприятий кутерьма. Тётушка Гато всплеснула руками, узнав о внезапном отъезде Мариэль: времени на приготовление гостинцев, как обычно, ей выделили мало. Илария бросилась перепроверять собранные вещи дочери. Тринилия потребовала внучку к себе для беседы. Сир Рафэль отправился готовить крытую повозку, чтобы самолично довести дочь с компаньонкой до Лабасского Центра порталов. Ни о каком путешествии через всю страну до самого Лапеша и речи не могло идти.

В этот хаос добавил сумятицы Антуан. Отправившись в комнату с целью найти для сестры памятный сувенир, он обнаружил дедушкин ящик открытым. На время центром всеобщего внимания стало удивительное наследие. Или намёк на него. Все гадали, что бы это значило — три фрукта, один из которых сразу попробовали все, по малюсенькой дольке, и три удивительных сладости.

— Определённо похоже на сурьянские орнады, но мне нравится эта кислинка, — сир Рафэль задумчиво смаковал мандариновую дольку со знанием человека, полжизни занимавшегося сельским хозяйством.

— Наверное, дедушка хотел этим подарком приумножить богатство семьи. Представляете, каким спросом пользовался бы сок из этих фруктов? — предположила Мариэль, сдерживая улыбку. — А если использовать технологию по заворачиванию кусочков сладостей в красивую обёртку, то... де Трасси умрут от зависти... Венеттская марка в кондитерской сфере, — по-моему, звучит отлично!

Попала в цель — глаза главы семейства загорелись, а Антуановские подёрнулись мечтательной пеленой. О чём думал братец в этот момент, Мариэль не сомневалась.

«Ну, слава богу, теперь тут все будут думать о мандаринах», — похвалила себя за блистательную идею по занятости семьи и за интуицию, предложившую обменять очередной (для Антуана) клинок на кое-что новенькое.

Юноша сразу сел строчить письмо Дилану с просьбой приехать, но захватить с собой горшок с землёй.

— Остановитесь! — Илария опомнилась первая, не подозревая, что шумиха была дочери только на руку. — Мариэль сегодня уезжает! Нужно её отправить, а потом уже заниматься *прочими делами*.

И матушка выразительно посмотрела на сына, заставив его со вздохом убрать дедушкины подарки, драгоценные три семени и оставшуюся конфету в ящик.

На сборы ушло часа три. Тётушке Гато дали время спокойно собрать гостинцы, а сами потратили это время на самый дорогой подарок для Мариэль в честь её грядущего дня рождения. Илария собиралась подарить дочери Мечту. Тот факт, что дочь и арнаахальская красавица поладили, утвердил сир де Венетт в правильном решении. Подарок успел нарезать и выкупаться в снегу под наблюдением Иларии и Мариэль, пока Жанетта одиноко молилась под Ирминсулем.

Часом позже документ, подтверждающий передачу прав на племенную кобылу, убрали в сейф, где уже хранилось украшение супруги основателя рода.

Семейство, наконец, вышло прощаться. Жанетта первая всех обняла, не переставая плакать и говорить, как она всех полюбила. Пришлось озвучить и её историю: она тоже должна срочно уехать, к брату Луи в Нортон, чтобы помочь ему. Хозяйка Луи на днях разрешилась двойней, и тот порекомендовал свою сестру как великолепную помощницу. При поддержке бабушки, Мариэль удалось смягчить негодование Иларии, посчитавшей, что Жанетта бросает свою госпожу в сложное время, хотя Мариэль горячо настаивала на том, что необходимости в услугах компаньонки пока не намечается.

Тринилия умудрилась заранее использовать свои связи — договориться с Лапешской Доакадемической Эколь, куда Мари зачислили на второй семестр первого курса с предоставлением комнаты в корпусе для приезжих. Так что у неё планировалась активная жизнь, наполненная учёбой и общением с новыми родственниками и знакомыми. На страдания и приключения, по расчету бабушки, у внучки теперь не будет времени.

— Не говорите только, пожалуйста, об этом никому, чтобы Его высочество не построил и туда свой порталный коридор, — попросила у всех Мариэль, и семья поклялась молчать об этом.

На прощание Илария вручила дочери ещё один подарок — флакон нежнейших духов, приобретённых в Люмосе во время поездки на горячий источник. Мариэль убрала его в небольшую напоясную сумочку, пообещав каждый раз, нанося духи на запястья, вспоминать свою любимую, самую лучшую на свете матушку.

Итак, последние слова были сказаны, объятия заключены многократно — и девушки уселись в повозку, а сир Рафэль занял место рядом с Джеромом. Ещё пара минут на слёзы, и за выехавшими закрыли ворота.

— Не переживай, Жанетта, всё будет хорошо. Так, как ты мечтала, и даже лучше, — Мариэль обняла компаньонку за плечи и прижала к себе.

— Я восхищаюсь вашим самообладанием, — Жанетта высморкалась в платок. — Я от страха сама не своя, а вы так хладнокровны! Что, если морок не сработает или свалится с меня?

Мари, как могла, успокоила компаньонку. Достала флакон с духами и увлажнила виски Жанетты, по совету матушки, если вдруг в дороге девушек укачает. «Сады Владычицы» значилось на розовой этикетке, приложенной к духам. Пространство заполнилось успокаивающим ароматом цветущих вишен.

— Пообещай мне одну вещь. Что бы ни случилось, я прошу тебя выполнить мою просьбу, — видя, что спутница готова мыслить здраво, Мариэль начала важный разговор. — Ради Владычицы, пожалуйста, береги честь моего имени и имени моей семьи.

Жанетта стянула с головы капюшон. Заправила локон, закрывающий левый висок, за ушко:

— Госпожа... Я боялась, что морок не добавит вам, то есть, мне, вашей новой метки, и я... я тоже принесла обет чистоты... Даю вам слово Жанетты Лами, ваша честь и ваше имя в надёжных руках!

Хладнокровие, которому так завидовала Жанетта, моментально покинуло Мариэль, и девушки обнялись, роняя слёзы на плечи друг другу. С трудом остановив поток прощальных страданий, Мариэль продолжила диалог. Протянула Жанетте шариковую ручку, переданную Некромантом, показала, как ей писать:

— Так я буду знать, что это точно ты мне пишешь. И запомни: если вдруг тебе будет угрожать опасность — снимай морок, постарайся добраться до портала и уходи к брату. Когда это случится, отправь на почтовый портал Армана любой предмет — цветок, лист, сухую ветку, что угодно, и я буду знать. Не думай в этот момент о моей чести: хуже будет, если тебе, например, захотят причинить вред Лоуренс или его шпионы. А на случай своего исчезновения я предупредила бабушку и приготовила письма.

Мариэль протянула Жанетте мешочек с монетами:

— Возьми. Если тебе придётся бежать, то деньги пригодятся. Я поговорила с бабушкой об этом, и она выделила мне сумму. Часть я оставила себе на всякий случай, так что... Жанни! — она всё-таки всунула в руку, оттолкнувшую её, не смотря на категоричный отказ. — Ты потратила свои сбережения на Мароя, я не могу этого так оставить!

Несколько минут убеждения, и последнее дело, имеющее отношение к Жанетте, было сделано. Мари вздохнула с облегчением. Впереди предстояло ещё два нелёгких разговора — с Арманом и Люсиль, которую ждал особенный прощальный подарок. То, что после его

«вручения» может начаться скандал, Мари не беспокоило: это случится только если предположения относительно скрываемого дара Люсиль окажутся верными.

Повозка въехала во двор замка Делоне, и девушка заставила себя собраться с мыслями. По двору сновали люди, сир Марсий стоял на лестнице, разговаривая с одним из них. Заметив гостей, он прервал разговор и пошёл навстречу, попутно давая указания слугам.

Личная комната Армана выглядела аскетично относительно тех, в которых Мари успела побывать. Широкая кровать без балдахина, единственным изыском в которой являлась высокая резная спинка. Банкетка и два кресла, обтянутые тёмной тканью, высокий стол с большим кувшином и стопкой книг. Конторка у окна и жёсткий стул возле неё. Однотонные тёмные портьеры сейчас были раздвинуты по бокам окон, удивляющих нелогичным мозаичным рисунком. Арман перехватил улыбку гостыи, рассматривающей вставленные бессистемно выбитые в мозаике стёкла, и объяснил, по просьбе наливая из большого кувшина воды в кубок:

— Весной заменят, отец решил пока оставить так.

Несколько минут назад сир Марсий жаловался гостям на причину замковой суеты, сопровождая их в гостиную:

— Суматошная зима, надо признать. Юность не даёт нам расслабиться. Впервые на моей памяти шутники устраивают ночную атаку по всем фронтам: мало того, что устроили беспорядок на этаже, ещё и стёкла побили в нескольких комнатах. Один мне чуть не попался, исчез на моих глазах порталом. Я сразу же отправил в Инквизицию запрос с просьбой разобраться и найти юмористов. Сегодня, ближе к обеду, обещали прислать превизиров.

Мари выразительно переглянулась с Арманом, а сир Рафэль возмущённо крикнул, сомневаясь, рассказывать ли соседу о ночном событии у себя дома. Взглянул на дочь, спрашивая разрешения, она пожала плечами.

— Сколько же их было? — спросил де Венетт, выбирая самое удобное кресло.

— Вернер сказал, что видел в комнате Армана четверых. Я видел ещё одного, в коридоре.

— Как чувствует себя сирра Элоиза? — Мари не хотелось встречаться с матерью Армана по одной причине — та, ревностно блюдя негласный статус Люсиль как невесты даже в её отсутствие, могла помешать поговорить с сыном наедине.

Сир Марсий хмыкнул:

— Готовится к отражению следующей ночной атаки. Напилась любимого успокоительного и почивает в гостевом крыле, там тише. В наших комнатах до сих пор занимаются окнами.

«Они ещё и раздельно спят? С таким-то характером — не удивительно», — брови невольно поднялись от удивления. На просьбу удалиться с Арманом, чтобы поговорить, сир Марсий кивнул, и отцы остались вдвоём, если не считать Вернера, невозмутимо замершего у дверей. Жанетту отправили к прислуге поболтать.

— Что на самом деле случилось? Сир Марсий до сих пор не в курсе политических интриг, поддерживаемых инквизицией? — Мари выпила махом всю воду и вернула кубок.

— Анри просил пока не делиться деталями, — Арман сделал приглашающий жест занять кресло, и гостыя им воспользовалась. — Говорит, что не могут выйти на нужный след,

им нужно время.

— А сир Анри понимает, что, пока они ищут нужный след, ты находишься в опасности? — Мари полезла в дорожную напоясную сумку, достала одну из сорванных с Лоуренса пуговиц и бросила её сидящему напротив Арману, тот ловко поймал мелочь.

— Что это? «Л. Р.», — юноша рассмотрел знакомый вензель. — Лоуренс? Откуда это у тебя?

Из сумочки возник сложенный лист бумаги и небольшой, с ладонь размером, мешочек.

— Я не могу ждать, когда инквизиция разберётся с *шутниками*. Мне одного хватило. Ночью Лоуренс, пьяный и слишком возбуждённый, заявился ко мне. Слава Владычице, в этот момент там находилась Жанетта. Это письмо Ленуару, передай ему, пожалуйста, раз он с тобой *разговаривает*. И это две порции «Истины Ирминсуля», зелья, которое заказывал старший инквизитор. Может пригодиться.

Арман вытащил один узелок, повертел в руках, понюхал:

— Что с ним делать?

Мари пересказала предупреждение Изель, юноша внимательно слушал, развязал тряпицу, щепотка измельчённых листьев, имеющая, по словам гостыи, небывалую силу, заинтересовала его. Понюхав листья, завязал их снова и убрал переданное, включая пуговицу Лоуренса, в ящик конторки.

— Если сопоставить факты, Лоуренс со своими шавками появился у нас раньше, чем у тебя, — Арман вернулся в кресло. — Они были в масках, но Лоуренса невозможно было не узнать. Пьян он не был, и всё же мне показалось, что я чувствую его запах на расстоянии. Они взломали мою надверную печать, но, благодарение Владычице, я успел проснуться и подготовиться к их визиту. Вероятно, в команде Лоуренса не всё благополучно, кое у кого проснулась совесть. Иначе кому бы пришло в голову предупредить нас об их появлении? — уловив непонимающий взгляд девушки, добавил: — В окна полетели куски льда до того, как Лоуренс ввалился ко мне... Было немного весело, а потом проснулись родители и... Всё закончилось благополучно. Один момент меня немного беспокоит, я не знаю, хорошо это или плохо. Лоуренс знает, что у меня появился ментальный дар. Но ты была права, он пригодился. Благодарю тебя.

Арман, не вставая с кресла, церемонно кивнул. Многозначительная улыбка девушки, игравшей весь рассказ с носовым платком, не сходила с её губ. Что крылось за этим, юноша понял, когда после паузы гостыи сложила на коленях руки домиком и насмешливо, как ему показалось, посмотрела в упор на собеседника:

— Долг платежом красен, не так ли?.. Я знаю, что ты сделал... С твоей стороны это был непростительный поступок. Узнает сирра Элоиза, мне несдобровать, — Арман вопросительно поднял брови, и девушка заразительно рассмеялась. — Рассказывай теперь, как мне скрыть твой дар и прекратить пить воду вёдрами. Ты полтора года скрывал свои способности, настало время делиться опытом.

На левой щеке Армана от плутовской улыбки появилась ямочка, юноша не заметил, как пальцы Мариэль сжали платок, и не обратил внимания на её резкий вдох:

— Приключения сира Дролля Ригголо, ты помнишь эту книгу?

Девушка покачала головой:

— Я забыла про свой день рождения, а ты меня про книги спрашиваешь. Не помню. Дашь в дорогу почитать? Я тебе почтой верну.

Юноша поднялся:

— Конечно, сейчас принесу... — и в дверях остановился, тонко рассмеялся, — ты забыла про свой день рождения?

— Иди уже... за книгой! — беззлобно отмахнулась Мариэль.

Прошла минута, Арман не возвращался. Тогда Мари встала и, зевая в кулак, обошла комнату, рассматривая аскетичную обстановку поближе. Налила себе ещё воды, выпила её, как будто до этого весь день провела в пустыне, и прилегла поперёк кровати, рядом с изголовьем, и свесив ноги. Взяла одну подушку, поднесла к лицу, вдыхая запах. Вторая пахла более знакомо — подложила её под голову, зевнула ещё раз и прикрыла глаза. Арман всё не шёл.

— Проклятый Лоуренс, — подумала сонно, — хоть бы не уснуть...

Однако уставшее тело всё-таки отключилось и проснулось, когда стукнула дверь. Хозяин комнаты приблизился с книгой. Мариэль протянула руку:

— Поднимите мне веки, пожалуйста.

— Не хочу, — Арман вложил в протянутую руку книгу и растянулся рядом. — Прости, что задержался: долго искал, отец недавно перебрал всю библиотеку.

— Что они там делают, кстати? — вяло поинтересовалась Мари, кладя книгу себе на живот.

— Сир Марсий угощается, отцу вчера из Люмоса привезли заказ, — Арман шумно зевнул, за что получил удар подушкой по лицу, и та сразу отправилась под голову.

— Тогда это надолго, — имея в виду гастрономические склонности отца, вздохнула Мари, поёрзав спиной, — можно даже успеть выспаться... Кстати... (зевок) у тебя появился соперник.

Арман вопросительно повернулся на бок:

— Ты о чём? Или о ком?

Мари не торопилась с ответом, хотя взгляд юноши, так казалось, сверлил её левый висок с руной:

— Антуан получил наследство от бабушки...

— И что в нём?

— В нём были сладости и три ма... мало изученных фрукта, — она фыркнула и не выдержала, снова рассмеялась. Кое-как успокоившись, с остатками смеха в голосе продолжила. — Антуан загорелся идеей вырастить сад из этих фруктов, разбогатеть и, я подозреваю, жениться на Люсиль, покорив сира Аурелия тем, что тот так любит — золотом.

Арман посмеялся, но Мари полусерьёзно его осадил:

— На твоём месте я бы не недооценивала рвение моего брата.

— Охотно тебе верю...

Сонное состояние улетучилось, и Мари поднесла к глазам книгу:

— «Жизнеописание и приключения сира Дролля Ригголо, антимага и обманщика». М-м-м, название какое многообещающее! — Мари открыла книгу посередине, не выбирая страницу. — «... «И что же вы, сир Ригголо, не вкушаете этих нежнейших пулли?» — спросила хозяйка, наклоняясь ко мне так, что её пышные формы готовы были выпрыгнуть на одну тарелку к аппетитнейшим пулли с их задранными косточками ножек, как бы намекая на предрасположенность готовившей блюдо»... Гхм... «Я, в свою очередь, не мог и слова сказать. Молодое вино, так щедро влитое в мой бездонный бочонок, именуемый животом, выиграло, поднимая моё естество и тем самым отвлекая внимание от нежнейших пулли...» Готова поспорить, книгу выписала Люсиль. Это была твоя любимая история?

Арман подхватил заразительный смех:

— Нет, это было в библиотеке моего отца. А у тебя удивительная способность открывать книгу в *нужных* местах.

— Просто эту главу слишком часто перечитывали, книга сама на ней открылась.

Арман забрал потрёпанный томик из рук Мари после непродолжительной борьбы.

— Не отдам, ты мне дал её в учебных целях! — возмутилась она.

— погоди, я найду важный момент! — юноша откашлялся, переворачивая листы.

— Страница восемьдесят, пятая строчка сверху, — Мари перевернулась на левый бок, пальцем задерживая перелистывание. — Что там? Я снова нашла хорошее?

Арман перевернул несколько страниц и, то и дело поглядывая на слушательницу поверх книги, медленно начал читать:

— «... И понял я... что медлить больше нельзя... ибо недаром мне выпало это испытание... вознамерился я облобызать... возлэгшую рядом со мной... и готовую разделить со мной... радость плотских утех...»

Книга опустилась, пряча прочитанную страницу. На девичьем лице замешательство сменило ироничную улыбку. Арман подтянулся ближе, кладя голову на угол подушки, занятой Мариэль. Дыхание обоих не успело сбиться с привычного темпа окончательно, как неловкую затянувшуюся паузу разбила Мари, поднимаясь с перехваченной книгой. Восьмидесятая страница была открыта и строки прочитаны вслух:

— «Конь мчал меня до тех пор, пока мы не миновали границу этой проклятой богами деревни...» Ты меня обманул! — возмущённо с долей удивления воскликнула Мариэль и ударила книгой юношу по плечу. — Несчастный! Ты меня обманул! Меня!..

И книга второй раз приземлилась на обманщика, поморщившегося и зашипевшего от удара. Юноша закатил глаза и схватился за место удара, застонал.

— Что такое? — шутливость моментально испарилась. Тревожно заглядывая в страдальческое лицо Армана, Мари спросила: — Лоуренс опять тебя потрепал?

— Немного... — пробормотал юноша, поглаживая грудную клетку.

Мари отбросила книгу и потянулась к пуговицам на камзоле, отталкивая руку Армана:

— Не лезь!.. Попадётся мне ещё раз, я его твоей водой задушу!

Пуговицы на камзоле были расстёгнуты, Арман приподнялся, чтобы легче было задрать рубашку... Грудь и живот с убегающей вниз полоской волос оказались чистыми, без намёка на повреждения. Мари сжала губы и занесла руку с кулачком, готовясь нанести раны, которых и в помине не было:

— Ты когда научился так врать?! Актёр! Ты используешь мой дар мне же во вред, не могу этому поверить! Отдай его назад, немедленно!

Юноша перехватил удар и молниеносно перекатился, подминая под себя пискнувшую девушку. Только хруст, раздавшийся под Мариэль, не дал прикоснуться к испуганным губам.

— Что я сломал? — спросил тихо.

— Н-ногу, — так же тихо ответила Мариэль, но уголки её губ поползли вверх.

Воспользовавшись замешательством, она оттолкнула юношу и соскочила с кровати. В комнате поплыл резкий аромат духов:

— Матушкин подарок! — вытащила из напоясной сумочки намокший футляр и расстроилась. — Что ты наделал!

— Дай посмотрю! Прости, я же не знал... — принявший вертикальное положение Арман, протянул руку.

Через весь гранённый флакон безнадёжно пролегла трещина, позволяя душистым каплям щедро сочиться на пол. Мариэль держала стекляшку двумя пальцами за горлышко, как нечто опасное, испуг в глазах казался неподдельным.

— Чудовищно! Я буду пахнуть с ног до головы, как парфюмерная лаборатория! — пробормотала она, не зная, что делать с утратой. Откуда было знать Арману, что после перевоплощения в Мароя, впитавшийся запах мог погубить дело?

Юноша подставил руку под капли:

— Подожди, сейчас соберём, у меня где-то был флакон...

— Ну, уж нет! — Мариэль мстительно подошла к кровати, вытащила стеклянную крышку и перевернула флакон над постелью, беспрепятственно, под весёлым взглядом Армана, выливая последние капли на покрывало и подушки. — Это тебе в наказание за обман!

Но как только пустой флакон полетел к изголовью, а девушка потянулась за оставленной на кровати книгой, мускулистые руки перехватили её за талию и привлекли к благоухающей кровати:

— Отпусти! Я... мне нельзя сильно пахнуть! Я не выветрюсь! — но её аргументы сместили ещё больше. — Отпусти!

Истеричные нотки заставили руки разжаться и дать сбежать. Мари сердито поправляла платье и причёску, не глядя на безмятежно лежащего юношу:

— Надо было сразу поговорить и уехать!

— Это так она работает? — Арман улыбался. — Твоя руна. Прости, я хотел проверить.

Руки Мариэль опустились, вопрос привёл её в замешательство, а объяснение поступка выбило почву из-под ног. В глазах стало горячо, на плечи будто навалился неподъёмный груз.

— «Проверить»? — прошептала она, и губы задрожали: — Я... Мне надо идти... Прощай!

Он догнал её возле двери, потускневшую враз и снова напомнившую об обиде, нанесённой недавно, привлёк к себе, порадовавшись, что она не отталкивает, значит, простит быстро и не наделает глупостей снова. Уткнулась в плечо, и он замкнул руки на её спине, боясь спустить ниже, чтобы не спровоцировать. Просто ждал, зная: всё расскажет сама.

— Сначала я хотела написать тебе письмо, но... не смогла, — голос звучал глухо и еле слышно. — Когда Некромант сказал, что ты никогда не сможешь выполнить условия моей клятвы, я потерялась... Наверное, надеялась... Я верила, что Люсиль украла тебя у меня, что она играет тобой, как и остальными. И я должна была спасти тебя от неё, от этой мишуры и фальши. А потом задумалась и поняла: это у нас всё было неправильно, не так... Как прекрасный морок... Тебе не нужно это всё. Тебе не нужна я — и с этим я пытаюсь смириться, но пока плохо получается... Потому что знаю: больше никогда не смогу тебя обнять. Не будет больше фальшивых поцелуев, чтобы обманывать себя...

— Про какие фальшивые поцелуи ты говоришь? Это ещё что такое? Чего придумываешь? — с недоумением оборвал её Арман, отстраняясь и пытаясь заглянуть в лицо той, что была ниже его на голову.

И Мари перечислила: первый раз — из жалости, второй — под принуждением, третий, в гроте де Трасси, — ради спасения, четвёртый — под уговорами друзей, пятый — условие Некроманта, чтобы выбесить Анри...

Арман вынужден был согласиться, и впервые совесть уколола так больно за совершённое, слишком много было сделано неправильно.

— Что же нам делать? — спросил растеряно.

Девушка подняла лицо:

— Ты сказал «нам»?.. Я хочу тебе кое-что показать, — она потянула его к банкетке. Усадила, поправила колени Армана, соединяя их, и села верхом, обхватила руками лицо юноши, бессознательно поводя большими пальцами по щетинке, прижала свой лоб к его, — я покажу тебе, что чувствую...

Ментальная магия всколыхнулась, с удовольствием получив сложную задачу, подключила свет Владычицы для лучшей передачи картинок — и в сознание Армана хлынула весенним потоком проснувшейся речки, понесла по течению вместе с обломками льдин, мусором и потоком ледяного серебра.

Воспоминания детства и более поздние. Сначала — нежность. Потом — взрыв эмоций. Боль. Страх за него. Собачье поклонение и смирение ради редкого взгляда и улыбки. Желание обладать, неуёмное, отключающее разум и границы дозволенного. Готовность защитить любым способом и презрение к собственной смерти...

— Ты всё увидел? Где здесь «мы»? — она с горечью отодвинулась, попыталась встать, но чужая рука удержала, прижимая через несколько юбок, собравшихся складками на бёдрах.

— Подожди, дай мне минутку, — хрипло попросил Арман, отирая выступившие капли со лба. — Так невозможно чувствовать. Я... подозревал, но... Не умею... Прости... И я... запутался, шархал побери!.. Возьми мои воспоминания, посмотри сама, иначе я не смогу объяснить.

Он требовательно взял её руки и вернул к своему лицу:

— Ты должна всё знать!

Мари колебалась, и лишь необходимость сделать что угодно, лишь бы не потерять голову от близко находящихся темнеющих серых глаз, ожидающе поднятых бровей и полураскрытых губ, — только чтобы избежать искушения, согласилась:

— Хорошо, но ты сам должен помочь, без тебя не получится. Направь ментальную силу на меня, — она прикоснулась лбом, — сделай это, ради Владычицы, быстрее, я... не могу...

Они, поглощённые передачей воспоминаний, не услышали стука в дверь. А затем Вернер тихо ступил в комнату, открыл рот для приготовленной фразы и остолбенел от увиденного.

В густом аромате женских духов, заполнившем комнату, они сидели лицом к лицу. Девчонка верхом на коленях молодого сира — непозволительно для невинной сирры! Но Вернер быстро догадался: ничего, во всяком случае, пока предосудительного не происходит. Оба закрыли глаза и прижались лбами друг к другу. Вернер поднял ладонь, направляя её в сторону парочки, — так и есть, колебания магической вязи ударили по пальцам. Передача явно была обоюдная, ментальная... Но у сира Армана не было такой магии, значит...

Неровное дыхание сидящих напомнило Вернеру о том, что третий — лишний, и слуга бесшумно отступил в коридор, оставляя за собой приоткрытой дверь. Единый выдох пары дал понять: то, что видел нечаянный свидетель, окончилось. И Вернер замер у стены солдатом на карауле, выполняя поручение сира Марсия.

Мариэль отёрла своей ладонью капли пота на лбу Армана, воспоминания которому

дались нелегко:

— Всё будет хорошо, — обняла его и устало положила голову на мужское плечо. — А что это за вспышки страшные? Лошадь, лабиринт, женщина...

— Любимые кошмары, — усмехнулся Арман, благодарно погладив спину девушки.

Прошлое Армана так разительно отличалось от её воспоминаний: море любви у де Венеттов и аскетичное, если не сказать жестокое, отношение к единственному сыну. Нежность к нему, мальчику, вдруг резко иссякла, едва он начал взрослеть. Можно было не сомневаться, что Арман получил прекрасное образование и воспитание, но какой ценой! Как будто его готовили к чему-то... (Страшному? Опасному?)

«Ничего, разберёмся и с кошмарами тоже!» — Мари пообещала мысленно другу. Вслух же сказала:

— Ничего, это обязательно пройдёт. Я уверена.

Вернула ладони к вискам Армана, обхватывая его лицо и последний раз заглядывая в него, ласково и добро:

— Мне пора, — нежно поцеловала кончик носа напротив и отстранилась, чтобы встать. — Береги себя... и свой нос, ради меня. Потому что он — моя самая любимая часть в тебе, чтобы ты знал.

Мужские руки отпустили её, скользнув по талии:

— Когда вернёшься?

Девушка промолчала, поправляя юбку дорожного платья внизу. Шутливо напомнила:

— А ты мне так и не сказал, что делать с жаждой. Как от неё отделаться?

Арман поднялся, снял камзол, усмотрев на нём болтающуюся на нитке пуговицу, заправил рубашку, подошёл к шкафу, достал оттуда другой камзол, тёмного цвета, как и предыдущий:

— Никак. Вода сама успокоится в тебе, полностью подчинится, и всё пройдет. Можно плавать, если есть, где. Мне помогало полное погружение в купальне.

Мариэль кивнула, придирчиво осматривая дорожную сумочку, вытащила браслеты, некогда выданные сиром Фелисом Тирром, принялась. Показалось, что даже сурьянский металл пропитался ароматом вишни:

— Да, конечно, в Лапеше наверняка есть тёплые женские купальни. Спасибо за совет, обязательно попробую, — определилась не подвязывать сумку к поясу, а нести в руках, чтобы избавиться от неё сразу после визита к де Трасси. Подобрала книгу с кровати и обернулась к юноше. — Благодарю за всё. Не провожай меня, проветри комнату и, пожалуйста, передай мой поклон сирре Элоизе.

Грациозно сделала книксен и быстрым шагом направилась к двери. Неожиданное прикосновение рук к плечам заставило вздрогнуть, остановиться и вопросительно обернуться — Арман стоял достаточно далеко. Вспомнились комбат-де-бу и первый опыт в ментальном прикосновении:

— Быстро учишься, — подмигнула. — Прощай!

Дверь захлопнулась перед ней, а юноша преодолел разделяющее расстояние, схватил за плечи по-настоящему, руками:

— Обет невинности, «прощай» — мне не нравится твоё настроение! Ты опять что-то придумала?

— Ты должен дать мне уйти, — спокойно посмотрела в глаза, хотя внутри бесновался огонь, требуя эмоционального выброса. — Всё хорошо. Так надо.

— Что значит «так надо»? Зачем на самом деле едешь в Лапеш? — спросил прямо, рассматривая пристально. Лёгкая усмешка вместо ответа не устроила, и уже начинавшая ему подчиняться ментальная магия заподозрила неладное — Ты поступила в Лапешскую Академию?

— Да, бабушка договорилась. Не останавливай, не надо... Так будет лучше для всех, — упрямо повторила, пятясь к двери.

Вернер, ждущий в коридоре, моргнул от неожиданного хлопанья двери рядом. Закрывшись, она почти сразу снова распахнулась, и слуга сделал шаг назад, поворачиваясь на девяносто градусов, чтобы встретить выходящую девушку лицом к лицу.

— Ты с ума сошла? Или тебе кто-то подсказал это *умное* решение? — возмущённый голос Армана, а за ним последовал шелест резко повернувшихся складок юбки, — например, Анри?

— Да отпусти ты меня, что на тебя нашло?! Это! Моё! Дело!

Вернер невозмутимо ждал, чем закончится намечающаяся ссора; дверь в очередной раз захлопнулась, отрезав от фразы начало: «Я не позволю тебе ...»

Мари с испугом смотрела на Армана, перехватившего её за запястья и начинающего злиться. Но даже от такого грубого прикосновения до сих пор отлично державшееся самообладание отключилось. Мозг вяло посоветовал уточнить, что именно имеет в виду Делоне. Но Мари только облизала пересохшие губы. Огонь на эти приближающиеся сердитые глаза и цепкую хватку не мог иначе реагировать.

— Я не позволю тебе, Люсиль, Антуану — любому из вас — подстраивать свою жизнь под моё личное счастье или безопасность! Моя жизнь — это моя жизнь. Какого шархала ты должна приносить себя в жертву? Тебе всего девятнадцать! Что ты можешь знать о долге? Что ты можешь знать об обетах, которые даёшь? И что это за увлечение самоистязанием? Ты собралась принести себя в жертву ради моего благополучия? Отвечай, Мариэль Адерин Ригхан, шархал тебя побери! Это так?

Арман встряхнул девушку за плечи. Испуганный взгляд на побледневшем лице стал красноречивым ответом. Юноша не знал: Мари поняла так, будто во время ментальной передачи она неумышленно раскрыла свой договор с Вестником. Поэтому все планы рухнули вместе с мыслями — разом, в единую пропасть.

— Ты понимаешь, под чем подписалась?

— Да, — ничего длиннее она бы и сказать не смогла, в горле встал ком страха с шипами.

— И твоих родителей устроило твоё решение?

— Да...

Арман рыкнул, подтаскивая Мариэль, оседающую на ослабевших ногах, к банкетке:

— Сядь! — заметив, как она в который раз облизывает пересохшие губы, налил воды, протянул кубок, все ещё надеясь отговорить от эксцентричного решения. — У тебя блестящее будущее, твоя магия уникальна, это ты понимаешь? — Мариэль кивнула покорно. — Так, какого шархала ты собираешься разменять своё будущее и будущее своей семьи?

«Потому что ты мне и семья, и мать, и отец», — в голове промелькнула фраза одного героя, которого Мария не поняла тогда. А сейчас бы повторила не задумываясь.

— Потому что... это... моё решение, — она боялась поднять глаза. Метка Вестника молчала, очевидно, дожидаясь однозначного подтверждения нарушения.

Арман шумно и протяжно выдохнул через нос, медленно потёр переносицу. Думал, раздумывал, как более доходчиво объяснить очевидную глупость:

— Выбирай: или ты сейчас добровольно подчиняешься, и я снимаю с тебя обет — к шархалу Лапешскую Академию. Или принудительно, но тогда дедовским способом.

Мариэль сердито сверкнула глазами:

— Я под Ирминсулем его приносила, у тебя всё равно не получится!

— Получится.

— Нет, — она сделала попытку сбежать, но руки не только вернули её, но и подтянули ближе. — Это моё решение!

— Это *твоё поспешное решение*. Я потом в глаза сирре Иларии как буду смотреть? Значит, слушай. Я сейчас, — Арман говорил не шутя, — принесу клятву о том, что принимаю твой обет чистоты и готов взаимно принести такой же. Мы будем обручены, и нам будет дан испытательный срок на три месяца. За Люсиль не переживай: она поймёт и подождёт. За это время ни ты, ни я не сможем заводить отношения с другими партнёрами и давать другие обеты кому или чему-либо без обоюдного соглашения. Соответственно, ты можешь учиться, где угодно, только не в лицемерном валгофе* («проклятом месте»* — авт).

По истечении испытательного периода мы должны будем встретиться ровно день в день, в этот же час, и подтвердить или расторгнуть договор. Сразу предупреждаю, не приехать не получится. В свидетели возьму Белого Возницу, чтобы домчал тебя из Лапеша или другого места, где бы ты не находилась. До того времени ты либо одумаешься, либо я придумаю что-нибудь новое. Ни инквизиция, ни пуритане тебя не получат.

«Кто-о? Инквизиция и пуритане?» — машинально подумала Мари, начиная догадываться, что, вероятно, они оба говорили о разных вещах.

— Какой обет ты хотел снять? — голос вопящей интуиции, наконец, был услышан.

— Покорности судьбе, разумеется.

Мари молчала, пытаясь переварить сказанное и сообразить, что делать со всем этим. Перевела взгляд на часы над головой Армана и ужаснулась: прошло намного больше времени, чем она рассчитывала. Сир Марсий, поди, уже не знал, чем занять соседа.

И, понадеявшись, что чистая правда ускорила бы прощание, высказалась:

— Боюсь, что у тебя всё-таки не получится. Во-первых, я не имею понятия, как надо на самом деле приносить этот обет. — Арман нахмурился, напоминая ту минуту, когда она спонтанно поклялась на крови, поэтому сразу оправдалась: — Не переживай, я сделала выводы про свои поспешные решения...

Она подвернула обшлаг рукава, обнажая левое запястье с сохранившейся руной Чёрного Некроманта — древесными корнями.

— И в этот раз это была просто молитва с просьбой. Немного обещаю постараться сдерживать себя, чтобы стать достойной своей семьи... — девушка порозовела, — и твоего доброго ко мне отношения. Вот и всё. Я не могу отказаться от этого обета, потому что моя семья должна быть уверена в моём честном и правильном поведении... И ещё я не понимаю, о каких инквизиторах и пуританах ты говоришь. Никому из них я ничего не должна... Теперь ты меня отпустишь?

Напряжение сходило с лица Армана, оставляя лёгкое сомнение.

— Я не верю, что это ты, — наконец медленно признался он, протягивая руку и касаясь пальцев, сжимавших жёсткий угол банкетки, но они немедленно выскользнули.

— Если хочешь помочь, сними лучше это, — Мари повернула левую руку запястьем

вверх. — Чёрный Некромант не скоро вернётся, но я не хочу носить это напоминание своей глупости и твоей, прости, несостоятельности.

— Не понял, какой несостоятельности? — вмиг похолодевший тон показал, насколько сильно юноша был задет.

— Не обязательно сейчас и сегодня, — поправилась поспешно, — но если бы ты постарался... Я о том, что говорил Некромант.

После непродолжительной паузы Арман кивнул:

— Хорошо. Но я не совсем понимаю, что именно должен сделать. — Часы неумолимо торопили. Юноша поймал брошенный на них взгляд. — Покажи, как надо.

Мариэль неопределённо повела головой, то ли согласилась, то ли отказалась. Поднялась и сразу шагнула в сторону, чтобы избежать касания.

— Я думаю, тебе лучше об этом попросить Люсиль. Она с удовольствием научит. А я... и без того пытаюсь перестать быть навязчивой со своей одержимостью. Не обесценивай мои попытки, пожалуйста.

— Струсил? — в спину прилетело провокационное.

Её спас стук в дверь. Арман, не вставая с банкетки, снял печать и на чопорную фразу вошедшего Вернера о том, что сир Рафэль ожидает свою дочь, ответил:

— Передай, она скоро спустится, извинись от моего имени, скажи, что беседа безотлагательная.

— Боже мой, о чём ещё ты хочешь безотлагательно поговорить?! Я тебе показала больше, чем должна была! — Мариэль безнадёжно озиралась в поисках запасного выхода. — Этот день никогда не закончится... Я жалею, что заехала к тебе попроща...

Слишком неожиданно невидимая спираль в животе скрутилась от скольжения рук к животу. Громкое дыхание коснулось уха, а когда сухие губы захватили кожу на шее, сдалась — выгнулась, хватаясь за обе его руки, одна из которых поползла по шершавому рисунку ткани вверх, к корсету:

— Ар, отпусти, пожалуйста... Ты знаешь, что я чувствую к тебе, а я и так слишком долго продержалась...

— На прощание, всего пять минут, как тогда... — глухая просьба губами в висок под адажио пальцев на животе.

Отчего в эту минуту с телом происходило непонятное, незнакомое? Пересохшее горло больше не удивляло, слабость в теле тоже. Она хватала губами воздух, чувствуя себя утопающим, уходящим в водоворот.

Никогда ещё ощущения не казались такими острыми, откликающимися где-то внизу от прикосновения к шее и застёжке на лифе. «Лучше бы снова показало картинку с деревом!» — попросила ментальную магию отчаянно, но в этот раз видения упорно не хотели спасать. Отданная на две трети ментальная магия ослабела.

Цепкие пальцы внезапно сжали узкую дорожную юбку на бёдрах, а хриплый стон над ухом разорвал тишину, и она, подчиняясь движению всё той же спирали, — обернулась, сама потянулась к губам: утопающему жизненно необходим был поток воздуха, чтобы набраться сил и вытолкнуть себя на поверхность. Свой стон не узнала, как будто рядом находился некто третий, и губы малодушно разорвали поцелуй. В голову ударила гулко кровь: «Мало! Мало!» — зубы впились в подставленное плечо, кусая через тонкую ткань, не сильно, ровно настолько, чтобы ощутить живую реакцию чужого тела.

Рывок — невесомость — и мягкое падение на знакомую поверхность, пахнущую

матушкиными духами. Сверху спасительно накрыло телом. Мари замерла: от тяжести, в том числе и на животе, стало спокойнее — сделала то, чего в этот миг хотелось больше всего. Повторила движение Армана, досадуя на длинную узкую юбку, сковавшую ноги. Такую ненужную в этот момент и такую целомудренно спасительную.

Мокрый горячий лоб прижался к её, а истомлённый выдох доказал: Арман сдался, пожалел о собственной самонадеянности. Безуспешная попытка сдвинуть с места несколько слоёв юбки его отрезвила:

— Прости, — извинился, но в следующее мгновение от покусывания плеча он тихо засмеялся.

Мари открыла глаза и увидев над собой желанное лицо. Сощуренные серые глаза в обрамлении чёрных ресниц, нос с такой любимой горбинкой и почти не заметной ямочкой на кончике, свесившиеся влажные пряди на округлённых скулах. И сухие губы, приоткрывающие белоснежные, чуть крупноватые верхние резцы.

— Надо остановиться... Нельзя... — простонала, понимая всю опасность ситуации, но руки решили иначе — пропустили меж пальцев пряди на чужом затылке и, сжимая их, притянули лицо. Ещё минуточку, всего одну!..

Минуты три, пока пена накопившегося желания не выбежала, они терзали друг друга поцелуями, но вот движения губ замедлились — и юноша отстранился, чтобы стянуть с себя рубашку. Тёмный взгляд Армана напугал. Но ещё больше ужаснуло безмолвие височной метки. Как же так? Разве так можно? Обмен воспоминаниями отключил у гаранта невинности откат для подобного случая? И Мариэль испуганно вцепилась в рубашку, не давая снять её:

— Хватит! Нельзя!

«Где ты там, чёрт тебя дери, спишь?!» — выбрала ментальную магию, расслабленную, когда хозяйке нужна была помощь. Спит она...

«Да вот же, рядом», — лениво зевнула спасительная идея.

Пока она искала выход, Арман перекатился на бок, устраиваясь поудобнее и разворачивая девушку к себе лицом.

— Покажи мне себя, — попросил, придвигаясь ближе и касаясь лбом, как полчаса назад.

— Ты с ума сошёл! Меня ждёт... — она предприняла очередную попытку, но сопротивления хватило ровно до того мгновения, пока правая рука не поползла по спине, обжигая через ткань. Фон комнаты Армана вдруг поплыл, высветляясь.

Бездельничающая сила с любопытством откликнулась на родной призыв. Незнакомое белое пространство с развеваемыми ветром отрезами воздушной ткани. Напротив Арман, в рубашке, будто слепленной из миллиарда снежинок, и таких же коротких штанах.

— Покажи мне себя, — повторил, протягивая руку, с которой слетел рой снежинок, обнажая по локоть мускулы и незабудковую сетку вен на неестественно белой коже.

Мари опустила голову, рассматривая своё снежное платье с завязками на груди, крест-накрест и порхающими над ними снежинками-бабочками.

— Мириам, — позвал он, дотрагиваясь до завязок и пугая вспорхнувшие снежинки. — *Mariam fy maban annuwyl pois-h... Gadeh ymy gyffradh-h a hy, gadeh ymy foh ynn... Fonyhh wy annonlen-nu...**

Странно, но она поняла древний язык, помедлила, думая над ответом.

— Мириам... — с лёгким акцентом шепнул Арман, и она узнала своё имя, другое,

забытое.

— Аргирис... — откликнулась и не узнала свой голос, более тягучий, медовый, с хрипотцой. — Dagoisyn hai-hi**

Он не заставил себя упрашивать — бабочки разлетались медленно, открывая плечи, грудь, живот, чтобы она не торопясь рассмотрела его. Бёдра... Руки машинально сжались на затылке, хватаясь за короткие пряди. Не испугалась, — скорее, рассматривала с любопытством.

Арман приблизился, провёл рукой над её плечами, прогоняя снежное платье, распадающееся на бабочковые молекулы...

— Kaniata у ту***, — рука в белом видении коснулась обнажившегося тела, и реальное осязание напомнило о забытой пружине внутри.

«Давай!» — скомандовала ментальной магии, зависшей от интересного кино.

Продираясь сквозь пламя, прожигая губы и те части тела, к которым прикасались прохладные руки, через стоны, свои и чужие, упрямо направляла неторопливую, вязкую нить к затылку, в чужую память, — словно шла против урагана, срывающего с неё одежду и силу воли. Неужели ментальная сила настолько ослабела? Или же она не слушалась, желая увидеть финал истории, поменявшей вертикальный ракурс на горизонтальный? Снова лицо сверху, и кожу жжёт чужая кожа, задевая...

— Miriam, kaniata у ту, — просят губы её, рассеянную, раздираемую на два противоречивых чувства. — ... klyffarr-r-r****...

**Моя малышка, позволь прикоснуться к тебе, позволь владеть... Назови меня по имени...*

*** Покажи себя*

**** Позволь*

***** умница*

Боль пронзает: пружина сжимается под нажатием и одновременно включается метка Вестника. Словно в неё воткнули копьё — вдоль всего тела... Удушливый смрад проникает в лёгкие.

Пружина успевает дважды откликнуться, как вдруг Арман замирает, руки его опадают. Белое кино растворилось. Рядом со своим лицом Мари увидела его, погрузившегося в сон. Схватившись за плечо, она поднялась и поняла, почему невозможно дышать — по комнате плыли дымовые щупальца, кажется, от камина.

Две секунды, и она выплёскивает на смрад последнюю воду из кувшина, умножая её движением руки и затапливая угли грязью. Сразу после этого рывок рамы вверх — и живительный воздух врывается в комнату, колкий и желанный, как родниковая вода, выпуская дым, смешанный с ароматом цветущих вишен.

Мысли возвращаются к обычному своему состоянию, стыд захлёстывает. Словно не она позволила сделать всё это с собой. Обернулась на спящего Армана. «Аргирис?» — вопросительно вспоминает незнакомое имя. Укрыла его, заворачивая покрывало, чтобы не простыл на сквозняке, подхватила книгу, сумочку и, у двери оглянувшись назад, выскользнула в коридор.

Невозмутимый Вернер поклонился:

— Сирра Мариэль, позвольте сопроводить вас.

— Не нужно, сама спущусь. Там, — показала на дверь, — проследи. Что-то с вашим камином случилось, мы чуть не угорели. С Арманом всё в порядке, он просто спит.

Вернер повёл носом и метнулся в приоткрытую дверь, забывая о госте, припустившей по коридору к лестнице.

Бежать, бежать без оглядки! Пока не проснулся, не вспомнил, не догнал! По дороге отправила свет и воду залечивать зуд на истерзанных губах, снимать розовую кайму.

Влетела в гостиную. Отец, стоя у окна, внимательно рассматривал рисунок на ножнах от длинного клинка. При появлении дочери сразу отложил интересный предмет.

— Простите, мы немного увлеклись разговором о любимых книгах, — приказывая себе не краснеть, робко ответила она и подняла томик повыше.

— Благостного дня, сирра Мариэль, — знакомый голос откуда-то сбоку повернул к себе.

— Благостного дня... сир Анри... сир Оливер, — пробормотала она, всё-таки краснея — не от стыда, так от неожиданности. — Поздравляю вас с новым статусом, господин старший инквизитор.

Сир Марсий хмыкнул, разглядывая Ленуара, словно только что его увидел. Анри поморщился:

— Это вынужденная мера, сирра Мариэль. Я не хотел афишировать новость.

Мари кивнула и обернулась к отцу, стоявшему рядом, подала ему руку:

— Едем, отец?

Рафэль коротко поклонился собравшимся господам:

— Да, уважаемые, был рад всех видеть. Жду вас всех к четырём. До встречи.

— Увидимся, — кивнул Анри, сдержанно кивая то ли г-ну де Венетту, то ли Мариэль.

Сир Марсий отправился провожать гостей. В коридоре навстречу гостям попала сирра Элоиза, несколько томная после сна. Девушка обняла её, недовольную, прощаясь. Так мать Армана её не простила...

С сиром Марсием всё получилось гораздо сердечней.

— Возвращайся, дочь моя, скорее, — подмигнул он, не вытаскивая больших пальцев из карманов жюстокора.

— Сир Марсий был твоим отцом-наставником в детстве, — рассмеялся отец, увидев смущённую реакцию Мариэль.

«Ну, теперь всё понятно», — хмыкнула ментальная магия, и девушка улыбнулась мужчине в ответ.

— Как же вы долго, госпожа! — шепнула Жанетта, усаживаясь рядом в холодную повозку и растирая ладони, чтобы нагреть воздух внутри до приемлемой температуры.

— Так получилось, — Мари провела рукой по стеклу, успевшим украсить морозным узором.

У ворот стояли сир Марсий и Вернер. Она подняла глаза вверх, высматривая знакомое окно. В нём Арман, кажется, застёгивая камзол. Не удержалась, скосила глаза, высматривая белую полосу сложенного снега, у края дорожки, приложила руку к стеклу — и в окно наблюдающего за отъездом полетел крылатый снежок.

— Ох, и девка! — хмыкнул сир Марсий, заметив эту манипуляцию. Бросил взгляд на цель снежного снаряда, и посуровел. — Увеличить нагрузку вдвое. Через неделю — вчетверо.

— Полагаю, что особой необходимости, господин, в этом нет, — флегматично возразил слуга.

— Порадуй.

— Я видел обмен ментальной магией. Не сомневаюсь, что имела место быть одна из инициаций.

Сир Марсий задумчиво смотрел на ворота, закрываемые дворовыми слугами, выпустил длинное облачко морозного пара изо рта. Несмотря на яростный мороз он и Вернер не накинули на плечи тёплых плащей. Делоне развернулся и зашагал к лестнице, лёгкая ухмылка, переходящая в сдерживаемую улыбку, всё же растянула губы. Но стоило ему зайти в приёмный зал, привычная противоречивая смесь эмоций — иронии и холодности — вернулась на лицо.

Он даст девчонке отдохнуть, пусть хоть до цветения Владычицы гуляет. А затем лично, если Рафэль заартачится, поедет за ней. Без брачной инициации самый щедрый подарок — обманка. Не закрепить хотя бы обручением — новый дар уйдёт. К тому моменту сын расстанется с золотой малышкой, которой даже в голову не пришло поделиться порталным даром. Но это будет чуть позже, через три-четыре месяца, а пока нужно уточнить версию Вернера...

У ворот де Трасси Мари попросила отца и Жанетту подождать, не заезжая на территорию:

— Клянусь Владычицей, на этот раз не обману! — выскочила с сумочкой в руках. — Я только подарок отдам.

Сир Рафэль недоверчиво смотрел вслед бегущей дочери. Пересел внутрь повозки, чтобы не замёрзнуть.

— Жанни, что тебе моя дочь рассказала? — порадовался, как внутри тепло, и расстегнул плащ.

Компаньонка пожала плечами:

— Простите, сир Рафэль, ничего особенного. Сказала, что разговаривали о книгах Лапеше. Спросила меня, что такое Лапешская Академия и какое отношение к ней имеют инквизиторы и пуритане. Говорит, Арман решил, будто она собралась там учиться.

Сир Марсий осенил себя спасительным знаком:

— Упаси, Владычица, от судьбы попасть туда! Не хватало нам этих одержимых фанатиков! И что же ты ответила?

— То же самое, сир Рафэль. Госпожа много смеялась.

Мариэль в этот раз не задержала, действительно, вернулась быстро. Поздороваться с радостной Люсиль, взгрустнувшей от расставания; перекинуться парой фраз и надеть на неё браслеты — на всё ушло пять минут. Сколько, оказывается, полезного можно сделать за это время! Не то, что с Арманом, дай ему волю...

В Лапеш добрались через час езды по самым разным дорогам — от гладких, на территории де Трасси, до бугристых, заброшенных равнодушными хозяевами. Мариэль, не помнившая Лапеш, с особенным любопытством взирала на относительно большой город с домами, выкрашенными в разные цвета.

В порталной гостинице сняли комнату, чтобы отдохнуть перед перемещением. Жанетта попрощалась с сиром Рафэлем, ссылаясь на то, что брат уже ждал её в Нортоне. И господин Венетт отпустил волнующуюся компаньонку своей дочери.

Пока Мариэль отдыхала, отец успел наведаться в местную кондитерскую, прикупить

сладостей для домашних; зашёл в лавку друидов, где заказал большие горшки и вспомогательную питательную смесь для растений. В предвкушении представлял, как выглядят деревца, на которых растут те чудесные оранжевые плоды, дар покойного сэра Рэя. В том, что тот давно умер, сир Рафэль не сомневался. Дочь предложила своё название для незнакомого плода — цитрус, и сир Рафэлю, шархал дери, оно понравилось!

В дверях гостиницы столкнулся со светловолосым юношей, спешащим на выход. Мальчишка придержал покачнувшийся свёрток сира снизу, извинился и проскользнул на улицу, зашагал по ней бодро и глаза по сторонам.

Лабасс Марою понравился. Деловитый, относительно малолюдный и приветливый. На Рене смотрели благосклонно, прохожие ответно улыбались юноше, готовому засмеяться от чувства парящей свободы. Перед ним распахивался целый мир, до сих пор ограниченный несколькими комнатами трёх замков. За тринадцать дней не получилось полностью исследовать даже родной дом.

В мире Люмерии, основанной светом много сотен лет назад, до сих пор развивавшейся, но уже окрепшей, простой лумер имел больше свободы, чем аристократ, скованный социальными предубеждениями, тщеславием и демонстративным соблюдением традиций. Это казалось обидным.

Марой рассматривал надписи на лавках, иногда заходил внутрь, чтобы полюбоваться на товары. Гостиничный номер на имя Рене Мароя, рядом с тем, в котором остановилась дочь графа де Венетт, был оплачен на пару часов. За это время Рене нужно было успеть прикупить кое-какую мелочь, разумеется, для начала найти соответствующую лавку, и вернуться, не заблудившись в цветном лабиринте улиц.

В магазинчике мелких аксессуаров помощница лавочника Флавия, девчонка лет пятнадцати, зарделась от вопросов любопытного покупателя, попыталась строить глазки и выяснить, откуда Рене Марой, волею какой судьбы оказался в Лабассе и надолго ли. Но стоило ему снять шапку, упарившись в тёплом помещении и провести по взмокшим волосам, как девчонка погрузнела.

— Двадцать шесть сибериусов с вас, господин Марой, — положила на прилавок пакет с кожаными браслетами, шнурками, подвеской и прочей мелочью и вздохнула. — Вас украсит наш товар, и ваша госпожа останется довольной.

— Какая госпожа? — Рене положил необходимую сумму рядом с пакетом, остальную убрал в кошель, купленный здесь же.

— С которой вы обручены, сир Рене, — Флавия записывала в огромную книгу проданный товар.

— С чего вы, милая Флавия, решили, что я обручён? — хмыкнул юноша, подозревая девушку в кокетстве.

— Извольте шутить над глупой девушкой, сир Рене?

— Отнюдь.

Флавия нахмурилась, передёрнула плечами и повернулась к полкам возле места продавца, поправляя висящий товар:

— Грешно шутить над невинными девушками, когда у вас на видном месте руна привязки.

Юноша попросил зеркало. На виске к руне, появившейся после данного обета у Ирминсуля, добавились детали. Теперь символ дерева — вертикальная линия с двумя отросткам вверх — имел корни: две короткие, но яркие полосы, идущие от «ствола» вниз и

напоминал букву «ж».

Он забрал товар, извинился перед помощницей лавочника и вышел на улицу. Запах сдобы привлёк к себе внимание, живот отозвался на сытный аромат, и юноша зашагал в сторону аппетитной лавки. Оставался час до отправки через портал в харчевню, что находилась недалеко от де Венеттов. В свете появившегося нюанса нужно было подумать спокойно. И сделать это за кружкой горячего душистого отвара и сладостей будет гораздо проще.

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Авторский мир в книге «Тайна Ирминсуля».

Бестиарий, топонимы и другое

Основные сведения:

Люмерия — страна света, основанная **Белой Владычицей** много веков назад. Столица — **Люмос**. Живёт по **Канонам Владычицы** (местная Библия).

Ирминсуль Королевский — дерево, выросшее на могиле Белой Владычицы. Один из главных источников магии.

Ирминсулиум — символ Ирминсуля и его территории.

Ирминсуль Лабасский — дерево, саженец, выросший из семени Королевского Ирминсуля. Был посажен в Лабассе сиром Алтувием Трасси.

Волчье Логово — водопад с одноимённым названием, находится в Лабассе. Источник древней магии, его хранителями являются серебристые волки. 100 лет назад они исчезли, никто не знает, по какой причине. С тех пор вода в водопаде потеряла свою истинную силу.

Иль и Эль — два небесных светила (луны), олицетворение мужского и женского начала.

Лония — река («источник» с др. яз.), от неё берет название графство Делоне, через которое протекает на восток Лония.

Лабасс — одна из северных провинций Люмерии. Севернее его находится **Нортон**.

Сурья — остров недалеко от юга Люмерии. Богат на месторождения кристаллов, способных накапливать энергию. Из кристаллов делают в том числе накопители, очки для инквизиторов, чтобы рассматривать магические потоки, и браслеты для сдерживания неконтролируемой магии.

Лапеш — южная провинция Люмерии. Находится рядом с Сурьей.

В Лапеше есть **доакадемическая Эколь** — для всех имеющих слабый дар. А так же **Лапешская Академия**, из которой выпускаются воины, инквизиторы, пуритане (жрецы) и др. Обыватели считают их сумасшедшими фанатиками.

Лумеры — жители, не имеющие основного магического дара (бытовой не считается). Лумерами могут быть как простые, незнатные жители, так и аристократы.

Октагон — праздничная неделя зимой. В календаре имеются две таких недели, обе посвящены Белой Владычице и считаются самыми магическими. От 1 дня второго октагона отсчитывается совершеннолетие получивших дар. Во вторую неделю аристократы занимаются благотворительностью.

Комбат-де-бу — игра аристократов. Её суть — сражение двух сторон с помощью грязи. Побеждает тот, кто остаётся самым чистым в финале. Игра также является традицией: официальный повод для прислуги посмеяться над хозяевами. Обычно проводится летом, в тёплое время года.

Инквизиторы — служба безопасности Люмерии. Не являются по большому счёту карательным органом. Их задача — помогать жителям в разных вопросах, связанных с магией, контролировать осознанную магию, расследовать преступления и ловить преступников.

Белый бал — проводится во вторую неделю зимних празднований. Повод для молодых людей познакомиться и узнать о магических дарах друг друга через поцелуи.

Сферы — шары из сурьянских кристаллов. Могут записывать «видео», являться транслятором музыки.

Закон невмешательства — был написан Хранителем Королевского Ирминсуля. Суть закона — не вмешиваться сознательно в predetermined, наказывается жестоким откатом. Все события должны завершаться естественным путём.

Бонджо — татуировка в виде ока. По поверью южан, она способна защитить от удара в спину.

Эколь — сельская пригородная школа для бытовиков из незнатных семей, после неё для лумеров, обладающих бытовым даром, проходит трёхлетний курс наёмниц.

Возраст совершеннолетия — чаще всего это 18 лет. К этому времени большинство магов получают дар. Крайний срок — до 21 года, после этого возраста магия не проявляется и люмериец признаётся лумером. Браки создаются после совершеннолетия, обычно после 21 года.

Брак может быть создан, если один из супругов совершеннолетний, то есть исполнился 21 год, прошёл все супружеские испытания. Каждый случай рассматривается пуританской комиссией отдельно.

Поцелуй — один из способов взаимодействия магий. Супруги могут обмениваться даром (частично, не полностью), таким образом усиливая семейную магию.

Лексикон с нашей аналогией:

Шархал — чёрт, проклятое существо.

Валгоф — проклятое место.

Легаж — игра в карты, типа «Дурак»

Ажуте — постскриптум.

Энон-эрит! — да будет так (древний язык) = Аминь

Бейлар — магический шар, чаще имеется в виду огненный.

Пища:

Пулли — мелкие курочки.

Пуаре — лёгкое вино, изготавливается в винограднике де Венеттов в том числе.

Марсала — крепкий напиток, от которого хорошо спится, что-то вроде горячего вина, производится на королевских виноградниках.

Бестиарий:

Вестник — продажный судья, наказанный Чёрным Некромантом. Вестник является гарантом тёмных сделок между заказчиком и исполнителем. В случае невыполненного заказа исполнителя ожидает смерть. Исполняет одно желание исполнителя, может являться для помощи и ответов на вопросы трижды.

Чёрный Некромант — один из основателей Люмерии, ученик Белой Владычицы.

Сначала назывался Белым, но проклятые души, которые он заключил в свой посох, очернили его. Любопытен, развлекается за счёт человеческих драм.

Ханс-Свист — персонаж детской сказки, в детстве упал и выбил один передний зуб.

Доблестный сир Курсунь — знаменитый путешественник и герой. Его биография входит в список обязательных книг при подготовке к Академии.

Сир Дроль Ригголо — персонаж приключенческого романа «Приключения сира Дроля Ригголо, друида и обманщика, его жизнеописание во время путешествия по стране антимагов».

Ратты — подобия крыс.

Манконы — слепые зверьки, живут в пещерах, где нет света.

Найла — некое глупое животное, аналог козы.

Куль — толстое, неповоротливое животное, похожее на моржа. Ассоциируется с глупостью. (Вот я глупый куль!..)

Абитат — хитрая магическая тварь, похожая на кошку, имеющая шерсть с качеством хамелеона. Абитата сложно заметить на поверхности, т. к. он сливается с пространством. Обладает интеллектом.

Огнеплюйки — твари, с помощью которых в Академии обучаются защите от магии огня.

Валюта:

Сибериус — монета среднего достоинства

Гольден — золотая монета = 100 сибериусов